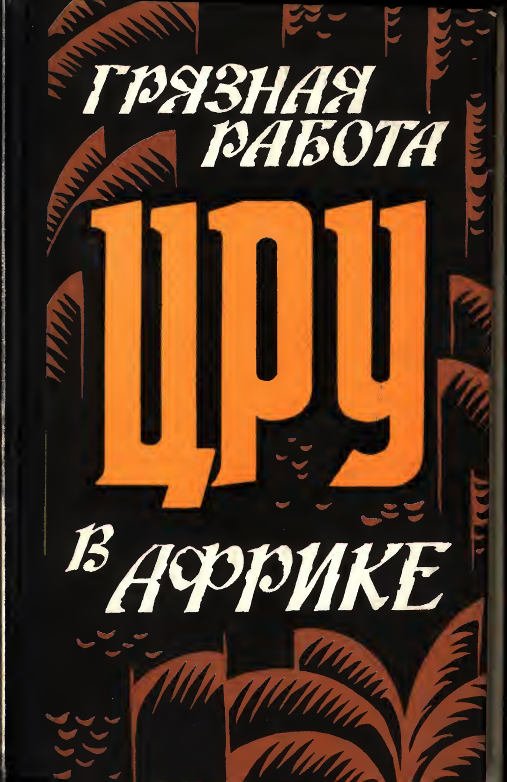

ГРЯЗНАЯ
РАБОТА
ЦРУ
В АФРИКЕ

CIA

CIA

ГРЯЗНАЯ РАБОТА

В АФРИКЕ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Составители Э. Рей, У. Шаап, К. Метер и Л. Вулф

Перевод с английского
В. В. Борисова

Москва
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

ББК 63.3(2)7-4
Г92

DIRTY WORK

2

The CIA in Africa
Edited by

ELLEN RAY, WILLIAM SCHAAP, KARL VAN METER
and
LOUIS WOLF

Preface by Sean MacBride

LYLE STUART INC. Secaucus, N. J.

Г $\frac{0804000000-153}{068(02)-83}$ 60-83

Шон Макбрайд

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шон Макбрайд — лауреат Нобелевской (1974 г.) и Ленинской (1977 г.) премий мира. В 1978 г. получил американскую медаль справедливости. Еще юношей принимал активное участие в ирландской революции, был министром иностранных дел Ирландии и ее представителем в Организации Объединенных Наций. Впоследствии работал в качестве комиссара ООН по Намибии, а в настоящее время является президентом Международного бюро мира в Женеве.

Прежде чем принять предложение написать предисловие к этой книге, я колебался. Это было связано со многими соображениями различного характера. Но, тщательно взвесив их, я решил, что написать это предисловие — мой долг.

В чувстве долга, заставившем меня взяться за это предисловие, можно выделить пять различных аспектов.

Во-первых, это моя глубокая привязанность к Соединенным Штатам и американскому народу и мое огромное восхищение ими. Я пришел к выводу, что все те ценности, которые породили мое восхищение американским народом, сейчас подрываются тайными операциями ЦРУ и других секретных служб. В течение всей своей истории американский народ великодушно и искренне откликался на призывы тех, кто был вынужден покинуть свою собственную страну из-за преследований, голода или нищеты. Миллионы моих соотечественников, гонимые от родных берегов голодом и преследованиями, искали и нашли новую жизнь и свободу в Соединенных Штатах.

Для многих групп населения Соединенных Штатов имеют весьма реальное и драматическое значение слова, высеченные на пьедестале статуи Свободы у входа в Нью-Йоркский порт:

Пусть придут ко мне твои усталые, нищие,
Твои мятущиеся толпы, жаждущие дышать свободно,
Отчаявшиеся отбросы твоих переполненных берегов.
Пусть придут бездомные, разметанные бурей.
Я подымаю факел у золотых ворот.

Мир смотрел на Соединенные Штаты как на золотые ворота, у которых горел факел свободы.

Не один раз Соединенные Штаты щедро помогали другим странам, которым угрожал голод или стихийные бедствия. Сохранение этой великой традиции важно не только для американцев, но и для всех свободолюбивых народов мира.

Но я считаю, что выживанию этой великой демократической страны сейчас серьезно угрожают тайные преступные действия Центрального разведывательного управления и других связанных с ним секретных служб. Чтобы защитить Соединенные Штаты от этой серьезной опасности, важно полностью разоблачить перед народом Америки деятельность этого секретного ведомства.

Во-вторых, я беззаветно верю в демократическую систему правления. В мире демократии конституция Соединенных Штатов может быть бастионом гражданских свобод, и она уже доказала это.

Однако демократия и законность не смогли бы существовать бок о бок с государственным ведомством, занимающимся различными тайными операциями —от политических убийств до создания армий наемников. И даже если сейчас кое-кто пытается несколько ограничить деятельность ЦРУ и других разведывательных служб США, сами понятия тайного правительства и армии внутри правительства представляют угрозу для демократической системы.

В-третьих, существование обширного разведывательно-полувоенного комплекса, который представляют собой ЦРУ и другие разведывательные ведомства США, ведет к тому, что политики, законодатели и представители исполнительной власти начинают зависеть от разведывательных оценок этих ведомств. Это крайне опасно. Это вполне может означать, что внешняя политика страны будет формулироваться на основе разведывательных оценок, которые отнюдь не надежны и не точны. Может статься, что вся внешняя политика Соединенных Штатов будет зависеть от оценок, сделанных агентами, не имеющими необходимого опыта или соответствующей подготовки. Многочисленные известные ложные оценки, данные ЦРУ и другими разведывательными ведомствами Соединенных Штатов, подтверждают ненадежность подобной системы. Это положение хорошо иллюстрирует последний случай с Ираном: оперативные работники ЦРУ были настолько тесно связаны с САВАК и шахским режимом, что не смогли разобраться в событиях, происходивших в Иране, и ввели в серьезное заблуждение

правительство Соединенных Штатов в отношении этого важного района мира.

В-четвертых, посылка наемников и другие подобные виды помощи некоторым странам, ставшие излюбленным способом действий ЦРУ, нанесли неслыханный ущерб престижу Соединенных Штатов и их влиянию в мире. И не только это. Во многих случаях такие действия становились одним из факторов, заставлявших Соединенные Штаты предоставлять оружие, деньги и политическую поддержку прогнившим режимам или движениям, не пользовавшимся никаким доверием. Так, через ЦРУ Соединенные Штаты стали инструментом свержения греческого демократического правительства и установления в Греции жестокого и продажного военного режима. Подобным же образом Соединенные Штаты оказались замешанными в свержении правительства Чили, убийстве Альенде и установлении диктатуры Пиночета. Сообщниками ЦРУ были ПИДЕ в Португалии, САВАК в Иране, БОСС в Южной Африке, все диктаторские режимы в Латинской Америке. Кроме того, ЦРУ использовалось английскими, французскими и западногерманскими секретными службами — или само использовало их — для осуществления тайных операций в других частях мира.

В-пятых, в мире, балансирующем на грани ядерной катастрофы, дезинформация, тайные операции, политические убийства, использование провокаторов и дестабилизация правительств могут легко привести к «просчетам, сумасшествию или случайностям», на которые президент Кеннеди ссылался как на опасные факторы, угрожающие уничтожением человеческого рода.

В подобных ситуациях ЦРУ и другие разведывательные службы правительства Соединенных Штатов легко становятся объектами манипуляции со стороны военно-промышленного комплекса и торговцев оружием. Взятки и незаконное влияние военно-промышленного комплекса и торговцев оружием привели к коррупции политических лидеров и дестабилизации правительств во всем мире. Когда речь идет об оценках, даваемых ЦРУ, и о военной стратегии, необходимо помнить о предупреждении президента Эйзенхауэра относительно той угрозы, которую представляет собой военно-промышленный комплекс.

Таковы пять основных причин, побудивших меня принять предложение написать предисловие к этой книге. Я считаю чрезвычайно важной для защиты гражданских свобод в Америке и во всем мире работу редакторов книги и их

коллег, а также вклад тех членов разведывательного сообщества, которым удалось избавиться от поверхностного представления, что, участвуя в этом широком тайном заговоре, они служили своей стране и делу демократии.

Хотя нельзя возложить на ЦРУ всю ответственность за вьетнамскую войну, это ведомство, несомненно, сыграло большую роль как в развязывании, так и в ведении этой самой пагубной и катастрофической из всех войн, которые вели Соединенные Штаты, войны, непоправимо подорвавшей престиж Соединенных Штатов и моральный дух американского народа. Ничто в истории Соединенных Штатов не наносило им такой ущерб, как война во Вьетнаме.

Поистине удивительно, что до сих пор не был проведен объективный анализ всех тех неверных или вводящих в заблуждение оценок, которые заставили Соединенные Штаты ввязаться в войну во Вьетнаме и продолжать ее еще долго после того, как стало очевидным, что они не смогут добиться успеха. Подобным же образом тайные операции ЦРУ в Греции, Чили, Иране, Анголе и многих латиноамериканских странах привели к тому, что Соединенные Штаты стали выглядеть недемократической и империалистической страной. Методы ЦРУ, как и методы других американских секретных служб, обычно аморальны и преступны, и их действия позорят доброе имя Америки.

Вновь и вновь оказывается, что сделанные ЦРУ оценки и политические рекомендации ведут к катастрофическим результатам, потому что они неверны. Причастность ЦРУ и ФБР к Уотергейтскому делу показала, каким образом подобные организации могут превратиться в угрозу для американской демократической системы. Американские секретные службы подошли к той опасной грани, когда они могут стать тайным правительством Соединенных Штатов. Я совершенно уверен, что деятельность и руководящие установки ЦРУ, насколько нам известно о них, не являются истинным отражением лучших черт американской жизни.

То, что государство нуждается в разведывательных службах, является фактом современной международной жизни. Однако деятельность таких служб должна ограничиваться добыванием информации, необходимой правительству для отражения возможного внезапного нападения. ЦРУ (в некоторых случаях совместно с ФБР) действует, намного превышая свои полномочия как ведомства, занимающегося сбором информации. Оно действует как секретная мафия, организующая политические убийства, развязывающая войны в других странах, создающая формирования из наемни-

ков для свержения законных правительств и дестабилизации неугодных ему обществ, правительств и организаций. В большинстве случаев организованные ЦРУ тайные акции имели целью оказать поддержку в установлении или увековечении жестоких, прогнивших и антидемократических диктатур: примерами могут служить Вьетнам, Кампучия, Лаос, Греция, Чили, Сальвадор, Никарагуа, Бразилия и Аргентина. Во многих случаях тайные операции, получившие молчаливую или активную поддержку правительства Соединенных Штатов, либо основывались на ошибочных и вводящих в заблуждение оценках ЦРУ, либо испытывали их сильное воздействие. Окольными путями — действуя через «комитет 40» или манипулируя различными органами американского правительства — ЦРУ заставляло Соединенные Штаты принимать на себя внешнеполитические обязательства, которые невозможно оправдать.

В дополнение к тайным операциям, за которые ЦРУ несет непосредственную ответственность, его тесное сотрудничество с другими авторитарными секретными службами (например, португальской ПИДЕ, южноафриканской БОСС, иранской САВАК) делает Соединенные Штаты причастными косвенным образом к тайным операциям террористических секретных служб других государств. Так, представляется более чем вероятным, что вследствие своих связей с БОСС ЦРУ было замешано в серии преступных тайных операций, известных ныне как «Мюлдергейтский скандал» [1]. Генерал ван ден Берг публично заявлял о своих тесных связях с ЦРУ. Энтони Сэмпсон в своих статьях о «Мюлдергейтском скандале» утверждал, что и ЦРУ и английская МИ-6 обменивались информацией с БОСС и что «резидентура ЦРУ в Претории по-прежнему получает доклады БОСС о революционерах» («Обсервер», 1979, 27 янв.). В той же статье генерал ван ден Берг упоминал, что он обедал с весьма высокопоставленным представителем ЦРУ. Эти сообщения не были опровергнуты. «Мюлдергейтский скандал», в котором были замешаны видные члены южноафриканского правительства, распространился далеко за пределы Южной Африки. В Южной Африке он был связан с рядом уголовных преступлений, а за ее пределами — с подкупом американских должностных лиц и прямым вмешательством в

---

[1] «Мюлдергейтский скандал» (по аналогии с известным Уотергейтским скандалом в США) связан с разоблачением преступных действий министра информации ЮАР К. П. Мюлдера. — Здесь и далее примечания переводчика.

политическую деятельность и работу печати в Соединенных Штатах.

Проводимые БОСС операции требовали услуг «тех, кто формирует общественное мнение, и тех, кто принимает решения» в Соединенных Штатах и других странах. Используемые методы включали подкуп и шантаж; говорили также и об убийствах. Широко распространено мнение, что если ЦРУ и не участвовало непосредственно в тайных операциях, связанных с «Мюлдергейтом», то во всяком случае оно знало о них. Именно таким путем ЦРУ оказалось связанным со многими «грязными делами» других секретных служб. Действительно, в книге, опубликованной недавно в Великобритании одним известным обозревателем по вопросам обороны, говорится: «В последнее время встречались случаи, когда «грязные дела» ЦРУ были настолько грязны, что некоторые сотрудники управления отказывались принимать в них участие или же, приняв участпе, раскаивались в содеянном и уходили в отставку».

Еще большую тревогу вызывают подозрения, что ЦРУ и Пентагон знали о разработке Южной Африкой атомного оружия и, вполне возможно, даже сотрудничали с ней в этом. Сейчас ясно, что Южная Африка обрела способность производить ядерное оружие и что это стало возможным в результате помощи: в первую очередь — со стороны Федеративной Республики Германии, во вторую — со стороны Соединенных Штатов Америки.

Если это так — а доказательства представляются убедительными, — то речь идет о грубом нарушении договора о нераспространении ядерного оружия как Федеративной Республикой Германии, так и Соединенными Штатами. Возможно, конечно, что подобная помощь в создании ядерного потенциала Южной Африки была оказана ЦРУ и другими американскими разведывательными службами, включая разведку Пентагона, без ведома правительства США, как такового. Но это лишь подчеркивает серьезную опасность, связанную с тайными операциями американских секретных служб.

Разоблачения, сделанные бывшим руководителем оперативной группы ЦРУ в Анголе Джоном Стокуэллом, ясно показывают, что ЦРУ считает себя выше закона и пренебрегает указаниями, которые оно получает от правительства Соединенных Штатов. Африканский континент стал благодатной почвой для тайных подрывных действий ЦРУ. Эти действия в немалой мере послужили поводом для вмешательства других стран в дела Африканского континента.

Хотя нынешний директор ЦРУ, возможно, и принимает меры для известного ограничения роли ЦРУ, я не думаю, что он добился каких-либо успехов. Эта книга может помочь ему отчетливее увидеть тот ущерб, который наносят действия ЦРУ африканским государствам и в конечном счете доброму имени Соединенных Штатов Америки.

Общий обзор

Филип Эйджи

ВВЕДЕНИЕ

Филип Эйджи, прослуживший в ЦРУ двенадцать лет, является автором книги «За кулисами ЦРУ» и соавтором сборника «Грязная работа ЦРУ в Западной Европе». Предлагаемая статья написана в июне 1979 г. специально для этой книги.

После второй мировой войны политические движения во всех частях Африки стремились положить конец пяти векам гнета, эксплуатации и различных форм опеки, навязанных западными державами. Однако по мере того как колониальные державы одна за другой предоставляли формальную независимость своим африканским владениям, они часто пытались — в той или иной мере успешно либо безуспешно — насадить зависимые режимы и институты, которые не представляли бы угрозы традиционным колониальным интересам: минеральному сырью, а также рабочей силе и инфраструктуре для их добычи; нефти и природному газу; рынкам для продуктов питания и промышленных товаров; возможностям капиталовложений; морским путям через Суэц и вокруг мыса Доброй Надежды. Благоприятные местные политические условия были необходимы для защиты граждан колониальных держав, которые остались в этих странах после провозглашения независимости, и обеспечения оптимальных условий для деятельности западных корпораций. Природные богатства и рынки Африки продолжали иметь жизненно важное значение для экономики западных стран.

В 60-х годах американское правительство и американские компании расширили свою деятельность, направленную как на поддержку традиционных колониальных держав, так и на усиление конкуренции с ними. Конкурируя со своими западноевропейскими союзниками за природные ресурсы и рынки, США в то же время создавали военные базы в Африке и вместе с западноевропейскими державами вы-

ступали против националистических и антиколониальных движений, поддерживаемых социалистическими странами или кажущихся опасными из-за национализма и радикализма, но в то же время поддерживали умеренные и прокапиталистические движения.

В американской политике Африка, как и другие части мира, рассматривалась как континент, где следовало искоренить влияние радикалов и коммунистов, а эта цель требовала оказания военной поддержки колониальным державам или создания препятствий для достижения подлинной независимости африканскими странами путем установления и поддержки зависимых режимов. Помимо американцев и западноевропейцев, в африканских странах развернули свою деятельность, включая техническую помощь и военное обучение, израильские правительственные ведомства и частные компании.

Для африканцев, однако, проблема заключалась в том, чтобы ликвидировать наследие колониализма: нищету, неграмотность, болезни, а также этнические, религиозные и межплеменные различия, которые не совпадали с произвольно проведенными колониальными границами. И, несмотря на свои многочисленные разногласия, африканские лидеры объединялись на словах, а нередко и на деле для борьбы с продолжающимся колониализмом, неоколониализмом и господством белого меньшинства. (Исключением были некоторые лидеры во Французской Западной Африке, которые в идеологическом плане смыкались с Западом.)

Дилемма, вставшая перед западными державами в послеколониальной Африке, не особенно отличалась от тех, которые стояли перед ними на других континентах: как сохранить собственные стратегические интересы и в то же время создать видимость уважения права на независимость и национальный суверенитет, как того требуют сегодняшние стандарты международного поведения. Лишь в редких случаях им удавалось добиваться и того и другого. Почти неизменно западные державы воспринимали радикальный национализм и поддержку националистических движений социалистическими странами как угрозу своим интересам. Уважение независимости африканских государств редко мешало проведению мер, направленных против этих угроз. Западные державы неоднократно пытались с помощью тайного вмешательства, открытых военных акций и поддержки зависимых режимов удержать свое господство в Африке, опасаясь, что национализм и коммунистическое влияние подорвут их собственную безопасность.

Эта книга — вторая в серии «Грязная работа ЦРУ»; в ней продолжена предпринятая в первой книге «Грязная работа ЦРУ в Западной Европе» попытка разоблачить и проанализировать тайные операции. Это коллективный труд, в котором приняли участие известные ученые и журналисты, специализирующиеся по африканским делам, с целью дать широкую и точную картину того, как Соединенные Штаты и западноевропейские правительства вмешиваются, нередко тайно, в дела африканских государств, оказывая поддержку политическим движениям и лидерам, которые, как они считают, будут способствовать их интересам, и пытаясь подорвать движения, которых они опасаются. Поскольку для большей части подобных исследований факты можно найти только на Западе, большинство авторов являются представителями западных стран, а не африканцами.

В одной книге невозможно подробно описать все заговоры, перевороты, политические убийства, рейды наемников, террористические взрывы бомб, манипулирование пропагандой, подкупы, проникновения в профсоюзы, тайные сделки о продаже оружия. А такие дела совершаются непрерывно.

В этой книге делается упор на попытках тайного вмешательства, однако они настолько тесно переплетаются с открытой дипломатией, военными акциями и частной экономической деятельностью, что их невозможно рассматривать изолированно. Многие из анализов тайных операций, помещенных в этой книге, учитывают и эти открытые факторы.

Авторы не пытались «сбалансировать» эту книгу, дав описание подобных или в чем-то отличающихся действий социалистических стран. Правительства социалистических стран обычно не делают тайны и не ищут предлогов для поддержки того или иного движения или правительства. Их помощь, как правило, открыта, широко известна и не несет того позорного клейма, которым отмечена политическая поддержка, будь она открытая или тайная, со стороны Соединенных Штатов и бывших колониальных держав. Совершенно очевидно, что задержка национального развития в Африке является результатом векового господства западного колониализма, который по-прежнему стремится увековечить свое владычество, проявляя почти в равной мере страх перед подлинной независимостью Африки и перед коммунистическим влиянием.

Однако идущая сегодня в Африке борьба связана с чем-то гораздо большим, чем соперничество между Западом и Востоком или движение за ликвидацию колониального гне-

та и господства белого меньшинства. В основе современной истории Африки лежат стремление установить ту или иную форму социализма и соответствующее противодействие этому. Тем не менее западные державы — возможно, справедливо — продолжают опасаться, что социализм или любая социальная реформа в Африке найдут своих естественных союзников в лице советского блока и тем самым поставят под угрозу огромные интересы Запада. Эти опасения упорно сохраняются, хотя все стороны, видимо, согласны, что африканские страны, независимо от того, идут они по пути социализма или нет, неразрывно привязаны к западным державам своими глубинными потребностями в технике, товарах и рынках Запада.

В текущих конфликтах западная дипломатия пытается достичь «стабильности» путем «умеренного руководства» в целях «мирных решений». Однако политические, экономические и социальные реальности в Африке далеко не мирны, не умеренны и не стабильны. Не являются таковыми во многих случаях и сами решения.

Включенные в книгу исследования тайного вмешательства не ограничиваются деятельностью Центрального разведывательного управления, потому что секретные службы бывших колониальных держав, а также Израиля и ЮАР иногда проявляют такую же активность, как ЦРУ. Кроме того, секретные службы Запада тесно сотрудничают при проведении совместных операций в Африке. Помощь ЦРУ со стороны Франции и Великобритании в вербовке наемников во время гражданской войны в Анголе и тесная координация операций ЦРУ с деятельностью южноафриканского бюро государственной безопасности (БОСС) в тот же период являются лишь двумя примерами подобного сотрудничества в последнее время.

За последнее время мир узнал немало о ЦРУ. Его тайные операции — дело рук примерно четырех тысяч кадровых работников оперативного управления ЦРУ, известного также, как управление тайных служб. Эти специалисты по «грязным делам» получают существенную поддержку от нескольких тысяч других сотрудников ЦРУ, занимающихся административными вопросами, материально-техническим обеспечением и финансированием операций, подготовкой кадров и связью. В случае необходимости, как это было в Анголе, ЦРУ может обратиться за помощью к военным ведомствам США.

В середине 70-х годов, по свидетельству Джона Стокуэлла, ЦРУ располагало примерно тремя тысячами специа-

листов по тайным операциям, находившихся в различных странах мира. Большинство из них действовали из американских посольств и консульств, где они числились как сотрудники госдепартамента. В африканском отделе управления тайных служб состояло около 400 человек, работавших в штаб-квартире ЦРУ близ Вашингтона и примерно в 40 посольствах и консульствах в Африке. Стокуэлл не указал, сколько именно сотрудников работало в Африке и сколько в штаб-квартире, но Виктор Маркетти отмечал, что в любой данный период в Африке находилось до 300 оперативных работников, не считая связников и другой вспомогательный персонал.

Помимо штатных сотрудников ЦРУ, прикомандированных к американским посольствам и консульствам в Африке, там действуют и другие работники под видом частных лиц с различными «неофициальными» прикрытиями. Они могут выступать как служащие частных компаний или как сотрудники таких учреждений, как созданный ЦРУ Афро-американский профсоюзный центр. Другие числятся преподавателями в африканских университетах, как, например, Джей Маллен, тренировавший баскетбольную команду Иди Амина в университете Макерере. Психолог из Говардского университета в Вашингтоне Кемба Мейш сообщила о существовании, по всей вероятности, обширной программы ЦРУ, предусматривающей откомандирование американских психологов негритянского происхождения в Африку для сбора материалов о личностных характеристиках лидеров левых движений.

В качестве оперативных работников, действующих под видом частных лиц, используются также неамериканцы — граждане зарубежных стран, помимо той, в которую они направляются ЦРУ (так называемые граждане «третьих стран»). Такие лица могут проработать в ЦРУ всю жизнь, но, поскольку они иностранцы, они всегда будут заниматься только оперативной работой и никогда не получат назначений в руководящие органы ЦРУ.

Сколько сотрудников ЦРУ действует в Африке под неофициальными прикрытиями, невозможно установить точно. Вербовать сотрудников на такую работу особенно трудно для ЦРУ, поскольку они, не имея дипломатического статуса, весьма уязвимы, а также из-за большого психологического напряжения, вызываемого необходимостью действовать изолированно от других сотрудников ЦРУ — «на конце линии». Учитывая, что с 60-х годов и по настоящее время потребности ЦРУ в сотрудниках, действующих под видом

частных лиц, растут, можно предположить, что вне дипломатических миссий в Африке работают от 30 до 50 агентов — как американцев, так и граждан «третьих стран».

Задача этих людей заключается в вербовке шпионов и руководстве ими. Объектами их действий служат правительства стран, в которые их направило ЦРУ, местные учреждения вроде профсоюзов и средств массовой информации, представители освободительных движений и члены дипломатического корпуса, особенно из миссий социалистических стран. По вопросам организации связи и обучения они поддерживают контакты с местными военными ведомствами и службами безопасности, стремясь при этом завербовать офицеров местных служб для получения информации о конфиденциальных политических мерах и о руководителях страны. Они также используют своих агентов для подслушивания телефонных разговоров, перехвата корреспонденции и обеспечения прикрытия при установке подслушивающих устройств и незаконном проникновении в помещения. Важнее всего то, что резиденты ЦРУ постоянно и активно используют собранную ими информацию для укрепления позиций тех людей и организаций, к которым они благоволят, и для дискредитации и ликвидации тех из них, которые им не угодны. Успешность их действий, разумеется, бывает различной в зависимости от уязвимости объектов, против которых они действуют, и от первоочередности задач, ставящихся ЦРУ.

Англичане, французы, португальцы, бельгийцы и другие проявляют еще большую скрытность, чем ЦРУ, в отношении своих разведывательных служб, и мы не можем определить точно, сколько их агентов занимаются тайными операциями в Африке. Однако можно с уверенностью сказать, что их цели и методы мало отличаются от целей и методов ЦРУ, хотя неизбежно должны возникать обстоятельства, при которых секретные службы соперничают между собой. Кроме того, важными ключами к пониманию методов работы секретных служб других стран служат некоторые из уже разоблаченных операций, а также те очевидные интересы, которые должны защищать правительства соответствующих стран.

Бельгийские интересы в Африке, вполне естественно, сосредоточены на сохранении громадных горнодобывающих предприятий в Заире. Поддержка бельгийцами действий наемников в этой стране в 60-х годах дополнялась открытой военной интервенцией в тот же период. Совсем недавно, в 1978 году, бельгийские парашютисты были использованы

для установления контроля над богатыми полезными ископаемыми районами в провинции Шаба в Заире. В надежде обеспечить «стабильность» в Заире в будущем Бельгия в настоящее время вместе с Францией и Китаем участвует в программе переподготовки неэффективных и ненадежных вооруженных сил Заира.

Франция, отличающаяся сильными интервенционистскими тенденциями, является единственной бывшей колониальной державой, которая до сих пор держит войска в Африке. Они дислоцируются в Западной и Центральной Африке, в Джибути и на островах в Индийском океане. Франция использует эти войска, а также другие формирования (вроде иностранных легионеров на Корсике) для поддержки угодных ей режимов в бывших колониях. Для этих же целей она использует и свои секретные службы. Франция оказала военную поддержку Марокко и Мавритании в борьбе против движения за независимость ПОЛИСАРИО в Западной Сахаре. Во время двух кризисов — в 1977 и 1978 годах — в провинции Шаба в Заире Франция осуществляла вооруженное вмешательство, а французская секретная служба (СДЕСЕ) оказывала помощь ЦРУ в вербовке наемников для посылки в Анголу, поддерживая в то же время пользовавшееся ее благосклонностью движение за независимость ФЛЕК в Кабинде. Читатели заметят, что вмешательство Франции было постоянным и нередко эффективным в краткосрочном плане, а иногда, как в случаях с ее ближайшими союзниками в Западной Африке, — и в долгосрочном плане. Но наиболее важной долгосрочной акцией Франции в Африке является, по-видимому, поддержка расистского режима в Южно-Африканской Республике, где французское правительство и военно-промышленные компании способствовали тому, что гигантская военная машина этой страны почти достигла уровня самообеспеченности.

Интересы Великобритании сконцентрированы главным образом на ее бывших колониях в Западной и Восточной Африке и на текущей борьбе за правление большинства на юге континента. Вместе с Соединенными Штатами Великобритания отстаивает интересы Запада в ходе переговоров о правлении большинства в Зимбабве, однако наибольшую озабоченность Великобритании вызывает Южная Африка. Развал южноафриканской экономики в 80-х годах в результате вооруженной борьбы негритянского населения за независимость обернулся бы для англичан настоящей катастрофой, учитывая их огромные капиталовложения в этой стране и зависимость от торговли с ней. Но англичане оказа-

лись в двойственном положении, потому что они одновременно в большой степени зависят от торговли со своими бывшими черными колониями, которые единым фронтом поддерживают освобождение Южной Африки от гнета белых. Таким образом, ведущаяся сейчас в Зимбабве и Намибии борьба, служащая прелюдией к развязке в самой Южной Африке, имеет решающее значение для будущего Великобритании. Английские службы безопасности, подобно ЦРУ, поддерживают тесные связи как с БОСС, так и с политической полицией (специальными службами), которую они создали в своих колониях до получения ими независимости. Тайная поддержка англичанами Иди Амина, захватившего власть в Уганде в 1971 году, показывает, что англичане также прибегают, когда это необходимо, к скрытому вмешательству.

Однако наиболее важным шагом, предпринятым английским правительством в последние годы на Юге Африки, было попустительство коммерческим операциям по снабжению правительства Яна Смита в Зимбабве нефтью и другими товарами в нарушение установленных санкций. Подобным же образом правительство Великобритании делало вид, что ничего не замечает, когда сотни, а возможно, и тысячи англичан были завербованы в качестве наемников в армию Смита и другие «противоповстанческие» формирования. Между тем БОСС действовало в Великобритании почти безнаказанно, пытаясь обеспечить поддержку политики ЮАР со стороны правых сил, затруднить и держать под наблюдением действия противников апартеида; оно дошло до того, что пыталось вести подрывную деятельность против правительства Гарольда Вильсона, подвергая нападкам самого премьер-министра.

Значительно меньше известно о тайных действиях Западной Германии в Африке, хотя коммерческие операции западногерманских частных компаний имеют исключительно важное значение для экономики ЮАР, а также косвенным образом для действий армии Смита против Патриотического фронта. Но самыми важными коммерческими операциями Западной Германии были передача ядерной технологии ЮАР, что позволило правительству этой страны вести разработку ядерного оружия, и развертывание ракетной программы в Заире, где западногерманская фирма ОТРАГ получила почти суверенные права на громадный участок территории страны.

Интересы Израиля в Африке сталкиваются с интересами арабских и черных мусульманских государств. После

войны 1973 года почти все африканские страны порвали отношения с Израилем. Ближайшим союзником Израиля в Африке по-прежнему остается ЮАР; как полагают, существуют тесные связи между израильской разведкой МОССАД и БОСС, дополняющие военную помощь правительству ЮАР со стороны Израиля.

В Южной Африке белые намерены сохранить режим апартеида как можно дольше, но в то же время они пытаются ослабить международные санкции против них с помощью чисто символических или очень ограниченных внутренних реформ. Они сыграли ключевую роль в учреждении «умеренного» правительства Музоревы в Зимбабве, в котором будет сохраняться власть белого меньшинства в надежде, что Зимбабве послужит буфером против африканских националистических движений, борющихся за установление власти большинства в самой ЮАР. Подобным же образом в Намибии южноафриканцы не посчитались с решениями Организации Объединенных Наций, установив зависимый режим, не представляющий для них никакой угрозы и препятствующий развитию освободительного движения СВАПО. Ясно, что белые лидеры ЮАР стремятся создать рубежи внутренней обороны, проходящие далеко за пределами границ их собственного государства.

Южноафриканцы не только заложили основу для создания собственного ядерного оружия и почти достигли уровня самообеспеченности в области обычных вооружений, но и установили экономические связи с некоторыми африканскими государствами, имеющими для них большое значение, государствами, которые, как надеются правители в Претории, будут способствовать ослаблению влияния африканцев в ЮАР.

Во всех действиях Южной Африки, направленных на сохранение власти белых, центральное место занимает ее секретная служба — БОСС. Как и следовало ожидать, эта служба играет важную роль в проведении операций по поддержанию внутренней безопасности, направленных на подавление освободительных сил внутри страны, главным образом Африканского национального конгресса и всех других оппозиционных организаций. Однако БОСС служит также рабочим инструментом для осуществления широкого комплекса тайных операций внутри страны и за ее пределами, проводимых как в пропагандистских целях, так и для приобретения политического влияния. С 1973 по 1978 год БОСС израсходовала сумму, эквивалентную 73 млн. долларов, на 160 тайных операций, распространявшихся на За-

падную Европу и Соединенные Штаты. Несмотря на скандалы, вызванные разоблачением этих операций, их осуществление продолжается, и в случае необходимости они, безусловно, будут расширены.

Не исключено, что резкая реакция ЮАР в апреле 1979 года на то, что американцы использовали самолет посла Соединенных Штатов для фотографирования южноафриканских атомных предприятий, просто продемонстрировала намерение Южной Африки отмежеваться от англо-американской политики в вопросе о создании расширенной структуры региональной безопасности в Зимбабве и Намибии. Несомненно, подобная напряженность в отношениях будет сохраняться, поскольку западные правительства настаивают на более широких реформах, чем те, на которые готовы пойти южноафриканцы. Тем не менее южноафриканский режим и западные страны нуждаются друг в друге по экономическим причинам — в этом один из основных мотивов противодействия Запада введенным ООН экономическим санкциям против Южной Африки. Но, несмотря на все поверхностные разногласия, сотрудничество между органами безопасности и разведывательными службами стран Запада и ЮАР будет, по всей вероятности, развиваться быстрыми темпами.

Материалы данной книги сведены в несколько разделов. Вначале дается анализ интересов крупнейших западных стран и их секретных служб. Затем следует серия статей, в которых описывается тайное вмешательство в деятельность профсоюзов, средств информации и использование наемников, то есть такие операции, которые охватывают одновременно много стран, а иногда распространяются на весь континент. После этого подробно рассматриваются крупные тайные операции по регионам и по отдельным странам.

В этой книге дается широкая и целостная картина той угрозы для независимости африканских стран, которую представляют собой секретные службы Соединенных Штатов и других западных держав. Редко какой африканской стране удалось в последние годы избежать вмешательства неоколониалистских сил и замедления национального развития, которое столь часто приносит такое вмешательство. Тем не менее эти секретные службы отнюдь не какие-то призрачные силы. Их методы можно понять, и можно установить работающих на них людей. Меры противодействия их операциям могут принести успех, как наглядно показывают их многочисленные ошибки и провалы.

ЦРУ В АФРИКЕ

Эта статья в расширенном виде была впервые представлена в качестве доклада на конференции по странам Юга Африки, проведенной во Флоридском университете весной 1976 г. Она была опубликована в 1978 г. в сборнике «Американская политика в Южной Африке: ставки и исходные позиции» под редакцией Р. Лемаршана.

«На Африканском континенте, где по вполне понятным причинам вопрос о суверенитете является деликатным, нам, американцам, пришлось преодолевать особый миф: миф о манипулировании. Я надеюсь, что этот миф мертв. Я надеюсь, что нам удалось убедить африканские правительства, что мы никоим образом не стремимся вмешиваться в решение вопроса, как и кем они должны управляться» — так говорил бывший помощник государственного секретаря по африканским делам Дэвид Ньюсом 14 марта 1973 года. В период после Уотергейта подобное заявление вызывает сомнения. Искренность намерений, проповедуемых Ньюсомом, действительно трудно согласовать с убедительнейшими доказательствами обратного, ставшими известными недавно из материалов расследований, проведенных по инициативе сенаторов, из сообщений печати и из других источников.

Суть проблемы заключается уже не в том, удастся ли нам развеять «миф о манипулировании», связываемый широкой общественностью с внешней политикой Соединенных Штатов, а в том, можно ли дать объективную оценку масштабов американского манипулирования за рубежом и его влияния на внутреннюю политику стран «третьего мира».

Попытки ознакомиться с туманной и мрачной сферой деятельности ЦРУ наталкиваются на очевидные трудности. Реакция общественности на факты, вскрытые комиссией Черча [1], отражает различные оттенки негодования, цинизма и замешательства, которые в целом выражают общее чувство сомнения в убедительности того морального облика США, который мы пытаемся создать. Тем не менее ясно, что дело в чем-то большем, чем простое искажение облика нашей страны, который мы сами создаем. Говоря опреде-

[1] Специальная комиссия конгресса США под председательством сенатора Фрэнка Черча, расследовавшая деятельность ЦРУ.

леннее, приходится задуматься, а не являются ли в конкретных случаях фонды ЦРУ, моллюсковый токсин и яд кобры, фальсифицированная информация и «частные» авиалинии действительно важнейшими компонентами арсенала средств, находящихся в распоряжении политических деятелей «третьего мира», и не служат ли выражения «законность», «власть», «божий дар» и тому подобные всего лишь эвфемизмами для обозначения гораздо более зловещего и эффективного вида политических средств. Все это говорится не для того, чтобы попытаться реабилитировать теорию заговоров, а лишь для того, чтобы провести мысль, что, если наличие подобных заговоров может быть доказано, их не следует упускать из вида при анализе.

Как мы теперь понимаем, «создание политического порядка» в Африке и других регионах мира является процессом, в котором тайные политические и полувоенные меры часто играют определяющую роль.

Несмотря на всю сенсационность разоблачений комиссии Черча, наше представление о деятельности ЦРУ в Африке все еще весьма ограничено как с точки зрения полноты охвата, так и с точки зрения конкретных фактов, ставших к настоящему времени известными широкой общественности.

Хотя я пытался дополнить факты, уже известные общественности, той скудной информацией, которую мне удалось собрать в ходе моих эпизодических (но преднамеренно носивших непрямой характер) контактов с сотрудниками ЦРУ в Африке и Соединенных Штатах, ясно, что изложенный ниже материал носит весьма умозрительный характер. Кроме того, в силу моей собственной специализации на определенном географическом районе, включающем два государства, о деятельности ЦРУ в которых известно особенно много, мои выводы основываются в значительной мере на фактах, относящихся к Анголе, Заиру, Руанде и Бурунди.

Наконец, читателю следует иметь в виду, что многое из того, что говорится здесь о результатах деятельности ЦРУ, вероятно, можно отнести и к деятельности английской, бельгийской и французской разведок. Действительно, судя по информации, ставшей известной в последнее время, можно полагать, что существует поразительное сходство в некоторых отношениях в стиле и методах действий в Африке ЦРУ и аналогичной французской организации — службы внешней документации и контрразведки (СДЕСЕ).

Масштабы и значение операций ЦРУ

Большинство африканских стран занимают сравнительно высокие места в ранжированном перечне государств, наиболее уязвимых для проникновения ЦРУ. Присущая им внутренняя неустойчивость делает их идеальными объектами для тайных операций. Бывший начальник управления тайных операций ЦРУ Ричард Биссел объяснял это обстоятельство следующим образом:

«Слаборазвитые страны предоставляют больше возможностей для тайной разведывательной деятельности просто потому, что их правительства в гораздо меньшей мере ориентируются в обстановке; в них придается меньшее значение обеспечению безопасности и, как правило, имеет место большая фактическая или потенциальная диффузия власти между партиями, районами, организациями и отдельными лицами вне рамок центральных правительств».

Данная Бисселом характеристика удачно подытоживает положение дел в Конго (ныне Заир) с 1960 по 1965 год, на Мадагаскаре в начале 1975 года и в Анголе в 1975—1976 годах. Вряд ли можно объяснить просто совпадением тот факт, что во всех этих странах ЦРУ действовало особенно интенсивно именно в те периоды, когда их политические системы были наименее устойчивы.

Проведение тайных операций в какой-либо зарубежной стране зависит от решений, принятых Вашингтоном в ответ на конкретные кризисные ситуации или комбинации событий. Поэтому сферы деятельности ЦРУ сжимаются или расширяются, подобно мехам аккордеона, в зависимости от различных факторов, включая степень опасности предполагаемых угроз для американских интересов.

Стремясь опереться на количественные данные, некоторые исследователи сосредоточивают внимание на численности персонала и бюджетных ассигнованиях как возможных показателях масштабов действий ЦРУ; однако, поскольку оба эти ряда цифр чрезвычайно изменчивы, остается лишь гадать, какую пользу — если она вообще возможна — можно извлечь из данных подобного рода. Какой вывод можно сделать, например, из утверждений Брюса Удеса, что «африканский бюджет ЦРУ составляет приблизительно от 25 до 30 миллионов долларов в год» и что «не более чем горстка центров ЦРУ в Африке могла бы располагать бюджетом в миллион долларов или более», когда мы узнаём, что лишь в последние три месяца 1975 года ЦРУ переправило прозападным группировкам в Анголе оружия на 25 миллионов

долларов? Подобным же образом утверждение, что «в африканском отделе ЦРУ служит всего лишь 300 из 4500 сотрудников ЦРУ, специализирующихся на тайных операциях, и, таким образом, по численности сотрудников это самый небольшой из отделов, выделяемых по географическому признаку», мало что говорит о фактическом распределении оперативных сотрудников ЦРУ или об их конкретных задачах, ресурсах и деятельности.

Представляется более плодотворным сосредоточить внимание на следующих вопросах: 1) в какой мере ведомства бывшей колониальной державы контролируют — в ущерб службам других государств — сферу разведывательных операций в данной африканской стране и на какую степень сотрудничества со стороны этих ведомств могут рассчитывать американские политические руководители в делах, связанных с соперничеством между Западом и Востоком; 2) насколько важны вопросы, связанные с «холодной войной» (или вопросы, формулируемые в этом плане американскими политическими руководителями), в политике данного африканского государства; 3) масштабы экономических и стратегических интересов США, для которых создается угроза в конкретных районах. Все эти три фактора находятся в тесной взаимосвязи.

Первый из этих факторов приобретает особое значение на бывших французских территориях, особенно там, где французские экономические, стратегические и культурные интересы проводятся наиболее энергично и систематически (например, Берег Слоновой Кости, Габон, Сенегал и до недавнего времени Чад). Почти повсеместное присутствие в этих государствах «людей» службы внешней документации и контрразведки и службы гражданских действий, образующих по существу костяк «машины Фоккара» [1] в Африке, наряду со сложной системой неформальных отношений сотрудничества, сложившихся с годами между французскими разведчиками, техническими специалистами, представителями посольств и бизнесменами, сильно ограничивают способность ЦРУ манипулировать африканскими деятелями. Ясно, что более сложной является ситуация на тех территориях, где французское присутствие уже не столь очевидно (Гвинея, Конго); это в равной мере справедливо — с определенными поправками — для таких государств, как Уганда,

[1] «Машина Фоккара» — французская разведывательная сеть в Африке, созданная в послевоенный период сподвижником де Голля Жаком Фоккаром. См. подробнее в статье Карла ван Метера «Роль Франции в Африке» данной книги.

Танзания и Занзибар, где британские интересы резко сократились, если они вообще не ликвидированы. Поскольку наличие остаточных интересов западноевропейских держав в этих государствах означает соответствующее ограничение интересов американских корпораций, диапазон возможностей для вмешательства ЦРУ здесь значительно сужен.

Насколько «захват» западноевропейскими разведками сферы разведывательных операций в африканских странах ограничил развертывание тайной деятельности ЦРУ, можно уяснить лучше всего в свете влияния вопросов, связанных с «холодной войной», на позицию западноевропейских и американских политических руководителей и из характера отношений, сложившихся в результате этого между соответствующими разведывательными службами.

Распространение на Африканский континент соперничества, связанного с «холодной войной», породило два весьма различных типа взаимоотношений между ЦРУ и западноевропейскими разведывательными службами.

В некоторых случаях западноевропейские разведки, по-видимому, установили отношения сотрудничества с представителями ЦРУ. Конкретно я имею в виду ситуацию, сложившуюся в Руанде в период с 1962 по 1965 год. В эти годы элита Руанды почти целиком зависела от бельгийских разведчиков в отношении информации о партизанских действиях, развернутых беженцами батутси [1] из Заира, Уганды, Танзании и Бурунди. Главой службы безопасности в Руанде был бельгийский гражданин, бывший майор бельгийской колониальной армии, установивший тесные связи с агентами ЦРУ в Руанде, Бурунди и Заире. Он находился на этой должности до 1968 года. И до этого времени укомплектованная бельгийцами служба безопасности была по существу глазами и ушами ЦРУ в Руанде. Бельгийские разведчики проявляли поразительное умение в добывании информации, вербовке осведомителей, засылке провокаторов в ряды «иньензи» [2] и иногда увлекались той же самой игрой в смертельную опасность, которая позже стала характерной для некоторых операций ЦРУ в других странах Африки.

---

[1] Батутси—крупные скотоводы и земледельцы в некоторых странах Центральной Африки. В результате междоусобной борьбы между батутси и бахуту (преимущественно крестьяне), инспирированной внешней и внутренней реакцией, в конце 50-х — начале 60-х годов десятки тысяч батутси бежали из своих стран в соседние.

[2] «Иньензи» (буквально «тараканы» на языке киньяруанда) — вооруженные батутси, прибегавшие к методам партизанской борьбы.

Отношения сотрудничества подобного типа, по-видимому, сложились между ЦРУ и агентами бельгийской разведки в Бурунди в период с 1962 по 1967 год. К 1964 году, однако, мятеж в Восточном Заире достиг угрожающих размеров, и, когда в Бурунди возникла прокитайская группировка, Соединенные Штаты начали осуществлять в Бурунди и Заире тайные операции. ЦРУ наняло летчиков, бежавших в свое время с Кубы, для проведения воздушных бомбардировок позиций повстанцев вдоль оси Физи — Барака; ЦРУ организовало собственную, «частную» авиакомпанию УИГМО («Уэстерн интерпэшнл граунд мейнтенанс оперейшнс»), служившую удобным прикрытием для различных операций, проводившихся под эгидой ЦРУ, включая подготовку наемников близ Альбертвиля; агенты ЦРУ были срочно направлены в Букаву, Гома, Бужумбура и Кигали (для проведения в жизнь мер, принятых после прихода к власти Лумумбы летом 1960 года). Вся ответственность за координацию этих и других действий была сосредоточена в руках «босса» ЦРУ в Заире Лоуренса Девлина. В течение всего времени, пока продолжался мятеж, существовали очень теплые отношения между представителями ЦРУ и бельгийскими разведчиками; особенно дружеские связи были установлены с бывшим главой бельгийской службы безопасности в Заире полковником Вандевалле, которому позже выпала сомнительная честь командовать 5-й механизированной бригадой наемников, захватившей Стэнливиль в ноябре 1964 года.

В противоположность этому между португальскими и американскими разведчиками существовало острое соперничество, если не открыто антагонистические отношения, в течение короткого срока пребывания Роса Коутиньо на посту губернатора Анголы в 1974 году.

В Габоне в 1964 году и на Мадагаскаре в 1971 году сотрудники французской разведки рассматривали действия ЦРУ как прямую угрозу для их ставленников — Леона Мба в Габоне и Цирананы на Мадагаскаре, а следовательно, и как косвенную угрозу для них самих. В противоположность этому вмешательство французских «барбузов» (головорезов) во внутренние дела Заира в 1963—1964 годах рассматривалось Вашингтоном лишь как своего рода легкий раздражитель, как неумелая попытка со стороны сети Фоккара воспользоваться целями и методами ЦРУ в районе, где оно уже овладело гораздо более прочными позициями, чем те, на захват которых могли бы надеяться французы, даже приложив максимальные усилия. Результат это-

го маневрирования, во всяком случае, был прямо противоположным тому, что произошло в Габоне и на Мадагаскаре за несколько лет до этого. В обеих этих странах принятые французами меры по развенчиванию «трюков», якобы использовавшихся ЦРУ, привели к резкому сокращению деятельности управления; в Заире же резидентура ЦРУ оказалась всемогущей и ей не пришлось затрачивать особые усилия на дискредитацию агентов французских разведывательных служб, которые и без того уже достаточно дискредитировали себя своими неумелыми действиями.

В целом масштабы и интенсивность действий ЦРУ в Африке определяются частично предполагаемыми угрозами американским интересам со стороны африканских деятелей, которые рассматриваются — справедливо это или нет — как «враги», и частично — той степенью сотрудничества со стороны западноевропейских разведывательных служб, на которую можно рассчитывать в борьбе с этими угрозами.

Отнесение тех или иных африканских деятелей к друзьям или врагам зависит также от того, в какой мере их политика согласуется с американскими экономическими и стратегическими интересами, которые ставятся на карту в конкретных районах. Так, Заир и Нигерия считаются обычно районами, где серьезная переориентация африканских деятелей в экономической и дипломатической областях встретила бы сильное сопротивление со стороны американских политических руководителей и привела бы, возможно, к контрдействиям со стороны ЦРУ. Это особенно справедливо в отношении Заира, занимающего стратегически важное положение в самом центре континента, где американские капиталовложения достигли значительных размеров.

Отнюдь не противоестественно, что с годами сложились очень теплые отношения между Мобуту и его покровителями из ЦРУ. Помимо того, что Заир «считается символической ареной сражений между Востоком и Западом, где успех или неудача ставленников одной из сторон может дать резонанс во всей Африке», важное значение имеет и тот факт, что ЦРУ действительно сыграло решающую роль в «обеспечении победы» главным образом потому, что, избрав Мобуту в качестве союзника, оно приобрело «нужного человека в нужном месте». Личный и политический долг Мобуту перед его наставниками из ЦРУ весьма значителен, и, как бы ни были велики усилия и ресурсы, затраченные на Мобуту, они оказались весьма эффективным вложением капиталов с точки зрения интересов американских корпораций.

Хотя ЦРУ продолжает играть чрезвычайно важную роль в том, чтобы сделать Заир «безопасным для американского капитализма», дополнительным мотивом — и в то же время отличным прикрытием — для поддержания широкой сети агентов ЦРУ в Заире служат сами масштабы интересов американских корпораций в этой стране. Если случай с Заиром хоть в какой-то мере показателен, то действия ЦРУ и интересы американских корпораций взаимосвязаны: в то время как проводимые ЦРУ операции могут играть решающую роль в подготовке почвы для вторжения американских корпораций, последние, в свою очередь, обеспечивают как дальнейшие обоснования для вмешательства ЦРУ, так и алиби и технические средства, считающиеся необходимыми для проведения разведывательных операций.

Еще одной проблемой является качество доказательств вмешательства ЦРУ в африканские дела. Дело вовсе не в том, что правдоподобное на первый взгляд доказательство не обязательно оказывается соответствующим действительности. Иногда элемент обмана легко обнаружить (как это было, например, в случае с убийством премьер-министра Пьера Нгендадумве в Бурунди в 1965 году, когда его политические противники обвинили в этом ЦРУ); иногда, однако, источник, предоставляющий доказательство, не дает никаких намеков на то, насколько оно достоверно, — остается лишь общее впечатление правдоподобности. Так, просочившаяся во французскую печать в 1971 году информация о том, что американский посол на Мадагаскаре Энтони Маршалл действовал заодно с резидентом ЦРУ в Антананариву Джоном (Джеком) Хейси, вступив в сговор с соперником Цирананы вице-президентом Андре Ресампой, возможно, и была достоверной, но в равной мере резонно предположить, что она была сфабрикована агентами французской разведки.

Кроме того, доказательство может быть разоблачающим, но неполным. Оно может не включать некоторые особо важные моменты, а также дополнительную информацию, которая необходима, чтобы разобраться, о чем именно идет речь. Остаются обрывки информации, которые вряд ли достаточны для получения полной картины. Возьмем, к примеру, заявление Сидни Готтлиба, сделанное во время слушаний в сенатской комиссии по разведке в октябре 1975 года. Готтлиб, в 1961 году руководивший отделом технических служб ЦРУ, заявил, что «управление приготовило и направило в Заир дозу смертельного яда, предназначенную для использования при покушении на жизнь бывшего премьера Патриса Лумумбы в 1961 году». Это чрезвычайно

важное разоблачение, безусловно, говорит нам многое об отношении Вашингтона к Лумумбе, а также о том, какую роль могло бы сыграть ЦРУ, если бы Лумумба не был устранен другими средствами. Но это, возможно, лишь верхушка айсберга. Свидетельство Готтлиба ничего не говорит нам о запасных планах, которые, возможно, были разработаны ЦРУ, о роли, которую могли сыграть агенты ЦРУ в этих и других «чрезвычайных» планах, об отношениях, существовавших в то время между американскими и бельгийскими агентами, о возможном участии ЦРУ в организации перевозки Лумумбы в Катангу, об услышанном мною в Киншасе в 1960 году утверждении, что ЦРУ снабдило деньгами Мобуту, задолжавшего в то время своим солдатам, и в обмен за эту услугу он взялся доставить Лумумбу к его палачам. Кроме того, в показаниях Готтлиба содержится лишь слабый намек на его собственные секретные действия в Букаву в августе 1960 года. (Я встречал Готтлиба в Букаву в августе 1960 года. Он представился как канадский бизнесмен, лично знакомый с Лумумбой и горевший желанием вытеснить бельгийцев из провинции Киву.)

Короче говоря, взятый сам по себе факт, что ЦРУ действительно намеревалось избавиться от Лумумбы с помощью яда, еще ничего не говорит о роли, которую оно действительно сыграло в тот критический период в политической жизни Заира.

Несмотря на все эти оговорки, доказательства отнюдь не всегда являются настолько фрагментарными или ненадежными, что не дают возможности восстановить в общих чертах последовательность событий, в которых ЦРУ, по всей вероятности, играло главную или, по крайней мере, существенную роль с точки зрения внутренней политики африканских государств. Например: 1) ЦРУ оказало непосредственное влияние на решение Касавубу сместить Лумумбу с поста премьер-министра 5 сентября 1960 года и на выбор Мобуту в качестве «беспристрастного арбитра» в конфликте между президентом и премьер-министром; 2) акции ЦРУ — начиная с вербовки и обучения наемников и кончая закупкой и организацией технического обслуживания истребителей-бомбардировщиков «Скайрейдер» и бомбардировщиков Б-26 — безусловно способствовали поражению народно-освободительной армии Сумиалота во время мятежа в Заире в 1964 году; 3) агенты ЦРУ, действовавшие главным образом из Руанды, не только поддерживали тесные контакты с лидерами оппозиции в Бурунди во время «прокитайских» событий 1964—1965 годов, но и обеспечивали их «техничес-

кими консультациями», а также, вероятно, оказывали им финансовую помощь, пытаясь повернуть события вспять; 4) на агентах ЦРУ лежала основная ответственность за планы выкрасть Чомбе в июне 1967 года, а следовательно, они несут косвенную ответственность за неудавшийся переворот в целях свержения Мобуту; этот возглавлявшийся наемниками переворот произошел после того, как Чомбе сдался алжирским властям; 5) агенты ЦРУ сыграли значительную роль в манипулировании результатами выборов в Сомали в 1967 году: приход к власти премьер-министра Мухаммеда Эгаля был «облегчен», как утверждают, «тысячами долларов, тайно выплаченных Эгалю и другим прозападным элементам в правящей партии Сомали — молодежной лиге — незадолго до президентских выборов 1967 года»; 6) подобным же образом ЦРУ было непосредственно замешано в «облегчении» прихода к власти полковника Ришара Рацимандравы на Мадагаскаре в феврале 1975 года, незадолго до того, как члены подвижной полицейской группы убили его и поставили вместо него Дидье Рацираку; 7) к этому необходимо добавить широко разрекламированную деятельность ЦРУ в Анголе: поставки крупных партий оружия и боеприпасов через Заир, выплаты наличными Холдену Роберто и Жонасу Савимби, вербовка наемников в Западной Европе и Соединенных Штатах, организация доставки материальных средств сухопутным путем как в Заире, так и в Анголе.

Большая часть этих доказательств вмешательства ЦРУ во внутренние дела африканских государств хорошо известна общественности. Однако до сих пор удивительно мало говорилось о том, что означает все это с точки зрения развития политических процессов.

Легко видеть, каким образом действия разведки могут включаться в контекст американской политики помощи (если предположить, что лозунги могут быть возведены до уровня политического курса): их главная цель — добиться, чтобы правительства стран «третьего мира» не стали жертвами коммунистических подрывных действий, а такая задача, очевидно, может быть решена лучше всего с помощью подрывных действий какого-либо иного рода. Подобная логика, разумеется, весьма сомнительна.

Особенно уместно упомянуть здесь об утверждении Доналда Круза О'Брайена о том, что за последнее десятилетие на шкале приоритетов, которой пользуются американские политические руководители, произошел коренной сдвиг и понятие «институциональный порядок» (поддержание су-

ществующих институтов государственной власти) теперь идет перед «демократией». Именно на этом уровне можно лучше всего понять характер вклада, вносимого действиями разведывательной службы в цели развития, формулируемые в американской политике по отношению к Африке: если развитие требует организационной силы, то тайная манипуляция является, по-видимому, одним из путей достижения последней.

Другое соображение касается экономической стороны проблемы развития. Если отвлечься на время от тайной деятельности ЦРУ и сосредоточить внимание на его политических рекомендациях, то стоит призадуматься над выводами проведенного ЦРУ в 1974 году исследования стратегических аспектов продовольственных ресурсов. Как говорилось в докладе, эти ресурсы «могли бы обеспечить Соединенным Штатам такую мощь, какой они не располагали никогда ранее, и, возможно, бо́льшее экономическое и политическое господство, чем то, которое они имели в период непосредственно после второй мировой войны».

То, что продовольствие действительно стало одним из «главных средств ведения переговоров, которые имеются в нашем инструментарии», как выразился министр сельского хозяйства Эрл Бутц в 1974 году, теперь уже известно всем, и последствия такой политики никоим образом не ограничиваются Африканским континентом. Важно то, что ЦРУ занимается выработкой общеполитических рекомендаций подобного рода, вместо того чтобы ограничить свою деятельность анализом разведывательной информации; в равной мере заслуживает внимания резонанс, который осуществление такой политики может вызвать в тех африканских странах, где нехватка ресурсов ощущается особенно остро.

В данном случае я хочу подчеркнуть то обстоятельство, что поддержание существующих институтов государственной власти с помощью тайного манипулирования в зарубежных странах, по-видимому, находится в логической связи с тем политическим влиянием, которое обеспечивается использованием продовольствия в качестве стратегического оружия, причем первое служит кнутом, а второе — пряником.

Хотя тайное вмешательство вполне согласуется с отмечавшейся выше официальной тенденцией рассматривать развитие с точки зрения краткосрочных политических выгод (причем приоритет отдается поддержанию существующих институтов государственной власти), очевидно, что очень трудно увязать эту политику с требованиями долгосрочного

политического и экономического развития. Может быть, лучше всего выразил эту дилемму Ричард Биссел:

«Тайное вмешательство обычно организуется для воздействия на внутренний силовой баланс, зачастую с весьма краткосрочными целями. Меры по укреплению экономики слаборазвитой страны должны быть тщательно разработанными, рассчитанными на длительные сроки, требующими, вероятнее всего, крупных затрат; они должны пользоваться открытой поддержкой основных группировок внутри страны... Вовсе не удивительно, что те лица в американском правительстве, которые осуществляют на практике эти два вида вмешательства, различаются по темпераменту, по тем предпочтениям, которые они отдают при выборе друзей, по своему отношению к методам и идеологическим взглядам».

Эту дилемму нельзя разрешить ни с помощью веры — проявляя чувство уверенности в долгосрочных выгодах трансплантированной формы демократии, ни с помощью раскаяния — признавая, что, поскольку «грязные трюки» ЦРУ несовместимы с нашей системой ценностей, их необходимо исправить и санкционировать. Установление принципов и процедур контроля над действиями ЦРУ в зарубежных странах не заменяет собой выработку хорошо продуманного набора альтернативных курсов долгосрочной политики в области развития. Для действий ЦРУ в большинстве африканских стран отсутствие четких целей столь же часто, как и их наличие.

Здесь неуместно заниматься критикой различных теорий развития, однако следует отметить чрезвычайно важное значение законности как необходимого условия развития или его выражения. Законность, если говорить кратко, есть именно то, что позволяет политическим деятелям увеличить свои возможности в достижении определенных целей развития; хотя это может показаться трюизмом, менее очевидно, пожалуй, то обстоятельство, что среди наиболее вероятных кандидатов на тогу блюстителя законности в Африке редко встречаются лица, считающиеся наиболее «надежными» с точки зрения стандартов ЦРУ.

В конце концов, сама логика националистического движения подсказывает, что степень его законности в глазах народа будет увеличиваться пропорционально усилению его антиимпериалистической, а следовательно, и антизападной направленности — по крайней мере, на ранних стадиях. Когда власть отклоняется от первоначального источника полномочий, возрастает коэффициент применяемого ею принуждения. Или же утрата законности должна быть как-то

компенсирована распределением власти в данной политической системе. Совершенно верно, конечно, что возможности африканских политических деятелей в отношении применения принуждения или распределения власти иногда увеличивались поразительным образом в результате того, что они становились прислужниками ЦРУ. Тем не менее когда такие связи получают широкую огласку, законность такой политической системы неизбежно ставится под сомнение. Взяточничество и репрессии становятся обычной практикой, и политические деятели начинают рассматривать свои связи с ЦРУ как наилучшие гарантии собственного выживания на политической сцене.

Возникает порочный круг, когда любая попытка африканских прислужников восстановить доверие к себе со стороны общественности заставляет их полагаться во все большей и большей мере на своих покровителей из ЦРУ.

Хотя случай с Заиром иногда используется американскими официальными лицами в качестве классического примера успешного тайного вмешательства, он показывает также, что связи с ЦРУ могут дать обратный эффект с точки зрения законности. Рассмотрим, например, события, происшедшие в 1967 году. Стремясь отвести от себя подозрения в полной зависимости от ЦРУ (этот факт стал совершенно очевидным во время мятежа в 1964 году, если не ранее), Мобуту решил в 1967 году принять более радикальную позу, а чтобы придать вид «подлинности» своему новому образу, разработал план привезти Чомбе из Испании, где тот находился тогда, и устроить публичную казнь его как марионетки «неоимпериализма». Во всем этом Мобуту полагался прежде всего на ЦРУ.

Операция оказалась очень успешной, по крайней мере на начальном этапе: 30 июня самолет Чомбе был захвачен над Средиземным морем, и после вынужденной посадки в Алжире лидер катангских сепаратистов был выдан алжирским властям. В этот момент, однако, стало ясно, что Бумедьен не желает выдать Чомбе Мобуту без всяких условий, а этого ЦРУ не предвидело. Не предвидело ЦРУ и того, что угон самолета Чомбе приведет через несколько недель к попытке переворота, предпринятой наемными войсками против режима Киншасы, что в действительности еще больше усилило зависимость Мобуту от его хозяев в ЦРУ.

Стремление Мобуту доказать, что он не является марионеткой ЦРУ, служит также наиболее правдоподобным объяснением сделанного им в 1975 году заявления, что в организации одного из заговоров в вооруженных силах

Заира была видна рука ЦРУ. Эта явная небылица не только позволила ему публично отмежеваться от ЦРУ в момент, когда слушания в конгрессе США угрожали разоблачением его тайных связей с этой организацией, но и послужила удобным предлогом для избавления от ряда высокопоставленных армейских офицеров.

Остается неясным, не приведет ли эта уловка Мобуту к обратным результатам и не найдут ли офицеры, избранные Мобуту в качестве козлов отпущения, сторонников как в армии, так и вне ее, которые будут стремиться взять реванш, возможно, в виде переворота, организованного армией. Превознесения достоинств «истинности» едва ли достаточно, чтобы прикрыть всю неустойчивость положения Мобуту.

Помимо угроз, которые создает ЦРУ для законности зависящих от него африканских режимов, возникает вопрос, какое влияние могут оказать связи с ЦРУ на процессы национального объединения. На первый взгляд убедительных доказательств этого нет. Насколько мне известно, ЦРУ никогда не пыталось содействовать отделению Катанги; в самом деле, поддержка, которую оно оказывало Мобуту, полностью соответствовала проводившейся Вашингтоном политике восстановления и поддержания территориальной целостности Заира как суверенного государства. Ситуация же в Анголе, напротив, служит классическим примером раскольнического влияния тайных операций на процесс национального объединения. Как я уже писал в одной из своих работ, наша политика в Анголе сделала невозможным осуществление задачи национального примирения. Оказывая крупномасштабную одностороннюю поддержку группировке ФНЛА — УНИТА по каналам ЦРУ и, таким образом, еще до того, как упрочились военные связи между Советами и МПЛА, американские политики (конкретно — Киссинджер) упустили все существовавшие в то время возможности содействовать сближению. Как только мы дали понять Холдену Роберто и Жонасу Савимби, что американское правительство готово поддерживать их целиком и полностью как в финансовом, так и в военном отношении, их надежды на успех возросли настолько, что любая уступка сопернику стала казаться ненужной, если не вообще вредной.

За исключением Анголы, где контакты с Холденом Роберто были установлены ЦРУ задолго до получения независимости, я не знаю никаких других примеров подобных целенаправленных и систематических усилий со стороны ЦРУ по разжиганию либо использованию этнических или поли-

тических распрей внутри националистического движения до получения страной независимости. Этого нельзя сказать о ПИДЕ и СДЕСЕ. Раскольнические последствия действий ЦРУ проявляются в наиболее мрачном виде на уровне взаимоотношений элит в период непосредственно после получения какой-либо страной независимости.

В ряде случаев контакты, установленные африканскими лидерами с агентами ЦРУ, настолько способствовали увеличению ресурсов, имевшихся в их распоряжении, и возрастанию их надежд, что они, чувствуя себя достаточно уверенно, начинали создавать новые партии, замышлять заговоры и перевороты или просто отказываться от компромиссов, которые при иных обстоятельствах представлялись бы наиболее разумным вариантом действий. По крайней мере, к такому выводу меня приводит ознакомление с материалами о деятельности ЦРУ в таких государствах, как Заир, Бурунди, Ангола и Мадагаскар.

Аспект деятельности ЦРУ, связанный с применением принципа «разделяй и властвуй», необходимо анализировать не только в плане компромиссных политических решений, вырабатываемых совместно с политическими противниками и оппозиционными группировками внутри любой данной страны, но и — что, пожалуй, более важно — в плане настроений, насаждаемых ЦРУ среди его приспешников из местного населения. По существу, речь идет не о чем ином, как о попытке затормозить развитие чувства преданности отдельно взятых граждан вновь возникшему государству. И опять-таки очень поучительным в этом отношении будет следующее заявление Биссела:

«Соединенные Штаты должны шире использовать лиц, не являющихся гражданами данной страны, которым в ходе идеологической обработки и специальной подготовки следует внушить мысль о необходимости развивать чувство преданности другой стране... Таким кадровым агентам следует внушать мысль... о необходимости развивать чувство преданности другой стране с перспективой длительной работы... Главная задача заключается в выявлении потенциальных местных союзников — как среди отдельных лиц, так и среди организаций, устанавливая с ними контакты и опираясь на факт общности интересов».

Это заявление раскрывает сознательную и преднамеренную попытку со стороны бюрократии ЦРУ манипулировать настроениями «потенциальных местных союзников» такими способами, которые наносят глубокий ущерб развитию чувства национальной преданности. Оно проливает свет на

важность «идеологической обработки и специальной подготовки» в обеспечении соответствующих сдвигов в лояльности, а также показывает, как сотрудники ЦРУ могут использовать перспективу «длительной работы» для формирования нужного образа мышления у своих потенциальных союзников. Из этого напрашивается вывод, что «кадровые агенты» могут быть завербованы в ЦРУ и превращены в «преданных» помощников в своих отечественных государствах только с помощью длительных и тесных контактов с гражданами других стран. Подобная практика представляет собой, возможно, одно из самых серьезных препятствий, с которыми сталкиваются правительства стран «третьего мира». в своем стремлении добиться минимального уровня национального объединения.

Наконец, следует сказать. несколько слов об ограничениях, навязываемых африканским правительствам в результате их связей с ЦРУ. Учитывая широту диапазона акций, включаемых в рубрику «тайные операции» (а именно: 1) политические рекомендации и консультации; 2) субсидии отдельным лицам; 3) финансовая поддержка и техническая помощь; 4) поддержка частных организаций, включая профсоюзы, промышленные и торговые фирмы, кооперативы и т. д.; 5) скрытая пропаганда; 6) частная подготовка отдельных лиц и обмен персоналом; 7) операции экономического характера; 8) полувоенные или политические акции, направленные на свержение или поддержку какого-либо режима), легко видеть, каким образом подобные действия, взятые в отдельности либо в целом, могут существенно препятствовать развитию приспособляемости и автономии африканских институтов, а также взаимосвязей между ними.

Профсоюзы, студенческие ассоциации и церковные организации могут оказаться настолько зависимыми от субсидий и рекомендаций ЦРУ, что утрачивают всякую способность реагировать на запросы собственных членов. Их цели как организаций могут заключаться почти исключительно в сборе секретной информации, шпионаже, пропаганде и так далее — в ущерб их обычным посредническим функциям. Координированные реакции на внешние воздействия становятся при таких обстоятельствах практически невозможными хотя бы из-за самого характера системы поощрений, которая стимулирует замену внутренних целей внешними и отдает предпочтение индивидуальным выгодам перед коллективными.

Расширение тайных операций может создавать угрозу не только приспособляемости, но и автономии политических

институтов. Дело здесь не просто в том, что автономия какого-либо института уменьшается пропорционально степени его зависимости от внешней организации; еще более важен вопрос о том, в какой мере действия ЦРУ усиливают зависимость политических институтов от специфических интересов отдельных социальных групп и ячеек — этнических, региональных, семейных или клановых интересов.

В ряде случаев чистый результат вмешательства ЦРУ во внутреннюю политику африканских государств состоял в резком усилении зависимости их институтов от этнических и региональных группировок, а иногда и от весьма специфической профессиональной группы — имеются в виду наемники. Наглядными примерами может служить положение в Заире с 1964 по 1967 год и в Анголе в 1975 и 1976 годах. Вмешательство наемных войск в политический процесс в этих государствах еще ждет своего полного освещения; тем не менее бесспорно, что оно оказало глубокое пагубное влияние на стабильность их политических и военных институтов.

Уязвимость африканских институтов с точки зрения проникновения в них агентуры ЦРУ угрожает их взаимосвязи в основном по тем же причинам, по которым оно уменьшает их автономию. Для лиц, занимающихся тайными операциями, обычными являются различные интриги, личная вражда, заговорщические настроения. Привлечение ценных ресурсов (обычно в виде наличных денег) на внутренний рынок в африканских государствах открывает новые возможности для различного рода авантюристов и одновременно создает условия как для махинаций, так и для усиления взаимных подозрений. Стремление к соперничеству, возникающее под влиянием различных видов тайной помощи и консультаций, приводит к негативным последствиям; усилению неустойчивости политических институтов также способствуют цинизм и эгоизм, неизбежно возникающие при участии в тайных операциях. Поддержание надлежащей общности интересов и солидарности при таких обстоятельствах становится невыполнимой задачей. То, что происходит со взаимосвязанностью политических институтов в среде, насквозь пропитанной влиянием ЦРУ, можно, пожалуй, проиллюстрировать лучше всего на примере так называемой «группы Бинза» в Заире — лишенного четкой организации сборища политиков, которых объединяли лишь их разнообразные связи с агентами ЦРУ. Сам краткий срок существования этой группы свидетельствует о полном отсутствии в ней сплоченности, дисциплины и способности к эффективным

действиям. «Группа Бинза» действительно является классическим примером абсолютно беспомощной организации.

Пора наконец рассматривать ЦРУ таким, какое оно есть на самом деле, — не просто как «фабрику призраков», а как институт, который в различной степени и с помощью различных орудий и методов оказывал и продолжает оказывать в целом отрицательное влияние на развитие стран «третьего мира». Это же относится, разумеется, и к аналогичным службам других западных стран, прежде всего к французской разведке. А если это так, то становится уже невозможным принимать за чистую монету сомнительное утверждение некоторых аналитиков, высказываемое как прямо, так и в завуалированном виде, что главные препятствия для развития стран «третьего мира» обусловлены в основном причинами внутреннего характера.

Карл ван Метер

РОЛЬ ФРАНЦИИ В АФРИКЕ

Статья написана в июне 1979 г. специально для данной книги.

Французский империализм в Африке

Вскоре после прекращения в 1976 году вмешательства ЦРУ в вооруженный конфликт, спровоцированный в Анголе, президент Анголы Агостиньо Нето заявил, что «территория Франции, а точнее, ее столица стала главным центром подрывных движений, плетущих заговоры против различных африканских стран... Короче говоря, Франция стала прибежищем для всех реакционных организаций, ведущих подрывную пропаганду против прогрессивных режимов в Африке». К сожалению, в этом отношении ничего не изменилось с начала деколонизации французских владений в Африке после второй мировой войны.

Но ни война, ни неизбежный процесс деколонизации не изменили капиталистический экономический строй во Франции. По любому общеэкономическому показателю она идет далеко позади Соединенных Штатов, Советского Союза и Западной Германии и не в состоянии открыто соперничать

с ними па международной арене. Чтобы компенсировать эту слабость, Франция стремится вести отчаянную и грязную борьбу за удержание своих бывших колоний, хотя зачастую и безуспешно, как это было, например, в Индокитае и позже в Алжире. После этих двух сокрушительных поражений в 50-х и в начале 60-х годов Франция перешла к неоколониалистской стратегии: предоставляя формальную независимость, она не выпускает при этом из своих рук того, что для нее абсолютно необходимо, — экономические выгоды, получаемые от бывших колоний. Даже если не учитывать средства, расходуемые на импорт нефти, у Франции имеется крупный дефицит торгового баланса, покрыть который было бы невозможно, если бы она не получала колоссальную прибыль от своих бывших колоний. Однако, чтобы и впредь пользоваться экономическими выгодами неоколониализма, Франция должна в большой мере полагаться как на «грязные трюки» своей секретной службы, так и на открытое военное вмешательство в целях «защиты» своих неоколоний от местных прогрессивных лидеров и движений и от иностранного соперничества в экономической области.

С начала «холодной войны» капиталистические страны стремились находить компромиссы, а не воевать за зависимые страны «третьего мира». Поэтому СДЕСЕ и французские вооруженные силы вели борьбу против освободительных движений в Африке и лишь в отдельных случаях вступали в конфликт с аналогичными американскими ведомствами — ЦРУ и Пентагоном. Иногда зависимые режимы становятся настолько репрессивными и настолько дискредитируют себя на международной арене, что никакая другая страна и не пытается в открытую получить от них экономические выгоды, что создало бы угрозу роли доминирующей державы. Ярким примером ситуации подобного рода служит режим Бокассы I в Центральноафриканской империи. Кто осмелился бы вкладывать средства в эту страну в целях соперничества с Францией за экономическое господство?

Степень экономического господства в зависимых странах можно оценить, определив, какая доля современного сектора экономики контролируется господствующей державой. Для Франции в случае с Берегом Слоновой Кости она составляет 50 процентов; в Камеруне — 55 процентов; в Сенегале — 57 процентов и в Габоне — 65 процентов. Более того, эти зависимые страны поставляют по низким ценам сырье, абсолютно необходимое для выживания французской экономики: алюминий из Камеруна, фосфаты из Сенегала, нефть из Габона и уран из Нигера. Одна из таких зависимых стран —

Верхняя Вольта является в действительности беднейшей во всей Африке: в 1975 году средний годовой доход на душу населения составлял здесь 90 долларов. Утрата экономического господства в этих странах неизбежно привела бы к крупным изменениям в самой Франции, и именно поэтому она столь твердо поддерживает эти зависимые режимы, несмотря на их продажный и нередко репрессивный характер.

Экономическое господство может также использоваться в качестве тайного средства поддержки других режимов. В начале 1976 года обнаружилось, что габонская авиакомпания «Аффретэр» нарушает санкции ООН, доставляя товары в Родезию и из нее. Компания была ликвидирована и включена в состав «Эр Габон»; было объявлено, что связи с Родезией прекращены. Затем стало известно о создании двух небольших авиакомпаний — «Эр Габон Карго» и «Каргомен лимитед». Используя в основном тот же самый персонал и технику, они продолжали вести незаконную торговлю с Родезией. Действуя таким путем, Габон выступал в качестве подставного лица Франции, поддерживавшей режим Яна Смита.

Подобным же образом зависимые от Франции государства были первыми африканскими странами, принявшими стратегию «диалога» с расистским режимом Южной Африки. 19 апреля 1971 года президент Сенегала Сенгор объявил о принятии этой стратегии. 28 апреля 1971 года с аналогичным заявлением выступил президент Берега Слоновой Кости Уфуэ-Буаньи, который позже имел тайную встречу с южноафриканским премьер-министром Форстером, что также произошло впервые в практике африканских государств. 6 июня 1971 года Центральноафриканская Республика официально признала ЮАР и в рамках «диалога» получила от нее финансовую помощь. Наконец 6 июля 1971 года заявил о своей готовности пойти на «диалог» с Южной Африкой Габон. Это был лишь один аспект общей поддержки Францией режима апартеида.

После имевшего катастрофические последствия вторжения ЮАР в Анголу в 1975 году зависимые от Франции африканские государства были вынуждены отказаться от стратегии «диалога». С тех пор французское правительство во главе с президентом Жискар д'Эстеном пыталось изобрести новые средства для обеспечения экономического господства над своими сателлитами. Во время визита в Берег Слоновой Кости в январе 1978 года Жискар д'Эстен объявил о создании «пакта евро-африканской солидарности», который дол-

жен был упрочить экономические отношения Франции в Африке и гарантировать военную помощь зависимым от нее странам в случае необходимости. В западногерманских официальных кругах расценили этот план как попытку Франции переложить часть своего финансового бремени на плечи других, продолжая в то же время пожинать экономические выгоды.

Позже президент Жискар д'Эстен заменил этот пакт, не получивший особой поддержки, еще более грандиозным планом — так называемым «евро-афро-арабским пактом», о котором он объявил во время своего визита в Африку в июне 1979 года. Явное отсутствие энтузиазма у всех заинтересованных сторон означает, что и этот план обречен на провал. В то же время соперничество между капиталистическими странами в Африке усиливается. На конференции Европейского Общего рынка на высшем уровне в Лондоне в 1977 году министр иностранных дел Бельгии Ван Эльсланде заявил: «Париж особенно заинтересован в минеральных богатствах Заира, и бельгийцы считают эту заинтересованность одной из форм международного соперничества». Но соперничество подобного рода не мешает им поддерживать расистский режим в Южной Африке, которой они придают важное стратегическое значение.

Военное вмешательство

Если экономическое господство является смыслом действий французского империализма в Африке, то единственным средством обеспечения такого господства служит вмешательство секретных служб и вооруженных сил с их набором «грязных трюков» — от подкупов и политических убийств до создания фальшивых освободительных движений и ведения полномасштабной вооруженной борьбы. В действительности Франция является единственной бывшей колониальной державой, которая до сих пор постоянно держит свои войска в Африке. Учитывая ограниченный военный потенциал африканских стран, она часто имеет возможность успешно проводить интервенцию без чрезмерного риска. Более того, большинство западных союзников поощряют Францию к действиям такого рода.

Военные акции в Африке, хотя они и контролируются формально министром обороны, направляются на деле «службой действий», или «седьмым бюро» СДЕСЕ — французского эквивалента ЦРУ. В конце 50-х и начале 60-х годов одной из частей, руководимых «службой действий», была 11-я парашютная полубригада, прозванная 11-й «удар-

ной». Она имела базы в Кальви на Корсике и в Перпиньяне на юге Франции. 11-я «ударная» была расформирована в январе 1962 года, а полковника Руссила, который, как полагали, отвечал за «службу действий» в СДЕСЕ, сменил полковник де Фроман. К другим частям, используемым «службой действий» сегодня, относятся дислоцирующиеся в Байонне (Франция) 1-й парашютный полк морской пехоты под командованием подполковника Мишеля Франсески и в Кальви на Корсике 2-й парашютный полк Иностранного легиона под командованием полковника Филиппа Эрулена, который известен тем, что подвергал пыткам французских граждан во время алжирской войны, а также 13-й драгунский парашютный полк, дислоцирующийся в Бенгерире близ Марракеша в Марокко. Все это воинские части для грязной работы, используемые СДЕСЕ в вооруженных интервенциях в Африке, а таковых было немало.

Интервенция в Чаде

В 1960 году Франция предоставила Чаду независимость и поставила у власти президента Томбалбая, но северная половина страны оставалась под контролем французской военной администрации вплоть до 1965 года. Из-за продажности Томбалбая и его фаворитизма к своему племени 10 ноября 1965 года в Мангальме вспыхнул вооруженный мятеж против правительственных сборщиков налогов. Затем в 1966 году в Ньяле — городе в суданской провинции Дарфур — был создан Фронт национального освобождения Чада (ФРОЛИНА), переживший много расколов, часть которых, вероятно, поощрялась французскими секретными службами. В августе 1968 года в конфликт вмешались французские парашютисты, чтобы защитить режим Томбалбая от ФРОЛИНА. Они находились в Чаде до июня 1971 года, но другие французские военнослужащие оставались там до октября 1975 года, когда им было предложено покинуть страну.

В августе 1971 года была предпринята попытка совершить государственный переворот, однако она провалилась. В августе 1973 года лидер оппозиции в Чаде Утель Боно был убит в Париже при неясных обстоятельствах. В апреле 1974 года в Чаде была захвачена французский антрополог Франсуаза Клостр, которую держали в плену почти три года, требуя выкуп. По всей видимости, в этом деле были замешаны французские секретные службы, потому что не только был выплачен крупный выкуп за г-жу Клостр, но и человек, державший ее в плену, некто Иссеп Абр, впо-

следствии стал премьер-министром. Затем 13 апреля 1975 года армия Чада свергла режим, а сам Томбалбай был убит. Он уже давно стал бесполезным для французского правительства. К власти пришел генерал Феликс Маллум.

В апреле 1977 года была предпринята новая попытка государственного переворота, и в июле того же года французские самолеты-истребители были брошены против партизан ФРОЛИНА. В мае 1978 года французские войска вновь вмешались, чтобы воспрепятствовать захвату ФРОЛИНА столицы страны Нджамены. 27 июля 1978 года исчез самолет ДС-3, купленный во Франции Мишелем Уинтером и пилотировавшийся Роланом Ракулем; подозревали, что он совершил посадку в Чаде. Уинтер в свое время был парашютистом во французских колониальных войсках и участвовал в боевых действиях в Индокитае и Алжире, где он вступил в ультраправую террористическую организацию ОАС. После этого он работал на СДЕСЕ и воевал в качестве наемника в Биафре. Летчик Ракуль также был членом ОАС, также воевал как наемник в Биафре и, кроме того, был членом «Ажинтер пресс» [1]. Одно время он был личным телохранителем президента Габона Бонго и участвовал в первом вторжении наемников на Коморские острова, организованном Бобом Денаром по поручению французских секретных служб. С тех пор ни о самолете, ни о летевших на нем людях ничего не известно.

В августе 1978 года Иссен Абр, державший в плену Франсуазу Клостр, стал премьер-министром, а Феликс Маллум сохранил за собой пост главы государства. В феврале 1979 года Маллум и Абр начали грызню между собой, продолжая в то же время борьбу против ФРОЛИНА. Такова политическая жизнь в африканской стране, зависимой от Франции.

Интервенция в Западной Африке

В 1958 году подопечной территорией Камерун начал править Амаду Ахиджо, поставленный у власти французами. Оппозиция против французского неоколониального господства сплачивалась вокруг Союза народов Камеруна, основанного и возглавлявшегося Эрнестом Уанди и Феликсом Муми. После кровавых репрессий в 1958 году Уанди возглавил мятеж и партизанскую борьбу против профранцузского ре-

[1] «Ажинтер пресс»—португальско-итальянское фашистское агентство, совершавшее террористические акты в ряде стран Западной Европы, Африки и Латинской Америки.

жима Ахиджо. Он был схвачен и казнен через много лет — 15 января 1971 года. Его сторонники еще долго вели борьбу с французскими войсками после формального предоставления Камеруну независимости в 1960 году. Феликс Муми, вынужденный покинуть страну в 1958 году, активно добивался в европейских странах поддержки Союзу народов Камеруна и партизанской борьбе. В конце 1960 года в Женеве подруга Муми, «девушка по вызову» по имени Лилиана Ферреро, познакомила его с агентом французской секретной службы Уильямом Бечтелем. Несколько дней спустя Муми умер от большой дозы яда. Лишь через четырнадцать лет швейцарские власти возбудили против Бечтеля дело по обвинению в убийстве Муми. 5 апреля 1975 года Амаду Ахиджо был избран президентом в третий раз на пятилетний срок большинством голосов в 3 483 165 против 163.

В начале 1974 года Нигер был независимой страной, возглавлявшейся президентом Амани Диори. Наиболее ценным природным богатством страны был уран, добывавшийся в Арлитских рудниках. Переговоры между правительством президента Помпиду и правительством Нигера о реалистичной цене на этот уран были прерваны. Когда президент Диори прибыл в Париж на похороны Помпиду в начале 1974 года, он предупредил премьер-министра Мессмера, что хотел бы согласовать разумную цену на уран до конца апреля 1974 года, когда он должен был вылететь в Нью-Йорк на конференцию ООН. В случае если бы французское правительство не согласилось с этим предложением, президент Диори был готов выступить в ООН с разоблачением происков Франции. За несколько дней до начала новых переговоров профранцузские элементы в армии Нигера организовали государственный переворот, в результате которого Диори был свергнут.

О важности данного случая свидетельствует секретный доклад, подготовленный в декабре 1977 года тогдашним министром иностранных дел Франции Луи де Гиренго. В докладе говорилось, что прекращение на три дня работ на урановых рудниках в Нигере обошлось бы Франции в два миллиона долларов.

К числу других крупных операций, проведенных французскими секретными службами и вооруженными силами, относятся широкая поддержка персоналом и оружием движения генерала Оджукву за отделение Биафры в период с июля 1967 года по январь 1970 года и сотрудничество с португальской фашистской секретной службой ПИДЕ во

время вторжения французов в Гвинею-Конакри 22 ноября 1970 года.

Одной из жемчужин французского империализма в Африке является Габон, хотя события там не всегда протекали гладко. Неоколониальный режим президента Леона Мба был свергнут 18 февраля 1964 года группой прогрессивно настроенных габонских военных. Все политические заключенные были немедленно выпущены на свободу. Но уже на следующую ночь в Габон прибыли направленные генералом де Голлем парашютисты, восстановившие Мба на посту президента. С тех пор Габон стал центром операций французских секретных служб во всей Африке. Он использовался в качестве базы для поддержки ФЛЕК (Фронт за освобождение анклава Кабинда) в Кабинде в 1975 году и как одна из баз для опустошительного нападения наемников на Бенин 16 января 1977 года, организованного Бобом Денаром при содействии французских секретных служб. Продажность режима нынешнего президента Габона Омара Бонго широко известна.

В 1978 году Карлос Грака, личный врач Бонго и бывший министр здравоохранения, оказался замешанным в попытке государственного переворота в целях свержения правительства соседней страны — островов Сан-Томе и Принсипи, незадолго перед этим получившей независимость. Правительство МЛСТП (Движения за освобождение островов Сан-Томе и Принсипи) арестовало бывшего министра юстиции и члена политбюро МЛСТП Жозе Фрети. Были арестованы также Алсину Лима, начальник протокольного отдела при президенте Мануэле Пинту да Коста, и некий Сантана, шеф политической полиции. Лима должен был подменить чемодан «дипломат», подаренный президенту да Коста Омаром Бонго, другим, точно таким же чемоданом, но с бомбой внутри. Разумеется, достать такой чемодан в Габоне было легко. Помимо этого имели место неоднократные нарушения воздушного пространства и территориальных вод Сан-Томе и Принсипи. Хотя Бонго любезно предложил направить свои войска для защиты соседа, президент да Коста по понятным причинам предпочел обратиться за помощью к МПЛА в Анголе.

О военном сотрудничестве между Францией и ЮАР стало достаточно широко известно после опубликования книги Джона Стокуэлла «В поисках врагов» и таких статей, как «Где бы была Южная Африка сегодня без Франции?». Новые убедительные доказательства сотрудничества Франции с ЮАР, а также с УНИТА обнаружились в доках Марселя

в апреле 1976 года. Французское грузовое судно «Анжио», принадлежащее компании «Фабр», выгрузило 234 ящика, в которых находилось более трех тысяч минометных мин в отличном состоянии. Эти боеприпасы — из запасов французской армии — были отправлены в Южную Африку для последующей передачи УНИТА, однако когда ящики прибыли к месту назначения, в УНИТА происходил разброд, поэтому груз был возвращен отправителю, то есть французской армии.

Каково же ныне положение Франции в Африке в военном отношении? По мнению специализированного французского издания «Африк дефанс», Франция теперь располагает наиболее мощными военно-морскими силами в Индийском океане. Кроме того, на восточном побережье Африки Франция держит, как считают, войска численностью в пять тысяч человек, дислоцированные в недавно получившем независимость Джибути, а также значительное число военных самолетов. На острове Реюньон, где размещается французский штаб по руководству операциями в Индийском океане, находятся 1200 солдат сухопутных войск и 1100 морских пехотинцев. На западном побережье Африки Франция предоставила в распоряжение президента Бонго 300 солдат и открыто использует в своих целях крупный аэропорт Либревиль в Габоне. В Республике Берег Слоновой Кости на авиабазе Порт-Боэ близ столицы страны Абиджана дислоцированы 400 французских морских пехотинцев, готовых к переброске по воздуху. В Сенегале размещаются 1200 французских солдат (четыре механизированные роты). Стратегическое значение крупной авиабазы в Уакаме близ Дакара было подтверждено на практике, когда она использовалась для нанесения воздушных ударов по ПОЛИСАРИО и для заправки самолетов во время двух вооруженных вмешательств в Шабе. Кроме того, 1600 французских офицеров и унтер-офицеров служат в армиях франкоязычных африканских стран в качестве военных советников. Любое прогрессивное движение в такой стране должно считаться с этой военной силой.

Жак Фоккар и французская грязная работа

Военное или вооруженное вмешательство является составной частью деятельности французского империализма в Африке, и хотя оно может быть и продолжительным, обыч-

но оно рассчитывается на короткий срок. К нему прибегают лишь тогда, когда более скрытые средства, например подкуп, политические убийства, репрессии, другими словами, то, что составляет повседневную работу секретных служб, оказываются недостаточными. Там, где одна лишь тайная грязная работа не приносит успеха, в дело вводятся вооруженные силы.

Тайные операции французских секретных служб в Африке в период нахождения у власти генерала де Голля и позже Жоржа Помпиду по существу неразрывно связаны с именем Жака Фоккара. Вскоре после окончания второй мировой войны де Голль образовал бесприбыльную организацию под названием Служба гражданских действий (САС), которая быстро превратилась в собственное государство де Голля внутри французского государства.

В 1947 году Фоккар уже отвечал перед де Голлем за африканские дела. После возвращения де Голля к власти в 1958 году, когда шла война в Алжире, Фоккар, назначенный генеральным секретарем по африканским и малагасийским делам, начал использовать САС в качестве собственной секретной службы для проникновения во французские государственные органы и для осуществления «грязных трюков» во всем мире, главным образом в Африке. Можно сказать, что Фоккар фактически использовал СДЕСЕ в своих интересах в Африке с начала 60-х до середины 70-х годов. Это был период «барбузов» — неофициальных, но самых настоящих шпионов из сети Фоккара.

После окончания войны в Алжире началось быстрое расширение сети Фоккара во всей франкоязычной Африке в целях контроля за осуществлением французской неоколониальной стратегии. Находясь на посту премьер-министра Конго (Киншаса), Сирил Адула был марионеткой в руках одного из людей Фоккара — Андре Лабе, бывшего шефом тайной полиции Адулы. Лабе был также замешан в торговле алмазами, служившей источником денег, которые, в свою очередь, вкладывались в торговлю наркотиками. Лидер Конго (Браззавиль) Фюльбер Юлу также был марионеткой в руках людей Фоккара, использовавших в качестве прикрытия «Хедлайн пресс эйдженси» в Браззавиле. Один из этих людей — Жан-Мари Лоран — был также представителем «Ажинтер пресс» и позже был замешан в убийстве Эдуардо Мондлане. Убийство в Париже в 1965 году лидера марокканской оппозиции Бен Барка также было делом сети Фоккара.

Хотя вопрос о том, как функционировала в действительности сеть Фоккара, не вполне ясен, известно тем не менее, что она была построена на базе крупной группы коммерческих и полуофициальных компаний. Назначение этих компаний состояло в получении денег для финансирования деятельности сети и обеспечения прикрытия ее агентов и проводившихся ими операций. Основными сообщниками Фоккара по финансовым делам были Жильбер Божолен, Шарль Беранже и Ришар Вотье. Божолен считался, по-видимому, специалистом по финансовым вопросам, а Беранже был правой рукой Фоккара по организации сети и руководству ее деятельностью. Вотье занимался грязной работой. Божолен контролировал «Сосьете Божолен» и «Сосьете д'экипман пур Африк» (СЕА), которые, в свою очередь, контролировали «Мерседес-Африк», представлявшую «Мерседес-Бенц» в Африке. Он также контролировал «Мартмэр» — компанию, специализировавшуюся на продаже оружия и взрывчатых веществ, — и «Барракюд-Франс» и «Франсэкспа» — две экспортно-импортные компании.

Кроме того, он контролировал полуофициальное Бюро развития сельскохозяйственной продукции (БДПА), в котором было занято четыреста инженеров и техников и около восьмидесяти государственных служащих. Как полагают, в начале 1975 года с сетью Фоккара было связано семнадцать компаний. Большинство из них, а возможно, и все они, получая прибыль, одновременно занимались сбором информации по всей Африке, как это делали, например, «Барракюд-Франс», «Франсэкспа» и БДПА, а также служили прикрытием для «барбузов» Фоккара.

Один из них, полковник Роже Барберо, участвовал в движении Сопротивления во Франции, командовал 11-й «ударной» во время войны в Алжире, был министром образования в правительстве де Голля, а затем послом в Центральноафриканской Республике. В 1968 году Барберо был назначен директором БДПА. 5 апреля 1971 года один из сотрудников Барберо и одновременно агент Фоккара, Роже Делуэт, был арестован в американском городе Элизабет, штат Нью-Джерси, когда он садился в свой автомобиль, в котором было спрятано 49 килограммов героина. Разразился громкий скандал в связи с контрабандным ввозом героина из Франции в США, и Фоккар потерял ценного работника. По свидетельству одного американского агента, деньги, вырученные сетью Фоккара от нелегальной торговли африканскими алмазами, вкладывались в торговлю героином в Америке, а получаемые в результате огромные барыши исполь-

зовались для финансирования дальнейшей грязной работы в Африке. Ответственность за эту деятельность нес Ришар Вотье, один из главных помощников Фоккара.

Вотье и бельгиец Марсель Амбюрсен были друзьями и личными советниками лидера катангских сепаратистов Моиза Чомбе. С помощью агента Фоккара и бывшего сотрудника СДЕСЕ Франсиса Боденана, поддерживавшего связи с агентами ЦРУ в Западной Африке, Чомбе вылетел 30 июня 1967 года из Мадрида на средиземноморский остров Ибиза. На обратном пути Боденан, угрожая пистолетом, заставил пилота самолета — это был «Бичкрафт», принадлежавший ЦРУ, — лететь в Алжир. Чомбе умер два года спустя в одной из алжирских тюрем. В этом деле был замешан также директор «Барракюд-Франс» Морис Эрскю. «Барбуз» Фоккара Франсис Боденан всплыл вновь на поверхность в 1975 году в качестве одного из организаторов ФЛЕК-Браззавиль. Как стало известно позже, Ришар Вотье и Марсель Амбюрсен финансировали также правую террористическую группу «Ажинтер пресс» в Лиссабоне.

Третий главный помощник Фоккара Шарль Беранже особенно известен в связи с его деятельностью в Европе, однако весной 1975 года он работал в Габоне под чужим именем, расследуя дело КОМЮФ («Компании урановых рудников в Франсвиле») и выступая в качестве связного между Фоккаром и президентом Бонго. Из уже приведенного перечня «грязных трюков» и тайных операций, направлявшихся из Габона, включая отделение Биафры, создание ФЛЕК в Кабинде и вторжение в Бенин, ясно видно, что эта страна служила и продолжает служить центром грязной работы Франции в Африке.

Гвинея

Правительство Секу Туре в Гвинее было одним из тех африканских режимов, которые успешно противостояли подрывной деятельности сети Фоккара. Когда Гвинея продемонстрировала свое стремление к подлинной независимости, отвергнув голлистский референдум в 1958 году, Фоккар разработал «план Альби», за которым последовали многие другие. Под руководством двух «барбузов» Фоккара — Клода Мерсье и Альбера Арно — военнослужащие 11-й «ударной» подготовили в Дакаре группу офицеров гвинейской армии для совершения переворота против Секу Туре. Заговор провалился, однако люди Фоккара немедленно

начали готовить новое вмешательство, создав запасы оружия, «достаточные, чтобы вооружить две тысячи человек в случае необходимости». Тем не менее мятеж в апреле 1960 года обернулся катастрофой для Фоккара, который потерял тогда двух человек из 11-й «ударной», агента «седьмого бюро» «службы действий» СДЕСЕ и много приспешников из числа африканцев. Режим Секу Туре продолжал борьбу против этих попыток, и лишь после вывода Фоккара из состава французского правительства и смерти Жоржа Помпиду Гвинея нормализовала свои отношения с Францией.

Французская грязная работа после Фоккара

С окончанием голлистской эры и избранием на пост президента Франции Жискар д'Эстена Жак Фоккар был вынужден возвратиться к частной деятельности. Летом 1975 года он работал в экспортно-импортной компании САФИЭКС в Париже. Хотя он уже не выполняет никаких официальных обязанностей, его сеть по-прежнему существует и его влияние в зависящих от Франции африканских странах огромно. Более того, в правительстве Жискар д'Эстена его место занял Рене Журнияк, бывший судья, который в течение десяти лет работал под руководством Фоккара в генеральном секретариате по африканским и малагасийским делам — одним словом, человек Фоккара. Президент Жискар д'Эстен, видимо, по-прежнему прислушивается к советам Фоккара, которые тот дает во время их ежемесячных встреч. Но даже когда его не спрашивают, Фоккар продолжает бомбардировать Жискара своими предложениями по африканским вопросам.

Подобного рода попытки совать нос не в свои дела не нравятся нынешнему шефу СДЕСЕ Александру де Мараншу. Действительно, после вмешательства западных стран в ангольские дела в 1975 году, приведшего к катастрофическим последствиям, Жискар д'Эстен предложил своим советникам тщательно пересмотреть долгосрочные операции Франции в Африке и разработать широкие чрезвычайные планы на будущее. В то же время была произведена перетряска СДЕСЕ, в результате которой несколько людей Фоккара были уволены, а операции расширены. «Служба действий» по-новому развернула работу в лагере Серкотт, неподалеку от авиабазы Бриси, что близ Орлеана. Намети-

лось также более тесное сотрудничество и координация действий с ЦРУ, чем во времена Фоккара.

Несмотря на постоянные попытки нейтрализовать сеть Фоккара и ее влияние, французская грязная работа в Африке не прекращается. Даже в самой Франции имели место взрывы бомб в помещениях различных алжирских организаций и убийства некоторых прогрессивных арабских лидеров. Когда президент Анголы Нето в 1976 году обвинил Францию в том, что она является «центром подрывных движений, плетущих заговоры против различных африканских стран», он имел конкретно в виду ОАЛ (Организация свободной Африки), созданную в апреле 1976 года в Париже и имевшую там свою штаб-квартиру, впоследствии переведенную в Мадрид как более безопасное место. В ОАЛ мы видим бывших оасовцев, бывших членов «Ажинтер пресс» и, разумеется, людей, работавших на сеть Фоккара и на СДЕСЕ. Многие из этих лиц были замешаны в закончившемся неудачей вторжении наемников в Бенин 16 января 1977 года, организованном Бобом Денаром по поручению СДЕСЕ.

Однако новый период деятельности Франции в Африке («после Фоккара») характеризуется главным образом открытым военным вмешательством, как это было, например, в заирской провинции Шаба в апреле 1977 года и в мае 1978 года или в Западной Сахаре в ноябре 1977 года. Это были крупные операции, согласованные по крайней мере с Соединенными Штатами. Первое вторжение в Шабу («Шаба-I», или, по его французскому кодированному названию, операция «Вервен») было осуществлено с согласия Соединенных Штатов, данного во время встречи главы французского государства с государственным секретарем Сайрусом Вэнсом в Париже, хотя французы планировали подобную операцию еще до этого.

В действительности СДЕСЕ еще раньше подготовила секретный доклад, в котором рекомендовалось, чтобы Франция была в готовности к переброске войск по воздуху, как это было сделано в ходе операции «Шаба-I», в любое из зависимых от нее африканских государств, которому угрожает прогрессивное движение. В качестве причины для подобного рода инициативы указывалось «отсутствие воли» у американского правительства и его стремление находить мирные решения для подобных кризисов.

Рене Журнияк организовал операцию «Шаба-I», выступая в качестве посредника между Фоккаром и президентом

Жискар д'Эстеном. В Париже эти усилия координировались с ЦРУ через начальника его африканского отдела Фрэнсиса Джетона. Непосредственное руководство этой операцией осуществлял полковник Мароль из «службы действий» СДЕСЕ. Полковник Мароль был хорошо подготовлен к этой щекотливой французской операции в бывшей бельгийской колонии, потому что сам он в прошлом был бельгийским гражданином. В распоряжение марокканской армии для переброски полутора тысяч солдат в Шабу было предоставлено десять французских транспортных самолетов «Трансаль» и один американский самолет ДС-8. Но французские военные советники были в Шабе еще до того, как туда прибыли самолеты «Трансаль». В их числе были офицеры 11-й воздушно-десантной дивизии под командованием генерала Жанну Ликаза, бывшего заместителя начальника СДЕСЕ, а также специалисты 1-го парашютного полка морской пехоты в Байонне — «научно-информационное подразделение», подготовленное к ведению «специальных операций». Два старших офицера 1-го парашютного полка морской пехоты — подполковник Мишель Франсески и капитан 3 ранга Леблан — были даже сфотографированы в аэропорту Колвези в Шабе. Помимо этих профессионалов там находились несколько частных «мастеров грязных дел»: по крайней мере два бывших наемника, участвовавших во вторжении в Бенин и завербованных через Национальный союз парашютистов, — Раймон Томан и капитан Арман Яннарелли. Об этом вооруженном вмешательстве западных стран Жонас Савимби впоследствии сказал: «Франция показала себя истинным другом африканского народа».

В ноябре 1977 года французские тактические истребители «Ягуар», базировавшиеся на мысе Зеленый в Сенегале, были направлены для нанесения ударов по партизанским отрядам ПОЛИСАРИО в Западной Сахаре. Говорят, что таким образом французы расплатились за посылку марокканских войск в Шабу ранее в том же году. В то же время говорилось о возможности выброски в этом районе десанта 1-м парашютным полком морской пехоты. Солдаты этого полка уже приобрели опыт в Шабе, где они действовали совместно с марокканскими войсками. За несколько месяцев до этого примерно 40 солдат 13-го драгунского парашютного полка, контролируемого «службой действий» СДЕСЕ, были размещены на базе Бенгерир близ Марракеша в Марокко в готовности к немедленным действиям.

К ним было присоединено некоторое число бывших солдат 11-й «ударной» и французских наемников, но кампания вербовки французских наемников в мавританскую армию была осуждена в Париже. Следует напомнить, что именно с базы Бенгерир отправились в январе того же года в Бенин Боб Денар и его наемники. Имя Денара вновь замелькало в газетах через год с небольшим, когда его банда успешно вторглась на Коморские острова и свергла режим Али Суали 13 мая 1978 года. Позже наемники Денара застрелили Али Суали — того самого человека, которого они поставили у власти в 1975 году!

Тогда же, в мае 1978 года, Франция провела одну из крупных военных операций в Африке в последнее время. Это была операция «Шаба-II», начавшаяся с тайной встречи в западногерманском городе Штутгарте представителей Соединенных Штатов, Бельгии и Франции. По всей видимости, французы и бельгийцы состязались между собой в том, кто первый высадит войска в Колвези, потому что еще до окончания этой встречи бельгийские парашютисты вылетели в Шабу на самолетах С-130. Для грязной работы французы незамедлительно переправили на автомашинах солдат одной из своих частей — 1-го парашютного полка Иностранного легиона из Кальви в Солензару на Корсике, где их погрузили на самолеты ДС-8 авиакомпании ИТА и на «Боинг-707», принадлежавший «Эр Франс». В Киншасе их пересадили на другие самолеты и сбросили с парашютами в Колвези на следующий день, 19 мая. Они опередили бельгийцев, прибывших 20 мая. Более того, это были не первые французские военнослужащие в Колвези, потому что около сорока солдат с вымазанными в черный цвет лицами и руками были сброшены с парашютами в аэропорту Колвези вместе с заирскими десантниками еще 16 мая. Это подтвердили несколько бельгийцев, которые были эвакуированы с места событий.

Другие бельгийцы позже показали, что так называемое массовое убийство белых неграми-повстанцами, о чем разнеслись слухи, в действительности было расстрелом двадцати шести европейцев в одном из домов отступавшими заирскими солдатами. На них же лежит ответственность за уничтожение в виде возмездия за якобы совершенный вооруженный налет тысячи ста африканцев из гражданского населения. Этот факт подтвержден представителями Красного Креста, обнаружившими их тела, и офицерами бельгийской армии, на глазах у которых совершались казни.

АНГЛИЙСКАЯ РАЗВЕДКА В АФРИКЕ

Джонатан Блок—южноафриканец, живущий в Лондоне. Принимал участие в подготовке докладов о многонациональных корпорациях и Южной Африке для «Каунтер информейшн сервисиз». Рассел Саутвуд — сотрудник редакции издающегося в Лондоне ежемесячника «Левеллер». Статья написана в мае 1979 г. специально для этой книги.

Британские владения в Африке представляли собой широко расползшуюся конгломерацию из пятнадцати территорий — от Гамбии на севере до крохотного горного королевства Базутоленд на юге. Некоторые из этих территорий, например богатый какао Золотой Берег, тесно вплетались в британскую международную торговую сеть, в то время как другие, вроде Ньясаленда, оставались бедными задворками, почти забытыми их правителями в Лондоне.

Парламент, который, как любили напоминать англичане своим подданным в колониях, был «отцом всех парламентов», уделял только один день в году обсуждению положения дел в этих британских владениях, и Африка была всего лишь частью тех закрашенных в красный цвет огромных пространств, которые, как знал каждый английский школьник, принадлежали Великобритании.

Общая ответственность за безопасность на этой огромной территории возлагалась на МИ-5 — разведывательную службу, нацеленную против «внутренней подрывной деятельности» в Великобритании. Она имела своих представителей в нескольких колониальных столицах, бдительно следивших за состоянием местных полицейских сил и специальных служб на этих территориях. В МИ-6 — британском ЦРУ — существовал отдел колониальной разведки, отвечавший за разведывательную деятельность, необходимую для обеспечения внешних отношений британских колоний.

После получения колониями независимости этот район стал в большей мере относиться к компетенции МИ-6, в то время как МИ-5 оказывала вновь получившим независимость государствам эпизодическую помощь в области обеспечения безопасности. Из кабинетов высокой стеклянной башни «Сенчери Хаус» в южной части Лондона Африка

вряд ли казалась континентом, сулившим большие надежды тем, кто добивался признания и продвижения по службе. Рыцари «холодной войны» были больше заинтересованы в Восточной Европе и традиционных операциях «плаща и кинжала» на территории противника. Американцы со своей стороны предпочли оставить бывшие британские колонии в Африке на попечении англичан, вмешиваясь лишь тогда, когда процесс деколонизации шел, по их мнению, слишком медленно.

В отличие от американцев, пытавшихся с помощью ЦРУ купить или обработать политиков «третьего мира», англичане поручили эту задачу губернаторам отдельных колоний, которые в годы деколонизации выступали в роли покровителей местных политиков, отдавая предпочтение более умеренным, некоммунистическим национальным деятелям, появляющимся на политической сцене. И поскольку англичане были хозяевами положения, у них не было необходимости использовать разведывательные органы для манипулирования этими действиями.

Разведывательные службы «вели хозяйство», создавая фонды, предоставлявшие стипендии наиболее многообещающим студентам, присланным к ним на учебу колониальными правительствами, и наблюдая исподтишка за наиболее крикливыми национальными политиками. Они также с возрастающим интересом следили за всеми визитами в Москву и Пекин.

В очень важный период деколонизации британская разведка потерпела ряд тяжелых поражений. Ким Филби, блестящий разведчик, чуть-чуть было не ставший главой английской секретной службы, перешел к русским. Разведчика, которым восхищались все в МИ-6, теперь повсеместно ненавидели. Одной лишь связи с его именем было достаточно, чтобы загубить чью-нибудь карьеру. Когда же стало известно, что Ким Филби находится в СССР, это окончательно омрачило особые отношения между Великобританией и США в области разведки и парализовало английскую разведывательную службу. Именно Филби доказал, что представители правящего класса Великобритании, засевшие в своих клубах для избранных, были настолько слепы, что не смогли даже распознать советского разведчика в собственной среде. И Филби был не единственным советским разведчиком в английских спецслужбах.

Таким образом, к тому времени, когда к власти пришел Гарольд Вильсон в 1964 году, репутация МИ-6, в свое время пользовавшейся большим уважением, была крайне низкой.

Но, как оказалось, предстояли новые удары по ее престижу. Учитывая свою роль в Африке в прошлом, МИ-6 стремилась проводить большую часть работы по сбору информации через персонал посольств. Однако наиболее престижными для разведчиков считались назначения в посольства в странах Восточной Европы. Африка же рассматривалась как место отдыха после бури: направляй от случая к случаю донесения да следи, чтобы твои ребятишки хорошо учились в частных школах, — чрезвычайных происшествий, которые могут нарушить заведенный порядок, почти не бывает.

Но мир быстро изменялся в начале 60-х годов, и охота за коммунистами не была единственным умением, которое требовалось.

Когда Гарольд Вильсон уезжал с конференции стран Содружества наций в Нигерии в 1966 году, его провожал в аэропорт принимавший гостей премьер-министр Балева. Автомобиль Вильсона подъезжал к ожидавшему его самолету, и в это время вдалеке раздался винтовочный выстрел. Через четыре дня труп Балевы был найден в канаве, а власть в стране захватили военные. В дипломатическом отношении положение было исключительно щекотливым.

Взбешенный тем, что его не предупредили заранее ни об этом перевороте, ни о перевороте в соседней Гане, где был свергнут Нкрума, Вильсон постарался, чтобы секретная служба дорого поплатилась за это, когда правительство решило сэкономить сотню миллионов фунтов стерлингов в иностранной валюте. Именно в таких условиях МИ-6 пришлось начать свою крупнейшую операцию в Африке — серию нарушений санкций, чтобы сохранить хотя бы часть уважения к себе со стороны своих новых политических хозяев.

Родезия: как все это началось

Родезия занимала уникальное положение среди британских колоний в Африке из-за большого числа белых поселенцев. Эмигранты послевоенного времени, привлеченные посулами высокой заработной платы и лучшего социального статуса, резко расширили ряды привилегированных в этой стране. Родезия была единственной колонией, которая могла похвастаться, что имеет рабочий класс из белых. Ее экономика была построена на закрепленном законом принципе «раздельного развития», согласно которому африканцы ли-

шались возможности конкурировать с белыми почти во всех областях экономической деятельности. В начале 60-х годов премьер-министр Родезии Эдгар Уайтхед предпринял несколько попыток изменить такое положение, отменив некоторые из наиболее расистских законов, ограничивавших экономическую деятельность африканцев. Как и Великобритания, он стремился к тому, чтобы в Родезии начала формироваться африканская элита, которая смогла бы играть известную роль в политической жизни страны. Однако эти попытки были отвергнуты белыми рабочими, которые поддержали антибританский расистский Родезийский фронт, проголосовав за него на выборах в декабре 1962 года.

Придя к власти, Родезийский фронт отверг попытки англичан навязать ему урегулирование вопроса о независимости. Руководители фронта считали, что политиков вроде бывшего премьер-министра Роя Веленского обманули с идеей федерации. Они больше не доверяли англичанам. Постепенно они искоренили проанглийские элементы в армии и на государственной службе. Разговоры об одностороннем объявлении независимости стали обычными среди высших должностных лиц Родезии. И наконец, эти разговоры превратились в реальность через три года, когда Ян Смит 11 ноября 1965 года односторонне объявил о независимости Родезии.

Гарольд Вильсон колебался. Он располагал незначительным большинством в парламенте, и перед ним вырисовывалась перспектива трудных выборов. Он меньше всего хотел неприятностей с Родезией. За исключением проектов некоторых юридических документов, никакие чрезвычайные планы на этот случай не были подготовлены, хотя о возможности одностороннего объявления независимости говорилось уже в течение нескольких лет.

Не все белые в Родезии поддерживали одностороннее объявление независимости. Из 294 членов Родезийского института директоров, когда им задали вопрос, поддерживают ли они одностороннее объявление независимости, лишь 19 ответили утвердительно. Чтобы преодолеть этот раскол внутри страны, родезийское правительство искусно нацелило ее на ведение войны, объединив внутренне расколотую общину белых против легко определимого внешнего врага. А для того чтобы предотвратить шпионаж за своими планами обхода сети санкций, родезийское правительство приняло закон о государственной тайне, в соответствии с которым чрезмерный интерес к торговле Родезии с внешним миром считался преступлением.

В своей родезийской операции МИ-6 преследовала две цели. Во-первых, существовала необходимость в политической разведке — выяснении, не согласится ли Родезийский фронт на новые, спасающие престиж Великобритании политические предложения. Это приобретало важное значение, поскольку Великобритания оказалась в затруднительном положении: с одной стороны, она действительно не была способна использовать силу, а с другой — должна была разрешить эту щекотливую политическую ситуацию, угрожавшую подрывом дипломатических отношений с африканскими странами Содружества наций.

Возможности МИ-6 по сбору информации подобного рода ограничивались характером контактов, которые привыкли устанавливать ее сотрудники в посольстве. Они презирали настроенных против монархии и против Великобритании представителей Родезийского фронта и приглашали на свои коктейли только менее зараженных расизмом выходцев с Британских островов — в любом числе.

Так как после одностороннего объявления независимости эти сотрудники оказались в изоляции, МИ-6, чтобы исправить положение, направила в Родезию ряд агентов, выступавших в роли эмиссаров. Одним из них был член парламента, консерватор Генри Керби. Его задача заключалась в оценке соотношения сил в кабинете Смита после безрезультатных переговоров между Вильсоном и Смитом. Принадлежность Керби к консервативной партии оказалась идеальным прикрытием, и ему удалось выяснить и сообщить в Лондон, что Смит неизбежно потерпит поражение при голосовании в кабинете по любой сделке, на которую его могли бы склонить англичане.

Вторым элементом проводившейся МИ-6 операции была торговая блокада. В лучшем случае это могло вызвать политический крах режима Солсбери, а в худшем — заставило бы родезийское правительство проявить бо́льшую склонность к переговорам. До сих пор не получил достаточного объяснения вопрос, почему считалось, что перенесенный из XIX века прием торговой блокады при помощи английских военно-морских сил даст результат. Эта мера в любом случае могла быть эффективной лишь наполовину, так как англичане согласились не блокировать столицу Мозамбика Лоренсу-Маркиш, потому что южноафриканцы использовали этот порт для ввоза нефти.

Вильсон прибег к блокаде, чтобы парировать требования применить силу, выдвинутые теми странами Содружества наций, где у власти находились африканские деятели. Этот план был не без прецедента: он был удивительно похож на операцию, проведенную СИС в годы второй мировой войны, когда были перерезаны важные пути ввоза сырья в нацистскую Германию. Так как Родезии не была объявлена война, то эффект блокады, как заметил один из членов английского парламента, «вряд ли потрясал землю. Если бы мы воевали с Родезией, мы очень быстро заставили бы ее умереть от голода, потому что все поддерживали бы наши действия. А сейчас нас никто не поддерживает». Однако Гарольд Вильсон был настолько уверен, что произнес речь, основанную на оценках МИ-6, в которой он утверждал, что пройдут «скорее недели, чем месяцы», и режим Солсбери рухнет.

Поистине в духе Уайтхолла[1] были учреждены два комитета, несущие ответственность за осуществление санкций. Наверху находился небольшой руководящий комитет, председателем которого номинально был министр по делам Содружества наций, но фактически обязанности председателя исполнял постоянный заместитель министра. В этот комитет входили постоянные заместители министров из всех заинтересованных министерств и секретарь кабинета министров. В необходимых случаях на заседаниях присутствовал представитель МИ-6. Комитет вырабатывал общую политику и давал рекомендации. Ему подчинялся гораздо более многочисленный комитет под председательством заместителя министра по делам Содружества наций, в который входили представители всех министерств, участвовавших в проведении в жизнь санкций. Этот комитет, в свою очередь, учредил специальный комитет под председательством представителя министерства финансов, занимавшийся финансовыми аспектами санкций. Кроме того, были созданы подкомитеты, ведавшие помощью Замбии и строительством ретрансляционной станции Би-би-си в Ботсване.

Родезийцы тут же начали утверждать, что создание в Франсистауне в Ботсване поста подслушивания под прикрытием ретрансляционной станции Би-би-си относилось к первой фазе шпионской операции против них. В 1966 году для

---

[1] Уайтхолл — улица в Лондоне, на которой расположены правительственные учреждения; в переносном смысле — английское правительство.

охраны использовавшейся базы от налетов из-за границы были присланы английские солдаты. Впоследствии охрану этой базы взяла на себя ботсванская полиция, получавшая за это деньги от английского правительства.

Более важной была линия снабжения Родезии нефтью, проходившая через находившийся под португальским контролем Мозамбик. Англичане перерезали эту линию, поставив фрегат у входа в Бейру — главный нефтяной порт Мозамбика. Несмотря на угрожающий вид, все это было просто фарсом. Нефтепровод, идущий из Бейры, был действительно перекрыт, но нефть продолжала поступать в Родезию через Лоренсу-Маркиш и через ЮАР. Для контроля за движением судов в Бейре МИ-6 направила туда сначала одного, а затем нескольких сотрудников, которые наблюдали за портом при помощи небольшой сети осведомителей. Деятельность этих агентов стала причиной определенных дипломатических трений, потому что она привела к значительному сокращению торговли в Мозамбике.

Агенты португальской тайной службы ПИДЕ прокалывали шины автомобилей сотрудников МИ-6 и вообще стремились затруднить им жизнь. А на дипломатическом фронте Португалия неоднократно заявляла протесты против их деятельности.

Для управления шпионской операцией против Родезии МИ-6 создала оперативный штаб в Малави, а также использовала своих оставшихся сотрудников в английской миссии в Солсбери для работы на месте. В первые месяцы после одностороннего объявления независимости именно сотрудники МИ-6 из этой миссии вербовали сочувствующих англичанам бизнесменов и журналистов для шпионажа за родезийцами. Так был завербован и поставлял информацию, пока не был объявлен «запрещенным иммигрантом», один известный английский журналист. Это был, как заметил один экспатриированный сотрудник службы безопасности в соседней стране, «открытый сезон». Агенты вербовали агентов, которые в свою очередь вербовали агентов. Чтобы прекратить все это, Ян Смит издал серию приказов о высылке, и дело кончилось крупной чисткой среди сочувствовавших англичанам бизнесменов в 1967 году.

В дополнение к вербовке агентов проводился низкопробный «легализованный шпионаж». Какого-нибудь журналиста приглашали в английскую миссию якобы для встречи со старым знакомым. Этот знакомый, один из высокопоставленных чиновников посольства, говорил: «Вы не будете возражать, если при беседе будет присутствовать

мой новый помощник?» — и к ним присоединялся сотрудник МИ-6.

Отсутствие элементарной подготовки показывает, пожалуй, лучше всего комический эпизод у моста Бейт. Получив предупреждение от неизвестного лица, два сотрудника посольства — У. Харпер и Н. Ломас — примчались на автомобиле к соединяющему Родезию с ЮАР мосту Бейт, через который якобы должны были проезжать автоцистерны с нефтью. Вся южноафриканская печать была заполнена сообщениями об этой «тайной» акции английских дипломатов: за их действиями наблюдали из стоявшего поблизости автомобиля южноафриканские полицейские.

Первый крупный инцидент, вызванный этой шпионской деятельностью, прошел почти незамеченным английской печатью. В начале 1966 года министерство информации в Солсбери опубликовало составленное в жестких выражениях заявление о том, что первый секретарь английской миссии Невиль Френч, к тому времени уже покинувший Родезию, «злоупотреблял своим положением, участвуя в шпионской деятельности, направленной на подрыв экономики и безопасности Родезии». Френч завербовал родезийского правительственного служащего Уильяма Блека, воспользовавшегося своим служебным положением для передачи секретной информации англичанам. Родезийцы наблюдали за ним некоторое время, а затем арестовали его. Блек признался и в обмен на обещание освободить его от ответственности выдал родезийцам имена других служащих, шпионивших в пользу англичан. В вежливых дипломатических формулировках Невилю Френчу было предложено покинуть страну, и он выехал под шумок скандала вокруг родезийского дипломатического представительства в Лондоне.

Был также выдворен из страны исполняющий обязанности заместителя верховного комиссара в Солсбери Стенли Фингленд. Если англичанам было трудно выяснить, чем занимались родезийцы, то обратное вряд ли было справедливым. Еще один дипломат, первый секретарь миссии Энтони Фримантл, был выслан из страны за шпионаж в 1969 году.

Затруднительное положение возникло также, когда одного из младших сотрудников миссии Р. Чайлдса лишили членства в местном спортивном клубе, обвинив в шпионаже за членами клуба. Глава миссии Питер Картер, занимавший ранее важный пост в лондонской полиции, заявил представителям печати: «Вся эта история неприятна, и мы предпочли бы забыть обо всем этом». Вряд ли можно

было считать это категорическим опровержением. Шпионаж из миссии прекратился в 1969 году, когда она была закрыта.

После этого в подобном инциденте, связанном со шпионажем, оказалось замешанным американское консульство. Родезийская секретная служба арестовала по обвинению в шпионаже журналиста Роджера Николсона и юриста Тревора Галлахера. На суде Роджер Николсон заявил, что он действовал в интересах Родезии, потому что считал, что передаваемая им информация поможет исправить неверное представление о родезийских делах, которое «одна неназванная зарубежная держава (Америка) получала от другой (Великобритании)». Оба они получали деньги от ЦРУ через «Чейз Манхэттен бэнк» в Нью-Йорке. Говорили, что информация, собранная Галлахером, включая накладные на товары, позволила родезийцам возбудить дело против английской фирмы «Братья Плэтт».

Во время процесса родезийцы делали энергичные попытки добиться сделки с американцами. Дело шло примерно так. «Если вы сохраните свое консульство здесь, никто и не заметит, что английские дипломаты покинули Солсбери. А в обмен на это мы освободим ваших двух шпионов». Их освободили, но американцы нарушили сделку. Согласно «неофициальным американским источникам», как сообщала «Дейли телеграф», английское правительство дало возможность просочиться сведениям об участии американцев в шпионаже, чтобы заставить их закрыть свое консульство, что и было сделано впоследствии. Но еще до этого политический советник консульства, неудачник Эрл Смит, стал привлекать слишком большое внимание местной печати как разведчик-связник. «Я не читал ничего об этом, — заявил он, когда корреспондент «Ранд дейли мейл» попросил его прокомментировать одно сообщение, — я не хотел бы говорить об этом подробно, пока не ознакомлюсь с текстом». Но дело было в том, что все донесения, закладывавшиеся Николсоном в тайник, забирал оттуда Эрл Смит.

Полученную путем шпионажа информацию Великобритания представляла в комитет по санкциям ООН, причем предпринимались большие усилия, чтобы показать, что другие страны — например, Франция — были замешаны в ввозе товаров в Родезию. Это помогло отвлечь внимание от роли Великобритании в этой стране.

К концу 60-х годов комитет по санкциям в Лондоне уже вряд ли заседал. В 1972 году патруль в Бейре произвел по-

следнее задержание и переключился на перехват сообщений ФРЕЛИМО на севере Мозамбика. Операция по контролю за осуществлением санкций оказалась полностью безрезультатной. Она продолжалась и в 70-х годах, но в намного сокращенных масштабах.

В разведывательном отношении эта операция провалилась по двум причинам. Во-первых, было трудно внедрить агентов в страну, которая являлась ближайшим союзником Великобритании в Африке в течение более чем тридцати лет. Во-вторых, разведывательные сведения редко собираются для того, чтобы быть использованными в судебных делах. Каждое судебное разбирательство ставило под угрозу источники, предоставившие материал. С 1965 по 1972 год в Великобритании было проведено только семнадцать успешных судебных процессов по обвинению в нарушении санкций, и лишь два из них были связаны с крупными экспортными сделками.

Однако провал операции, который переживали в МИ-6 настолько мучительно, что несколько руководящих лиц после этого подали в отставку, был вызван политическими факторами. У английского правительства не было ни воли, ни средств применить силу немедленно. Оно выжидало три года, прежде чем применить санкции в полном объеме, подрывая любые усилия в этом направлении постоянным приукрашиванием фактов в политических целях и все новыми разговорами об урегулировании. Военная помощь Замбии оказывалась с неохотой, лишь для того, чтобы не дать ей выйти из Содружества наций. Крупные финансовые интересы Великобритании в Южной Африке и Мозамбике означали, что оказание давления на них с целью заставить их отказаться от поддержки режима Яна Смита не привело бы ни к чему хорошему. На заднем плане были американцы, оказавшиеся перед такой же проблемой. При демократах Родезия была неприятным и неустранимым пятном на их отношениях с черной Африкой, однако американские финансовые интересы в Южной Африке означали, что американцы вряд ли прибегнут к давлению. Когда к власти пришла администрация республиканцев, Ричард Никсон решил твердо поддерживать родезийцев и южноафриканцев. Наконец, поистине ироничным было то, что на протяжении всей этой крупной разведывательной операции нефть поступала беспрепятственно в Родезию через Мозамбик при посредстве нефтяной компании, в совете директоров которой состояли тогда — и состоят сейчас — два директора, назначаемых английским правительством.

ДОКЛАД ЛАГОРСА: ВЫРАБОТКА НОВОЙ СТРАТЕГИИ ЕЭС В ОТНОШЕНИИ ЮЖНОЙ АФРИКИ

Полет Пирсон-Мати — профессор международного права в Брюсселе (Бельгия) и член Международной комиссии по расследованию преступлений режимов расизма и апартеида в Южной Африке. Рассматриваемый в данной статье доклад Лагорса в действительности был секретным проектом этого документа, которому дали просочиться в печать бельгийские социалисты, возмущенные выраженным в нем сочувственным отношением к политике Южной Африки. Этим воспользовались южноафриканцы, опубликовавшие статью об этом докладе в «Саут Африкен дайджест» 16 марта 1979 г. Нижеследующая статья была написана специально для этой книги в мае 1979 г.

Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) является первым коммерческим партнером Южно-Африканской Республики. Ежегодный объем торговли между девятью членами ЕЭС и Южной Африкой составляет 10 млрд. долларов. В Южной Африке действуют почти тысяча дочерних компаний и обществ с участием капитала из «девятки». Шестьдесят процентов иностранных капиталовложений в Южной Африке приходится на долю членов ЕЭС. Поэтому «девятку» считают главной опорой режима апартеида.

Именно важностью этих отношений объясняется то обстоятельство, что Южная Африка помимо посольства в Бельгии имеет отдельное дипломатическое представительство при штаб-квартире ЕЭС в Брюсселе, причем обе миссии возглавляются послами.

«Девятка», разумеется, осуждает апартеид, однако еще всего лишь несколько лет назад такие заявления делались на национальной основе, а не от имени самого ЕЭС.

Общая позиция по отношению к апартеиду была впервые выражена в заявлении министров иностранных дел «девятки» от 23 февраля 1976 года, принятом в связи с положением, создавшимся в Народной Республике Ангола. В заявлении осуждалось иностранное вмешательство в Анголе, и, что касается Южной Африки, оно ограничивалось «осуждением политики апартеида». Ни слова не говорилось о вторжении в Народную Республику Ангола южноафриканской армии, хотя в то время южноафриканские войска еще находились в Анголе.

С тех пор «девятка» не раз высказывала свою общую позицию по вопросу об апартеиде, особенно в Организации Объединенных Наций.

В рамках международных действий против апартеида ЕЭС приняло две конкретные меры: отказ, сформулированный в общих выражениях, признать «независимость» Транскея и любого бантустана и принятие в сентябре 1977 года «кодекса поведения» для предприятий, имеющих отделения, дочерние фирмы или представителей в Южной Африке.

Целью этого кодекса вовсе не была борьба против режима апартеида, и его принятие не означало отказ от экономических отношений между ЕЭС и Южной Африкой. Оно было направлено лишь на исправление некоторых аспектов существовавшего дискриминационного законодательства в отношении рабочей силы, особенно на промышленных предприятиях.

Через несколько месяцев после принятия кодекса, что дало в действительности незначительные результаты, комиссия по развитию и сотрудничеству Европейского парламента подготовила секретный доклад о «статусе, контексте и применении «кодекса поведения».

Доклад был написан французским социалистом, членом Национальной ассамблеи П. Лагорсом. После обсуждения на четырех заседаниях комиссии и после консультаций с другими комиссиями он был утвержден единогласно комиссией по сотрудничеству Европейского парламента 28 февраля 1979 года.

Однако этот доклад касается не только «кодекса поведения», в отношении которого в нем предлагались некоторые улучшения и усиление мер контроля за его применением. Его цели более амбициозны — в нем предлагается «ответственным политическим деятелям ЕЭС» стратегия, которая должна способствовать ликвидации апартеида.

В чем же состоит стратегия, которую предлагается разработать ЕЭС для «решения южноафриканской проблемы»?

Она основана на признании опасности взрыва в Южной Африке, если в этой стране не будет осуществлена быстрая перемена политики — опасности, угрожающей не только Южной Африке, но и всему континенту, а также, «весьма вероятно, всем экономическим, политическим и стратегическим отношениям между Европой и этим континентом».

Эта политика учитывает «неоценимое стратегическое и экономическое значение» Южной Африки для Западной Европы как поставщика сырьевых материалов (маршрут вокруг мыса Доброй Надежды) и заинтересованность ЕЭС в

поддержании непрерывающихся торговых отношений с Южной Африкой. Таким образом, ее целью является «урегулирование мирным путем внутренних конфликтов в Южной Африке».

Определяя «реалистичную политику», которую следует принять ЕЭС в отношении южноафриканской проблемы, доклад отвергает прежде всего любое предложение об общем экономическом бойкоте как «нереалистичное решение, которое даст не желаемый, а обратный эффект».

Еще более поразительным и более серьезным является то, что Лагорс без каких бы то ни было колебаний считает неприемлемым в Южной Африке принцип всеобщего голосования.

Ссылаясь на заявление, сделанное вице-президентом США Мондейлом в мае 1977 года в Вене бывшему в то время премьер-министром ЮАР Форстеру относительно введения в Южной Африке всеобщего голосования, Лагорс замечает, что «это предложение принять принцип «один человек — один голос», хотя он и демократичен, не способствует разрешению конфликта в Южной Африке. Такая политика, наоборот, усугубит положение».

Отметая, следовательно, принцип всеобщего голосования как неприменимый в Южной Африке и не учитывая подобным же образом заявления постоянного представителя США в Организации Объединенных Наций Эндрю Янга, Лагорс считает необходимым развеять существующее, по его мнению, недоразумение. Он пишет: «Южно-Африканская Республика — не колония, и белые южноафриканцы — это не европейцы, живущие в Африке. В противоположность тому, что в действительности происходит в Намибии и Родезии или что произошло в Алжире и Анголе, вопрос с Южной Африкой не является решением колониального конфликта». Африканеры в Южной Африке, по Лагорсу, нация белых, существующая уже более трех столетий, а вовсе не белые колонисты. Он пишет далее, что «четырнадцатое поколение буров, таким образом, имеет обоснованное право на территорию Южной Африки» и что «буры никогда не подчинятся цветному населению».

На основе этих утверждений, которые южноафриканская пропаганда не стала бы опровергать, автор отождествляет себя с африканерами и делает вывод: «Решимость белых африканцев поддерживать свой статус отдельной нации можно сравнить лишь с непреклонной борьбой израильтян за свое собственное еврейское государство. Когда политические лидеры ЕЭС поймут это, можно будет выработать стра-

тегию, направленную на ликвидацию катастрофической расовой политики в Южной Африке. Эта стратегия, которую должно принять ЕЭС по отношению к Южной Африке, будет тогда действовать параллельно с осуждением политики апартеида в направлении выработки концепции, четко определяющей право на существование белых южноафриканцев и небелых, а также соответствующие политические гарантии. Достаточные гарантии существования всех этнических групп являются необходимым условием мирного решения этого расового конфликта, будь то в разделенной Южной Африке или в какой-то федерации в ее рамках».

И, как бы для того, чтобы быть полностью уверенным, что его правильно поняли, Лагорс добавляет: «Желательно, чтобы ЕЭС относилось к южноафриканскому вопросу точно так же, как к израильско-палестинской проблеме».

Таковы основные аспекты этого вселяющего тревогу документа. Принятый комиссией единогласно, этот документ подвергся острой критике в Европейском парламенте. Доклад был возвращен комиссии 15 марта, и некоторые из худших положений в нем, в том числе отрицание принципа всеобщего голосования и сравнение с Израилем, были исключены.

Однако общий дух доклада остается прежним. В нем вообще не упоминается об освободительной борьбе южноафриканского народа и не делается никаких попыток каким-либо образом содействовать ликвидации режима расистского меньшинства, политика и практика которого считаются преступными с точки зрения международного права.

В нем полностью игнорируется агрессивная позиция режима апартеида по отношению к своему народу и соседним народам, борющимся за освобождение в Зимбабве и в Намибии — стране, которую Южная Африка продолжает незаконно оккупировать.

В докладе не упоминается об усилении военных действий, которые режим апартеида ведет против соседних независимых государств, и не привлекается внимание к ядерной угрозе, которую представляет режим апартеида на Юге Африки.

В окончательном варианте доклада предлагается даже долгосрочная стратегия для всей Африки, в соответствии с которой Западная Европа должна быть приглашена для «активного участия во внутреннем умиротворении Африки».

Таково основное содержание этого документа, крайне опасного для будущих отношений между Западной Европой и освободившимися народами на Юге Африки.

Масштабы тайного вмешательства

Филипп Эйджи

ВВЕДЕНИЕ

Статья была написана в июне 1979 г. специально для этой книги.

Тайные операции — в том виде, в каком они осуществляются Центральным разведывательным управлением, — определяются как «скрытые действия с целью оказать влияние на правительства иностранных государств, на события в них, организации и отдельных лиц в поддержку внешней политики США, проводимые таким образом, что участие в них американского правительства не является очевидным». Секретные службы — ЦРУ и соответствующие ведомства в других прозападных странах — предоставляют деньги, снаряжение, информацию и обеспечивают подготовку местных агентов, с тем чтобы дать возможность этим агентам участвовать в операциях, в которых, как предполагается, не будет видна рука данной секретной службы. В последние годы в Соединенных Штатах официальное обозначение тайных операций было заменено на «специальные операции» или «специальные меры».

О тайных операциях опубликовано так много материалов, что вряд ли требуется их подробное описание. Как сенат, так и палата представителей конгресса США в своих отчетах о проведенных ими в 1975—1976 годах расследованиях рассматривают методы и конкретные примеры тайных действий. Если говорить вкратце, они могут охватывать широкий круг мер — от простых анонимных писем (подлинных или подложных) до поддержки или раскола политических партий, образования профсоюзов и манипулирования ими, развертывания армий для боевых действий. Они также включают подрыв поддержки, оказываемой общественностью правительствам, свержение правительств и политические убийства.

С помощью тайных операций стремятся укрепить или ослабить влияние отдельных лиц и организаций — как правительственных, так и частных, — чтобы оградить определенные интересы вмешивающейся стороны. Объектами воздействия являются правительства, политические партии, военные ведомства и службы безопасности, профсоюзы, молодежные и студенческие организации, культурные и профессиональные общества, а также средства массовой информации. Цели тайных операций обычно требуют, чтобы внутри этих организаций действовали шпионы, выполняющие указания соответствующей секретной службы.

Действия секретной службы, такой, как ЦРУ, по укреплению и поддержке других секретных служб (предоставление денежных средств, инструкторов, снаряжения, обеспечение руководством и информацией) также являются тайными операциями, потому что они направлены на укрепление этих служб, а тем самым и на укрепление позиций правительств или политических группировок, которые эти службы защищают. Поддержка, которую ЦРУ оказывало иранской САВАК в течение многих лет, хотя это и именовалось в ЦРУ «обеспечением связи» и «контрразведкой», была в действительности долгосрочной тайной операцией по поддержке шаха.

Тайные действия часто описываются как вторжение правительства в широкую «серую зону» между вежливой и корректной дипломатией и открытым применением военной силы. Защитники тайных действий утверждают, что они могут предотвратить военную конфронтацию в конфликтных ситуациях, когда «разумная» дипломатия не приносит успеха. Во время второй мировой войны американское правительство научилось искусству тайного вмешательства у английской службы, имевшей многовековой опыт применения подобных методов в колониях и протекторатах Британской империи. Но с конца 40-х годов американское правительство, используя в качестве своего главного инструмента Центральное разведывательное управление, стало доминировать в мире в сфере тайных операций, как и во многих других сферах.

В середине 70-х годов резкое изменение отношения американской общественности к вмешательству в политику, политическим покушениям и другим «грязным делам» ЦРУ породило у некоторых надежду, что тайные операции, по крайней мере в мирное время, будут сокращены или даже прекращены вовсе. А озабоченность правами человека в первый период после прихода к власти администрации Кар-

тера укрепила эту надежду, потому что грубые нарушения прав человека обычно вызываются тайным вмешательством ЦРУ.

Но потребовался лишь год, чтобы эти надежды развеялись, подтвердив мнение многих, что они были нереалистичными с самого начала. В январе 1978 года, ровно через год после вступления в должность президента, Картер отдал приказ, в соответствии с которым усиливался контроль над тайными операциями ЦРУ, но в то же время устанавливались исключения, позволявшие президенту отдавать приказы ЦРУ делать все, что оно делало и в прошлом, кроме политических убийств глав государств.

Между тем конгресс США рассмотрел несколько законопроектов, касающихся американских ведомств, занимающихся зарубежной разведкой, и служб внутренней безопасности, в частности ФБР. Цель состояла в том, чтобы выработать юридические положения, четко устанавливающие, чем могут и чем не могут заниматься эти ведомства. Обсуждения продолжаются пока с незначительными результатами, причем группы, отстаивающие гражданские свободы, требуют строгого соблюдения конституционных гарантий и прекращения тайных операций за рубежом, в то время как консервативное «лобби национальной безопасности», включая само ЦРУ, толкует о «советской угрозе» и об эффективности в прошлом «небольшой и осторожной помощи нашим друзьям».

Кажется, обстоятельства сейчас благоприятствуют продолжению и расширению тайных операций ввиду ослабления мер контроля, введенных в период разоблачений и скандалов в 1975—1976 годах. В результате этих разоблачений были приняты законы и положения, требовавшие, чтобы президент лично утверждал большинство операций и сообщал обо всех тайных операциях многочисленным комиссиям конгресса. Предложения, внесенные в последнее время, предусматривают резкое сокращение числа операций, требующих одобрения президента, и изъятие из-под контроля конгресса операций «мелкого масштаба».

Более того, в ходе этих обсуждений упускается из вида тот прямо-таки бросающийся в глаза факт, что все формулировки в основополагающих законах о разведке касаются сбора информации, а не проведения тайных операций. Действительно, постоянно практикуемые тайные политические манипуляции нарушают принципы международного права, устав Организации Объединенных Наций и местные законы, а также находятся в противоречии с нескончаемой ритори-

кой о невмешательстве во внутренние дела других стран (независимо от того, «дружественны» они или нет).

Африканцам и другим народам, против которых направлены тайные операции, дебаты в США могут показаться бесцельными, потому что в действительности эти операции никогда не прекращались. Однако американцы должны понимать, что продолжение тайного вмешательства и подрыв институтов других стран почти всегда дают в конечном счете обратный эффект, лишь усиливая моральную и политическую изоляцию Соединенных Штатов.

Мы должны помнить, что тайная операция состоит в секретном применении информации — использовании разведывательных данных. До тех пор, пока ЦРУ внедряет шпионов в страны, обладающие ограниченными возможностями в области контрразведки, собранная шпионами информация будет использоваться — иногда этими же самыми шпионами, иногда другими — для манипулирования институтами власти в этих странах или для их свержения.

Хотя шумиха вокруг ЦРУ и споры об операциях, проведенных в прошлом, в последние годы, видимо, сократили или ослабили возможности ЦРУ по проведению тайных операций, оно наряду с секретными службами союзников Америки продолжает тайно вмешиваться в чужие дела, как ярко показано в нижеследующих статьях.

Дан Шехтер, Майкл Ансара и Дэвид Колэдни

ЦРУ КАК РАБОТОДАТЕЛЬ, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩИЙ РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ БЕЛЫМ И ЧЕРНОКОЖИМ

Группа африканских исследований опубликовала много важных статей, включая «Бег к власти», «Расширенное семейство» и «Разведка и внешняя политика». Данная статья, подготовленная членами группы, впервые появилась в журнале «Рэмпартс» в 1970 г. и позже была перепечатана Группой африканских исследований с введением, предшествующим тексту статьи.

«Революционеры во всем мире изучают стратегию и тактику своего главного противника — американского империализма. Они сознают, что для победы над сильным, по

не всемогущим врагом, необходимо достаточно глубоко понимать, как функционирует империя США. В то время как американский капитализм хозяйничает в экономике своих колоний, деформируя ее развитие, такие ведомства, как ЦРУ, манипулируют политическими событиями в интересах США. Разоблачение деятельности ЦРУ было не только ударом по тем, кто занимается политическим манипулированием; оно было также поучительным для радикалов в самих Соединенных Штатах, так как раскрыло в общих чертах изощренную стратегию социального контроля.

ЦРУ, в сущности, никогда не проводило какого-либо разграничения между сбором информации и активными действиями. В странах, где действует ЦРУ — а это практически весь «третий мир», — его сотрудники включаются в состав американских «межведомственных страновых групп», часто занимая в них руководящие посты. Оперативные работники ЦРУ нередко направляют общее проникновение США в данную страну, стремясь провести в жизнь стратегию «совокупного воздействия». Идея проста: необходимо создать или усилить прозападные институты, которые, если их брать по отдельности, могут и не обладать достаточным влиянием, но, взятые вместе, контролируют экономическую и политическую ориентацию данной страны. С этой целью субсидируемые ЦРУ ученые — например, ученые из Массачусетского технологического института — стремятся рационализировать помощь иностранным государствам как орудие политики. Была создана и тайно финансируется по различным каналам сеть организаций — преподавательских, студенческих, культурных, профсоюзных и т. д. Многие из этих организаций стремятся кооптировать в свои ряды видных африканских лидеров и действовать в качестве проводников американского влияния.

В данной статье, впервые опубликованной в журнале «Рэмпартс» и перепечатанной позже в газете «Черная пантера» и других изданиях, показывается, каким образом ЦРУ способствовало развитию национализма в области негритянской культуры в целях усиления неоколониализма в Африке. Активисты в негритянской колонии внутри Соединенных Штатов могут легко заметить, что материалы статьи имеют отношение к их собственному положению; во многих случаях для контроля за политическими аспектами развития афро-американской культуры используются те же самые методы, а иногда и те же самые лица. В статье показано, каким образом реакционный национализм может служить интересам империализма, в то время как революционный

национализм представляет собой угрозу американской империи.

По публикациям в различных газетах и журналах были установлены связи ЦРУ со следующими организациями.

Студенческие организации: Национальная студенческая ассоциация, Международная студенческая конференция, Всемирная ассамблея молодежи, Институт международного образования, Программа обучения африканцев-стипендиатов при американских университетах.

Профсоюзные организации: Афро-американский профсоюзный центр, различные секретариаты, связанные с Международной конфедерацией свободных профсоюзов.

Культурные учреждения: Конгресс свободы культуры, Американское общество африканской культуры, Восточноафриканский институт социальных и культурных проблем.

Организации общего характера: Афро-американский институт, «Мир со свободой», Фонд Джомо Кениаты, Фонд Милтона Оботе, Фонд Кеннета Каунды.

Соединенные Штаты по-прежнему направляют средства на поддержку различных группировок внутри южноафриканских освободительных движений, надеясь, разумеется, придать им прозападную направленность (см. книгу И. Уоллерстейна «Политика единства»).

Поправки: Писать о ЦРУ всегда рискованно; документы недоступны для ознакомления, а ЦРУ преднамеренно распространяет то, что оно само именует «дезинформацией», чтобы замести следы и сбить с толку своих противников. Попыткам ЦРУ прибегнуть к политическому камуфляжу способствуют неумышленно многие принципиальные либералы и даже радикалы. Одиозность тайных действий ЦРУ настолько привлекает внимание либералов, что они нередко полностью упускают из вида политические цели этого ведомства. Радикалы же часто занимаются беспорядочным «разгребанием грязи» или риторическими нападками на ЦРУ, что заслоняет собой действительно важные вещи, а иногда и помогает ЦРУ проводить свою характерную стратегию разжигания распрей между различными группировками внутри радикальных движений.

Проведенная нами контрольная проверка фактов, упомянутых в статье, опубликованной в журнале «Рэмпартс», вскрыла некоторые мелкие ошибки в деталях, которые ни в коей мере не затрагивают основные положения.

1. Неправильно указаны рост и дата рождения Джеймса Харриса, допущены неточности в описании его внешнего вида.

2. Харрис работал на Национальную студенческую ассоциацию и Всемирный университетский сервис до того, как они начали получать субсидии от ЦРУ, однако он оставался консультантом в обеих организациях, когда ЦРУ щедро финансировало их.

3. Контролируемый ЦРУ Фонд для молодежных и студенческих дел возглавлялся не президентом «Корнинг Гласс» Эмори Хоутоном, а директором «Корнинг Гласс» Артуром Хоутоном.

4. Статья дает ошибочное представление, что Конференция руководства американских негров (АНЛК) полностью финансировалась ЦРУ. Это не так. АНЛК получала большую часть своих финансовых средств из «чистых» либеральных источников.

5. Директор АНЛК Тед Браун работал не в Американском обществе африканской культуры, а в одном из профсоюзов.

6. Большая часть денежных средств по международной профсоюзной программе ЦРУ не распределялась непосредственно через Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП); для этой цели использовались несколько связанных с МКСП секретариатов, включая Международное объединение работников общественного обслуживания (МОРОО). Представитель МОРОО в Восточной Африке в период, описываемый в статье, работал также на МКСП.

Группа африканских исследований»

I. «Власть черных» приходит в Вашингтон

«Власть черных» прошла долгий путь с той памятной ночи в 1966 году, когда Стоукли Кармайкл превратил это выражение в боевой клич «Похода Миссисипи против страха». В течение некоторого времени это был лозунг, вселявший ужас в сердца белых американцев — свидетельство того, что требования чернокожего человека были подняты настолько, что для их удовлетворения потребовалось бы переориентировать все общество. Однако сегодня «власть черных» вряд ли кажется революционным лозунгом. Он был облагорожен, приручен и получил свое видное место в американской мечте. И сделанное Кармайклом несколько лет назад замечание о том, что президент Соединенных Штатов может выступить по национальному телевидению с призывом сделать все для победы, но что он никогда не призовет на помощь «власть черных», также было опровергнуто. Это

сделал Ричард Никсон — человек, от которого, казалось бы, этого можно было ожидать меньше всего. Стране требуется «больше черной собственности», заявил Никсон в ходе предвыборной кампании, «потому что из этого может проистечь все остальное: гордость чернокожих, рабочие места для них и, конечно же, «власть черных».

Вполне очевидно, что администрация Никсона за короткий срок пребывания у власти приняла несколько важных решений относительно возможностей «власти черных». С большой помпой она обнародовала подробную программу развития «черного капитализма». И хотя она не смогла привлечь на посты министров Уитни Янга, Роя Уилкинса и других представителей умеренной группы, выступающей за гражданские права, ей удалось найти человека, пользовавшегося еще большей известностью как борец за права негров, — Джеймса Фармера, бывшего национального директора Конгресса расового равенства. После вступления в должность президента Никсон говорил, что не видит ничего опасного в подъеме движения за права чернокожих, пока оно ставит своей целью достижение традиционного вида экономической мобильности, даже если оно рядится в африканские одежды и исповедует пламенную расовую гордость, но в то же время основывает предприятия и замещает белых капиталистов — наиболее заметную связь нашего общества с негритянским гетто. Разумеется, других борцов за права чернокожих, политические программы которых не ограничиваются развитием «черного капитализма» или простым возрождением культуры и которые не обращаются к правящим кругам общества за поддержкой их революции, будут по-прежнему осуждать, бросать в тюрьмы, преследовать и уничтожать. Именно для них существует политика кнута. Но в других случаях предпочтительнее политика пряника, как более мощное, хотя и дающее менее предсказуемые результаты средство, — это хорошо продемонстрировал сам Никсон.

Он заключил удивительный союз с определенными силами в движении за права негров. Это может показаться слишком смелым и даже опасным, подобно игре с огнем, ведь речь шла о революционном самосознании чернокожих. Однако в действительности это уже проверенный временем метод. Поощрение администрацией Никсона культурного национализма и ее отеческая забота о «черном капитализме» являются, по своей сути, усовершенствованием и перенесением на американскую почву приема, выработанного правящими кругами США много лет назад для применения

за рубежом. Хотя в этом участвовали госдепартамент, информационное агентство США, Фонд Форда и множество других организаций, именно в первую очередь ЦРУ открыло способ борьбы с воинственно настроенными чернокожими. Оно установило, что Соединенные Штаты могут удерживать плацдарм в молодых независимых государствах Африки, создавая и субсидируя американскую элиту из негритянских лидеров африканской ориентации (Джеймс Фармер был лишь одним из многих), позиции которых в движении за гражданские права были неоценимым (хотя они этого нередко и не осознавали) прикрытием для главной цели ЦРУ — выхолостить негритянский радикализм в Африке, а в конечном счете и в самой Америке.

II. Африканцы из АОАК

Шла весна 1963 года, и на первый взгляд казалось, что это собрались революционеры за круглым столом в Гаване. Список участников конференции был похож на справочник «Кто есть кто в движении за независимость на Юге Африки»: исполняющий обязанности президента Африканского национального конгресса Южной Африки Оливер Тамбо; руководитель Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) Эдуардо Мондлане (впоследствии убитый); президент Национального союза Юго-Западной Африки Джарилетунду Козонгизи; лидеры практически всех других политических группировок в этих странах, а также в Зимбабве, Анголе и Замбии. Всех их с нетерпением ждали дома, потому что это были руководители вооруженных выступлений против ненавистных колониальных режимов. Но эту конференцию созвал не Фидель Кастро. В действительности встреча происходила в Говардском университете в Вашингтоне.

Руководители освободительных движений на Юге Африки согласились приехать в Вашингтон, потому что их пригласила негритянская организация при ведущем негритянском университете Америки. Американское общество африканской культуры (АОАК), состоявшее из известных американских ученых, писателей, художников и лиц свободных профессий, было наиболее известной и авторитетной из всех негритянских групп, заинтересованных в развитии африканской культуры и налаживании связей между американскими неграми и их собратьями в Африке. Эта конференция была четвертой международной встречей АОАК за четыре года. Казалось, что начала претворяться в жизнь мечта негритянских революционеров об объединении осво-

бодительной борьбы африканцев и афроамериканцев. Но большинство участников встречи и не догадывались, что инициатором этого мероприятия было ЦРУ.

Встреча в Говардском университете предоставляла сотрудникам ЦРУ идеальную возможность познакомиться с ведущими африканскими революционерами, одновременно создавая иллюзию, что США сочувствуют их делу. Само АОАК было создано в целях наблюдения за нарастающим африканским движением за независимость. Оно возникло на волне, поднятой первой Международной конференцией негритянских писателей и художников, состоявшейся в Париже в конце 1955 года. Конференция была созвана группой африканских деятелей в изгнании и европейских интеллигентов, объединившихся в Общество африканской культуры (ОАК), начавшее издавать журнал «Презанс Африкэн», на страницах которого выступали Камю, Сартр, Леопольд Сенгор и Эме Сезер. Но в повестке дня ОАК отнюдь не стояло содействие созданию организаций, подобных АОАК.

ОАК попросило ныне покойного негритянского писателя Ричарда Райта, находившегося в добровольной ссылке в Париже, пригласить на международную встречу нескольких американских чернокожих. Райт выполнил эту просьбу, но многие из тех, кого он пригласил, не смогли приехать по материальным соображениям. Те же, кто приехал, были представителями наиболее влиятельной части американской негритянской буржуазии, и многие из них позже стали играть видную роль в АОАК. В американскую делегацию, возглавляемую д-ром Горейсом, видным негритянским педагогом и отцом члена законодательного собрания штата Джорджия Джулиана Бонда, входили Мерсер Кук, позже назначенный послом США в Нигере при администрации Джонсона, Джон Дэвис, впоследствии возглавивший АОАК, Джеймс Айви, редактор журнала Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН) «Кризис» и впоследствии казначей АОАК, Тэргуд Маршалл и Дюк Эллингтон. Это были отцы-основатели АОАК.

Вначале АОАК размещалось в Нью-Йорке в одном помещении с Советом по расам и кастам в мировых делах — существовавшей в основном на бумаге организацией, созданной ЦРУ за несколько лет до этого для сбора информации и анализа расовых проблем, влияющих на международные отношения. Совет формально слился с АОАК в 1957 году и служил в качестве одного из основных каналов финансирования новой группы, которая была официально

зарегистрирована лишь в феврале 1960 года. В число каналов ЦРУ, по которым направлялись пожертвования АОАК в те годы, входили благотворительная организация Паппас (65 тыс. долларов) и фонды: Маршалла (25 тыс. долларов), Бенджамина Розенталя (26 тыс. долларов), Фредерика Брауна (103 тыс. долларов), Кольта (47 тыс. долларов), Доджа (28 тыс. долларов), Рабба (40 тыс. долларов) и Ронтелима (20 тыс. долларов). В заявлении о целях АОАК провозглашалось намерение «изучать воздействие африканской культуры на американскую жизнь, исследовать культурный вклад африканских народов в своих странах, оценивать условия, влияющие на развитие этнической — национальной и всеобщей — культуры, сотрудничать с международными организациями в целях... обмена информацией об африканской культуре...»

«Я вступил в АОАК, потому что считал, что оно действительно будет преследовать цели, выдвинутые Обществом африканской культуры в Париже, — заявил нам Гарольд Круз, автор книги «Кризис негритянской интеллигенции», — но меня вскоре исключили из общества, когда оно начало двигаться в другом политическом направлении. Это было сборище карьеристов, беспринципных ловкачей — демагогов и лидеров негритянской интеллигенции с интеграционистскими воззрениями. Это были либералы без какой бы то ни было базы, чье появление на политической арене целиком определялось их связями с такими уже сформировавшимися организациями, как АОАК. Я даже сомневаюсь, что они были в состоянии сами задумать подобную операцию».

Невозможно установить, в какой мере африканцы из АОАК, как называет их Круз, участвовали в разработке идеи создания их собственной организации, но если и участвовали, то во всяком случае не они оплачивали расходы. Об этом позаботилось ЦРУ, понимавшее, что та разновидность нерадикального культурного национализма, которую исповедовало АОАК, может оказаться полезной ему за рубежом и, вероятно, в конечном счете и в самих Соединенных Штатах. В докладе конференции АОАК, созванной в 1962 году, говорилось: «Американские негры не занимают важных постов в крупных корпорациях, делающих бизнес в Африке. Нельзя также сказать, что они стремятся делать деньги в Африке или что им предоставляется такая возможность. Они главным образом привносят пользу и теплоту в сложный комплекс афро-американских отношений». Это

действительно было так, хотя часто они не знали, какому делу и в чьих интересах служили.

В культурной и образовательной программах АОАК — сахарной пудре на политическом пироге, которым ЦРУ потчевало новую Африку, — были заняты некоторые из наиболее выдающихся негритянских деятелей культуры в Америке: Одетта, Рэнди Уэстон, Нина Симон, Лайонел Хэмптон и Лэнгстон Хьюз. Общество организовало также поездки в Африку ученых, писателей, юристов и других представителей негритянской интеллигенции Америки. В их числе были ученый Сондерс Реддинг, которого Гарольд Круз считает главным выразителем взглядов американской негритянской интеллигенции, художники Джейкоб Лоуренс и Элтон Фэкс, а также бывший юрисконсульт НАСПЦН Роберт Картер. Такие люди обеспечивали культурный камуфляж, который не только прикрывал политический характер деятельности АОАК, но и усиливал ее воздействие на африканцев. Однако о действительных делах АОАК гораздо больше рассказывают карьеры других, куда менее известных лиц.

III. Чернокожий агент ЦРУ

Один из наиболее ярких примеров того, как АОАК использует свои африканские центры, связан с деятельностью человека, занимавшего пост помощника исполнительного директора АОАК с первых дней существования общества до конца 1961 года, — рослого, часто отпускавшего козлиную бородку чернокожего агента ЦРУ по имени Джеймс Т. Харрис (Тед).

Харрис, родившийся в 1924 году в Филадельфии, окончил колледж Ласаль с медалью за успехи в учебе. После службы в армии в годы войны он возвратился в колледж, где приобрел репутацию принципиального и искреннего либерала. Энергичные, обладавшие даром красноречия преподаватели-негры были в то время редкостью, и имя Харриса стало известно всей стране, когда он включился в студенческое движение. В 1948 году, после того как только что созданная Национальная студенческая ассоциация (НСА) избрала его своим президентом, он быстро вошел в узкий круг лиц, контролируемую ЦРУ «компанию старичков», заправлявшую деятельностью НСА в течение почти 20 лет.

В начале 50-х годов Харрис перебрался в Женеву, где стал помощником генерального секретаря Всемирного университетского сервиса, финансировавшегося ЦРУ. Оттуда он вернулся в США для продолжения учебы. Получив сте-

пень магистра в институте общественных дел при Принстонском университете, где получал стипендию имени Уитни от ЦРУ, он отправился в Каир на практическую работу — на этот раз на стипендию Фонда Форда. После пребывания в Египте он возвратился в НСА, чтобы возглавить финансируемую ЦРУ программу зарубежного студенческого руководства, осуществлявшуюся в целях «оказания помощи активным студенческим лидерам в «третьем мире». На этой работе Харрис познакомился и подружился со многими африканскими студентами в США. Его следующее назначение было вполне естественным — он перешел в АОАК.

Харрис активно работал в АОАК вплоть до конца 1961 года. В том году, когда США отчаянно пытались укрепить положение дружественного им правительства в Конго, Харрис вновь обратился в Фонд Форда, который назначил его генеральным секретарем субсидируемой фондом Национальной школы права и административного управления в Леопольдвиле (ныне Киншаса). Там Харрис провел два года, разрабатывая образовательную программу, как он доложил позже на организованной АОАК в Говардском университете конференции по Югу Африки, которая обеспечивала возможность обучения конголезцев западным методам административного управления. В Конго подозревали, что эта школа служила также каналом ЦРУ для перекачки денег в карманы некоторых конголезских политиков. Как только один надежный конголезец был подготовлен к тому, чтобы принять на себя руководство школой, Харрис вернулся в Нью-Йорк, чтобы оказать помощь Фонду Форда в разработке программ развития для Африки и Ближнего Востока. В 1964 году он расстался с фондом, чтобы возглавить программу образования и профессиональной подготовки для компании «Корнинг Гласс» в Нью-Йорке. Он работал под руководством Эмори Хоутона, возглавлявшего фонд по молодежным и студенческим делам — главный орган ЦРУ по финансированию своих международных студенческих программ. В 1966 году, оставаясь консультантом при Хоутоне, Харрис перебрался в другое детище ЦРУ — Афроамериканский институт. Там он возглавлял программы исследований на местах, то и дело выезжая в Африку.

К январю 1969 года, когда Харрис расстался с Афроамериканским институтом и международной работой, его послужной список производил внушительное впечатление. Он побывал во всех западноевропейских и ближневосточных странах, в Индии, Пакистане и 23 странах Северной, Восточной, Западной и Центральной Африки (а также в 49

штатах США), зачастую выступая с лекциями. Он владел арабским, французским, итальянским и испанским языками. Он был членом влиятельного и престижного Совета по внешним отношениям, НАСПЦН и директором одного из отростков Конгресса расового равенства — образовательного и оборонного фонда для расового равенства.

ЦРУ поддерживало АОАК и субсидировало людей типа Харриса, потому что его стратеги хорошо понимали, какую угрозу для внешнеполитических целей США представляла определенная разновидность американского культурного национализма. Они понимали, что культурный радикализм часто стимулирует политический радикализм и что культурные проблемы, особенно в молодых африканских государствах, зачастую чреваты политическим взрывом. Поддержание эффективного политического присутствия в возрождающейся Африке требовало, таким образом, активных действий в области культуры, и ЦРУ давно начало стремиться к установлению контроля над рождающимися культурно-политическими элитами и к обеспечению, насколько это было возможным, такого положения, чтобы заботы этих элит отстояли подальше от революции. ЦРУ рассматривало культурный национализм и новые концепции «негритянства» в качестве альтернатив тому типу революционной культуры, к которому призывали такие люди, как Франц Фанон, заявивший однажды: «Именно в народной борьбе обретает свою сущность африканская негритянская культура, а не в песнях, поэмах и фольклоре».

Творцы тайно финансируемой ЦРУ культурной программы поощряли тех негритянских писателей, которые были наиболее дружественно настроены к Западу. В рамках программы просвещенного покровительства эти писатели всегда получали возможность публиковать свои произведения в целом ряде журналов в Африке и за ее пределами, субсидировавшихся ЦРУ через различные фонды: «Африка рипорт» (Афро-американский институт), «Транзишн» и «Нью Африкен» (Конгресс свободы культуры), «Классик» (Фонд Фарфилда) и других. И наконец, АОАК имело собственный журнал — «Африкен форум». Авторы, к которым эти издания благоволили, не были агентами, это были просто люди, политические убеждения которых оказались приемлемы для американских маклеров в области культуры. Покровительство и содействие ЦРУ принесли этой культурной элите международное признание, но в то же время установили «культурные рамки», необходимые для направленного развития сознания африканцев.

ЦРУ стало ведущим международным импресарио негритянской культуры вовсе не для того, чтобы получать эстетическое удовольствие. В период расцвета АОАК и подобных ему организаций важнейший вопрос заключался в том, что будет означать на деле формальная независимость Африки, когда она станет реальностью. И в какой-то момент ЦРУ решило, что развитие безопасного культурного национализма крайне важно для американских интересов в Африке. Оно было важно не только как способ сдерживания «культурной энергии» в приемлемых рамках, но и (хотя и то и другое взаимосвязано) как способ отвода взрывчатой силы самого национализма в направлениях, выгодных для США. Волна деколонизации, катившаяся по континенту, могла открыть для новой американской империи возможность взломать старую имперскую монополию группы европейских держав, господствовавших ранее в Африке. Но она же могла породить и такую разновидность радикального национализма, который стал бы охранять новые «открытые двери» с недружелюбной настороженностью и, возможно, даже нашел бы пути установления сотрудничества с коммунистическими державами. Поэтому ЦРУ не жалело сил для содействия разновидности культурного национализма, которая удовлетворилась бы устранением наиболее вопиющих форм иностранного господства и стремление которой к культурной целостности не усиливало бы, а скорее заменяло требования подлинной экономической и политической автономии.

Таковы были масштабы предприятия, в которое оказались втянутыми — через АОАК и другие организации — американские чернокожие. Но чтобы оценить влияние этого мезальянса на развитие событий в Африке и увидеть, что означает альтернатива культурному национализму в его социальном и политическом контексте в Африке (и могла бы означать в Соединенных Штатах, если бы администрация Никсона имела успех), необходимо также рассмотреть эту операцию со стороны тех, против кого она нацелена. Особенно ярким примером действий США по идеологическому манипулированию африканским обществом в переходный период служит роль, которую сыграло ЦРУ в формировании националистического движения в Кении.

IV. «Клуб реактивщиков» ЦРУ

Кошмарные представления о первобытной дикости чернокожих, возникающие у белых, когда они вспоминают об Африке, порождены главным образом сообщениями из Ке-

нии, где действовали кровожадные и свирепые Мау Мау. Но миф о Мау Мау (под таким названием известна на Западе «армия мира и земли» Кении) — прямая противоположность действительности. В течение всего «чрезвычайного положения», связанного с движением Мау Мау, погибло менее ста белых, включая 57 служащих противоповстанческой полиции, а жертвы среди африканцев превысили 11 тысяч. Солдаты колониальной службы безопасности, подобно американским охотникам за скальпами, охотились на людей ради денежной награды. Десятки тысяч африканцев были загнаны в английские концентрационные лагеря. Во время одной из облав в течение только одного дня было схвачено 35 тысяч человек.

Миф о Мау Мау и прочие расистские выдумки по-прежнему прочно удерживаются в сознании людей, однако ответственные ведомства правительства США не могут позволить себе, чтобы такие примитивные взгляды подрывали эффективность их деятельности. Поэтому в десятилетие, предшествовавшее получению Кенией независимости, и после этого ЦРУ оказывало строго целенаправленную поддержку отдельным группировкам в том самом движении за независимость, о котором большинство американцев вспоминало с отвращением и ужасом.

В любом случае трудно себе представить, что Соединенные Штаты могут оказывать поддержку национально-освободительным движениям в «третьем мире». Однако является фактом, что Соединенные Штаты никогда не останавливались перед поддержкой борьбы чернокожих, будь то Мау Мау или борцы за права негров из Конгресса расового равенства, если она служит нужной цели. Еще будучи вице-президентом, Никсон после своей поездки по странам Африки в 1957 году заявил в сенатской комиссии по иностранным делам: «Американские интересы в будущем настолько велики, что будет вполне оправданным, даже если мы без всяких колебаний поможем уходу колониальных держав из Африки. Если нам удастся при этом привлечь на свою сторону местное общественное мнение, то будущее Америки в Африке будет обеспечено». Беда старомодного колониализма в Африке, как полагал Никсон, заключалась в том, что он был слишком неамериканским.

Программу ЦРУ в Кении можно сжато охарактеризовать как программу выборочного освобождения. Главную выгоду от нее получил Том Мбойя, занявший в 1953 году пост генерального секретаря Федерации труда Кении (ФТК). Во время «чрезвычайного положения», когда все

другие африканские политические организации были запрещены, ФТК стала главным инструментом движения за независимость. Ее деятельности всячески препятствовали, ее помещения подвергались налетам и обыскам, многие ее лидеры были арестованы. Однако она уцелела, и Мбойя стал героем. Как признанный националист и как человек, придерживавшийся консервативных экономических взглядов, Мбойя идеально подходил для целей ЦРУ, в то время как главный герой националистического движения и будущий глава государства Джомо Кениата считался недостаточно безопасным. Мбойя даже выдвинул особую разновидность африканского социализма, которая отдавала предпочтение «свободным» (то есть антикоммунистическим) профсоюзам и поощряла иностранные капиталовложения, деятельность иностранных банков, иностранную собственность на землю. Африканский социализм, говорил он, подразумевает «те проверенные кодексы поведения в африканских обществах, которые в течение столетий придавали достоинство нашим людям и обеспечивали им безопасность независимо от их положения в жизни. Я говорю о всеобщем милосердии, которое характерно для наших обществ, и я говорю об африканском образе мышления и космологических идеях, которые рассматривают людей не как социальный инструмент, а как цель и саму сущность общества».

Подобно американскому «черному капитализму» сегодня, эта концепция вряд ли могла быть воспринята тогда как угроза стратегами белой Америки. «Культурный» социализм Мбойи рассматривался как своего рода прививка против реальной болезни революции; он явно заслуживал поддержки. Вскоре Мбойя вошел в «клуб реактивщиков» ЦРУ, путешествуя по миру от Оксфорда до Калькутты на средства ЦРУ, получаемые через такие каналы, как Африканское бюро, а также от Международной конференции свободных профсоюзов. (МКСП, сыгравшая в Кении ключевую роль, представляет собой совокупность международных профсоюзных секретариатов, созданных в 1949 году с целью противодействовать крутому подъему левого профсоюзного движения за пределами коммунистического блока. Ее международные операции в Африке финансировались и направлялись ЦРУ через ее различные секретариаты, базировавшиеся в США. В последнее время, однако, произошел раскол между МКСП и американскими профсоюзными организациями.)

Позже Мбойя стал представителем МКСП в этом районе. Его статьи публиковались другими организациями, нахо-

дившимися на содержании ЦРУ, включая Международный союз социалистической молодежи, Международную студенческую конференцию и Всемирную ассамблею молодежи. Между тем американская печать трубила о нем как о будущем лидере Восточной Африки. Статья о Мбойе в «Уолл-стрит джорнэл» была даже озаглавлена «Приятное впечатление у бизнесменов».

МКСП поддерживала Мбойю и его африканский социализм и через его ФТК — образцовый «свободный профсоюз»; в начале 60-х годов помощь достигала 1000 фунтов стерлингов в месяц в виде безвозмездного дара. Кроме того, более 25 тыс. долларов поступило в сейфы ФТК от субсидировавшегося ЦРУ Фонда международного социального и экономического образования. Один из директоров этого фонда Джордж Кэбот Лодж объяснил важность этой помощи в книге «Передовые отряды демократии». Этот труд был плодом деятельности исследовательской группы Совета по внешним отношениям, которая свела вместе профсоюзных экспертов и руководителя программы тайного финансирования ЦРУ Корда Мейера-младшего. Выступая от имени группы, Лодж писал: «Сегодняшний малозаметный профсоюзный работник завтра вполне может стать президентом или премьер-министром. Во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки профсоюзы являются почти единственной организованной силой, находящейся в прямом контакте с народом, и они нередко попадают в число тех сил, которые оказывают наиболее сильное влияние на народ». Помощь Мбойе, добавлял он, «укрепила не только МКСП, но и все дело свободы и демократии в Африке».

Англичане, хорошо осведомленные о действиях своего «особого союзника» в Кении, были озабочены. В приложении к одному из документов английского кабинета министров, датированном 21 декабря 1959 года и снабженном грифом «Только для представителей Соединенного Королевства», говорилось: «Цель, по всей вероятности, состоит в том, чтобы воспользоваться трудным положением, в котором находятся Соединенное Королевство и другие европейские державы, и заменить их влияние и интересы непосредственно контролируемой США машиной МКСП и контактами с американскими лидерами, специально установленными для этой цели». В документе делался вывод, что «американцы не заинтересованы в создании подлинно африканских профсоюзов в том виде, в каком мы их знаем. В Америке нет лейбористской партии... В результате американские профсоюзные лидеры, например Мини, Рейтер и Дубински, мо-

гут позволить себе непосредственно и открыто проводить в жизнь политику правительства и особенно госдепартамента и ЦРУ».

МКСП часто действует через свои международные секретариаты, базирующиеся главным образом в США. В Африке, где профсоюзы охватывают в основном правительственных служащих, наиболее важным секретариатом — и, следовательно, главным орудием ЦРУ — является Международное объединение работников общественного обслуживания (которое было также причастно к свержению правительства Чедди Джагана в Британской Гайане). У. Лоуренс, представитель этой организации в Восточной Африке, лаконично охарактеризовал ее роль в письме своему шефу Полу Тофарну от 15 февраля 1962 года: «Как мне представляется, именно мы должны позаботиться, чтобы они (восточноафриканские профсоюзные деятели) знали, что правильно и что нет».

В 1963 году, непосредственно после того, как Мбойя ушел с поста генерального секретаря ФТК, стало казаться, что федерация перестает понимать, «что правильно и что нет». Повсюду в стране назревали забастовки, и МОРОО опасалось, что в критический период перехода к независимости в Кении может произойти поляризация классов, способная привести, быть может, к какой-либо совершенно нежелательной форме независимости. Документы МОРОО рассказывают, как оно вмешалось в это дело. 29 января 1963 года генеральный секретарь МОРОО Тофарн направил Мбойе написанное в дружеском тоне письмо, где, в частности, говорилось: «Возможно, правительству не останется ничего иного, как ответить «нет» на их требования, но тогда возникает вопрос, как сказать это «нет» настолько убедительно, чтобы люди, которых это касается, согласились с таким ответом». Он добавлял, что направляет в Найроби специального представителя Т. Найнана, чтобы «попытаться избежать забастовки», и в заключение заметил: «Это письмо написано, чтобы побудить вас сделать намеки где надо».

Намеки Мбойи достигли цели, и уже 13 февраля Найнан смог доложить, что ситуация находится под контролем. «Мне очень повезло, — писал он, — что мои попытки избежать забастовки получили поддержку брата Тома Мбойи».

V. «Мир со свободой»

Поддержка Мбойи и его Федерации труда была естественной стратегией для США в Кении в 50-х и начале 60-х годов. Эта стратегия поощряла ответственный национализм;

к тому же предприниматели, от которых требовали повышения заработной платы, были англичанами, а не американцами. К 1964 году, однако, американские капиталовложения в Кении начали уже становиться значительными (в 1967 году они достигли 100 млн. долларов), и некоторые требования Федерации труда стали терять привлекательность. Но еще более важным было то, что в 1964 году стала достаточно серьезной опасность политической нестабильности, и радиосвязь с посольством в Найроби занимала восьмое место в списке приоритетов госдепартамента на тот год. Занзибар был охвачен мятежом, и Ньерере в Танзании чуть было не свергли. Волнения распространились по всему северо-восточному Конго, а Кения лежала как раз на естественном пути снабжения. ЦРУ пришло к выводу, что необходим новый подход.

Мбойю уже давно поддерживали как политика, стоявшего правее премьер-министра Джомо Кениаты; теперь считалось необходимым достичь соглашения с Кениатой, прежде всего чтобы удержать его от оказания поддержки конголезским повстанцам, а в более широком плане, чтобы заставить его сплотить ряды против развернувших агитацию левых в Кении. Это была стратегия, ставшая с тех пор достаточно широко известной: использовать доверие соответствующих, проявляющих необходимую гибкость активных группировок, чтобы сокрушить все остальные.

В июне 1964 года американский посол в Кении Уильям Этвуд имел беседу с Кениатой и договорился, что западные профсоюзные организации прекратят субсидирование Мбойи и ФТК; в ответ на это Кениата заверил его, что будет прекращена помощь со стороны русских и китайцев лидеру левых вице-президенту Одинге. Одновременно ЦРУ вносило соответствующие изменения в свои операции, вкладывая средства в политический инструмент нового рода, который мог бы воздействовать на все основные политические течения Кении, в то же время изолируя левых и подготавливая их разгром Кениатой. С этой целью ЦРУ перенесло свой основной упор на организацию под названием «Мир со свободой».

Она была создана в 1960 году под названием «Интернэшнл фичерс сервис» как информационное агентство, пропагандирующее взгляды Хуберта Хемфри среди народов «третьего мира». В 1962 году она приобрела статус бесприбыльной корпорации и была реорганизована под руководством Меррея Бэрона, вице-президента нью-йоркского отделения либеральной партии. Чтобы усилить доверие к ней, Бэрон пригласил главу ПАСПЦП Роя Уилкинса, который

в свою очередь привлек к сотрудничеству профсоюзного лидера Уолтера Рейтера. ЦРУ, разумеется, оказалось тут как тут с наличными, чтобы содействовать распространению в Африке идей американских борцов за гражданские права и либералов, объединивших свои усилия. Денежные поступления «Мира со свободой» в 1963 году составляли: 27 836 долларов от Фонда международного развития, использовавшегося ЦРУ как канал финансирования, и 130 799 долларов 78 центов от подставного Ценового фонда. Всего лишь 765 долларов 75 центов поступило из других источников. В последующие годы история повторилась: за всеми источниками стояло ЦРУ и общая сумма к 1966 году более чем удвоилась.

К 1965 году информационная деятельность, для которой и была первоначально создана эта организация, значительно расширилась; «Мир со свободой» имела 24 представителя в различных странах мира и публиковала материалы на 22 языках. В числе наиболее популярных авторов наряду с Хубертом Хемфри были Том Мбойя и Рой Уилкинс.

Мбойя не был забыт, когда ЦРУ перенесло свое внимание на «Мир со свободой». Новая организация передала ФТК 40 тыс. долларов на издание еженедельной газеты «Мфаний Каси» («Солидарность рабочих») на английском языке и на суахили. Однако эта поддержка теперь рассматривалась в гораздо более широком контексте, чем в прошлом. «Мир со свободой» создала и финансировала целую цепь организаций в Восточной Африке, включая Восточноафриканский институт социальных и культурных проблем, Восточноафриканское издательство (ныне преобразованное в «Афро-Пресс»), Образовательный институт имени Джомо Кениаты, Фонд Кеннета Каунды и Фонд Милтона Оботе в Уганде.

Это была собранная целиком из готовых компонентов культурная и интеллектуальная структура — от элитной академической обстановки до таких средств массовой информации, как радио и издания пропагандистских брошюр. Она была нацелена, как любили говорить, на «построение нации» — формирование социальной инфраструктуры, элиты и идеологической базы. В Кении деятельность «Мира со свободой» была практически всеобъемлющей. Наиболее важным исключением был Институт имени Лумумбы, открытый 13 декабря 1964 года — в день независимости. Хотя номинальным шефом был сам Кениата, фактический контроль находился в руках вице-президента Одинги и левых группировок, для которых институт и готовил кадры.

На следующий год Кениату подговорили выступить против Одинги, скрепив тем самым сделку, заключенную с Этвудом. Конституция была пересмотрена таким образом, чтобы ограничить права Одинги как вице-президента; его пост в политической партии Кениаты был ликвидирован; его профсоюзная база (конкурировавшая с ФТК) была реорганизована так, что перестала существовать. Когда же Одинга в знак протеста подал в отставку с поста вице-президента, были приняты меры, лишавшие его возможности вести эффективную борьбу в ходе следующей избирательной кампании. Институт имени Лумумбы был закрыт правительственным указом, когда студенты начали возражать против официальной трактовки «африканского социализма». В то время как шел разгром левых, созданный «Миром со свободой» культурно-политический комплекс стремился удержать страну в устойчивом положении, обеспечивая действие стабилизирующих механизмов в случаях, которые могли быть неправильно истолкованы как конструктивное несогласие, и по существу определяя рамки законных социальных и политических споров. Один из сотрудников «Мира со свободой» в Кении, Гайнц Бергер, охарактеризовал значение выполнявшейся им программы, заявив нам, что ее «осуществление означает, что не существует каких-либо брешей, которые могла бы заполнить какая-нибудь другая страна или идеология».

Когда посол Этвуд уезжал из Кении в 1966 году, он выразил удовлетворение тем, что было там сделано: «Опасения белых в связи с нахождением у власти в Кении чернокожих оказались необоснованными; министром сельского хозяйства по-прежнему был белый кениец, и в различных правительственных учреждениях Кении по-прежнему работали 1700 англичан... Одинга и демагоги были лишены власти. Люди, продвигавшиеся вверх... не были подвержены сильным эмоциям, усердно трудились и обладали практическим складом ума. Когда они говорили о революции в сельском хозяйстве Кении, это звучало как выступление Уолта Ростоу; они говорили об имеющихся кредитах, справедливых ценах, технической помощи и о закупках машин и потребительских товаров за наличные». Американский экспорт вырос с 13,5 млн. долларов в 1963 году до 31,6 млн. долларов тремя годами позже, когда Этвуд покидал Кению. Это было большим достижением Этвуда. Но, кроме того, как он сам скромно заметил, «посол, который относится к резиденту ЦРУ в данной стране как к неотъемлемому члену персонала посольства, как правило, найдет в нем полезного и го-

тового к сотрудничеству союзника». «Я знаю это по собственному опыту», — добавил он.

Позже, однако, произошел ряд неудач — четырем руководящим работникам «Мира со свободой» было отказано во въезде в страну в феврале 1968 года настроенным проанглийски министром внутренних дел Дэниэлом Моем, который утверждал, что они связаны с ЦРУ. После этого контора «Мира со свободой» в Нью-Йорке была закрыта, и сама организация исчезла. Проблема преемника Кениаты может оказаться опасной, потому что широко распространенное недовольство усиливается, а экономика находится в тяжелом положении. Но, несмотря на эти трудности, восторженные высказывания Этвуда о том, как «власть черных в Кении» избавилась от демагогов и перестала быть чем-то, чего следует бояться, весьма впечатляют. Они могли бы, пожалуй, даже служить выражением нынешнего благочестивого и твердого желания, чтобы именно так развивалась «власть черных» в Соединенных Штатах. Безусловно, африканские уроки не прошли бесследно для тех, кто освятил свои желания, бросая монеты в фонтан «черного капитализма» и культурного национализма. Но когда мы говорим об использовании африканского опыта применительно к данному случаю, речь идет не только о тактическом опыте, пришедшемся по душе тем, кто манипулирует судьбой чернокожих. Возможно, ЦРУ уже не идет в авангарде, но стимулированная им деятельность в идеологической сфере продолжается по инерции, и, кроме того, существует преемственность в самом персонале. Люди, обеспечивавшие расовое прикрытие, оказываются по-прежнему удивительно полезными в этой же роли и сегодня.

VI. В тени Малькольма Икс

Именно потому, что Рой Уилкинс является столь «ответственным» негритянским лидером, его участие в деятельности таких поддерживаемых ЦРУ организаций, как АОАК и «Мир со свободой», может не показаться явной несуразицей. Его открытая ориентация на власть предержащих никогда не могла создать ему репутацию пламенного революционера. Он собрал, например, лидеров борьбы за гражданские права в 1964 году, чтобы выработать единое мнение о моратории на демонстрации, с тем чтобы не доставлять беспокойства Джонсону и не помогать тем самым Голдуотеру. Случай же с Джеймсом Фармером (единственным из лидеров, кто, помимо Джона Льюиса из Студенческого координационного комитета ненасильственных дей-

ствий, отклонил предложение Уилкинса) совсем иной. Он и Конгресс расового равенства, который он возглавлял с 1961 по 1966 год, проявляли большую активность в движении борцов за права негров — от ведущей роли в «рейдах свободы», которые Фармер возглавлял, за что и был брошен в тюрьму, до принятия лозунга «власть черных» задолго до того, как он был воспринят общественностью. Наиболее разрушительные кампании «прямых действий» в городах на Севере США были организованы Конгрессом расового равенства под непосредственным руководством Фармера. Тем не менее даже в самый разгар активной борьбы за права негров Фармер служил — возможно, сам того не сознавая — эффективным инструментом в проводившихся ЦРУ операциях.

Наиболее значительную услугу Фармер оказал ЦРУ во время двух организованных этим ведомством поездок в Африку, первая из которых состоялась в 1958 году. Фармер уже вовлекался в орбиту ЦРУ в период с 1950 по 1954 год, когда он был национальным секретарем молодежной организации — номинально социалистической, а фактически ярой антикоммунистической Лиги за индустриальную демократию. Студенческая лига за индустриальную демократию (СЛИД) была ассоциированным членом финансировавшегося ЦРУ Международного союза социалистической молодежи. (СЛИД не считалась достаточно социалистической, чтобы стать полноправным членом.) Сама СЛИД получала средства на поддержание международных связей через главный канал ЦРУ для финансирования на студенческом фронте — Фонд для молодежных и студенческих дел. Здесь Фармер приобрел такую ориентацию и установил такие контакты, которые делали неизбежной его новую встречу с ЦРУ.

Уйдя из СЛИД, Фармер начал работать в базировавшемся в Нью-Йорке профсоюзе работников штатных, окружных и муниципальных органов в должности международного представителя. Фармер привлек внимание бывшего председателя профсоюза Арнольда Зандера, который сам был глубоко втянут в международную профсоюзную программу ЦРУ. Зандер направил Фармера в поездку по Африке; он должен был представлять свой профсоюз в состоявшей из пяти членов делегации МОРОО. Как уже говорилось, этот международный секретариат, входивший в Международную конфедерацию свободных профсоюзов, был одной из главных сил, на которые опиралось ЦРУ при проведении операций в Кении и в Африке в целом в тот период. Поездка этой делегации по 15 странам была частью общей программы «чист-

ки профсоюзов», которую ЦРУ осуществляло тогда в Африке.

Председатель МОРОО Циммернусс, говоря о результатах поездки, заявил, что африканские профсоюзы остро нуждаются в руководстве со стороны его секретариата. «Их работа до сих пор находится на уровне детского сада», — заметил он. Он отметил, что наиболее светлой картина была там, где продолжалось господство белых, особенно в Бельгийском Конго. «Там, по крайней мере, профсоюз способен работать», — утверждал Циммернусс. Он считал, что наибольшую опасность представляют коммунисты, пытающиеся воспользоваться простодушием африканцев. «Африканец ничего не знает о коммунистах, — объяснял он. — Просто он видит, что они обращаются с ним как с равным». К счастью, этой подрывной деятельности успешно противодействуют организаторы католического профсоюзного движения, которые, как заявил Циммернусс, применяют такую нестандартную тактику, как привлечение африканцев к участию в первомайских профсоюзных демонстрациях путем вручения им «брюк, рубашек и других подарков, которые они не смогли бы получить никаким другим путем». Гораздо более передовые формы использования даров белых людей, чтобы уберечь африканцев — членов профсоюзов от зловредного влияния коммунистов, были уже показаны при описании деятельности МОРОО в Кении.

В отчете о поездке делегации МОРОО по Африке о Фармере говорится как о «цветном профсоюзном деятеле — что, естественно, дало делегации значительное преимущество в ее подходе к африканцам». Это, пожалуй, несколько суховатое описание восторженных проявлений доброжелательности по отношению к Фармеру, а тем самым — косвенно — и по отношению к организациям и политическим воззрениям, которые он там представлял. Сам Фармер описывает это следующим образом: «...повсюду в Африке я чувствовал себя среди чернокожих как в кругу своей семьи. Когда я покидал Нигерию после моей первой поездки туда, представители нигерийских профсоюзов собрались в аэропорту, чтобы проводить меня; они обнимали и целовали меня». Значит, действительно это «дало делегации значительное преимущество»...

Фармер возвратился в США в декабре 1958 года. Вскоре после этого Рой Уилкинс пригласил его в аппарат НАСПЦН. В 1961 году он возвратился в Конгресс расового равенства в качестве национального директора и в том же году возглавил «рейды свободы» (двумя годами позднее его чуть

было не линчевали национальные гвардейцы в Плакмайнс-Пэриш, штат Луизиана).

К 1962 году, когда АОАК создало дочернюю организацию под названием Конференция руководства американских негров по Африке (АНЛК), имя Джеймса Фармера уже просто не могло не быть включенным в список видных негритянских деятелей, в котором числились Филип Рэндольф, Уитни Янг-младший, Рой Уилкинс и Мартин Лютер Кинг-младший. Фармер описывал цели этой группы следующим образом: «Как американцы африканского происхождения, мы считали своей обязанностью взять на себя инициативу в разъяснении Америке, что происходит в Африке, а также в разъяснении африканцам, что происходит в Америке. Мы считали также, что наше мнение должно было иметь вес в формулировании американской внешней политики по отношению к Африке».

В то время особенно нуждалось в разъяснении использование представителями закона против чернокожих американцев собак, дубинок, кнутов и палок для подгона скота. Рекламировать американский образ жизни становилось все труднее, и новое детище АОАК (единственный штатный сотрудник и главный разъездной представитель АНЛК Тед Браун был из АОАК и в его же помещении работал) могло принести огромную пользу правительству. Кто мог реабилитировать американскую законность лучше, чем представители ее жертв? Сам факт страданий чернокожих мог быть использован в национальных целях.

В итоге АНЛК не оказала большого общего воздействия, на которое рассчитывало ЦРУ, оплачивавшее счета через АОАК. Результаты были оценены недавно на секретном заседании исследовательской группы по африканской политике США Совета по внешним сношениям. На заседании не было высказано разочарования в политических взглядах главных действующих лиц (хотя сегодня представителей Студенческого координационного комитета ненасильственных действий, вероятно, не пригласили бы участвовать в работах АНЛК). Дело было скорее в другом. Один из участников обсуждения, видный чернокожий консультант по вопросам бизнеса и бывший советник президента Джонсона по африканским делам Ульрик Гейнс-младший заметил: «Ход был преждевременным... Американские негры не могли в то время сознательно солидаризироваться со своим африканским наследием. Попытка подобного рода была бы более эффективной сегодня, чем она была тогда».

Несмотря на это, АНЛК удалось доказать свою полезность. Самая крупная работа выпала на ее долю в 1964 году, когда доверие к США в Африке упало катастрофически в свете убийства Кеннеди, присутствия южанина в Белом доме и последствий «гуманной миссии» в Конго. Вдобавок ко всему Малькольм Икс избрал именно этот момент для своих двух триумфальных поездок в Африку.

Посол Этвуд так описывал неприятности, связанные с приездом Малькольма: «Выступая по кенийскому телевидению, он представился как лидер 22 миллионов американских негров и нарисовал преувеличенную картину их бедственного положения. Когда он уехал, я известил другие посольства о его появлении в Африке и рекомендовал им заранее поставить в известность об этом своих африканских друзей».

Его предусмотрительность была вполне обоснованной. Одна африканская газета писала в передовой статье: «Исключительно важно, что Малькольм Икс — первый из широко известных в США афроамериканских лидеров, совершающий независимую поездку по Африке, со времени приезда д-ра Дюбуа в Гану... Так давайте же придавать этой поездке не меньшее значение, чем то, которое ей, несомненно, придает госдепартамент в данный момент».

Другая африканская газета предсказывала: «Малькольм Икс — один из наших самых значительных и боевых лидеров. Мы ведем борьбу. Будут предприняты попытки оклеветать и дискредитировать его...» И действительно, еще когда Малькольм был в Африке, через АОАК была срочно выдана субсидия, с тем чтобы направить — вместе с Джеймсом Бейкером из АОАК — представителя АНЛК в продолжительную поездку по всем тем африканским странам, где побывал до этого Малькольм. Выбор пал на Джеймса Фармера.

Как утверждает Фармер, ему не было известно, что поездка инспирирована ЦРУ и что она не рассматривалась как противовес турне Малькольма. Он вспоминает, что в день, когда было официально объявлено о его поездке, нью-йоркские радиостанции сообщили, что он выезжает за границу, чтобы дать ответ на заявления Малькольма Икс. «Разумеется, это вовсе не входило в мои намерения, — говорит теперь Фармер. — Малькольм позвонил мне, когда по радио были переданы эти сообщения, и я, конечно, опроверг их. Он приехал ко мне и провел со мной вечер перед моим отъездом, рассказывая о своей поездке и рекомендуя людей, с которыми мне стоило бы познакомиться. Мы расста-

лись дружески, и как раз во время этой поездки — когда я был в Гане — кто-то сказал мне, что Малькольма собираются убить. Именно поэтому, если вы помните, я был одним из тех немногих людей, кто потребовал федерального расследования обстоятельств убийства Малькольма и высказал предположение, что в этом замешано ЦРУ».

Какие бы личные цели ни преследовал Фармер, отправляясь в Африку, ЦРУ затратило свои деньги не напрасно: Фармера встречали как высокопоставленное лицо. С завидной быстротой ему удавалось встречаться с главами всех государств, где он побывал (за исключением одного); он встречался также с представителями южноафриканских освободительных движений и, как указывалось в одном из отчетов АОАК, «он... беседовал с американскими послами в странах, которые он посетил, и с другими сотрудниками американских посольств там».

В статье, написанной для финансировавшегося ЦРУ журнала АОАК «Африкен форум», Фармер выражал озабоченность в связи с влиянием Малькольма в Африке. «Президент Джонсон, — писал Фармер, — несмотря на всю его неоценимую добрую волю — и, я думаю, он действительно проявляет ее, — не был хорошо преподнесен в Африке. Вдобавок Малькольм способствовал усилению в целом неблагоприятного мнения африканцев о Джонсоне, характеризуя его в своих речах и беседах с африканцами как «южанина-расиста». В другом месте Фармер отмечает, что реакция на его собственные выступления в защиту Джонсона была «осторожной».

«Малькольм оказал значительное влияние на студентов африканских университетов, однако я почувствовал, что оно было в значительной мере поверхностным», — писал Фармер. Выступая перед африканскими аудиториями, лидер Конгресса расового равенства заявлял, что проповедовавшиеся Малькольмом взгляды в действительности были разновидностью апартеида. Африканское сафари Фармера было, как писал негритянский еженедельник «Джет мэгэзин», «пробой на пост помощника государственного секретаря по африканским делам». Но, к чести Фармера, он критиковал некоторые аспекты африканской политики США и не получил этот пост.

В случае с Конго он даже зашел настолько далеко, что разоблачил и подверг острой критике тот факт, что американские военные самолеты обеспечивали материально-техническое снабжение армии белых наемников. Кроме того, на Фармера можно было положиться в том отношении, что

он не выдвинет крайних альтернатив официальной политике. Он вспоминал: «Когда я был в Восточной Африке, многие из молодых восточноафриканцев говорили мне, что мы (США) должны вообще уйти из Конго. Я заявил им, что считаю это абсурдным. Ни одна крупная держава не может уйти из столь важного места, как Конго. Это и неосуществимо, и нежелательно...» Фармер считал, что и Чомбе, и мятежники «неприемлемы» и что «надежда для Конго заключается в третьей силе: возможно, она еще скрыта в нынешних блестящих университетских студентах — политиках, администраторах, интеллигентах завтрашнего дня». Эту же надежду разделял, как говорилось выше, и агент ЦРУ Харрис, когда создавал в Конго свою школу для подготовки именно таких руководящих кадров.

Когда такого человека, как Фармер, направляют в Африку, то вовсе не ожидают, что он будет вести себя как подхалимствующий апологет, оправдывающий эксцессы американских заморских авантюр. Точно так же, когда такому человеку предлагают пост министра, то не ожидают, что он отвернется от того активного движения внутри страны, которое сам создавал. Его критические выступления еще более подчеркивали присущую ему приверженность к разумному применению американской мощи. У Америки есть много дипломатов, отстаивающих официальную политику и никогда не критикующих ее. Но они не пользуются таким авторитетом, как Фармер, известный как борец за гражданские права.

VII. Хорошая и плохая «власть черных»

Принимая самый крупный пост для чернокожего в новой администрации Никсона, Фармер заметил, что перед ним был выбор: либо оставаться вне правительства и заниматься критикой, либо войти в него и участвовать в определении хода событий. Фармер был не единственный, кто считал, что новый президент готов прийти к соглашению с «властью черных» если не на идеологической, то на прагматической основе. Нынешнее руководство КРР, как и другие борцы за гражданские права, обнаружило, что правительственные ведомства и частный финансовый капитал стремятся войти в пай с «властью черных» и гарантировать ее акции. Рой Иннис из КРР говорил о президентстве Никсона: «Каким-то образом наши повестки дня пересекаются».

Разумеется, «власть черных», как и африканский национализм, могла быть задумана по-разному и нацелена в разных направлениях, причем некоторые из ее представи-

телей могли бы вовсе не угрожать существующему положению. И нынешняя администрация уже пришла к выводу, что ее задача заключается в отсеивании «хорошей власти черных» от «плохой». Такой подход к расовому кризису в Америке назревал в течение некоторого времени. Средства информации начали преподносить его белой общественности. Журнал «Тайм» объявил более полутора лет назад: «Что вполне определенно развилось... так это движение «власть черных» на более приемлемой основе... Наиболее серьезные выразители этого нового подхода связывают его с «самосознанием черных» или — более полно — с «гордостью черных».

Это толкование негритянской революции — санкционирование и поощрение тех ее аспектов, которые наименее революционны, — напоминает, конечно, о международной стратегии ЦРУ, связанной с использованием АОАК, о субсидиях, которые это ведомство выдавало избранным лидерам в Африке, о поддержке, которую оно оказывало «великой пролетарской культурной революции» Мбойи. Как и в указанных случаях, упор сейчас делается на той разновидности «власти черных», которая связана с психо-культурным освобождением, а не на той, которая предлагает по-новому оценить социальную и экономическую власть ее новых покровителей. Четко выделяется и обмежовывается сфера общих интересов между «белым капитализмом» и негритянским движением, непременно лежащая в рамках существующего положения. А тех, кто утверждает, что существующее положение просто недостаточно пластично, чтобы абсорбировать все противоречия расизма в Америке, изолируют как представителей «плохой власти черных». Точно так же в Африке последователей Франца Фанона изгоняли из круга лиц, достойных уважения, в то время как последователей Мбойи и ему подобных щедро награждали. И сегодня в Америке те из борцов за права негров, кто приемлет «черный капитализм», получают крупные субсидии, в то время как другие, выступающие за социальную революцию, подвергаются преследованиям.

Журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт» писал: «Оказывается, «черный капитализм» — это одна из форм «власти черных», обладающая большой притягательностью для представителей обеих рас; это такая форма «власти черных», которая «получает растущую поддержку — и финансовую помощь — со стороны белых бизнесменов, банкиров и промышленников». Президент «Америкен нэчурал гэс компани» Ральф Т. Макэльвенни, по существу, кратко обоб-

щил мнение многих руководителей корпораций, когда заявил в феврале прошлого года: «Негр должен иметь такую ставку в экономике, при которой он больше потеряет, чем выиграет, если будет бунтовать и восставать». Это заявление по своему смыслу сходно с высказыванием Томаса Бэрреса, активного члена движения за процветание «черного капитализма» в Филадельфии: «Если жители в округе имеют долю в бизнесе, то стоит только появиться кому-нибудь с бутылками с зажигательной смесью, как окна немедленно распахнутся и обитатели закричат: «Не смей поджигать мою собственность!» Преподобный Леон Салливен, основавший в Филадельфии «Оппортьюнитиз индастриализейшн сентер» — крупную негритянскую корпорацию, действующую в 70 городах США, а также в Пуэрто-Рико, Сенегале, Нигерии и Кении, добавляет: «Я не буду чувствовать себя удовлетворенным до тех пор, пока каждый взрослый чернокожий в Америке не будет владеть частью страны индивидуально или на паях, пусть это будет лишь два квадратных фута земли или одна-единственная акция».

Разумеется, не каждый из тех, кто связан с «черным капитализмом», выразил бы свою точку зрения именно таким образом. Многие сильно разошлись бы во мнениях, но маклеры «власти черных», финансирующие и поощряющие «черный капитализм», будут прибегать к воинственной риторике, пока будут держать под контролем потенциально взрывоопасную ситуацию. В конце концов наиболее марксистское из всех толкований «черного капитализма» было дано в одном из официальных заявлений Ричарда Никсона: «С собственностью на средства производства приходят власть, престиж, уверенность, право решать и выбирать».

Иногда предоставление прав неграм выглядит просто смехотворно, как это было, например, когда министерство труда создало корпорацию в Вашингтоне, которая должна была нанять 1000 юношей из негритянских гетто для уборки улиц, и назвало ее «Прайд[1] инкорпорейтед». Иногда это делается более откровенно, как это было, например, когда Ральф Тейлор, помощник министра жилищного строительства и городского развития, отвечающий за программу образцовых городов, заявил: «Я не против участия черных, но оно должно быть включено в более крупную систему белых».

Те, кто обладает властью в обществе, сохраняют за собой контроль, хотя они могут поддерживать инакомыслящих,

---

[1] Гордость *(англ.)*.

если это соответствует их непосредственным целям. И урок, который следует извлечь из африканских операций ЦРУ, состоит в том, что находящиеся у власти знают точно, почему они оказывают помощь, даже в тех случаях, когда получающим помощь не известны ни причины, ни источники.

«Власть черных» прошла долгий путь после 1966 года. Но сейчас вопрос в том, привел ли этот путь к лучшему или к худшему, оказал ли этот лозунг какое-либо значительное воздействие на породившую его систему или нет. Джеймс Фармер, чья необычная карьера увенчалась тем, что по странной иронии судьбы он оказался чернокожим, самым тесным образом связанным с официальным осуществлением «хорошей власти черных», в свое время очень точно указал на одну проблему, которая с тех пор лишь стала острее. «Зло рабства... — писал он в книге «Свобода — когда?», — состоит в том способе, которым оно позволяло белым людям распоряжаться неграми — их телами, их действиями, их возможностями, даже самими их умами и мыслями. До глубины души негры чувствуют, что ими распоряжаются, помыкают, повелевают, манипулируют белые люди. Я не могу преувеличить стойкость и глубину этого чувства у негров и полагаю, что любой справедливый человек, размышляющий над историей униженного положения негра в мире, где господствуют белые, признает обоснованность этого чувства».

Барри Коэн

ЦРУ И АФРИКАНСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ

Барри Коэн — канадский журналист, живущий в Лондоне. Эта статья — пересмотренный и дополненный вариант статьи, опубликованной в журнале «Африка» в сентябре 1976 г., — написана в мае 1979 г. специально для данной книги.

Несмотря на широкие разоблачения как деятельности, так и агентуры ЦРУ в последние годы, имеется очень мало информации об операциях ЦРУ против профсоюзных движений в Африке. В книге «ЦРУ и культ разведки» отмечается, что в Африке работало только 300 (или приблизительно 6 процентов) из 4800 сотрудников управления тайных

операций ЦРУ. Эти цифры отражают сравнительно небольшое внимание, уделявшееся американским правительством африканским делам. Тем не менее в последнее время стала известной ценная информация о проникновении ЦРУ в различные африканские профсоюзы. С учетом роли профсоюзных организаций в освободительной борьбе африканских стран, а также их функции в послеколониальный период деятельность ЦРУ в этой области заслуживает пристального внимания.

После создания ЦРУ, в 1947 году, было решено, что оно будет проводить тайные операции против профсоюзов в гораздо более широких масштабах, чем его предшественник — Управление стратегических служб времен второй мировой войны, где имелся специальный отдел, ведавший профсоюзами. Основным объектом деятельности ЦРУ в тот период была Всемирная федерация профсоюзов (ВФП). Соединенные Штаты были заинтересованы в поддержке плана Маршалла европейскими профсоюзами. Поскольку советский блок и западные коммунистические профсоюзы выступали против американских планов перестройки послевоенной Европы, Американская федерация труда (АФТ) считала, что необходимо подорвать влияние ВФП. Наступление АФТ началось в июле 1948 года на встрече с британскими тред-юнионами в Лондоне. В одном из изданий Международного профсоюза дамских портных — важной части АФТ — отмечалось: «Объявленная цель этой встречи состояла в обеспечении поддержки плану Маршалла». Фактически же она стала первым шагом к созданию в последующем Международной конфедерации свободных профсоюзов, хотя никаких публичных заявлений в этом отношении не было сделано. Джей Лавстоун, занимавший в то время пост директора отдела международных сношений АФТ (а впоследствии АФТ—КПП), «был одним из наиболее важных людей ЦРУ».

В ВФП было несколько африканских делегатов, связанных с Британским конгрессом тред-юнионов, однако делегаты из франкоязычной Африки отсутствовали. Впоследствии ВФП разделилась на два лагеря по вопросу об Африке. Советский Союз и Соединенные Штаты хотели создать региональный орган для координации профсоюзной деятельности в Африке; колониальные же державы — Великобритания, Франция и Бельгия — возражали против этого, настаивая на сохранении своей «ответственности» за все дела в их бывших колониальных владениях. США были заинтересованы в подрыве колониализма, так как это позволило бы им усилить свое влияние и расширить экономическое

проникновение в европейские империи и одновременно воспрепятствовать попыткам советского блока извлечь выгоду из антиколониальных настроений.

В 1949 году, в разгар «холодной войны», западные профсоюзные организации под американским давлением и в результате тайных провокаций ЦРУ откололись от ВФП и образовали Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП). Из-за необходимости объединиться против коммунизма под американским руководством позиции колониальных держав оказались теперь ослабленными.

По завершении своего турне по африканским странам в 1957 году вице-президент США Никсон докладывал конгрессу: «Крайне важно, чтобы американское правительство внимательно следило за тем, что происходит в профсоюзной сфере, и чтобы американские дипломаты и консульские работники близко познакомились с профсоюзными лидерами в этих странах...» Никсону нечего было беспокоиться: в период с 1953 по 1957 год ЦРУ активно занималось подрывом влияния Великобритании в ее африканских колониях.

На французских территориях в Северной Африке ЦРУ осуществляло подобную же тайную поддержку профсоюзов. Агенты ЦРУ финансировали создание Марокканского союза труда (МСТ), который впоследствии вошел в МКСП и установил тесные связи с АФТ—КПП. Поскольку Марокко пользовалось внутренней автономией, организации трудящихся в этой стране не были столь тесно связаны с французскими политическими партиями и профсоюзами, как соответствующие организации на других бывших французских территориях. МКСП начала проявлять заинтересованность в Марокко еще в 1951 году, когда прибывшая туда делегация из сотрудников ЦРУ, специализировавшихся на профсоюзах, завербовала агентов в партии «Истикляль». Эти агенты организовывали, особенно после высылки султана Мухаммеда V, демонстрации с требованием независимости. Деньги на развертывание движения за независимость ЦРУ перекачивало как через МКСП, так и по другим каналам. Когда Мухаммед V вновь пришел к власти и начал арестовывать профсоюзных лидеров и подавлять забастовки, ЦРУ организовало и вело борьбу против султана, пока он не был окончательно свергнут.

В Алжире ЦРУ поддерживало некоторые профсоюзы, выступавшие за независимость страны. Когда французским властям стало известно о происках американцев, они попытались воспрепятствовать любому присутствию ЦРУ в Алжире. Американо-французское соперничество в Африке всег-

да было более четко выраженным по сравнению с любыми противоречиями, существовавшими между Великобританией и Соединенными Штатами. В результате Соединенные Штаты никогда не были особенно заинтересованы в мирных путях деколонизации во франкоязычной Африке.

После того, что произошло в Кении, профсоюзное движение распространилось по всей Африке. В 1959 году в Брюсселе АФТ — КПП захватила контроль над исполкомом МКСП. Из-за роста влияния АФТ — КПП в МКСП последняя решила в конце 50-х годов учредить региональное отделение для Африки в Аккре. Стратегический замысел заключался в использовании Конгресса профсоюзов Ганы, который возглавлял Джон Теттага, в качестве базы для развертывания деятельности в тропической Африке. Однако растущее влияние панафриканизма угрожало сорвать эти планы. На конференции Всеафриканской народной организации в Аккре в декабре 1958 года была создана Всеафриканская федерация профсоюзов (ВАФП). Постепенно ВАФП перешла к проведению воинствующей панафриканской линии, связываемой с именем Кваме Нкрумы.

Соединенные Штаты и МКСП предпринимали энергичные попытки заставить африканские профсоюзы занять твердые антикоммунистические позиции. Поскольку им это не удалось, они, естественно, были обрадованы, когда Нкрума был свергнут. Действительно, АФТ — КПП развернула всемирную кампанию по дискредитации ВАФП, ставшей якобы орудием коммунистов.

В ноябре 1960 года третья региональная конференция МКСП в Лагосе учредила Африканскую региональную организацию. Эта организация, став центром действий МКСП, усвоила новый пропагандистский стиль. В то время как раньше МКСП утверждала, что входившие в ВАФП организации служат орудием коммунистов, то теперь она обвиняла их в том, что они стали «орудиями государственной власти». Многие филиалы МКСП объединились в Африканскую профсоюзную конфедерацию (АПК) с официальной целью создать независимую профсоюзную организацию. Однако с выходом из нее Федерации труда Кении в 1965 году у АПК осталось мало надежд заменить собой ВАФП. Вдобавок к марту 1965 года выплеснулись наружу распри между Джорджем Мини из АФТ — КПП и председателем МКСП Омером Беку. Соединенные Штаты начали терять интерес к МКСП, и ее активная роль в Африке снизилась.

С предоставлением независимости большинству бывших колоний к середине 60-х годов роль ЦРУ, поддерживавшего

профсоюзы как политические движения за независимость, начала меняться. Прежде ЦРУ действовало как сила, расчищавшая путь для проникновения в Африку американских многонациональных корпораций. Однако теперь перед ним встали непосредственные задачи поддержания стабильного инвестиционного климата для американского бизнеса — особенно в горнодобывающей промышленности и сельском хозяйстве, — а также создания условий, облегчающих использование местной рабочей силы.

Для осуществления этих функций ЦРУ помогло в 1964 году учредить Афро-американский профсоюзный центр (ААПЦ). Во многих отношениях ААПЦ должен был взять на себя послевоенную роль МКСП и обеспечить контроль Вашингтона над американской профсоюзной деятельностью в Африке. ААПЦ был африканским эквивалентом Американского института развития свободной рабочей силы (АИРСРС) — ранее созданной ЦРУ организации, которая действует со значительным успехом в Латинской Америке и до сих пор обладает большой силой. И по структуре, и по программам ААПЦ напоминал АИРСРС. Более того, многие бывшие сотрудники АИРСРС перешли на работу в ААПЦ.

С февраля 1965 года ААПЦ начал осуществлять буквально сотни проектов в сорока одной африканской стране в целях подготовки «профсоюзного руководства» на континенте. По данным ААПЦ за 1976 год, его штат состоял из 134 человек, работавших в Африке и в Соединенных Штатах. Основу его бюджета в 1976 году составили средства, полученные от Управления международного развития, — 2,25 млн. долларов.

ААПЦ сосредоточил свою деятельность в нескольких крупных областях. Во-первых, — и это, возможно, было самым важным — осуществлялись программы подготовки руководителей с упором на отношения между профсоюзами и предпринимателями. Так, в 1965 году ААПЦ основал Профсоюзный институт социально-экономического развития в Лагосе. Здесь прошли подготовку более пяти тысяч функционеров и рядовых членов профсоюзов Нигерии. С 1968 года ААПЦ стал оказывать также поддержку Профсоюзному колледжу Ганы, где обучались профсоюзные лидеры из более чем двадцати африканских стран. Кроме того, сотни африканских профсоюзных работников посылались в Соединенные Штаты для дальнейшего обучения. Многие из них были зачислены в Гарвардский и другие престижные университеты.

ААПЦ поддерживал различные связи с Профсоюзным образовательным центром в Ботсване и Эфиопской программой обучения рабочей силы, а также основал Центр региональных экономических исследований и документации в Ломе. По богатству информации и источников по африканскому трудовому законодательству и коллективным договорам этот центр уникален на Африканском континенте. Ввиду этого многие африканские профсоюзные деятели, ведущие переговоры с предпринимателями, вынуждены полагаться исключительно на этот центр в отношении исходных материалов. С 1965 года он тесно сотрудничал с Заирским национальным профсоюзным центром, а также с двумя ангольскими профсоюзами, имевшими штаб-квартиры в Заире, — Всеобщей конфедерацией трудящихся Анголы и Всеобщей лигой трудящихся Анголы. Во всех этих программах делался упор на экономику развития, но в то же время они создавали широкую инфраструктуру для африканской рабочей аристократии.

Другие программы, разработанные ААПЦ, включают профессиональную подготовку в целях обеспечения многонациональной стратегии развития таких трудоемких производств, как ремонт автомобилей и выпуск электронных устройств. В таких организациях, как Панафриканский кооперативный учебный центр в Котону в Дагомее, члены профсоюзов изучали возможности создания кредитных союзов и кооперативов для обеспечения более высокого уровня жизни для развивавшейся рабочей аристократии. В сельской местности были созданы клиники, осуществляющие программы медицинского обследования населения — важного компонента американской политики в развивающихся странах. В области связи и информации ААПЦ оказывал помощь практически всем африканским профсоюзам в выпуске их газет. В 1972 году он основал Панафриканский профсоюзный информационный центр в Киншасе (Заир). И наконец, для более близкого ознакомления с «американской мечтой» многие африканские профсоюзные деятели направлялись на средства ААПЦ в поездки по Соединенным Штатам, где они встречались с представителями АФТ — КПП.

Некоторое количество денежных средств, необходимых для осуществления этого широкого круга мероприятий, ААПЦ получает от африканских правительств, но основная их масса поступает от АФТ — КПП, Управления международного развития и многонациональных корпораций. Поддержка со стороны последних вполне оправдана, если

учесть, что в марте 1965 года «Бюллетень ААПЦ» объявил, что ААПЦ будет «также поощрять сотрудничество профсоюзов и предпринимателей в расширении американских капиталовложений в африканских странах».

Тем не менее за открытой деятельностью ААПЦ скрываются активно проводящиеся тайные акции оперативного управления ЦРУ (департамента «грязных дел»). Разумеется, столкновения интересов здесь не происходит; лидеры ААПЦ вроде Ирвинга Брауна, первого исполнительного директора центра, занимавшего этот пост до 1974 года, тесно связаны с ЦРУ. Томас Брейден, руководивший отделом международных организаций ЦРУ с 1950 по 1954 год, разоблачил связи Брауна в 1967 году в журнале «Сатердей ивнинг пост», в статье, озаглавленной «Я рад, что ЦРУ аморально». Имея в виду послевоенную деятельность Брауна по преодолению оппозиции плану Маршалла со стороны западноевропейских профсоюзов, находившихся под влиянием коммунистов, Брейден писал: «Идея передачи Ирвингу Брауну 15 тыс. долларов принадлежала мне. Они были нужны ему для оплаты услуг штрейкбрехеров в средиземноморских портах, с тем чтобы американские суда разгружались, несмотря на противодействие докеров-коммунистов». Кроме того, 24 февраля 1967 года в статье в «Нью-Йорк пост» обозреватель Дрю Пирсон отмечал, что Браун «расходует деньги ЦРУ в Африке. Пирсон упоминал также, что «Лавстоун получает приказы от Корда Мейера из ЦРУ».

Филип Эйджи характеризует Брауна как «главного агента ЦРУ по контролю над Международной конфедерацией свободных профсоюзов». В период, предшествовавший получению независимости африканскими странами, Браун был важным орудием МКСП по оказанию помощи националистическим движениям в их политической борьбе против европейского колониализма.

В период «холодной войны» борьба за сердца и умы членов африканских профсоюзов была особенно острой в Нигерии — ключевом государстве с точки зрения любого анализа стратегического положения в Африке. ААПЦ оказывал помощь Объединенному профсоюзному конгрессу Нигерии (ОПКН), чтобы подорвать влияние поддерживаемого коммунистами Нигерийского конгресса профсоюзов (НКП). В 1969 году бывший лидер ОПКН Аледжи Адебола начал энергично возражать против вмешательства ААПЦ в дела его профсоюза. В 1976 году он признавал: «У меня сложилось впечатление, что некоторые представители зарубеж-

ных профсоюзов в Нигерии были как-то связаны с ЦРУ... С появлением Афро-американского профсоюзного центра в Нигерии... предательство и измена нашли удобное прибежище в нигерийском профсоюзном движении». В результате Адеболе пришлось уступить свое положение лидера в ОПКН коллегам по профсоюзу, проявлявшим большую сговорчивость, когда речь шла об американских интересах.

В докладе о результатах расследования, проведенного правительством Нигерии в 1977 году, указывалось, что ААПЦ и МКСП «имели полную свободу действий в управлении делами ОПКН». Представители обеих организаций участвовали в заседаниях, на которых вырабатывалась политика ОПКН. Расследование также показало, что финансирование ОПКН американцами было настолько значительным, что большинство филиалов этого профсоюза вообще не заботились об уплате членских взносов. Кроме того, эти деньги использовались для подкупа лидеров других профсоюзов, чтобы присоединить последние к ОПКН.

ЮГ АФРИКИ

Зимбабве

Попытки АФТ — КПП и МКСП подключиться в начале 60-х годов к закулисной борьбе в профсоюзном движении Родезии не дали каких-либо существенных результатов. В конце того десятилетия не отмечалось крупных выступлений профсоюзов в значительной мере потому, что сотни профсоюзных активистов были подвергнуты заключению режимом Смита. Однако в результате развертывания партизанской борьбы и усилий Запада утвердить неоколониальную африканскую администрацию в Солсбери на политической арене появился ААПЦ.

В 1977 году Рейбен Джамела официально объявил о создании Федерации труда Зимбабве, которая, по его словам, должна была стать крупнейшим профсоюзным объединением в стране. Противостоявший ей Африканский конгресс профсоюзов, возглавлявшийся Финеасом Ситоле, утверждал, что Джамела получал помощь от американцев. Поскольку Джамела в прошлом был связан с АФТ — КПП, обвинения Африканского конгресса профсоюзов, по всей вероятности, были вполне оправданными.

В конце 50-х годов Мейда Спрингер Кемп (агент ЦРУ по связи с Мбойей) встретился с Джамелой в Зимбабве и передал ему деньги на поездку в Тунис и в Европу для

посещения различных европейских профсоюзных центров. В этот период между Ирвингом Брауном и Джамелой установилась тесная дружба. Недавно в одном частном интервью Браун по существу признал, что он дважды передавал Джамеле деньги на осуществление его профсоюзных планов.

Возвратившись из поездки по Европе, Джамела воспользовался деньгами МКСП для создания местных профсоюзов и для посылки профсоюзных активистов в «учебный» центр МКСП в Кампале (Уганда). Из-за распространившихся слухов, что этот профсоюзный центр готовит шпионов, Милтон Оботе закрыл его в 1966 году.

Однако деятельность Джамелы постепенно начала встречать противодействие со стороны многих африканских националистов, утверждавших, что он служит «марионеткой капиталистов и империалистов». В 1962 году разногласия, вызванные деятельностью Джамелы, привели к расколу в Африканском конгрессе профсоюзов.

Джамела хвастается, что в его федерацию входят тридцать пять профсоюзов. Тем не менее в одном из частных писем он признал, что из тридцати двух профсоюзов, собравшихся на торжественную церемонию создания Федерации труда Зимбабве 27 ноября 1977 года, только десять были действительно жизнеспособными. Он добавил, что «эти двадцать два профсоюза очень важны, поскольку они образуют ядро, необходимое нам для дальнейшего развития».

Визит делегации ААПЦ в июне 1978 года, возможно, завершил работу по созданию основы для расширения Федерации труда Зимбабве. В состав делегации входил заместитель директора ААПЦ Джерри Фанк, ранее занимавшийся исследовательской и издательской работой в Международной федерации рабочих нефтяной промышленности. В середине 70-х годов эта федерация была распущена, когда выяснилось, что она служит ширмой для ЦРУ. В 1979 году Фанк перешел из ААПЦ в штат сотрудников Совета национальной безопасности.

Если Соединенные Штаты и Великобритания признают де-факто в какой-либо форме прозападный режим епископа Абеля Музоревы, то для международного капитала откроются новые возможности в отношении увеличения капиталовложений и расширения торговли с Зимбабве. Для обеспечения высокого уровня прибылей станет еще более важным существование такого пользующегося американской поддержкой профобъединения, как Федерация труда Зимбабве.

Вскоре после прихода правящей национальной партии к власти в 1948 году правительство взяло курс на разгром организованных отрядов рабочего класса в стране. В 1953 году оно приняло закон о местной рабочей силе, в соответствии с которым профсоюзы африканцев не признавались официально, а все забастовки рабочих-африканцев объявлялись незаконными. Следуя логике апартеида, этот закон запрещал профсоюзам, членами которых состояли белые, цветные и азиаты, принимать в свои ряды рабочих-африканцев. Таким путем южноафриканское правительство надеялось завершить сегрегацию рабочей силы в Южной Африке.

В этот период международное рабочее движение начало заниматься вопросами организации профсоюзов южноафриканских рабочих. В 1953 году делегация Британского конгресса тред-юнионов впервые посетила Южную Африку и рекомендовала профсоюзам белых практиковать апартеид «с точки зрения более широких интересов и ввиду безотлагательной необходимости в единстве». Впоследствии Британский конгресс тред-юнионов поддержал создание Совета профсоюзов Южной Африки (СПЮА), который не допускал в свои ряды чернокожих рабочих.

Для защиты прав африканцев в марте 1955 года был создан нерасистский Южноафриканский конгресс профсоюзов (ЮАКП). Тесно связанный с настроенным по-боевому Африканским национальным конгрессом, ЮАКП был единственной профсоюзной организацией, подчеркивавшей важность увязки политических и экономических вопросов.

Корпорации западных стран и часть африканского среднего класса были недовольны тем политическим курсом, который взяли ЮАКП и АНК. В 1958 году два представителя МКСП посетили Южную Африку и посоветовали ЮАКП порвать связи с АНК и поддерживаемой коммунистами ВФП. Когда ЮАКП отказался поступить таким образом, МКСП заклеймила его как коммунистическую организацию и отказалась предоставить какую-либо помощь ЮАКП в его кампании по объединению африканских рабочих в профсоюзы.

Между тем Соединенные Штаты предпринимали энергичные попытки расколоть АНК и его профсоюзную базу. К 1959 году была создана соперничающая группировка — Панафриканский конгресс. В конце 1959 года была образована Федерация свободных африканских профсоюзов

(ФСАП), для чего были использованы 30 тыс. фунтов стерлингов, полученные от МКСП. ФСАП была тесно связана с Панафриканским конгрессом и активно выступала против ЮАКП. Она заявляла без обиняков: «Мы заинтересованы в индустриальной, а не в партийной политике». Хотя в 1966 году ФСАП была распущена, в течение всего короткого периода своего существования она способствовала углублению раскола среди африканских рабочих.

ЮАКП продолжал подвергаться все усиливавшимся репрессиям. Его руководители либо объявлялись вне закона, либо высылались из страны, либо физически уничтожались. К середине 60-х годов его внутренняя организация переживала серьезный кризис, и в 1967 году ЮАКП принял решение перейти на нелегальное положение. Хотя часть его членов погибла в застенках после политических волнений в 1976 году, ЮАКП начинает проявлять признаки возрождения.

60-е годы были в основном периодом, когда борьба трудящихся в Южной Африке находилась в состоянии относительного упадка. Многочисленные судебные процессы и широко распространившиеся репрессии, последовавшие за кровавой расправой в Шарпвиле в 1960 году, вызвали глубокую деморализацию среди неевропейских секторов рабочего класса. Как и в других капиталистических странах, в Южной Африке в 60-е годы отмечался грандиозный экономический бум. Отсутствие независимых профсоюзов давало государству возможность поступать с африканской рабочей силой так, как оно считало нужным. Западные государства рассматривали Южную Африку не только как исключительно выгодный район для капиталовложений с самой высокой в мире нормой прибыли на вложенный капитал, но и как надежный бастион для защиты западных интересов в этом внутренне неустойчивом регионе.

Кажущийся порядок и устойчивость системы апартеида были поколеблены в 70-х годах, когда чернокожие рабочие начали отстаивать свои права перед лицом ухудшения условий жизни. За массовыми забастовками в 1973 году последовали две всеобщие забастовки в 1976 году. Усилившаяся борьба африканских рабочих в 70-х годах вновь привлекла внимание АФТ — КПП.

Будучи обеспокоенным ростом радикальных настроений на Юге Африки в результате расистской политики, проводимой режимами белых, Браун предупреждал конгресс США в 1973 году: «Если мы, представители «свободного мира», не сможем осудить африканский апартеид и орга-

низовать борьбу против него, возникнет реальная угроза того, что либеральные и некоммунистические силы окажутся неспособными в будущем справиться с ситуацией из-за отсутствия поддержки и могут быть вытеснены полностью тоталитарными силами обеих сторон».

После выхода АФТ — КПП из МКСП в 1969 году из-за недостаточного антикоммунистического рвения последней, Соединенные Штаты начали проводить собственную независимую стратегию по отношению к профдвижению в Южной Африке. ААПЦ выступал в целом против исключения ЮАР из Организации Объединенных Наций, а также против международного бойкота и кампаний за изъятие иностранных капиталовложений.

На 19-й ежегодной конференции Совета профсоюзов Южной Африки в 1973 году Браун заявил, что АФТ — КПП выделит крупные фонды, если будет разрешено создание соответствующих профсоюзов для африканцев. ААПЦ утверждает, что он «постоянно и во всеуслышание выступал с критикой всей концепции репрессивной и бесчеловечной системы апартеида». Однако в 1976 году АФТ — КПП отказалась принять участие в международном бойкоте ЮАР, к которому призывала МКСП, на том основании, что не были запланированы подобные же акции против коммунистического блока.

В то же время Джерри Фанк, к великому восторгу южноафриканских правительственных пропагандистов, заявил во время слушаний в сенате США: АФТ — КПП «считает, что общий экономический бойкот может ударить прежде всего и больнее всего по тем самым людям, которым вы хотите помочь, — чернокожим, цветным и азиатским рабочим».

К концу 1977 года, однако, АФТ — КПП уже не могла не заметить надвигавшуюся политическую бурю на Юге Африки. Съезд этого профобъединения обратился к президенту Картеру с просьбой оказать «сильное давление» на ЮАР и Родезию в целях прекращения там апартеида. На заседании исполкома АФТ — КПП в феврале 1978 года Джордж Мини охарактеризовал Южную Африку как «дестабилизирующую силу», поскольку ее политика угнетения способствовала советско-кубинскому проникновению в Африку. Он призвал американские корпорации в ЮАР признать все «истинные» профсоюзы и даже настаивал на санкциях со стороны США, если более мягкие меры не приведут к достаточным реформам.

Тем не менее ААПЦ продолжает выступать против всякой радикализации африканского профдвижения. В октяб-

ре 1978 года он созвал совещание в Ботсване, чтобы предоставить международный форум умеренным южноафриканским профсоюзам. Несмотря на противодействие Организации африканского профсоюзного единства, в совещании участвовали делегаты-африканцы из таких прозападных стран, как Кения, Либерия, Заир, Того, Лесото и Ботсвана. Совещание привело к крупному расколу в панафриканском профдвижении в основном из-за того, что ААПЦ выступил против какого бы то ни было признания ЮАКП.

Подобным же образом правительство США усилило свою деятельность внутри южноафриканского рабочего движения. В феврале 1976 года американское посольство в Кейптауне направило по телексу «конфиденциальное» послание различным миссиям США в Африке, в котором говорилось: «В Южной Африке посольство США поставило бы на первое место среди задач профсоюзные дела», — в плане профессиональной подготовки чернокожих южноафриканцев. За последние пять лет не менее шестнадцати южноафриканских профсоюзных деятелей посетили Соединенные Штаты в качестве гостей госдепартамента. Как правило, они выбирались из числа наиболее умеренных африканских профсоюзных активистов или из числа членов СПЮА.

Ключевую роль в общей стратегии играет атташе по делам профсоюзов при генеральном консульстве США в Йоханнесбурге. По признанию госдепартамента, сделанному на слушаниях в сенате в 1976 году, «важно, чтобы профсоюзный представитель расширил свои контакты с незарегистрированными африканскими профсоюзами... и различными группами, занимающимися повышением трудовой квалификации чернокожих рабочих... и поддерживал тесный контакт с профсоюзными организациями, контролируемыми белыми, в целях поощрения либеральных элементов».

По крайней мере один атташе по делам профсоюзов, служивший в Йоханнесбурге, был известен как агент ЦРУ. Это был Эд Макхейл, занимавший должность атташе по делам профсоюзов в Йоханнесбурге в 1972 году. Он был разоблачен во время скандала с ЦРУ в Австралии в 1977 году.

Когда профсоюзы, связанные с СПЮА, но разочарованные в его политике, и незарегистрированные профсоюзы решили рассмотреть вопрос о создании новой федерации профсоюзов чернокожих рабочих, они собрались на свое первое совещание в библиотеке информационной службы США в Йоханнесбурге. Часть делегатов были ошарашены тем, что им пришлось просмотреть фильм и прослушать

лекцию представителя госдепартамента о профсоюзном движении в Америке.

Соединенные Штаты ищут промежуточную силу в своей стратегии по отношению к Южной Африке с целью сдержать революцию и в то же время либерализовать систему апартеида. По мере углубления кризиса позиция многочисленного африканского рабочего класса будет играть первостепенную роль в определении исхода борьбы соперничающих политических сил в южноафриканском обществе. Западные правительства, в особенности правительство США, ясно понимают, что формирование умеренного прозападного профсоюзного движения будет иметь существенное значение для сохранения значительных западных капиталовложений в Южной Африке.

Кен Лоуренс

УЧЕНЫЕ: ОБЩИЙ ОБЗОР

Кен Лоуренс, журналист, живущий в Джексоне, штат Миссисипи, публикует материалы в различных журналах, включая информационный бюллетень «Каверт экшн». Он директор группы по исследованию возможностей борьбы с репрессиями, изучающей и публикующей материалы о политических репрессиях в Соединенных Штатах. Данная статья написана в июле 1979 г. специально для этой книги.

В трех статьях, помещенных ниже, рассматриваются различные связи между разведывательными ведомствами и той частью американских научных кругов, которая занимается изучением Африки. Однако то, о чем в них рассказывается, — лишь верхушка айсберга, поскольку вполне можно предположить, что лишь небольшой процент ученых, работающих на ЦРУ, был разоблачен, в то время как связи с ЦРУ подавляющего большинства из них сохраняются в тайне.

Первая попытка разоблачения этих связей была предпринята в 1969 и 1970 годах Группой африканских исследований; подготовленная ею работа «Африканские исследования в Америке. — Расширенное семейство. — Трибальный анализ американских африканистов: кто они такие и почему необходимо бороться против них» до сих пор остается лучшим введением в эту проблему. Нижеследующий корот-

кий отрывок из этой брошюры показывает эту проблему в должной перспективе:

«Не должно вызывать удивления то обстоятельство, что именно ЦРУ сыграло решающую роль в развитии интереса к африканским делам в Соединенных Штатах. В конце 50-х годов суперищейки Вашингтона вполне отчетливо видели зловещие признаки политических перемен в Африке, хотя госдепартамент, казалось, был ослеплен расистской лояльностью к своим союзникам — Великобритании и Франции. В 1954 году именно ЦРУ поставило на солидную финансовую основу Афро-американский институт, причем оно действовало в тесном сотрудничестве с «Америкен метал клаймекс корпорейшн» — орудовавшим в Африке горнорудным концерном, председатель совета директоров которого стал ангелом-хранителем института. В тот год, когда Бостонский университет начал осуществление собственной программы африканских исследований, Уильям Браун ушел из бюро разведки и исследований госдепартамента, чтобы возглавить эту программу. Как главное разведывательное ведомство страны, ЦРУ понимало, что добывание информации и установление контактов в Африке становятся первостепенными задачами для обеспечения Соединенным Штатам доступа к вновь появившимся на арене политическим лидерам и экономическим ресурсам Африканского континента.

В конце 1956 года Макс Миликен, экономист, временно покинувший Массачусетский технологический институт (МТИ), чтобы занять должность заместителя директора ЦРУ, а затем возвратившийся в МТИ и возглавивший финансируемый ЦРУ Центр международных исследований, предложил бывшему сотруднику госдепартамента Арнольду Ривкину разработать и возглавить программу африканских исследований в МТИ. Ривкин подготовил «подходящий» исследовательский проект совместно со своим коллегой, профессором Уолтом Ростоу, офицером разведки, советником Линдона Бейнса Джонсона, пользовавшимся его большим доверием. Ныне Ростоу находится в изгнании в Техасе вместе с этим военным преступником. Задача Ривкина заключалась в выработке политических рекомендаций в более широких рамках «свободного мира». Обычной практикой в МТИ в то время была публикация книг в двух вариантах: один, секретный, для распространения в разведывательных ведомствах, другой, «очищенный», для широкой общественности.

«Вдохновляя» разработку программ африканских исследований в университетах, ЦРУ в то же время занялось созданием собственного африканского разведывательного отдела. В августе 1958 года комитет африканистов, назначенный Фондом Форда для «изучения текущего положения и перспектив в африканских исследованиях», дал редко практикующееся непосредственное интервью представителям ЦРУ для оценки потребностей в кадрах. Согласно докладу комитета представители ЦРУ заявили, что им потребуется «постоянный штат приблизительно в 70 человек, специализирующихся по африканским вопросам; они особенно хотели бы иметь специалистов в области экономики, географии и политических наук. Они, однако, готовы обеспечить подготовку по специальности, если им удастся найти человека, который, по их мнению, подходил бы для их вида работы». «Их вида работы» — подумать только, ЦРУ попрежнему вербует новый персонал в университетах!

Интересно отметить, что госдепартамент прогнозирует свои потребности на ближайшие 10 лет всего лишь в количестве 50 новых сотрудников. К 1961 году, по данным советника госдепартамента Вернона Маккея, «штат специалистов африканского отдела сократился с двадцати трех до пятнадцати человек, когда определенные долгосрочные исследовательские работы были переданы Центральному разведывательному управлению».

ЦРУ продолжает формировать и контролировать все финансируемые правительством исследования по Африке как путем участия в работе группы по координации исследований зарубежных районов, так и с помощью своих тесных связей с бюро разведки и исследований госдепартамента. Оно имеет доступ к результатам всех других исследовательских работ благодаря добровольному сотрудничеству многих ученых, регистрирующих свои труды в госдепартаменте, или с помощью тесных и перекрывающихся связей с такими организациями, как Фонд Форда и его комитеты, ведающие научными исследованиями. Кроме того, многие отдельные ученые имеют связи с ЦРУ или представляющими его группами. Известно, например, что Грей Коуэн, занимавший в 1969—1970 годах пост президента Ассоциации африканских исследований, имел контакты с неким Уиллардом Метайесом, высокопоставленным сотрудником ЦРУ. В 1958—1959 годах Метайес проходил стажировку в Центре по международным отношениям при Гарвардском университете. Предмет его исследований — Африка, конечно. Коуэн длительное время был также членом

совета директоров Афро-американского института. И так далее, и тому подобное.

Тесные связи между ЦРУ и столь многими программами африканских исследований дают основание предположить нечто большее, чем коварство первого и покорность последних. Скорее можно говорить о симбиозе или об игре, когда игроки носят разную форму, но играют по одним и тем же правилам. Редактор журнала «Лук» Уильям Этвуд, одно время бывший послом в Гвинее и Кении, в своих мемуарах «Красные и черные» непреднамеренно дал некоторые ключи, помогающие понять причины притягательности ЦРУ для многих ученых. После возвращения в США Этвуд вспоминал: «Мне приходилось часами отвечать на вопросы битком набивавшихся в комнаты людей из ЦРУ (трубки, небрежные костюмы спортивного покроя и желтые блокноты) и из госдепартамента (сигареты, строгие темные костюмы и белые записные книжки). Ученые всякий раз предпочитают иметь дело с трубками и желтыми блокнотами».

Помещенное ниже интервью с Кембой Мейш дает редкую возможность познакомиться с одним из подходов ЦРУ. В самом деле, данный подход представляется относительно осторожным и сдержанным; в других случаях ЦРУ действовало более грубо и настойчиво. Рене Лемаршан, профессор политических наук в университете Флориды и автор одной из статей в данной книге, поделился собственным опытом в написанном недавно письме: «В результате моего интереса к политике Бурунди я сам стал предметом интереса со стороны ЦРУ в 1965 году. Это было время, когда правящая коалиция в Бурунди широко подозревалась в прокоммунистических симпатиях и когда углублявшийся конфликт между бахуту и батутси стал своего рода пробой сил между Востоком и Западом. Осенью 1965 года, вскоре после моего возвращения из Бурунди, со мной связался руководитель центра ЦРУ в Майами Джастин Глейшауф. Мой начальник Мэннинг Доэр попросил меня проявить максимальную откровенность в ответах на вопросы Глейшауфа. Это было, между прочим, в то время, когда меня еще не утвердили в должности.

Меня попросили в интересах США рассказать по возможности подробнее об обстоятельствах, связанных с китайским проникновением в Бурунди, а также о том, кого из местных деятелей можно охарактеризовать как «прокитайски настроенных». Я отказался сделать это. В качестве альтернативы я предложил Глейшауфу широкий историче-

ский очерк о политической эволюции Бурунди, но это, очевидно, не интересовало его и было явно выше пределов его терпения. Глейшауф еще раз связался со мной в 1966 году в основном с той же целью. Я вновь отказался дать ему список лиц прокоммунистической ориентации. Больше я с Глейшауфом не встречался.

Помимо того, что говорит нам данный случай о методах действий ЦРУ, он также поднимает вопрос об этике ученых. Я считаю особенно предосудительным поведение Мэннинга Доэра, который счел возможным использовать свое влияние и прерогативы начальника, оказывая на меня непозволительное давление, чтобы заставить меня проявить максимальное «сотрудничество». Еще более предосудительной является позиция тех ученых, которые считают, что предоставление конфиденциальной информации агентам ЦРУ служит как их собственным интересам, так и интересам США. Университет Флориды известен готовностью его ученых (прежде всего историков и географов) сотрудничать с ЦРУ. Действительно, слишком уж много иронии в заявлении Доэра газете «Аллигатор» (9 марта 1977 года) о том, что «университеты не должны становиться прикрытием для действий и исследований ЦРУ — это противоречило бы принципам, которые мы отстаиваем». Подобное заявление этого же самого человека было бы немыслимым в 1965 году».

Лишь недавно Лемаршан узнал, что его увольнение с преподавательской работы в университете Лованиум близ Леопольдвиля (ныне Киншаса) в 1960 году было, по всей вероятности, инспирировано местными священниками, действовавшими заодно с американскими разведывательными службами. Воспользовавшись законом о свободе информации, он получил свои досье из ФБР, ЦРУ и госдепартамента. Среди документов было направленное заирским священником Бонифаасом Лейка епископу Фултону Шину письмо, в котором описывалась предполагаемая «коммунистическая и революционная деятельность» Лемаршана в Заире. Лемаршан пишет: «В свете доказательств, которые мне удалось получить, представляется вполне ясным, что католическая церковь действительно теснейшим образом сотрудничала с агентами ЦРУ в Конго».

Еще одним ученым, отказавшимся работать на ЦРУ, когда ему предложили это в 1968 году, был Джордж Равик, профессор социологии Оклендского университета в штате Мичиган. Но человек, пытавшийся завербовать его, покойный Джеймс Хукер из Центра африканских исследований

университета штата Мичиган, был, пожалуй, одним из самых активных агентов ЦРУ в академических кругах. Хукера высоко ценили либералы и левые, он выступал против вьетнамской войны и пригласил в университет штата Мичиган Юджина Маккарти, был лично знаком с лидерами национально-освободительных движений и главами государств в Африке и Карибском бассейне. Он охотно предоставил в распоряжение Равика статью об освобождении негров для публикации в специальном номере «Рэдикал Америка» (июль — август 1968 года); его книга «Чернокожий революционер: путь Джорджа Пэдмора от коммунизма к панафриканизму» (изд-во «Прегер», 1967) была хорошо встречена.

По словам его вдовы Наоми Уэйр, Хукер был завербован ЦРУ в конце 50-х годов, когда впервые начал заниматься преподавательской работой в колледже Нокс в Гейлсберге, штат Иллинойс. Он провел год в Вашингтоне, округ Колумбия, где прошел подготовку в ЦРУ, а затем отправился в Лондон для написания докторской диссертации. Затем он побывал в Родезии и Ньясаленде на средства одного из фондов, связанных с ЦРУ. (Уэйр не помнит, какой именно это был фонд; она заявила, будто Хукер был удивлен, что после того, как «Нью-Йорк таймс» разоблачила связи этого фонда с ЦРУ, ни один из его коллег не смекнул, что к чему, и не разоблачил его самого.)

Хукер рассказал своей жене, что он ушел из ЦРУ до того, как встретился с ней в 1969 году, однако ряд его коллег сомневаются в этом. Перед смертью, в мае 1976 года, Хукер поддерживал тесные связи с чернокожим южноафриканцем, изучавшим теорию и практику административного управления полицией в университете штата Мичиган. Двое из коллег Хукера считали его контрразведчиком из ФНЛА Холдена Роберто в Анголе. Он был известен под различными именами: для одних он был Мачема Мачема, для других — Нга Ндибонго. Хукер говорил одному профессору, что Мачема был «между ЦРУ и военными».

Когда Хукер умер, среди его документов были обнаружены записи Мачемы — Ндибонго об Анголе. Начало письма, оставшегося в пишущей машинке Хукера, гласило: «Дорогой Нга!» Эти документы были возвращены владельцу вдовой Хукера, потому что они «могли, пожалуй, лишь навредить многим людям». Профессор Уильям Дерман вспоминает, что Хукер считал ФНЛА и УНИТА спасением Анголы и публично поддерживал их; Наоми Уэйр подтвердила, что ее муж передавал деньги ФНЛА.

Джеймс Хукер был завербован ЦРУ как либерал. Он питал отвращение к «охоте за ведьмами», которой занимались сенатор Джозеф Маккарти и комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Узйр говорит, что вербовщик из ЦРУ убеждал его следующим образом: «Никто из нас не сможет разумно подойти к вопросам, если мы не будем иметь в управлении вас — хорошо подготовленных, умных людей, которые говорили бы нам, что же происходит в действительности. Если мы будем полагаться на этих неотесанных болванов, то посмотрите сами, что получается». Очевидно, такой подход продолжает оставаться эффективным при вербовке ученых и спустя длительное время после эры Маккарти.

Джей Маллен начал работать на ЦРУ в 1971 году как эксперт по Восточной Африке. «Вначале я опасался, что беседовавшие со мной лица могут оказаться тайными фашистами, которые откажут мне в приеме на работу, сочтя непатриотичными мое отношение к войне во Вьетнаме или мое членство в Американском союзе борьбы за демократические свободы, но большинство из них высказывали взгляды, совпадавшие с моими собственными». Когда его связи с ЦРУ были разоблачены, Маллен рассказал в шутливом тоне о своей карьере разведчика в статье из двух частей (подвергшейся цензуре по требованию ЦРУ) в журнале «Орегон» (май и июнь 1979 года). Статья имела заголовок «Я был царем баскетбола у Иди Амина». Будучи преподавателем истории в университете Макерере, Маллен получил задание найти подходы к Амину и причинять неприятности русским и китайцам в этой стране.

В статье профессора Маллена в основном описываются глупые истории, связанные с ведением разведки, но в ней встречаются и любопытные признания: «Во время моей работы в Уганде важнейшим источником информации были связи резидентуры с «местной службой», как именовалась угандийская тайная полиция. ЦРУ обеспечивало правительство Уганды помощью в подготовке кадров и консультациями в обмен на возможность подслушивать телефонные разговоры проживавших в стране русских и китайцев». Он ничего не говорит о том, не тревожило ли это его совесть как борца за гражданские свободы. После того как Иди Амин порвал с ЦРУ, Маллен подкупил одного угандийца с большими связями, чтобы иметь возможность устанавливать подслушивающую и звукозаписывающую аппаратуру.

Хотя Маллен говорит, что резидент ЦРУ в Уганде от-

клонил предложение одного высокопоставленного чиновника ЦРУ убить Амина в 1973 году, он показывает, что целью их работы было причинение неприятностей руководству страны, несмотря на то, что «угандийцы были где-то на одном из последних мест в перечне объектов нашего воздействия». «Шеф, которого никогда нельзя было захватить врасплох, всегда прикидывал возможности: можем ли мы добыть схему базирования танкового полка? Где расположены их радиостанции? Где находится офицерская столовая? Где были танки?»

Сегодня африканцы стали первоочередными объектами для американских разведывательных служб. Вполне возможно, если бы Кемба Мейш не устояла перед вербовщиком из ЦРУ, она получала бы еще более коварные задания, чем те, которые давались Джеймсу Хукеру и Джею Маллену. Статья Роберта Мольтено «Скрытые источники подрывной деятельности» была впервые представлена в качестве доклада на конференции по социально-политическим тенденциям и политике в странах Юга Африки. Эта конференция, проходившая в Дар-эс-Саламском университете в 1975 году, была организована Африканским институтом экономического развития и планирования ООН. Мольтено, находящийся в изгнании белый южноафриканец, получил информацию из первых рук, работая преподавателем политических наук в Замбийском университете в Лусаке с 1968 по 1976 год; в настоящее время он живет в Лондоне. В его работе рассматриваются возможности использования для подрывных целей широкого круга американских ученых. Мой очерк «Участие ученых в подрывной деятельности сегодня» в сущности является послесловием к статье Мольтено, дополняющим некоторые из затронутых в ней вопросов.

Из информационного бюллетеня «Каверт экшн»

КАК ЦРУ ВЕРБУЕТ АГЕНТУРУ ДЛЯ АФРИКИ: СЛУЧАЙ С ГОВАРДСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ

Это интервью вместе с введением было опубликовано в информационном бюллетене «Каверт экшн» в номере за апрель — май 1979 г.

Тридцатитрехлетняя Кемба Мейш — профессор психологии в Говардском университете в Вашингтоне, округ Колумбия, наиболее известном негритянском университете в

Соединенных Штатах. Она преподает клиническую и социальную психологию. Она член Ассоциации психологов-негров и очень активно участвует в работе негритянских организаций с 60-х годов. Ее докторская диссертация была посвящена «власти черных» и панафриканизму.

Представьте себе теперь ее удивление, когда несколько месяцев назад, позвонив по телефону, указанному в оставленной для нее в Говардском университете телефонограмме, она услышала, как телефонистка на другом конце провода ответила: «Отдел кадров ЦРУ».

Так началось разоблачение всепроникающей и зловещей программы вербовки агентов ЦРУ для Африки, нацеленной на негров специалистов в Говардском университете и других учебных заведениях и научных центрах США. Кемба Мейш колебалась: стоило ли говорить об этом кому-нибудь? Уже сам факт, что ЦРУ пыталось связаться с ней, мог вызвать нежелательные вопросы у друзей и коллег. Но она понимала, что если не расскажет об этом, то попадет в ловушку ЦРУ. Более важным было информировать общественность о деятельности ЦРУ. Она записала на магнитную ленту интервью для радиостанции Говардского университета. В ночь, когда ее интервью было передано в эфир, между кратким обзором новостей в 5 час 15 мин и программой новостей в 6 час 00 мин магнитная лента с записью интервью исчезла.

Информационный бюллетень «Каверт экшн» связался с Кембой Мейш, и она согласилась вновь рассказать о происшедшей с ней истории, чтобы привлечь внимание чернокожих студентов, преподавателей и специалистов к этой опасности, угрожающей негритянской общине в Америке и в конечном счете африканцам во всех частях мира. Интервью было проведено недавно вашингтонским бюро бюллетеня. Ниже следует текст интервью.

«Каверт экшн»: Расскажите нам, что произошло, как вы впервые установили контакт с ЦРУ и когда вы поняли, что происходит в действительности.

Кемба Мейш: Приблизительно в апреле прошлого года — я уже провела почти семестр в Говардском университете — мне позвонил некто по имени Рой Савой. Я отсутствовала в то время, и он оставил для меня несколько сообщений.

КЭ: Вам было известно это имя или кем он был?

КМ: Я никогда не слышала о нем. Естественно, я попыталась связаться с ним. Когда я позвонила в первый раз, мне ответили: «Отдел кадров ЦРУ». Меня очень удивило,

почему отдел кадров ЦРУ хочет связаться со мной. Когда меня наконец соединили с Савоем, разумеется, я еще была расстроена, но решила взять себя в руки и выслушать все, что он скажет. Он заявил, что он негр — это было уже вполне ясно из нашего разговора — и что он руководит каким-то подразделением ЦРУ, которое вербует негров, особенно специалистов по психологии, для работы в Африке по подготовке психологических характеристик на иностранных граждан. Я спросила, кого он имеет в виду под иностранными гражданами и идет ли речь о составлении психологических характеристик на африканцев. Он ответил отрицательно и сказал, что мне предложили бы составлять психологические характеристики на коммунистов в Африке, так что нет оснований беспокоиться о том, что мне придется шпионить за соплеменниками. Далее он заговорил о том, что мне будут выплачивать фантастическую зарплату, оплатят проезд в Африку, что меня ожидают всевозможные интересные программы.

КЭ: Сообщил ли он, под каким прикрытием вы будете выполнять работу и что вы будете говорить о своих занятиях?

КМ: Нет, тогда он не говорил об этом.

КЭ: Когда он говорил о зарплате, называл ли он конкретную сумму?

КМ: Нет, не называл, но дал понять, что она будет гораздо выше той, которую я получала бы в Говардском университете. Он сказал, что о размере зарплаты можно будет договориться. Затем начал рассказывать, как он узнал обо мне, хотя я его не спрашивала. Меня, разумеется, интересовал этот вопрос, но я решила ждать, пока он скажет сам. Он заявил, что мою фамилию ему дали в Мэрилендском университете, что сначала он обратился к директору одной из негритянских программ в этом университете.

КЭ: Вы знали, о ком идет речь?

КМ: Да, этот человек откровенно высказывал свое мнение в университете и вообще проявлял заботу о неграх.

КЭ: Савой говорил, что узнал вашу фамилию именно от него?

КМ: Нет, это был лишь первый шаг. У этого директора он узнал фамилии профессоров на факультете психологии.

КЭ: Можно ли было понять из объяснений Савоя, что директор программы знал, что сообщает фамилии профессоров ЦРУ?

КМ: Да, у меня сложилось впечатление, что он знал об этом. Савой сказал мне, что фамилии профессоров он

узнал от него, но мою фамилию ему дал Оскар Барбарин с факультета психологии.

КЭ: Он был вашим профессором?

КМ: Да, я сотрудничала с ним очень тесно; он был членом комиссий, утверждавших мою дипломную работу и диссертацию. И в дипломной работе, и в диссертации рассматривались отношения между политической активностью, политической ориентацией и психическим здоровьем человека. Барбарин работал со мной два или три года, поэтому ему было известно о моем интересе к вопросам, связанным с освободительной борьбой африканцев.

КЭ: Следовательно, Барбарин знал, что вы не придерживаетесь консервативных взглядов?

КМ: Конечно, ему было известно все обо мне и о моей политической деятельности. После того как Савой сказал мне, что узнал мою фамилию от Барбарина, я продолжала выжидать и ничего не говорила. Когда он кончил, я сказала ему, что он предатель африканского народа. Я напомнила ему все: о связях между ФБР и ЦРУ, о том, как поступило ФБР с «Черными пантерами», Фредом Хэмптоном, Марком Кларком, а также с Малькольмом Икс и Мартином Лютером Кингом в самих Соединенных Штатах. Затем я напомнила ему, как в Африке ЦРУ организовало переворот в целях свержения Кваме Нкрумы и фактически участвовало в убийстве Патриса Лумумбы. Я продолжала в том же духе. Я спросила, как он вообще мог пойти на это. После этого он извинился за то, что позвонил и расстроил меня. Я сказала, что была рада его звонку, была рада возможности высказать все, что я думаю о нем. Он снова извинился и сказал, что больше не будет беспокоить меня.

После этого разговора я начала думать, почему, если учесть мою прошлую деятельность, представители ЦРУ захотели связаться со мной. В известном смысле я была просто возмущена — да как они только посмели! Я пыталась сообразить, в чем же дело. Либо они плохо продумали все это, в чем я сильно сомневалась, либо они посчитали, что если им удастся завербовать меня, негритянку психолога, разбирающегося в африканской истории, африканской политике и в течение некоторого времени участвовавшего в работе политических организаций, то они имели бы идеального сотрудника.

Раньше я полагала, что они должны меня считать неподкупной, но почему они должны рассуждать именно так? Они, несомненно, подкупали других людей, так что речь

шла лишь еще об одном человеке. Я, конечно, хотела поехать в Африку; возможно, они надеялись внушить мне, что я могу сделать доброе дело для африканцев. Поэтому, после того как я стала размышлять над этим, все начало приобретать определенный смысл. Они, видимо, исходили из того, что даже если я откажусь, то никому не стану говорить об этом, потому что все это покажется бредом. Но я считала, что лучше сказать об этом открыто. Я считала себя обязанной рассказать африканцам, что происходит, для того чтобы они могли защитить себя. Это более важно, чем личные соображения.

Именно поэтому я договорилась об интервью с сотрудниками радиостанции Говардского университета. Я сочла, что если ЦРУ начинает выискивать негров специалистов на факультете психологии, если оно уже знает их фамилии, то события приобретают очень опасный оборот. Я не знала, чем все это кончится. Поэтому я переговорила с сотрудниками радиостанции и дала им интервью через несколько недель после того, как это случилось. Я объяснила, что произошло и какие последствия это может иметь для негритянской общины, потому что Говардский университет является ведущим негритянским учебным заведением в США. Чернокожим крайне важно знать, что ЦРУ вербует агентов в Говардском университете и использует его как учебное поле. Интервью было записано на магнитную ленту, и небольшую часть его передали в эфир в обзоре новостей в 5 час 15 мин. Передали суть того, что должно было последовать позже. Но, когда примерно через 45 мин нужно было передавать полный текст интервью, оказалось, что магнитная лента с записью таинственным образом исчезла. Насколько мне известно, сотрудникам радиостанции так и не удалось выяснить, что же произошло с лентой.

КЭ: Что вы предприняли после этого?

КМ: Я решила поехать в Мэрилендский университет и поговорить с обоими людьми, назвавшими фамилии негров специалистов. Я встретилась с директором программы и спросила его, как он мог передавать ЦРУ фамилии негров специалистов. Сначала он заявил, что не называл моей фамилии. Я заметила, что дело не в этом, что так или иначе он действовал как агент ЦРУ независимо от того, сознавал он это или нет. Он рассердился, что я пришла к нему, потому что никому не называл моей фамилии. Он заявил, что к нему обращаются за самой разнообразной информацией. Здесь я должна добавить, что Рой Савой учился в Мэрилендском университете. Он закончил его за год или два до

этого и к директору программы обращался как бывший студент, который теперь работал на ЦРУ и которому нужны были фамилии лиц, могущих выполнить какую-то работу. Возможно, это заставило директора проявить некоторую мягкость.

КЭ: А как он объяснял, насколько согласуется это с его политическими убеждениями?

КМ: Я спросила его об этом. Я спросила, как он мог передавать фамилии ЦРУ после всего того, что произошло. Вам же известно, что сделало ЦРУ для негров. Он повторил, что не называл ни одной фамилии. Он был действительно расстроен, и сначала мне показалось, что он не понимает всех последствий своих действий. Он спросил, уж не сомневаюсь ли я в его искренности, и я ответила утвердительно, добавив, что важны не слова, а дела.

Он объяснил свои действия тем, что ЦРУ так или иначе узнало бы эти фамилии и что он не выдавал ничего такого, чего оно не могло узнать само. Я объяснила, что, назвав фамилии некоторых специалистов на факультете, он предоставил ЦРУ информацию, он выдал, кто из профессоров вероятнее всего располагает информацией о студентах-неграх. Он избавил ЦРУ от необходимости обращаться в деканат факультета, который мог и не иметь такой информации о чернокожих студентах и профессорах, какой располагал директор негритянской программы.

Мы говорили долго, и наконец он признал, что извлек многое из нашей беседы, и заявил, что больше не будет поступать подобным образом. Он просто не подумал о последствиях своих действий. Он серьезный человек, и я никогда не считала, что он мог поступить преднамеренно. Он невольно оказался в роли агента.

Затем я направилась к Оскару Барбарину, который в действительности и назвал мою фамилию. К тому времени Барбарин работал в Мэрилендском университете уже около трех лет. Мы оба были членами Ассоциации психологов-негров. Я знала его примерно с 1973 года, и ему были известны мои политические убеждения и многие стороны моей политической деятельности.

КЭ: Он их поддерживал?

КМ: Конечно. Он беспокоился о чернокожих, и я считаю, что сознательно он не предпринял бы никаких действий во вред им. Я пришла к нему взбешенная. Он уже знал, в чем дело, и был очень расстроен; он понимал, почему я пришла. Не знаю уж, звонил ли ему директор программы или просто он предчувствовал, что рано или поздно

я приду к нему. Я спросила, как он мог назвать мою фамилию представителю ЦРУ. Он заявил, что целый ряд правительственных ведомств обращаются к нему за информацией, а ЦРУ он считает одним из правительственных ведомств. Его слова поразили меня. Я заявила, что он должен разбираться в политике и что ему должно быть известно, чем занимается ЦРУ не только в Африке, но и в других районах мира. Он ответил, что постоянно помнит об этом. По его словам, лишь после того, как он назвал мою фамилию представителю ЦРУ, он сообразил, что, вероятно, этого не следовало бы делать, но было уже поздно.

КЭ: Говорил ли он, о чем его спрашивали, какие критерии упоминались, когда его просили назвать фамилии?

КМ: Он сказал, что их интересовали чернокожие, которые хотели бы работать в Африке. Барбарину было известно, что я хорошо разбираюсь в африканской истории, африканской политике и что я активно занималась политической деятельностью. Как он сказал, он не считал, что я лично заинтересуюсь этим, но подумал, что я могу назвать фамилии негров, которых это привлечет. Я ответила, что в таком случае дело еще хуже. Он не только действовал сам как агент ЦРУ, но и предположил, что и я могу быть таковым. Я сказала, что он просто не понимал, что делает, и что, назвав мою фамилию, он мог поставить под угрозу мою жизнь. Он извинился за то, что не подумал о последствиях своих действий, и заявил, что очень огорчен тем, что я назвала его агентом ЦРУ. Но я ответила, что именно такую роль он и играл независимо от того, сознавал он это или нет. Для меня это главное; многие люди не понимают, что делают, и вовлекают других в дела, о которых сами не имеют никакого представления. Или же закрывают глаза на это; они не хотят оказаться в таком положении, когда, отклонив требование ЦРУ, могут поставить под угрозу финансирование своих работ. Возможно, они проявляют готовность к сотрудничеству, чтобы не подорвать собственную карьеру.

Сразу после этого я позвонила в Ассоциацию психологов-негров и заявила, что ЦРУ вербует чернокожих психологов для работы в Африке. Савой уже связывался с ассоциацией, и его имя было известно там. Мы обсудили, насколько это опасно для африканцев во всем мире. ЦРУ знает, что, где бы ни находились африканцы — в Африке, странах Карибского бассейна, Южной Америке, они легко приспосабливаются к обстановке. Для этого требуется лишь дать им специальную подготовку, обучить языку, познако-

мить с конкретными обычаями. ЦРУ уже использовало чернокожих из Соединенных Штатов для проникновения в освободительные движения и прогрессивные группировки как в Африке, так и в странах Карибского бассейна, по существу используя одну группу африканцев против другой.

Мы начали говорить о конференции в Сент-Луисе, которая должна была состояться в августе. Сотрудники правления ассоциации сказали, что Савой уже спрашивал о конференции и хотел принять в ней участие. Я предложила им позвонить в Сент-Луис и предупредить устроителей конференции.

Когда я приехала в Сент-Луис, то узнала, что Савой находится там, носит на груди карточку со своей фамилией как участник конференции, арендует комнату и уже начал вербовку. Связь оказалась плохой, и ему как-то удалось проникнуть на конференцию.

Я уговорила членов исполнительного комитета разрешить мне выступить перед ними с кратким заявлением. Я рассказала о своей беседе с Роем Савоем и отметила, что он присутствует на конференции. Многие из них были шокированы. Он зарегистрировался открыто как представитель ЦРУ, и я попыталась объяснить, какие последствия это могло иметь для ассоциации. Они начали принимать меры, чтобы избавиться от него, но к тому времени он уже переговорил с целым рядом студентов и специалистов. Я стала беседовать с этими людьми и поняла, что переговоры велись со многими специалистами во всей стране. Их фамилии были названы профессорами не только Мэрилендского, но и Говардского университета, а также других учебных заведений.

Таким образом, речь идет не только обо мне как об отдельном лице; ЦРУ связывается со многими студентами и специалистами. Буквально на днях один студент Говардского университета рассказал мне, что с ним беседовал представитель ЦРУ и что он также был возмущен этим.

КЭ: По всем данным получается, что представители ЦРУ ведут сплошную вербовку; они вступают в переговоры с большим числом лиц, и если какой-то процент из них отказывается, то какой-то процент и соглашается. Если, скажем, вы отказались, то кто-то другой может согласиться. Они только не учли, что вы заявите об этом публично, поэтому нам следовало бы поговорить немного об этой стороне дела — почему вы считаете важным заявить об этом во всеуслышание?

КМ: Я считаю, что для африканцев крайне важно по-

нимать последствия всего этого — чем занимались эти люди в прошлом, кто они такие, каковы их связи. Крупные корпорации связаны с полицией и разведывательной сетью, а также с военными. Многие смотрят шпионские программы по телевидению и считают, что нет ничего плохого в том, чтобы стать шпионом, что шпионы ведут интересную жизнь и выполняют свой долг перед страной. Люди должны понять, что шпионы работают не на нас, рядовых американцев, они работают на крупные корпорации и американское правительство, они способствуют поддержанию прибылей (с нашей точки зрения, все, что делают ФБР и ЦРУ для негритянского народа, состоит лишь в том, что они убивают нас и наших лидеров и уничтожают наши организации) не только в США, но и в других странах мира. Они делают это с помощью наших же институтов, наших же негритянских организаций — они вербуют нас, а мы считаем, что выполняем долг перед своим народом, в то время как в действительности мы помогаем уничтожать наш народ.

Важно, чтобы люди поняли это и начали бороться против этого, выступая с разоблачениями всякий раз, когда происходят подобные случаи. Мне известны примерно десять человек в Говардском университете и в других учебных заведениях, с которыми связывались представители ЦРУ, но ни один из них не сказал ни слова об этом. Но когда я выступаю открыто, они признаются, что с ними также велись переговоры. Однако они молчали и лишь злились на себя. Необходимо разоблачать это, рассказывать людям, что к вам обращались представители ЦРУ, а это гораздо легче делать, если так будут поступать все. Тогда будет меньше параноидных настроений и подозрений, и мы будем защищать друг друга от мести.

КЭ: А как объясняли этим студентам их будущие задачи?

КМ: В основном так же, как и мне — что они будут помогать негритянскому народу и работать против коммунизма. Об этом так много говорится как в Африке, так и в США, что немало людей считает, что они действительно делали бы доброе дело. Уже многие психологи-негры поехали работать в Африку, и многие другие также хотят поехать туда. Им говорят, что сейчас уделяется большое внимание африканской психологии и что если они хотят разобраться в этом вопросе, то необходимо поехать в Африку, и предоставляют такую возможность. Иногда это делается непрямо, и люди не знают, от какой организации

они едут в Африку. Они просто получают деньги на проезд туда.

Следует упомянуть, что все это относится и к зарубежным студентам. У ЦРУ есть программы вербовки граждан зарубежных стран — такие люди возвращаются в свою страну уже как агенты ЦРУ. Мы должны говорить о таящихся в этом опасностях. Необходимо насторожить этих студентов, нужно, чтобы они понимали, чьими агентами станут, если будут работать на ЦРУ. Они будут работать не в интересах своего народа, а против него.

КЭ: Какие общие выводы вы могли бы сделать для наших читателей?

КМ: Хочу обратить внимание на то, как в действительности организована эта вербовка и насколько опасной она может быть не только для африканцев, но и для всех народов «третьего мира». В данный период в «третьем мире» в целом и в африканских странах (странах Африки и Карибского бассейна) в особенности народные массы поднимаются на борьбу против старого порядка, установившегося в течение столетий колониализма и неоколониализма. ЦРУ уже давно вмешивается во внутренние дела других государств. Подавляя справедливые народные восстания, дестабилизируя правительства, уничтожая организации, планируя и финансируя государственные перевороты и убивая лидеров, ЦРУ пытается изменить ход истории в таких странах, как, например, Доминиканская Республика, Гайана, Ямайка, Куба, Чили, Иран, Конго, Гана и Ангола.

ЦРУ находит, что в африканский мир гораздо легче проникнуть, используя чернокожих, а не белых агентов. И действительно, именно чернокожие агенты ЦРУ, рожденные в Америке, способствовали свержению Кваме Нкрумы в Гане в 1966 году и вторжению в Гвинею в 1970 году.

Подобное использование чернокожих против чернокожих отражается также в деятельности Энди Янга как постоянного представителя США в ООН. В этом качестве он объезжает африканские страны, пытаясь сделать империалистическую политику США более приемлемой просто потому, что ее подает не белый, а чернокожий. Африканские лидеры, раскусившие эту уловку, говорили ему, что это не даст результата. Революционное движение в африканских странах — это не борьба за гражданские права 60-х годов. Народ нельзя убаюкать словами, его нельзя подкупить.

Это новое самосознание негритянского народа не только напоминает ему о преступлениях, имевших место в прош-

лом, но и требует повышения бдительности в отношении потенциальных агентов ЦРУ. Если говорить о недавнем свержении поддерживавшегося США деспотического и эксплуататорского режима Эрика Гэйри в Гренаде, то можно ожидать, что ЦРУ попытается свергнуть новое революционное правительство Гренады или вмешаться в его дела. Однако народ сплачивается перед лицом подобного вмешательства. Царствованию ЦРУ в мире приходит конец.

Мы не должны превращаться во врагов собственного народа. Мы должны выступать сплоченными рядами против всех действий ЦРУ. Мы должны вести борьбу против ЦРУ.

Роберт Мольтено

СКРЫТЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Роберт Мольтено — белый беженец из Южно-Африканской Республики, в настоящее время живущий в Лондоне. Данная статья, первоначально распространявшаяся в Африке, была опубликована в журнале «Африкен Юс» в апреле 1976 г. Она неоднократно перепечатывалась в других изданиях, в том числе в информационном бюллетене «Каверт экшн» в номере за апрель — май 1979 г.

«Для ведения крупных промышленных и торговых предприятий капиталисты ставят на свое место интеллигентов, которые занимаются всеми делами и получают обыкновенно за это хорошее жалованье. Эти интеллигенты в промышленности и политике, являющиеся привилегированными среди других служащих, смотрят на себя как на составную часть капиталистического класса, но в действительности они только его слуги» (Лафарг Поль. «Социализм и интеллигенция», 1900).

«Самое лучшее, что могли бы сделать ученые, — это отказаться от проведения впредь каких-либо крупных исследований, ответы на которые можно получить, спросив бедняков, в чем они нуждаются» (Филд Фрэнк. «Нью сосайэти», 1973, 15 ноября).

В предлагаемой работе рассматриваются попытки, предпринятые в последние годы некоторыми американскими по-

литологами с целью проникнуть в основные освободительные движения на Юге Африки и, как я лично считаю, подорвать их изнутри. Что касается теоретического подхода, принятого в данном исследовании, то автор исходит из того, что империалистические устремления американских капиталистов и правительства США являются реальностью, что американские капиталисты как класс проявляют страх перед любым освободительным процессом, который мог бы расчистить путь для перехода к социализму, и что некоторые американские ученые занимаются исследованиями, цель которых заключается в содействии интересам американского империализма.

Поскольку данная работа, возможно, уникальна по предмету исследования и степени откровенности, я должен разъяснить, почему я написал ее:

1. Исследование поведения ученых, по крайней мере, не менее правомерно, чем исследование поведения любой другой категории людей.

2. Если ученые пытаются контролировать борьбу целого субконтинента за освобождение — борьбу, против которой выступает их собственное правительство, то деятельность таких ученых должна быть разоблачена в интересах освобождения.

3. Если приведенные ниже аргументы справедливы, то эскалация вооруженной борьбы в Зимбабве, Намибии и Южной Африке будет продолжать привлекать политически мотивированный и контрреволюционный интерес некоторых ученых. Таким образом, цель данной работы состоит в том, чтобы призвать всех нас, ученых и активистов, к бдительности в отношении новых попыток проникновения в освободительные движения.

Позвольте мне также в порядке введения в работу разъяснить два других вопроса. Во-первых, я не питаю антиамериканских настроений в том смысле, что выступаю против всего американского народа, и я не критикую всех американских ученых. Напротив, я считаю, что подавляющая часть американского народа подвергается эксплуатации и что некоторые американские интеллигенты, особенно Группа африканских исследований, покойный Дон Барнетт и другие, провели огромную работу по укреплению солидарности с освободительными движениями на Юге Африки. Данная работа строго ограничивается рассмотрением деятельности тех американских ученых — преимущественно белых и принадлежащих к среднему классу, которые разделяют идеологию американского капитализма до такой степени, что го-

товы участвовать в качестве интеллектуальных пособников официальных ведомств США, занимающихся шпионажем и контрреволюционной подрывной деятельностью.

Что касается ученых других национальностей, то, за исключением Али Мазруи, в данной работе они не рассматриваются по той простой причине, что ни один из них, насколько известно автору, до сих пор не пытался приехать в Замбию в целях проникновения в освободительные движения. Что касается белых южноафриканских авторов, настроенных враждебно по отношению к освободительной борьбе, то им — по крайней мере, до последнего времени — не разрешался въезд в Замбию, и поэтому они были вынуждены полагаться скорее на разведывательные сводки южноафриканской, родезийской и португальской армий и полиции, чем на установление непосредственных контактов с освободительными движениями.

Во-вторых, читатель вполне может задать вопрос, насколько надежны мои источники информации. Для первой части данного исследования источниками служили публикации самих ученых, упомянутых в ней; говоря о второй части, следует отметить то обстоятельство, что я работал в Замбийском университете с 1968 по 1976 год, консультировался с соответствующими авторитетными лицами относительно каждого нового этапа в попытках проникновения в освободительные движения и имею возможность цитировать материалы из досье соответствующей корреспонденции. Однако остается фактом, что опубликованные и неопубликованные источники, имеющиеся в Замбии, гораздо менее удовлетворительны, чем источники, имеющиеся в Соединенных Штатах, и это затрудняло проведение данного исследования в некоторых отношениях.

Начало: группа Гвендолин Картер, 50-е годы

Хотя я не буду слишком подробно рассматривать роль американских ученых, занимавшихся исследованиями Южной Африки в этот ранний период, исторический подход важен для понимания того, что происходит в последнее время. Корни заинтересованности американских научных кругов проблемами Юга Африки уходят в 40-е годы. С одной стороны, в борьбе африканцев против южноафриканского режима наступил более активный этап с образованием Молодежной лиги в рамках Африканского национального конгресса (АНК) в 1944 году. Впервые основой стратегии АНК стала тактика массового сопротивления. С другой стороны, когда после второй мировой войны началась «холод-

ная война», Соединенные Штаты стали в большей мере проявлять страх перед национально-освободительными движениями в «третьем мире», которые имели какие-либо связи с социалистическими странами или обнаруживали какие-либо признаки социалистической ориентации.

Реакция в американских кругах на усиление воинственного духа АНК была быстрой. Во-первых, резко увеличился поток журналистов в Южную Африку, начиная с Роберта Джона, написавшего книгу «По Африке Малана» в начале 50-х годов, и включая множество других, побывавших там позже, например, Джона Гантера, Аллена Друри, Уильяма Фрайя, Дж. Хоугленда. Во-вторых, обратили свое внимание на Южную Африку некоторые ученые в быстро развивавшейся области сравнительной политики. Руководителем одной исследовательской группы (в своей первой книге о Южной Африке она приносит благодарность семи специалистам, помогавшим ей проводить исследования) была профессор Гвендолин Картер, очаровательная леди либеральных убеждений, уже сделавшая себе имя в области сравнительной европейской политики.

Профессор Картер посетила Южную Африку впервые еще в 1948 году. Затем она возвратилась туда в 1952—1953 годах для проведения более углубленных исследований. Эта поездка была примечательна тем, что частично она финансировалась Фондом Рокфеллера, организацией, интерес которой к южной части Африки, как мы увидим, с тех пор никогда не увядал. Действительно, Рокфеллеры имеют различные интересы на Юге Африки. Они реализуются главным образом через большое число американских промышленных концернов, действующих там, а более непосредственно — через «Чейз Манхэттен бэнк оф Нью-Йорк», который сейчас владеет 15 процентами капитала гигантского «Стандард бэнк оф Саут Африка». Далее, профессор Картер привезла с собой — и это стало привычкой в ходе ее всех последующих посещений Южной Африки — целую группу исследователей и помощников. К числу наиболее известных относились профессор Томас Кейрис, бывший сотрудник госдепартамента, работавший в американском посольстве в Южной Африке в 50-х годах, а ныне преподающий в городском колледже Нью-Йорка, д-р Ньюэлл Сталц и д-р Шеридан Джонс, в настоящее время работающий в университете Дюка.

Особое внимание привлекают области исследований, которыми занималась эта группа в 50-х и 60-х годах. Профессор Картер начала с исследования структуры власти в африканерском обществе. Оно было опубликовано под назва-

нием «Политика неравенства: Южная Африка после 1948 года»; отдельные части его появились еще в январе 1955 года, но в полном виде оно вышло в свет лишь в 1958 году. Затем д-р Сталц решил исследовать развитие африканерского национализма в период до 1948 года.

Между тем профессора Кейрис и Джонс обратили свое внимание на возрастающую угрозу власти африканеров со стороны Союза конгрессов, и в особенности АНК. Профессор Кейрис внимательно следил за длившимся пять лет процессом по делу о государственной измене (1956—1961 годы), который оказался почти неистощимым источником первичного материала об АНК. Его исследование было напечатано под названием «Процесс по делу о государственной измене в Южной Африке: справочник по микрофильмированным материалам процесса». Книга была опубликована Гуверовским институтом по вопросам войны, революции и мира — откровенно правой и политически тенденциозной организацией, которая, подобно Фонду Рокфеллера, проявляет большой интерес к проблемам Юга Африки, как мы увидим далее. Важно также напомнить, что саму основу позиции южноафриканского правительства в процессе по делу о государственной измене составляла попытка доказать, что АНК является марионеткой в руках Южно-Африканской коммунистической партии (ЮАКП).

Именно на этот вопрос обратил свое внимание третий член группы — д-р Шеридан Джонс. Он исследовал роль, влияние и внешние отношения ЮАКП, а также ее внутренние связи с национально-освободительным движением. Это исследование легло в основу его докторской диссертации. Он получал щедрые субсидии и не только провел длительное время в Южной Африке, но и вылетал в Москву и в Европу для дальнейших исследований. Он так и не опубликовал свою диссертацию, хотя в 1973—1974 годах Институт коммунистических исследований при Колумбийском университете (точнее было бы назвать его «институтом антикоммунистических исследований») предоставил ему субсидию для переработки диссертации в книгу.

После исследования АНК и ЮАКП оставался один крупный пробел: та часть национально-освободительного движения, которая называлась Панафриканским конгрессом (ПАК). Этот пробел был восполнен новым членом группы — Гейл Герхарт, прибывшей из Радклиффского университета (где в свое время училась сама профессор Картер). Она начала исследовать ПАК в 1963 году. Ее докторская диссертация предназначена для защиты в Колумбийском уни-

верситете, том самом научном центре, который финансировал работу д-ра Джонса по ЮАКП в 1973—1974 годах. Неофициальным научным руководителем Гейл Герхарт был другой член группы — профессор Кейрис из городского колледжа Нью-Йорка.

Однако имеются и гораздо более важные факты, относящиеся к Гейл Герхарт. Ее муж является довольно высокопоставленным чиновником Фонда Форда — в 1974 году он возглавлял региональное бюро фонда в Найроби (Кения). Далее, компания «Форд мотор» вложила крупные средства в промышленные предприятия в Южной Африке (в 1973 году они составляли примерно 80—100 млн. долларов, и на долю этой компании приходилось от 15 до 20 процентов южноафриканского рынка автомобилей), а Фонд Форда оказал в 50-х годах солидную финансовую поддержку Южноафриканскому институту расовых отношений, который был и остается ведущей организацией в Южной Африке по сбору фактографических материалов. Примечательно, что Фонд Форда прекратил оказание помощи этому институту, однако несколькими годами позже начал финансировать проникновение ученых в освободительные движения. Этот шаг был предпринят, вероятно, на основе предположения, что радикальные перемены в Южной Африке могут произойти лишь в результате развития освободительного движения, а Южноафриканский институт расовых отношений стал выдавать очень скудную информацию об этом движении после того, как оно было объявлено незаконным в 1960 году.

Возвращаясь к Гейл Герхарт, отметим, что второй важный факт относительно нее заключается в том, что она начала заниматься исследованием ПАК в 1963 году. С тех пор она совершила многочисленные поездки в Южную Африку, Танзанию, Лондон и другие места. Откуда она получала деньги? Почему по прошествии двенадцати лет она все еще занимается незаконченным исследованием?

В то время как отдельные члены группы Картер изучали структуру власти белых в Южной Африке, а также противодействие ей со стороны национально-освободительных и социалистических сил, группа в целом работала над двумя другими важными проектами. Первым из них был колоссальный сборник первичных материалов о южноафриканском освободительном движении в 1882—1964 годах. Над этим проектом работали Картер, Кейрис, Джонс и Герхарт. В настоящее время он издается в виде серии томов под названием «От протеста к вызову: документальная история африканской политики в Южной Африке в 1882—1964 го-

дах». В качестве издателя опять-таки выступает Гуверовский институт. Соперничать с этим сборником документов может, пожалуй, лишь архив южноафриканской специальной службы. Второй областью, в которой сотрудничали члены группы — на этот раз Картер, Кейрис и Сталц, — было исследование предлагаемой южноафриканским правительством альтернативы власти большинства, то есть бантустанов.

Эта группа до сих пор занимается проблемами Юга Африки. Кейрис читал лекции в Замбийском университете в 1968—1969 годах. Джонс преподавал в том же университете в 1968—1970 годах и в 1974 году; Картер и Кейрис, которым был запрещен въезд в Южную Африку, в 1974 году предприняли поездку с исследовательскими целями по странам, граничащим с ЮАР. Герхарт по-прежнему посещает Южную Африку. Что касается Джонса, то он распространил свои исследования на периферийные районы, в первую очередь на Ботсвану, однако с эскалацией вооруженной борьбы с конца 50-х годов он, что вполне логично, стал интересоваться партизанской стратегией освободительных движений.

Ни один из членов группы Картер не готов исследовать критически ту значительную помощь, которую оказывают Соединенные Штаты режимам белых в Южной Африке, Зимбабве и бывших португальских колониях. Ни один из них не готов поддержать движение против апартеида, если не говорить об обычной либеральной критике расизма. И в то время как Кейрис и Картер периодически обращаются к южноафриканскому правительству с просьбами разрешить въезд в страну, Сталц дошел до того, что начал публиковаться в журнале «Саут Африка интернэшнл» — официальном органе Южноафриканского фонда, огромной организации, пропагандирующей апартеид.

Некоторые предварительные выводы

Координация исследований в широком диапазоне. Группа исследователей в течение более 20 лет занималась изучением Южной Африки, охватив целый комплекс взаимосвязанных ключевых проблем — структуру власти в Южной Африке (минус поддержка, оказываемая ей внешними капиталистическими силами), противодействие ей со стороны Союза конгрессов, коммунистического и панафриканского течений, а также — в гораздо меньшей степени — переход к партизанской войне.

Огромные ресурсы. В течение всех этих лет в группе имелось много вспомогательных сотрудников (все из них были белыми американцами). Профессор Картер в двух

книгах («Политика неравенства» и «От протеста к вызову», том первый) упоминает четырнадцать различных вспомогательных сотрудников, помимо полноправных членов группы (то есть Картер, Кейрис, Сталц и Джонс). Кроме того, имели место бесконечные научные командировки — возглавляет список профессор Картер, пять раз посетившая Южную Африку только в 1948—1961 годах. Группа имела в своем распоряжении вычислительную технику и часто получала субсидии, обеспечивавшие целые годы работы по подготовке книг. Помимо всего прочего требовались средства на проведение бесчисленных интервью, записывавшихся на магнитную ленту, на фотокопирование документов, которые затем было необходимо перевезти в Соединенные Штаты, каталогизировать, обработать и где-то хранить. Вполне правомерно задать вопрос: во сколько сотен тысяч долларов обошлись эти исследования, проводившиеся в течение многих лет? И откуда поступали деньги? Проливает свет то обстоятельство, что после выхода в 1957 году «Политики неравенства» профессор Картер в предисловиях к последующим книгам избегает упоминаний об источниках поступления денег.

«Фабрики мыслей», фонды и правительство США

Позвольте теперь обобщить эти связи. У Кейриса, бывшего сотрудника госдепартамента, есть два брата, которые в настоящее время работают в ФБР. Картер, брат которой в 60-х годах процветал, делая бизнес на изготовлении искусственных цветов, в течение многих лет была членом одного из консультативных комитетов по Африке при госдепартаменте. Они и их коллеги получали деньги от университетов, из государственного бюджета (профессор Картер, например, получила субсидию на проведение своих ранних исследований от Совета по исследованиям в области социальных наук) и от различных фондов. К последним относился Фонд Рокфеллера, а также — что вполне возможно — Фонд Форда и корпорация Карнеги, финансирующая американо-южноафриканскую программу обмена руководящими кадрами.

Наконец, эта группа ученых была тесно связана с несколькими откровенно правыми «фабриками мыслей». В их число входили Институт тихоокеанских отношений, международный секретариат которого предоставлял профессору Картер средства на проведение исследований, и Гуверовский институт по вопросам войны, революции и мира. Директором африканской программы Гуверовского института является Питер Дейгнан, опубликовавший крупномасштабную

апологию колониализма под названием «Бремя империи». Его соавтор Льюис Гэнн — известный контрреволюционер, которого в 70-х годах возили по Родезии местные военные и который затем опубликовал в родезийском армейском журнале «Ассегай» удивительную статью, где пытался доказать, что партизанская война в Зимбабве никогда не сможет привести к успеху. (К своему несчастью, Гэнн опубликовал эту статью как раз перед началом длительного успешного наступления, предпринятого ЗАНУ в конце 1972 года!)

Гуверовский институт не только подмочил репутацию, заполучив в свое распоряжение документы (включая конфиденциальные материалы Организации африканского единства), но и к тому же приобрел недобрую славу в связи с публикацией книг, направленных против национально-освободительных движений, в особенности книг Эдварда Фрейта.

70-е годы: исследования проблем партизанской войны

Общий фон. С моей точки зрения (но следует учесть, что более подробная информация о группе Картер, особенно об источниках ее финансирования и о ее контактах с представителями американского правительства, может показать, что я ошибаюсь), эта группа ученых оказалась слишком либеральной для целей американского правительства, когда с конца 60-х годов освободительные войны на Юге Африки заполыхали с новой силой. Все члены группы Картер были весьма симпатичными людьми, относящимися в целом сочувственно, как я считаю, к деколонизации и правлению большинства на Юге Африки, разумеется, всегда исходя из того, что капитализм будет существовать и впредь. Безусловно, жестокость южноафриканской системы шокировала Картер и Кейриса, отсутствие в ней гибкости приводило их в уныние, а позиция американского правительства по отношению к ней пугала их. Они, кроме того, подружились со многими чернокожими южноафриканцами. Когда боевые действия начали усиливаться, они вполне могли отказаться от попыток проникнуть в южноафриканское освободительное движение и подорвать его изнутри. В результате они, как представляется, были в основном отодвинуты в сторону (Картер была выведена из состава консультативного комитета при госдепартаменте после избрания Никсона президентом США в 1968 году) и заменены гораздо более практичным и энергичным поколением исследователей, на которых мы обратим наше внимание несколько ниже.

Но сначала важно отметить в качестве общего фона следующие факты: опьяняющие дни либерального отношения американского правительства к Африке (насколько либеральным было оно на самом деле?) канули в прошлое со смертью Кеннеди в 1963 году. Во время пребывания у власти администраций Джонсона и Никсона произошел резкий сдвиг вправо в Соединенных Штатах и за рубежом. Уотергейт и Вьетнам хорошо известны. Одним из побочных продуктов этого был параллельный сдвиг вправо в американской политике по отношению к странам на Юге Африки. Заместитель помощника государственного секретаря по африканским делам Роберт Смит писал в апреле 1972 года: «Администрация Никсона спокойно проводит политику преднамеренного расширения контактов и связей с белыми правительствами на Юге Африки... С практической точки зрения эта политика проявилась в ряде конкретных мер — от новых крупных начинаний экономического характера, например заключенного недавно на Азорских островах соглашения с Португалией, до разрешения ранее запрещенной продажи реактивных самолетов Португалии и Южной Африке».

Эта новая, более консервативная политика была сформулирована в секретном меморандуме Киссинджера в 1969 году. Теперь она достигла своего апогея во вмешательстве ЦРУ во внутренние дела Анголы во взаимодействии с вооруженными силами ЮАР.

Освободительные войны на Юге Африки в конце 60-х годов быстро расширялись. МПЛА открыла действовавший очень успешно восточный фронт в 1966 году, в том же году, когда Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) ответила на решение Международного суда по Намибии, развернув боевые действия в ограниченных масштабах в Овамбо и в полосе Каприви. В 1967 году объединенные силы ЗАПУ и АНК (ЮАР) начали серию кампаний (1967—1970 годы), которые хотя и закончились неудачей, но заставили ЮАР ввести войска для поддержки режима Смита. Затем ФРЕЛИМО открыл второй фронт в провинции Тет, а в 1972 году в результате принятых ЗАНУ мер возникла непрерывно расширяющаяся зона боевых действий в северо-восточных и восточных районах Зимбабве. Эти огромные успехи, обрисованные здесь столь бегло, но потребовавшие исключительного самопожертвования и мужества, ясно показали американскому правительству, что дни режима белого меньшинства сочтены, если не будут предприняты какие-то меры.

ЦРУ действует в Замбии уже в течение длительного времени. Позвольте мне коротко остановиться на конкретных фактах. ЦРУ использовало несколько форм внедрения агентуры в этой стране, из которых автору известны следующие:

1. Американские ученые, приезжающие в Замбию и затем (или же раньше?) начинающие работать на ЦРУ. Лучше всего документирован, но не общеизвестен случай с д-ром Стивеном Гудманом. Это был экономист, начавший преподавать в Замбийском университете вскоре после его открытия в 1966 году. Впоследствии он опубликовал статью в журнале «Африка рипорт» (июнь 1980 года), в которой заявил, что работал на ЦРУ в качестве «экономиста, специализирующегося на изучении стран Юга Африки». Второй случай — с д-ром Джоном Хелгерсоном, который в 1970 году работал от университета Дюка над докторской диссертацией на тему о национальной ассамблее Замбии и ее депутатах. Теперь, по словам двух его друзей, он работает на ЦРУ в Вашингтоне.

2. Агенты ЦРУ в американском посольстве в Лусаке. Включение агентов ЦРУ в состав американских посольств является обычной практикой. В посольстве США в Лусаке всегда имелся по меньшей мере один разведчик, чаще всего на должности консульского чиновника, в задачи которого входило проникновение в освободительные движения. В 1968 году таким чиновником был Фрэнк Крамп. В 1974 году это были Клагетт Тейлор и, возможно, Майк Стемпел. История Клагетта Тейлора довольно интересна. Несколько лет назад, работая учителем в Родезии, он познакомился с рядом руководителей Зимбабве. Затем Тейлор (как он рассказывал мне сам) решил перейти на работу в госдепартамент, для чего ему нужно было изучить испанский как второй язык. Некоторое время спустя он получил назначение в посольство США в Лусаке. Там ему не повезло: он был разоблачен.

Произошло это следующим образом. В течение ряда лет было известно, что мозамбикская организация КОРЕМО является марионеткой, поддерживаемой Соединенными Штатами в противовес радикальному ФРЕЛИМО, пользующемуся поддержкой масс. Но лишь в начале 1975 года Поль Гумане, возглавлявший КОРЕМО, публично признал, что Клагетт Тейлор из посольства США в Лусаке передавал деньги КОРЕМО, по крайней мере, со времени переворота в Португалии в апреле 1974 года. Гумане заявил, что Клагетт Тейлор давал указания КОРЕМО выступать против

ФРЕЛИМО в критический период, перед тем как Португалия признала ФРЕЛИМО в качестве своего законного преемника. Правительство США в спешном порядке перевело Тейлора в Каракас (Венесуэла). Это в значительной мере подорвало доверие к заявлению американского посольства, в котором опровергалось, что Тейлор передавал КОРЕМО деньги из фондов ЦРУ.

Другие действия ЦРУ в Замбии. К ним относится прежде всего создание международного колледжа Нкумби, где много молодежи из освободительных движений училось главным образом у преподавателей-американцев. Правительство Замбии взяло колледж под свой контроль, когда были обнародованы документы, показывающие связи колледжа с американским внешнеполитическим ведомством. Кроме того, ЦРУ предприняло ряд попыток проникнуть в профсоюзное движение Замбии. В этих целях использовался Афро-американский профсоюзный центр, известный в радикальных профсоюзных кругах как организация, работающая на ЦРУ. Известна также предпринятая в 1973 году Майком Стемпелом из американского посольства попытка использовать одного из преподавателей Замбийского университета в качестве посредника между агентами ЦРУ, прибывшими из Малави, и Конгрессом профсоюзов Замбии.

Именно на таком общем фоне и следует рассматривать попытки американских ученых проникнуть в освободительные движения.

Случай первый. Массачусетский технологический институт (МТИ) и профессор Уильям Гриффит. Насколько мне удалось выяснить, первая крупная попытка американских ученых использовать Замбию в качестве базы для изучения партизанской войны была предпринята еще в начале 1969 года. В марте того же года профессор Линкольн Блумфилд, руководивший «проектом контроля над вооружениями», осуществлявшегося Центром международных исследований МТИ, разработал и выполнил исследовательский проект КОНЕКС-III. Он заключался в проводившемся в течение двух дней с использованием сложной техники (телевизионных мониторов и вычислительных машин) моделировании вероятного поведения руководителей США и других стран при конфликтной ситуации на Юге Африки. Этот проект был составной частью осуществлявшейся Центром международных исследований программы изучения проблем «контроля (со стороны США?) над локальным конфликтом». Были получены два вывода, которые должны были встревожить политических руководителей США. Первый со-

стоял в том, что по мере эскалации конфликта на Юге Африки будет усиливаться помощь борцам за свободу со стороны социалистических стран. Второй вывод гласил, что Соединенные Штаты откажутся предпринять какие бы то ни было шаги. Как указывалось в отчете о проведенном исследовании: «Соединенные Штаты позволят региональному конфликту развиваться своим путем без оказания существенной помощи или вмешательства». (Кстати говоря, политологам было бы, пожалуй, интересно разобраться, почему столь трагически ошибочным оказался этот второй вывод, и сопоставить это с тем, что в настоящее время ЦРУ открыто направляет в Анголу деньги, оружие, самолеты и наемников.)

Вскоре после того, как был осуществлен КОНЕКС-III, произошло новое событие, которое нанесло еще один удар по американскому правительству. В 1970 году Китай наконец принял твердое решение построить в течение пяти лет железную дорогу от Дар-эс-Салама в Танзании до Капири-Мпоши в Замбии. Строительство было начато в том же году. Вскоре Замбию посетил профессор Уильям Гриффит из АТИ. Гриффит — между прочим, его должность как профессора политических наук финансируется из специального Фонда Форда — старый поборник «холодной войны», пропагандирующий ее уже в течение почти тридцати лет. В ходе забавной беседы с автором данной статьи профессор Гриффит скептически отнесся к сообщению, что в Лусаке почти нет китайцев. Его скептицизм, к сожалению, вскоре дал знать о себе в новой инициативе, проявленной МТИ.

Случай второй. МТИ, профессор Роберт Ротберг и Фонд Форда. 19 октября 1970 года профессор Роберт Ротберг с факультета политических наук МТИ писал декану факультета политических наук Замбийского университета: «Я надеюсь, что вы и другие сотрудники вашего факультета сочтете возможным принять участие в исследовании политики, психологии и тактики африканских освободительных движений... Их внутренняя динамика мало изучена, и мало что известно об их потенциальных возможностях как революционных сил (с методологической точки зрения)». Факультет политических наук Замбийского университета, на котором ведущую роль играли южноафриканцы, увидел явную опасность (для Замбии и освободительных движений), которую представлял подобный проект. Кроме того, в письме Ротберга — и это было удивительно — отсутствовала информация по важным вопросам. Мы начали с того, что задали четыре вопроса: какова цель исследования? откуда будут по-

ступать средства? кто будет проводить исследование? каковы его предполагаемые сроки? Декан факультета политических наук переслал эти вопросы Ротбергу, который в письме от 30 декабря 1970 года дал на них следующие ответы (в скобках приведены мои комментарии):

«Думаю, что несколько наших докторантов смогли бы собрать в Замбии материал для своих диссертаций. (Другими словами, большую часть исследователей будут составлять американцы.)

Идеальный минимальный срок для проведения исследования — пять лет. (Другими словами, это должен быть не обычный исследовательский проект ограниченной продолжительности, а длительное наблюдение за освободительными движениями.)

В данный момент мы располагаем средствами примерно на год работы, полученными от МТИ. Мы обратились с соответствующим заявлением в Фонд Форда. (Ясно, что Ротберг, действуя в спешном порядке, получил финансовую поддержку от МТИ незамедлительно, а затем обратился с просьбой предоставить более крупную сумму к фонду, который, как мы видели, уже давно активно действовал в Южной Африке.)»

Но затем Ротберг совершил решающую ошибку. Когда специалисты по политическим наукам из Замбийского университета стали требовать от него ответа на вопрос, связывался ли он с кем-либо в освободительных движениях и получил ли поддержку, он смог назвать лишь одно имя — африканского ученого, связанного с одним из освободительных движений. Когда же я позже имел беседу с этим ученым, тот отрицал, что дал согласие участвовать в этом проекте, и был потрясен возможными последствиями исследования. Это и было сообщено Ротбергу надлежащим путем, что, видимо, поставило его в затруднительное положение.

Факультет рассмотрел также подготовленный Ротбергом проект исследования, который он к тому времени прислал нам. Проект был явно враждебен по отношению к освободительной борьбе и нацелен па весьма основательную работу по проникновению в освободительные движения. В проекте отмечалось, что «почти каждая африканская страна является реальным или потенциальным объектом какого-либо либерационистского движения». («Либерационистский» вместо «освободительный» — новое хитроумное словечко, которое, как, вероятно, полагают использующие его лица, должно перекликаться по своему значению с такими понятиями, как «коммунистический» или «экстремистский».) Кроме того, в

своем письме Ротберг взял в кавычки слово «освобожденный», что также характеризует его позицию. Но отношение Ротберга к освободительным движениям было не просто враждебным; в его намерения, столь тесно увязанные с политикой американского правительства, входило также манипулирование ими. Соответственно третья причина для изучения освободительных движений объяснялась так: «Изучение стратегии и тактики освободительных движений состоит в углублении наших знаний о международных и внутренних войнах небольшого масштаба и о том, каким образом можно стимулировать, сдерживать или предотвращать подобные войны».

Что касается границ этого исследования, рассчитанного на пять лет, то оно должно включать «анализ их операционных атрибутов — методов вербовки и подготовки, вопросов мобилизации, тактики, руководства и внутренней политики, а также их идеологии и международных отношений. В начальной фазе исследования внимание будет сосредоточено на более важных движениях, направленных против Южной Африки, Юго-Западной Африки, Родезии, Анголы, Мозамбика и Малави... Данные будут собираться с помощью интервью, обследований, личных наблюдений участников исследовательского проекта, анализа печатных материалов, прессы и других документов».

Ясно, я полагаю, что задуманное исследование было настолько всеобъемлющим и подробным, что в нем должно было содержаться все, что только могла пожелать военная разведка.

Сотрудники факультета политических наук Замбийского университета единодушно решили, что необходимо блокировать это исследование. Один из сотрудников факультета (не автор данной статьи) писал 22 января 1971 года в памятной записке для внутреннего использования: «Я уверен, что не только мне видны возможные зловещие мотивы предлагаемого исследования... Наилучшая линия действий для нас состоит в активном противодействии осуществлению этого проекта на том основании, что он будет компрометировать усилия других исследователей, вряд ли сможет быть завершен успешно, а также поставит в затруднительное положение правительство Замбии, если не сами освободительные движения».

Когда 12 февраля 1971 года факультет отклонил предложение Ротберга, он был взбешен. 8 апреля он писал декану факультета: «Ваше письмо от 12 февраля несколько удивило меня... С ходу отказавшись сотрудничать, вы, безуслов-

но, ограничиваете возможности вашего факультета повлиять на организацию этой работы... Я вполне понимаю подтекст вашего письма и даже то, что я воспринимаю как возможный антиамериканский дух».

Тем не менее Ротберг не захотел отказаться от проекта и заявил, что вылетит в Замбию в середине 1971 года. Теперь возникла вполне реальная опасность, что Ротберг использует свои связи с весьма высокопоставленными представителями правительства Замбии для того, чтобы представить проект в выгодном свете и получить разрешение на его осуществление. Поэтому декан факультета политических наук предпринял два шага. Во-первых, он оповестил о проекте важнейшие освободительные движения (АНК, ФРЕЛИМО, МПЛА и ЗАНУ). Они единодушно решили, что «освободительные движения не согласятся на проведение этого исследования: они считают, что оно идеологически неприемлемо, политически несвоевременно и практически неосуществимо. Они самым решительным образом выражают свое единодушное мнение, что не согласятся на проведение предложенного исследования».

Во-вторых, декан факультета известил о предложении Ротберга вице-президента университета и директора Института африканских исследований при Замбийском университете. Их общее мнение сформулировал директор института: «Ясно, что Замбийский университет ни в коем случае не должен участвовать в какой-либо форме в этом невероятном (в сущности, сумасшедшем) и, если можно так выразиться, политически подозрительном проекте. Я пошел бы еще дальше и предложил бы вообще не разрешать въезд в нашу страну этому человеку с его опасным «исследованием».

Вице-президент согласился с этим и 1 июня принял соответствующие меры по прекращению проекта. Однако это не помешало Ротбергу прилететь в Замбию, чтобы попытаться лично убедить замбийское правительство, но, очевидно, он не добился успеха. Позже стало известно, что он (подобно Картер и другим) в настоящее время занимается изучением политической деятельности африканцев в бантустанах и что южноафриканское правительство разрешило ему въезд в страну с этой целью.

Сотрудники факультета наивно полагали, что такой оборот событий навсегда положит конец американским попыткам проникнуть в освободительные движения путем командирования ученых в Замбию. Но мы ошибались. И причиной наших заблуждений было то, что мы не предвидели вероятной реакции США на огромное расширение масштабов

освободительных войн, предпринятое ФРЕЛИМО и ЗАНУ начиная с 1972 года.

Случай третий. Д-р Боуйер Белл, Институт исследования войны и мира при Колумбийском университете и д-р Шеридан Джонс. В 1973 году Шеридан Джонс работал в Институте коммунистических исследований при Колумбийском университете. По стечению обстоятельств его кабинет оказался рядом с кабинетом Боуйера Белла, работавшего в Институте исследования войны и мира. Боуйер Белл пользовался значительной известностью в сфере консервативно настроенных ученых и американских разведывательных служб. Он специализировался на изучении партизанской борьбы и много писал по этому вопросу. Известны и другие интересные подробности о его жизни. Он весьма богат и помимо дома в Соединенных Штатах имеет дом в районе богачей Ратленд-Гейт в Лондоне. Хотя он утверждает, что его «всегда можно уговорить написать пятьдесят страниц за тысячу долларов», он, по всей вероятности, имеет гораздо более выгодные источники доходов, чем гонорары за публикации. Боуйер Белл тесно сотрудничает с американским правительством. Когда он посещает зоны боевых действий в различных регионах мира, что случается довольно часто, то обычно останавливается у сотрудников американских посольств; он признает, что большую часть информации о борцах за свободу получает из правительственных источников. Вовсе не удивительно, что Боуйер Белл настроен крайне враждебно по отношению к освободительным движениям. Так, во время посещения Родезии он получил много секретных сведений от родезийских военных. По его собственному признанию, «содействие всех соответствующих ведомств родезийского правительства носило самый глубокий и плодотворный характер». Его статья носит печать этого сотрудничества.

Еще в 1969—1970 годах Боуйер Белл заинтересовался освободительной войной на Юге Африки. Он побывал в Лусаке (искусно избежав посещения Замбийского университета), Дар-эс-Саламе и Аддис-Абебе, а также совершил турне по Родезии. Кажется, в то время Боуйер Белл работал в МТИ, во всяком случае, точно известно, что двумя годами позже он работал там. Если это так, то вполне возможно, что его поездка по Югу Африки предшествовала крупномасштабному проекту Ротберга, появившемуся на свет божий в 1970 году.

В следующий раз Боуйер Белл занялся проблемами Юга

Африки в конце 1973 года. К этому времени он работал в Институте исследования войны и мира при Колумбийском университете, где и познакомился с Джонсом. К счастью для Белла, он также познакомился с одним из преподавателей Замбийского университета, когда изучал партизанское движение в другой части Африки. Избегая, в отличие от Ротберга, официальных контактов с факультетом политических наук, Боуйер Белл написал частное письмо своему знакомому в марте 1974 года, в котором просил того прозондировать освободительные движения и выяснить, будут ли они готовы проявить сотрудничество в случае, если их будут исследовать ученые. Письмо это было необычным, к несчастью для Белла, ошибочно предположившего, что знакомый сочувственно отнесется к его просьбе. Его исследовательский проект кратко характеризовался как «предпринимаемое Колумбийским университетом широкое транснациональное исследование» националистических движений и «других движений подобного рода». Исследование должно было осуществляться, очевидно, только американцами, что позволяло избежать осложнений, с которыми столкнулся Ротберг, пытаясь привлечь к сотрудничеству специалистов в области политических наук, не являющихся американцами. В других отношениях, однако, проект был точно таким же, как и предложенный Ротбергом в 1970—1971 годах — тот же самый набор стран, тот же самый всесторонний охват движений и та же самая неопределенность в отношении сроков. Затем Белл совершил еще одну ошибку — он указал, что вскоре в Замбию приедет Джонс (с июня 1974 года он должен был занять должность старшего преподавателя, учрежденную на средства специального фонда имени Фулбрайта) и что он полностью введет Джонса в курс дела относительно проекта, чтобы тот мог заняться организационной стороной дела.

То, что затем произошло, весьма поучительно. Подробности намечаемого исследования и факты из биографии Боуйера Белла были сообщены одному из освободительных движений. Это движение распространило полученную информацию среди других движений и передало ее газетам. В результате для Джонса после его прибытия в Замбию оказалось по существу невозможным связаться с центром освобождения и освободительными движениями. Представляется, что по крайней мере замбийская сторона проекта Белла была успешно обезврежена. Интересно отметить, наконец, что Джонс неоднократно отрицал, что ему вообще что-либо известно об этом проекте. А поскольку Боуйер Белл указы-

вал в своем письме, что, к сожалению, ему не удалось включить Африку в «программу поездок в этом году в целях изучения терроризма», мы были лишены возможности расспросить его о других подробностях.

Случай четвертый. Профессор Али Мазруи и Гуверовский институт по проблемам войны, революции и мира. В то самое время, когда Боуйер Белл разрабатывал свой проект в начале 1974 года, с подобной же инициативой выступили профессор Али Мазруи и Гуверовский институт, активная и реакционная заинтересованность которого в делах Юга Африки уже анализировалась. На первый взгляд проект исследования освободительной борьбы, предложенный профессором Мазруи, отличается от выдвигавшихся до этого проектов. В конце концов, он был гражданином одной из африканских стран и действовал через созданную незадолго до этого Африканскую ассоциацию политических наук (ААПН). Я утверждаю, что проект Мазруи, хотя он и был гораздо тоньше других, на самом деле представлял собой точно такой же план проникновения американских ученых в освободительные движения, но на этот раз с более тщательной маскировкой.

Что же произошло в действительности? 20 февраля 1974 года Мазруи написал письмо сотруднику факультета политических наук Дар-эс-Саламского университета. Мазруи просил его представить на следующее заседание исполнительных органов Африканской ассоциации политических наук заявление об утверждении нового комитета. «Мы обращаемся к ассоциации с просьбой признать нас в качестве комитета по изучению вооруженных сил в африканских обществах». Если обратиться к приложенной памятной записке об этом комитете, то можно обнаружить ряд очень интересных вещей. Во-первых, так и не объяснено, кто такие «мы». Если исходить из того, что профессор Мазруи не использует королевское «мы», когда говорит о себе, то правомерно предположить, что у него есть несколько коллег-американцев, имена которых он не хочет разглашать. Во-вторых, заинтересованность предлагаемого комитета в освободительных движениях погребена среди семи других тем. В-третьих, предложение составлялось, по всей видимости, в такой спешке (не связано ли это с быстрой эскалацией вооруженной борьбы за освобождение в Мозамбике и Зимбабве в начале 1974 года?), что у Мазруи не было времени получить согласие других предполагаемых членов — основателей комитета; кроме того, профессор Мазруи, очевидно, считал, что будет неправильно, если исполнительный комитет

Африканской ассоциации политических наук назначит членов создаваемого им самим исследовательского комитета.

Есть и кое-что другое, что следовало бы отметить в связи с этим предложением. Профессор Мазруи был противником президента Милтона Оботе, активно боровшегося против апартеида; действительно, Мазруи публично приветствовал переворот, совершенный генералом Амином. Покинув Африку, он принял предложение Мичиганского университета преподавать там (это давало ему, учитывая все виды выплат, около 70 тыс. долларов в год). Однако письмо ААПН он писал, уже будучи временно прикомандированным старшим научным сотрудником Гуверовского института. Так как он не испрашивает никаких средств у ААПН, возможно, он уверен, что получит деньги из американских источников (включая Гуверовский институт?). Наконец, Мазруи поддерживал тесные связи с другим ученым, стремившимся установить наблюдение за освободительными движениями,— Робертом Ротбергом. Они даже выступили вместе в качестве редакторов одной книги.

Мазруи был довольно искусен в своей попытке. Сначала он использовал свой статус гражданина африканской страны, чтобы выступить в качестве публичного инициатора проекта, а затем попытался утвердить комитет ААПН и тем самым добиться, чтобы проект носил печать законности. Секция комитета, занимающаяся освободительными движениями, должна была размещаться в Дар-эс-Саламе — разумный выбор, если учесть неудачу со въездом в Замбию и важность Танзании в отношении ФРЕЛИМО, МПЛА, АНК (ЮАР), ЗАНУ и ЗАПУ. (Напомним, что эта попытка, как и попытка Боуйера Белла, была предпринята до переворота в Португалии в апреле 1974 года.) Сам статус комитета позволил бы ему стать постоянно действующим органом, исключительно пригодным для долгосрочного наблюдения за освободительными войнами. К счастью, ААПН раскусила уловку и отклонила предложение.

Обратимся, наконец, к последнему случаю, имевшему место позже всех остальных.

Случай пятый. Профессор Кристиан Потхоум, Боуденский колледж и Фонд Рокфеллера. В 1974 году, через пару месяцев после провала Боуйера Белла и Мазруи, была предпринята еще одна попытка — на этот раз профессором Кристианом Потхоумом из Боуденского колледжа в Брансуике, штат Мэн. Потхоум был честолюбивым политологом из белых американцев, страстно желавшим сделать карьеру. Он был приверженцем теорий Алмонда и Пауэлла,

и перечень его публикаций занимал пару страниц (ради публикации он был готов писать о чем угодно — от рыболовства на Восточном побережье Соединенных Штатов до полицейской службы в Африке). Он был также исключительно ловким человеком. Прежде всего он вообще обошел Замбийский университет и каким-то образом установил прямой контакт с бывшим в то время министром внутренних дел Льюисом Чангуфу, ведавшим вопросами иммиграции. 2 ноября 1973 года он получил очень благоприятный ответ от постоянного секретаря министерства внутренних дел Д. Чилао: «Если все ваши въездные документы в порядке, я думаю, что вам не понадобятся какие-либо дополнительные разрешения, чтобы эффективно проводить ваши интервью в Замбии... Я надеюсь, что смогу передать вам список лиц, которые могут оказать вам помощь».

Затем Потхоум сделал свою первую ошибку. Он выжидал восемь месяцев, но за это время проект Боуйера Белла натолкнулся на препятствия, а Чангуфу в результате всеобщих выборов лишился и своего места в парламенте, и своего министерского поста. После этого, в июле 1974 года, по совету своего «хорошего друга Артура Льюиса» (чернокожего американца, одного из руководителей информационной службы США в Лусаке) Потхоум обратился с письмом в Институт африканских исследований при Замбийском университете, избежав тем самым контактов с беспокойным факультетом политических наук. Письмо было написано очень искусно. В нем тонко оказывалось давление на директора Института африканских исследований с помощью приложенной копии письма Чилао и рекомендации Вернона Мвaанга. Мваанга, будучи постоянным представителем Замбии в ООН, написал главу в книге, вышедшей под редакцией Потхоума. Этот тактический прием принес плоды. Директор института ответил быстро и сердечно 13 августа 1974 года. Хотя он просил Потхоума представить предложение о проведении исследования (во всех рассматриваемых случаях такие предложения не представлялись добровольно при первом же обращении, как того требует обычная процедура утверждения предложений), но добавил: «Хотелось бы сообщить вам, что в вашем случае это может оказаться чистой формальностью, однако существующие правила требуют представления предложения о проведении исследования до рассмотрения вопроса о прикреплении к институту».

Но то, что должно было стать «чистой формальностью», превратилось в затяжную проблему, потому что Потхоум прислал не только предложение о проведении исследования,

но и свою автобиографию, а также указал источник финансирования.

Представленное им предложение о проведении исследования гласило: «В данном исследовании предполагается сосредоточить внимание на международной передаче помощи (беженцам), особенно в плане ее влияния на Африку, и ставится задача разработать линию действий, обеспечивающую: 1) увеличение общего объема помощи; 2) получение африканскими странами большей доли ее общего объема; 3) координацию и максимизацию потока международной помощи беженцам, идущего в Африку».

Так как почти все жившие в Лусаке беженцы прибыли туда с неосвобожденных территорий Юга Африки и так как большинство из них активно участвовало в освободительных движениях, предложенное Потхоумом исследование проблем беженцев в действительности обеспечило бы ему полный доступ (с января по май 1975 года) во все освободительные движения. Но представленное Потхоумом предложение о проведении исследования, разумеется, не отражало его подлинных целей. Факультет политических и административных исследований (как он теперь назывался), когда к нему обратились за консультацией, отмечал: «Потхоум полагает, что, прибыв в Замбию для бесед с различными лицами о помощи беженцам, он сможет способствовать увеличению размеров помощи и повышению ее эффективности». Таким образом, сам подход не соответствовал задачам исследования: «Представляется, что предложение Потхоума... не имеет под собой серьезной научной основы». Или, как писал 7 октября 1974 года директор Института африканских исследований, «предложение составлено в очень привлекательных выражениях, и возникает мысль, не является ли это дымовой завесой, чтобы скрыть от нас то, чем этот человек хочет заняться в действительности».

Вскоре стало еще более ясным, чем хочет заняться Потхоум. Одной из разгадок послужили сведения об источнике финансирования: «Недавно я узнал приятную новость, что Фонд Рокфеллера (финансировавший в свое время исследования Гвендолин Картер) будет поддерживать мой проект исследования международной помощи беженцам и их переселения с особым упором на страны Юга Африки». Но полностью выдала всю игру его автобиография. Выяснились следующие факты: 1) Потхоум никогда ранее не интересовался вопросами, связанными с оказанием помощи или беженцами; 2) связи Потхоума с Фондом Рокфеллера уста-

новились еще в 1958 — 1962 годах, когда он получал стипендию от этого фонда в Боуденовском колледже; 3) Потхоум имел также тесные связи с госдепартаментом: в 1971 году он был приглашен, как указывалось в автобиографии, на «семинар ученых и дипломатов по африканским делам, организованный госдепартаментом»; 4) в рубрике «Основные научные интересы» он перечислил четыре области, первая из которых называлась «Субкультуры международного шпионажа»; 5) его интерес к шпионажу и его консервативные убеждения нашли отражение в некоторых из его публикаций, в число которых входили несколько работ о полиции и «методах повстанческой борьбы» в Африке, а также говорящая о многом статья под названием «Освежение программы подготовки офицеров запаса в университетах и колледжах».

12 ноября 1974 года Институт африканских исследований информировал Потхоума: «Избранная вами тема не относится к первоочередным исследовательским задачам в нашей стране в данный период». Потхоум ничего не ответил на это.

Общие выводы

По мере усиления интенсивности и масштабов освободительных войн некоторые американские ученые все настойчивее пытаются проникнуть в освободительные движения и установить постоянное наблюдение за ними. Если войны в Зимбабве и Южной Африке усилятся, нам следует ожидать новых попыток подобного рода.

Эти реакционные американские ученые отказываются согласиться с отрицательным ответом, они просто прибегают к более изощренным уловкам. К таким уловкам можно причислить и сокрытие относящейся к делу информации, введение в заблуждение насчет целей исследования, использование чернокожих посредников, обход соответствующих властей и т. д.

В период после 1969 года можно обнаружить те же самые старые тесные связи между правыми американскими учеными, «фабриками мыслей», фондами и правительственными ведомствами США, которые существовали и в предшествовавший период.

Первая обязанность радикального интеллигента в данной ситуации — проявлять бдительность. Вторая — информировать освободительные движения.

Наконец, разрешите разъяснить, почему я лично выступаю против подобных попыток со стороны американских реакционных ученых.

1. Сами освободительные движения возражают против того, чтобы их изучали (за исключением работ сочувственно относящихся к ним ученых), по очевидным причинам. Либеральная идеология должна приводить к выводу, что если объект изучения отказывается быть подвергнутым исследованию, то исследователи должны уважать это желание как его демократическое право.

2. Исследования, подобные описанным выше, могут поставить под угрозу не только освободительные движения и группы населения, за которые они несут ответственность, но и правительства и население «прифронтовых государств».

3. Рассмотренные выше исследовательские проекты не были исследованием деятельности того или иного националистского движения в прошлом, как того требует обычная процедура проведения исторических исследований. Они предусматривали непрерывное наблюдение за развитием текущих событий. Почему?

4. Независимо от мотивов и намерений исследователей информация, которую они получили бы, могла нанести ущерб делу освобождения и привести к жертвам среди борцов за свободу, если бы эта информация была опубликована или каким-либо другим путем попала в руки бывшего португальского и нынешних южноафриканского и родезийского правительств.

5. Общеизвестно, что Соединенные Штаты были союзником бывшего португальского правительства — через НАТО и по двусторонним соглашениям. В настоящее время они сотрудничают в военной области с южноафриканским правительством при проведении всякого рода операций в Анголе. В то же время все указанные выше ученые, за исключением одного, были гражданами США и никоим образом не выступали против расширяющегося участия их правительства в подавлении освободительных движений расистскими капиталистическими силами.

По всем этим причинам ученые, выступающие в роли союзников империалистических сил на Юге Африки, должны быть подвергнуты всеобщему осуждению как враги свободы.

УЧАСТИЕ УЧЕНЫХ В ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕГОДНЯ

Помещенный ниже материал является расширенным вариантом статьи, опубликованной в апреле — мае 1979 г. в информационном бюллетене «Каверт экшн».

Тех, кто познакомился со статьей Роберта Мольтено, не могут не поразить наглость и упорство упомянутых в ней американских ученых, пытавшихся внедриться в южноафриканские освободительные движения. Хотя Мольтено показал, как были сорваны замыслы этих ученых, вполне резонно предположить, что другие американские агенты, действующие под более надежным прикрытием, добились успеха там, где провалились ученые, о которых идет речь, и активно занимаются своей грязной работой.

Между тем некоторые из ученых, разоблаченных Мольтено, продолжают противодействовать освободительным движениям другими способами. К числу книг, опубликованных Боуйером Беллом в последнее время, относятся «Африканский Рог: стратегический магнит в 70-х годах», «О восстании: стратегии национального освобождения» и «Время террора: как демократические общества отвечают на революционное насилие».

Через два года после того, как Мольтено описал интерес профессора Уильяма Гриффита к деятельности китайцев в Замбии, Карл Бернстейн рассказал, что Гриффит «участвовал в работе сверхсекретной оперативной группы ЦРУ, изучавшей методы организации американских пропагандистских радиопередач, направленных на Китайскую Народную Республику» в 1964 и 1965 годах, вместе с Ричардом Сэлантом из телекомпании Си-би-эс, Джоном Хейесом из «Вашингтон пост компани», Збигневым Бжезинским, Кордом Мейером, Макджорджем Банди, Биллом Мойерсом и Леонардом Марксом, занимавшим в то время пост директора Информационной службы США.

Белл и Гриффит были указаны в списке участников состоявшегося недавно в Нью-Йорке семинара на тему «Политическое насилие за рубежом: его влияние на американский бизнес», организованного корпорацией «Проуб». (Белл состоит в консультативном совете этой корпорации вместе с Уильямом Колби и другими.) Али Мазруи полагает, что его

и его коллег считают «слишком пропитанными западным духом», чтобы они могли пользоваться влиянием среди африканцев; ко времени свержения Иди Амина Мазруи отказался от него и стал ориентироваться на «кенийскую модель».

Деятельность некоторых лиц, разоблаченных Мольтено, заслуживает дополнительного рассмотрения: речь идет об ученых Гуверовского института и Роберте Ротберге из МТИ. Большая часть информации, имеющейся в нашем распоряжении, была неизвестна Мольтено, находившемуся в Замбии; он сам указывал на эту проблему.

Гуверовский институт

Хвастающийся тем, что располагает крупнейшим частным архивом в Соединенных Штатах, Гуверовский институт по проблемам войны, революции и мира (основанный после первой мировой войны Гербертом Гувером как Гуверовская военная коллекция при Стэнфордском университете и известный с 1922 по 1957 год как Гуверовская военная библиотека) уже давно поддерживает тесные связи с американскими разведывательными ведомствами (например, в годы второй мировой войны при нем функционировала разведывательная школа гражданской связи). По крайней мере частично это объясняется тем, что хранящиеся в институте материалы охватывают более ранние — на несколько десятилетий — периоды, чем архивы этих ведомств, и включают такие жемчужины, как, например, архив царской охранки, полученный от царского посла во Франции после революции в России.

Герберт Гувер говорил попечителям Стэнфордского университета в 1959 году: «Задача института должна состоять в том, чтобы показать путем исследований и публикаций вред доктрин Карла Маркса — будь то коммунизм, социализм, экономический материализм или атеизм — и тем самым защитить американский образ жизни от таких идеологий, их заговоров и вновь подтвердить законность американской системы». Один из авторов отмечал в журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин» (1978, 23 июля), что «то, что некогда казалось тихой заводью американской интеллектуальной и политической жизни, превратилось в главный поток», потому что «ярый антикоммунизм, объединяющий ученых Гуверовского института, несмотря на различие во мнениях по другим вопросам, уже не кажется несоответствующим духу времени».

Африканская коллекция Гуверовского института начала создаваться в 1919 году, когда правительства Бельгии и Германии передали в качестве дара официальные документы и доклады по своим колониям, однако широкое приобретение относящихся к Африке материалов началось лишь в 1956 году. С расширением коллекции изменилась и роль института: из хранителя документов он превратился в защитника колониализма (в данном случае — оказывающего сильную поддержку южноафриканскому правительству).

В 1968 году появилась книга «Третья Африка», изданная «Туин серкл паблишинг компани» в Нью-Йорке и напечатанная в типографии «Нэшнл коммершл принтерс» в Южной Африке. Автор книги, Эсел Роди, характеризовался как журналист и ученый, в книге без ложной скромности утверждалось, что она «намного полнее, чем любая другая работа по Южной Африке, и является, вероятно, лучшим из появившихся до сих пор в этой стране исследований тенденций развития Южной Африки в прошлом и будущем». Заключительная глава была написана директором международных исследований Гуверовского института Стефаном Поссони, бывшим офицером морской разведки, специализировавшимся на психологической войне, и редактором изданий по вопросам стратегии и военным делам в Совете американской безопасности. Название должности, занимаемой Поссони в Гуверовском институте, украшало титульный лист.

«Третья Африка» была инфантильной попыткой поддержать ЮАР. Наиболее поразительным в этой книге было, вероятно, написание слова «негр» с маленькой буквы в главе Поссони, в то время как названия всех других рас и национальностей давались с большой буквы [1], включая даже слово «белый». (Напомним, что это было время «власти черных» в США.) В остальных главах книги слово «негр» писалось с большой буквы. На протяжении многих страниц Роди подвергает настоящей травле критиков ЮАР, в то время как Поссони формулирует расистские критерии, с помощью которых белые могут оценить проводящуюся в Южной Африке политику «сепаратного развития». Например, по утверждению Поссони, для негритянской семьи характерны «часто встречающиеся случаи главенствующей роли матерей, большое число незаконнорожденных детей, детей от разных отцов, а также исчезающих отцов со слабым побуждением работать».

---

[1] По правилам английского языка названия рас и национальностей пишутся с большой буквы.

С тех пор прошло уже более десяти лет. В 1974 году Эсел Роди стал министром информации в правительстве ЮАР. До этого он поддерживал правительственную политику главным образом с помощью открыто субсидируемых правительством пропагандистских работ вроде упомянутой выше книги, но, заняв официальный пост, объявил, что политику министерства необходимо изменить, что со временем «от 50 до 60 процентов применяемых министерством методов должны быть скрытыми — не в смысле секретности или подрывной деятельности, а в смысле действий на непрямой основе». Насколько буквально Роди понимал это, стало ясно в прошлом году, когда в ходе расследования так называемого «информационного скандала» [1] выявилось, что один из его планов заключался в тайном финансировании покупки газет, журналов и периодических изданий в Великобритании, Соединенных Штатах, Франции и некоторых районах Африки, а также издающейся на английском языке газеты «Ситизен» в самой ЮАР. (Роди бежал из страны с позором, когда в результате расследования выяснилось, что он использовал значительные суммы из секретных фондов в своих личных целях. В марте генерал Хендрик ван ден Берг, бывший глава южноафриканской тайной полиции БОСС, отправился в Европу, чтобы «предотвратить осуществление Эселом Роди его угрозы предать гласности дальнейшие подробности секретных проектов ныне расформированного министерства информации». Роди мог бы стать южноафриканским Джоном Дином; в печати указывалось, что он мог, в частности, рассказать о тайных выплатах членам американского конгресса и по крайней мере одному кандидату в президенты США.)

Конечно, откровенно расистская писанина Поссони не была единственной работой по Югу Африки, подготовленной в Гуверовском институте. Питер Дейгнан, которого газета «Нью-Йорк таймс» охарактеризовала как «уважаемого исследователя африканской истории» и как человека, «всю жизнь придерживающегося демократических взглядов», занимает пост куратора африканской коллекции с 1959 года. В 1963 году эта коллекция включала 20 000 книг, 400 переплетенных томов правительственных документов и 10 000 непереплетенных единиц хранения, охватывающих период с 1870 года по настоящее время; если учесть, что она выписывает 275 периодических изданий и 40 газет, то в целом эта коллекция представляет собой «самое ценное отдельное

[1] Имеется в виду «Мюлдергейтский скандал».

собрание документов по африканским делам в Соединенных Штатах».

В то время исследовательская программа была «направлена на проблему, какова должна быть политика Соединенных Штатов по отношению к молодым африканским государствам» в период, когда «американские официальные лица проявляют возрастающую озабоченность относительно Африки и начинают опасаться последствий быстрой деколонизации». Исследование коммунизма в Африке проводилось под руководством Збигнева Бжезинского; другой проект был посвящен африканскому национализму в Южной Родезии.

Кроме того, планировался следующий этап исследований: «Настало время вновь рассмотреть действия империализма в Африке и дать им оценку. Сейчас, когда ликвидируются старые колониальные империи, стали доступными архивы. Изучение этих архивов имеет самое непосредственное отношение к текущим африканским исследованиям и нынешней напряженности в отношениях между Западом и Востоком, вызываемой их стремлением привлечь на свою сторону народы слаборазвитого мира, еще не выбравшие путь развития. Начиная с 1956 года советские ученые усилили свою работу над проблемами Африки с целью подвергнуть критике действия империализма и дать картину жестокой эксплуатации и культурной деградации африканских обществ. Правление белых, по мнению советских ученых, означает непрерывное ухудшение условий жизни африканцев и большие прибыли для Европы. Многие африканские националисты начинают сейчас выдвигать подобные же обвинения. Необходимо изучить и беспристрастно оценить материалы, прежде чем мы сможем дать более объективную оценку действий империализма в Африке».

Возможно, чтобы облегчить это беспристрастное, объективное исследование империализма, в Гуверовский институт был принят на должность старшего научного сотрудника историк Льюис Гэнн. Дейгнан и Гэнн выступили совместно редакторами подготовленной институтом крупной работы по Африке — пятитомного исследования колониализма. Гэнн разъяснил свое отношение к империализму в предисловии к своей книге «Центральная Африка»: «Я сам являюсь в некоторых отношениях продуктом колониальной эры. Я служил в колониальной администрации и выполнил большую часть своих научных работ в институтах, основанных по инициативе британских империалистов. Я не отвергаю ни свое научное, ни свое профессиональное прошлое. Отнюдь не чувствуя себя виновным в тех связях, которые я поддержи-

вал тогда, я нахожу в них много ценного. Африканские исследования вообще в неоценимом долгу перед побочными продуктами завоевания Африки европейцами... Западный империализм в целом вызвал далеко идущий процесс передачи культурных ценностей. Это феномен, который я в целом приветствую... Как европеец, я отношусь сочувственно к белым родезийцам и их проблемам; эта приверженность усиливается тем, что я долго прожил в этой стране...»

Эксперты Гуверовского института Дейгнан и Гэнн утвердились в качестве ученых, ратующих за консервативный подход к выбору внешнеполитического курса Соединенных Штатов, за что получили одобрение министерства информации ЮАР. Написанная ими для газеты «Крисчен сайенс монитор» (1978, 9 февр.) статья «Неправильные суждения о Южной Африке», где доказывалось, что «мы» (Соединенные Штаты) должны увеличить темпы капиталовложений в Южной Африке, была перепечатана в пропагандистском еженедельнике «Саут Африкен дайджест» (1978, 9 июня), издающемся правительством ЮАР. В их брошюре «Юго-Западная Африка — Намибия», изданной консервативной Американской ассоциацией африканских дел, утверждается: «Для Намибии и мира в целом нет лучшей надежды, чем приход к власти умеренных». Их цель состоит в том, чтобы нанести поражение Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО). Недавно различные средства информации США получили анонимно отправленные из Нью-Йорка посылки, в которые были вложены экземпляр указанной брошюры (цена одного экземпляра 2 доллара 50 центов), репринт статьи «Безжалостное проникновение России в Африку» из «Ридерс дайджест» и опубликованная правительством ЮАР брошюра о Соуэто. Нетрудно представить себе, кто получает выгоду от исследования проблем Юга Африки Гуверовским институтом.

В прошлом году Питер Дейгнан объяснил автору статьи в «Американ лиджн мэгэзин» (1978, май), каким образом Гуверовский институт получает информацию: «Мы выезжаем в командировки для сбора материалов раз в два года. Для каждой страны мы пытаемся получить все правительственные документы на всех уровнях, ежегодные доклады, материалы переписей, по крайней мере по одной газете из каждой страны, журналы по истории, археологии, политическим наукам, биологии, философии и религии, а также публикации политических партий и профсоюзных движений».

Возможно, Дейгнан и Гэнн получили взбучку за свою последнюю пропагандистскую работу, восхвалявшую Южную

Африку, особенно если они рассчитывали, что правительство ЮАР оплатит счет. Речь идет о популярной книге «Южная Африка: война, революция или мир?», в которой они задались целью убедить американцев, что в системе апартеида происходят улучшения. «К числу наиболее значительных изменений к лучшему относились произведенные Форстером назначения в его новый кабинет. К. П. Мюлдер, прагматик с умеренными политическими взглядами, был назначен на ключевой пост — ему было поручено заниматься отношениями правительства с девятнадцатью миллионами африканцев в стране». Книга появилась как раз в тот момент, когда разгорелся так называемый «Мюлдергейтский скандал» с министерством информации и Мюлдер был вынужден с позором подать в отставку. Возможно, этим объясняется, почему редакции, которым была прислана ранее изданная брошюра Дейгнана и Гэнна, не получили бесплатно от анонимного отправителя и эту их книгу.

Роберт Ротберг

В то время как Гуверовский институт спешно расширял свою программу исследований Африки на Западном побережье США в 60-х годах, Роберт Ротберг занимался тем же самым на другом конце континента в Центре по международным отношениям при Гарвардском университете. Если прочитать только одну его раннюю статью «Истоки националистского недовольства в Восточной и Центральной Африке» («Джорнэл оф нигроу хистори», 1963, апр.), то кажется, что автор проявляет сочувствие к африканцам и выступает против колониализма и империализма. Но в свете сделанных Мольтено разоблачений остается лишь гадать, не написана ли она в качестве приманки — для того, чтобы ее автор выглядел как друг освободительных движений.

Но для того чтобы истолковать последние писания Ротберга, нет необходимости заниматься гаданием. В то время как брошюра Дейгнана и Гэнна о Намибии предназначена в первую очередь для использования в качестве пропагандистского материала, чтобы вооружить тех, кто формирует общественное мнение в США, якобы правомерными и на первый взгляд заслуживающими доверия доводами в пользу поддержки приспешников ЮАР и противодействия СВАПО, опубликованная недавно работа Ротберга «Новая Намибия» («Вашингтон коутерли», 1978, осень) явно адресована специалистам по тайным операциям и рассчитана на удовлетворение их особых нужд; будучи таковой, она гораздо правдивее отражает действительное положение дел.

Так, Дёйгнан и Гэнн пишут: «СВАПО и ее радикальные союзники предпочитают военное решение вопроса политическому, опасаясь, что им не удастся победить на мирных выборах». Ротберг говорит: «По всей вероятности, СВАПО может добиться победы на любых свободных выборах». Дёйгнан и Гэнн делают упор на законность притязаний ЮАР на намибийский порт Уолфиш-Бей, но отмечают в сноске, что хорошим компромиссом было бы объявление Уолфиш-Бея свободным портом. Ротберг с позиций своей «реальной политики» утверждает: «Новая Намибия нуждается в Уолфиш-Бее... Если бы Южная Африка превратила Уолфиш-Бей в свободный порт, Намибия потеряла бы право взимать таможенные пошлины и могла бы уступить перед Уолфиш-Беем в соперничестве за иностранные капиталовложения».

Изложив без обиняков эти факты, Ротберг переходит к рассмотрению факторов, которые могли бы помешать СВАПО добиться победы. Опасения, что независимой Намибии будет не хватать «ресурсов квалифицированной рабочей силы, достаточных для поддержания экономики», утверждает он, «могли бы быть использованы при идеальных условиях для развития мощного национального движения, способного предотвратить полную победу СВАПО на выборах». Упоминаются другие факторы, которые могут укрепить позиции поддерживаемого ЮАР демократического альянса Турнхалле: «Помимо того, что альянс имеет возможность извлечь выгоды из шовинизма, направленного против овамбо [1], традиционализма, консерватизма среднего класса, а также из частично сохраняющегося страха перед переменами, он может также использовать денежные средства, поступающие как из-за пределов Намибии, так и от деловых кругов внутри территории». Однако вероятность того, что какой-либо из этих факторов даст результаты, весьма невысока. «Короче говоря, альянс может превратиться из элиты в массовую политическую организацию лишь в результате просчета СВАПО или какого-либо непредвиденного благоприятного поворота событий».

Ротберг предсказывает победу СВАПО. Но, полагает он, это может оказаться не столь плохим вариантом для империализма, как кажется на первый взгляд. «СВАПО заняла просоветскую, радикальную позицию лишь недавно, а до этого в течение длительного времени она была буржуазной

---

[1] Овамбо — африканский народ, живущий в Намибии и на юге Анголы.

по риторике, хотя и боевой по действиям. Она перешла к открыто социалистическому подходу лишь после 1970 года. Не следует ли нам поставить под сомнение приверженность СВАПО социализму точно так же, как мы ставим под сомнение глубину стремлений перенять подобные же советские модели, которые проявляет в последнее время Джошуа Нкомо?» Разумеется, Ротберг видит возможность серьезного ухудшения положения дел в Намибии в будущем, если СВАПО действительно пойдет по социалистическому пути. «Экономические и социальные неурядицы, вызванные резким падением производительности труда, неправильное использование инфраструктуры (и портов) и отсутствие концептуальной гибкости наряду с другими факторами стимулируют политическое несогласие; если политический контроль, включая право назначения на должности, осуществляется по этническим линиям, это может породить недовольство, коренящееся в этнических факторах». Он приходит к выводу: «Таким образом, возможности конфликта в период после получения независимости велики, особенно если обострится соперничество между овамбо».

Читая эти строки, нельзя не восхищаться Робертом Мольтено и его коллегами из Замбийского университета, отказавшимися содействовать этому «ученому» в его попытках проникнуть в освободительные движения. Если бы факультет политических наук Замбийского университета одобрил исследовательский проект Ротберга, то, возможно, сейчас мы читали бы о фактических и потенциальных слабостях Патриотического фронта Зимбабве в журналах американских разведывательных служб.

Профессор Ротберг из МТИ участвует также в формировании общественного мнения. Его статьи появляются все чаще в газете «Крисчен сайенс монитор». Большая часть его аналитических материалов производит обманчивое впечатление либеральности: «Эндрю Янг был добр к Африке» (1977, 29 июня); «Новый премьер-министр ЮАР захочет в первый год своего пребывания у власти начать процесс консультаций того или иного рода с лидерами черного большинства Южной Африки. Эти консультации могут привести к мирной эволюции» (1978, 26 сент.); «Смит позволяет снижающейся спирали войны уничтожать все, что было создано в промышленном и экономическом отношении в Родезии» (1979, 3 янв.); «В этом столетии Южная Африка постоянно урезала многие права человека во имя безопасности. В результате большинство прав соблюдается, но преимущественно в урезанном виде» (1979, 7 марта).

Это не такие строки, какие правительство Южной Африки любит перепечатывать для широкого распространения, как это бывает с работами, выходящими из Гуверовского института. Но каждый раз, когда Ротберг вносит конкретное предложение относительно политики, оно хорошо вписывается в те консервативные рамки, в пределах которых Соединенные Штаты неизменно выбирают свой политический курс. Например, в прошлом году, когда в церквах и университетских городках по всей Америке разгорелись дебаты об изъятии капиталовложений американских компаний, делающих бизнес в Южной Африке, Ротберг утверждал, что американские корпорации должны вкладывать больше, а не меньше капиталов в Южной Африке. «Увы, мало вероятно, что уход американских компаний, даже если он осуществим физически и юридически, окажет такое воздействие на политику, на какое рассчитывают сторонники этой меры» (1978, 5 июля). Его предложение в отношении Родезии совершено прямолинейно: военное вторжение. С «юридической точки зрения, Родезией по-прежнему правит королева Елизавета II. Это колония, восставшая против короны. Войска королевы при материально-технической и финансовой помощи Соединенных Штатов могли бы восстановить контроль, организовать и провести справедливые выборы, а затем передать власть правительству большинства» (1979, 3 янв.).

Хотя это его последнее предложение не обсуждалось широко в Соединенных Штатах, министерство иностранных дел Великобритании рассматривает с 1975 года такой вариант действий на случай, если политические обстоятельства позволят прибегнуть к нему. Ротбергу, несомненно, известно об этом, и он готовит почву для того, чтобы американские политические руководители могли одобрить такой шаг. (В действительности английский план несколько сложнее и предполагает использование войск из нескольких стран Содружества. Новым в предложении Ротберга является то, что в нем предусматривается материально-техническая и финансовая помощь со стороны Соединенных Штатов, и если такая помощь была бы предложена на самом деле, это могло бы склонить чашу весов в пользу предлагаемого варианта действий.)

Несколько заключительных замечаний

Сейчас, когда по всеобщему признанию Юг Африки стал одной из главных арен мировой политической борьбы, спрос на африканские исследования усиливается. В статье, опуб-

ликованной в газете «Вашингтон пост» 26 ноября 1978 года, они были названы «новой зоной роста во внешней политике». В ней упоминаются предложение Аспенского института Фонду братьев Рокфеллеров выделить 100 тыс. долларов на проведение группой экспертов под руководством Генри Киссинджера исследования возможных вариантов американской политики в отношении стран Юга Африки (среди почтенных попечителей Аспенского института числится «ее императорское величество шахиня Ирана»), организованное Пентагоном исследование позиции Соединенных Штатов по отношению к Южной Африке, которое должно проводиться совместно Фондом Карнеги для целей международного мира и Центром стратегических и международных исследований, и рассматриваемый Фондом Рокфеллера проект стоимостью в 1,5 млн. долларов, предусматривающий создание «комиссии по Африке», которая пользовалась бы таким же престижем, каким обычно пользуются комиссии, назначенные Белым домом. Ученых и политических деятелей, занятых во всех этих проектах, газета «Вашингтон пост» называет почти правильно «глобалистами» в отличие от «либерационистов» («империалисты» было бы уж слишком точным определением).

Можно с полной уверенностью предсказать, что эти ученые будут продолжать разрабатывать политику для Соединенных Штатов в общем в рамках, о которых мы уже говорили,—от правых политических курсов вроде тех, которые предлагает Гуверовский институт, до ротберговской разновидности левого либерализма. (Ротберг был в числе ученых, которым правительство США поручило в 1976 году изучить, как можно содействовать «переходу» к власти большинства, в то время, когда Генри Киссинджер и премьер-министр ЮАР Форстер пытались урегулировать с помощью переговоров положение в Зимбабве и Намибии. По сообщению Вашингтонского бюро по Африке, исследование должно было охватить «такие политические вопросы, как идеологическая ориентация возможных новых лидеров, соперничество между этническими группами и стратегия международных корпораций и финансового мира».) Проводимое в этих довольно широких рамках обсуждение возможных политических курсов откроет достаточный простор для маневрирования «национальными целями», включая тайные операции в масштабах, которые не были возможны в странах Юга Африки со времени крупного поражения ЦРУ в Анголе.

В дальнейшем, с падением режимов белых, американские политические руководители будут постепенно, шаг за

шагом, уступать позиции левым силам. (Если этого не будет, мы станем свидетелями появления еще одного доклада конгресса о «провале разведки» и взаимных обвинений относительно того, «кто потерял страны Юга Африки». Или же встанет вопрос о прямом военном вмешательстве США.) Проблема заключается в том, что скорее всего им удастся затянуть этот процесс на достаточно длительный срок, чтобы позволить сохранить столь давно продолжающееся угнетение в странах Юга Африки. В этом отношении неандертальская политика, предлагаемая учеными из Гуверовского института и некоторых других научных центров, не представляет непосредственной угрозы—правительство США никогда не примет открыто их предложения. Однако они действительно создают сильный крен вправо в спорах общественности в США, а также вооружают реальными, хотя и краткосрочными, целями тех, кто специализируется на дестабилизации, государственных переворотах и т. п. В этом плане они необходимы для ученых вроде Роберта Ротберга, и без них люди, подобные ему, представляли бы значительно меньшую угрозу для освободительных движений.

Сирил Фолл

ЦРУ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ОБЩИЙ ОБЗОР

Эта статья была опубликована впервые в издающемся в Париже журнале «Африк — Ази» 20 февраля 1978 г.

Одна из подкомиссий американского конгресса, возглавляемая членом палаты представителей Эдвардом Боландом, демократом от штата Массачусетс, занимается расследованием той роли, которую играет ЦРУ в манипулировании новостями, особенно в странах «третьего мира». Совсем недавно она выявила ряд исключительно интересных фактов.

Для тех, кто следит за деятельностью разведывательных служб, тайное воздействие ЦРУ на прессу различных стран никогда не было чем-то неожиданным, однако откровения, всплывшие в ходе дачи показаний послами, журналистами и отставными дипломатами, пролили новый свет на связанные с этим события в «третьем мире».

1. Многие корреспонденты американской прессы в зарубежных странах были в течение периода, рассматривавшегося подкомиссией, либо платными агентами ЦРУ, либо осведомителями (вольными или невольными), снабжавшими точной и зачастую весьма полезной информацией руководителей резидентур ЦРУ в столицах различных стран «третьего мира».

По этой причине, несмотря на данные ими официальные опровержения, несколько американских газет и агентств печати, включая пользующуюся большим престижем «Нью-Йорк таймс», были обвинены в том, что имели в своих штатах агентов разведывательных служб. Утверждалось, что Сайрус Сульцбергер, известный обозреватель «Нью-Йорк таймс», опубликовал за своей подписью статью, целиком подготовленную в ЦРУ. В своем ответе Сульцбергер заявил, что для американского журналиста, работающего за рубежом, поддержание регулярных контактов с ЦРУ является вполне обычным делом.

2. Несколько газет и агентств печати, имеющих корреспондентов за границей, финансировались или полностью контролировались ЦРУ. Некоторые из них были прямой собственностью этого управления. По оценкам, число газет, журналов, агентств печати, радиостанций и других средств массовой информации, полностью или частично финансировавшихся ЦРУ, превышает 200.

Десятки средств массовой информации, действующих за рубежом, хотя и не финансировались ЦРУ, но среди их сотрудников имелись его платные агенты.

3. Около дюжины издательств, среди которых есть и весьма известные, опубликовали более 250 работ, полностью сфабрикованных ЦРУ. Эти книги распространялись затем в африканских, арабских, азиатских и латиноамериканских странах, для чего использовались рекламные объявления в прессе «третьего мира» и в периодических изданиях, предназначенных для этих стран.

4. Некоторые американские журналисты работали на другие органы правительства США, находящиеся в зависимости от Пентагона.

5. В последние тридцать лет около дюжины высокопоставленных сотрудников ЦРУ работали в качестве зарубежных репортеров нескольких американских газет и агентств печати, зачастую с согласия главных редакторов.

6. Один из руководящих сотрудников ЦРУ признал, что его отдел часто имел доступ к платным агентам, работавшим в зарубежных бюро Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед

Пресс Интернэшнл. ЦРУ обеспечивало их полностью сфабрикованными «новостями», которые затем удавалось включать в телетайпные сводки. Согласно данным Ассошиэйтед Пресс, эти материалы доходили до половины населения мира! Разумеется, АП и ЮПИ официально отвергают эти обвинения.

7. Усилия ЦРУ по манипулированию новостями и формированию общественного мнения нередко вводили в заблуждение не только канцелярии посольств, но и самих американских дипломатов. В связи с этим во всех американских посольствах была введена система предостережения дипломатов от «черной пропаганды», то есть пропагандистских материалов, изготовленных в ЦРУ и распространяемых при посредстве зарубежных газет и журналов, финансируемых им. На вопрос, заданный публично в подкомиссии конгресса, давало ли ЦРУ указания своим агентам-журналистам, о чем они должны писать, бывший директор управления Уильям Колби ответил без колебаний: «О, разумеется! Мы делаем это все время».

Колби подтвердил, что ЦРУ использовало как американских, так и местных журналистов. В нескольких случаях для мест встречи в целях сбора и передачи информации использовались пресс-клубы, имеющиеся почти во всех крупнейших городах мира. Бывшие директора пресс-клубов в Мехико и Маниле, например, были агентами ЦРУ.

8. Три бывших американских посла, представлявших США в африканских странах, — Уильям Портер, Дин Браун и Уильям Трухарт — признали в своих показаниях, что ЦРУ информировало их о новостях, сфабрикованных им для местной печати. «Я не считаю, — заявил, однако, Уильям Портер,— что подобная «черная пропаганда» была эффективной во многих случаях. Она быстро обнаруживалась правительствами и отдельными журналистами. Напомню, что сообщения о смерти Мао появлялись шесть раз до того, как он действительно умер». Посол Браун признал, что он предостерегал американских журналистов в Африке и арабском мире относительно ряда «новостей», сфабрикованных в ЦРУ аппаратом психологической войны. Тем не менее он заявил: «Западноевропейская пресса часто перепечатывала эти новости, и мы не имели возможности предупредить руководителей средств массовой информации в Западной Европе об этом».

В заключение подчеркнем, что собранные подкомиссией материалы, по всей видимости, подтверждают, что некоторые западные, африканские, арабские, азиатские и латино-

американские газеты либо являются исключительной собственностью ЦРУ, либо в значительной мере финансируются им. Методы и источники финансирования, конечно, варьируются. Однако цель их использования — распространение «черной пропаганды» — остается неизменной.

Что касается нового директора ЦРУ адмирала Тэрнера, то в ходе дебатов в подкомиссии он отстаивал необходимость вербовки и использования иностранных журналистов, хотя и отмечал, что намеревается положить конец такой практике, но только в отношении американских журналистов.

Джон Стокуэлл

МАНИПУЛЯЦИЯ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В АНГОЛЕ

Джон Стокуэлл публично подал в отставку из ЦРУ, прослужив в нем двенадцать лет; его последняя должность — руководитель оперативной группы ЦРУ для Анголы. Данный материал взят из книги «В поисках врагов», опубликованной в 1978 г.

Пропаганда во время гражданской войны в Анголе должна была стать столь же важным делом, как и сами боевые действия. Для этого был выбран Бабба Сандерс, невысокий, симпатичный и напористый человек, поставивший целью жизни полное использование своего неукротимого ума для причинения неприятностей Советам в Африке. К несчастью, Бабба, будучи неиссякаемым источником различных планов и заговоров, не отличался безошибочностью суждений. «Его присутствие в оперативной группе может принести, помимо пользы, и немало огорчений», — думал я, вспоминая о засылке материалов в Бурунди другими пропагандистами ЦРУ, когда я работал там в 1970 году.

Как начальник штаба, я должен был одобрить эту операцию, и я дал свое согласие, получив из штаб-квартиры предложение насчет отправки пропагандистских материалов, которые могли причинить неприятности русским. Я полагал, что все будет сделано тонко и что я смогу ознакомиться с материалами до их засылки. Но ни я, ни кто-либо другой из опытных оперативных работников так ничего и

не увидели, пока жители столицы — Бужумбуры — не стали находить в своих почтовых ящиках плакаты. На этих плакатах размером примерно двенадцать на восемнадцать дюймов, выполненных в черном и красном цветах, был изображен огромный солдатский сапог, давящий сотни маленьких человечков. Сверху было напечатано крупными буквами по-французски: «Долой диктатора Микомберо!» Внизу, там, где обычно указывается название организации, выпустившей плакат, была помещена эмблема всемирной молодежной организации, поддерживаемой Советами. Плакаты оказали такое воздействие, что советского посла попросили не возвращаться в страну после отпуска в Советском Союзе.

Но в этом деле была одна загвоздка. Пропагандисты правильно оценили, что Микомберо возглавлял крайне непопулярное правительство меньшинства. Однако они не учли или предпочли игнорировать тот факт, что расхождение между Микомберо и массами имело под собой чисто расовую основу. Микомберо и его правительство представляли элитную группу батутси, ощущавшую угрозу со стороны угнетенных масс бахуту и боявшуюся их восстания. Батутси могли истолковать плакат лишь как поощрение к действию активистов из числа бахуту, которые, как было известно, искали поддержки для совершения революции. Время от времени батутси прибегали к превентивным мерам — массовым убийствам бахуту. И вот два года спустя, в 1972 году, в одном из самых жестоких пароксизмов геноцида современной истории, батутси убили десятки тысяч бахуту, а Соединенные Штаты и другие страны мира сделали вид, будто ничего не заметили. Остается лишь гадать, какую роль в этом сыграла наша неблагоразумная операция с рассылкой плакатов.

Через три года после кровавой расправы я встретил Баббу в управлении тайных операций ЦРУ, где он рьяно трудился над пропагандистскими трюками, показывающими помощь МПЛА в Анголе со стороны Советов. Он должен был вскоре отправиться в Рим, Киншасу и Лусаку, чтобы запустить пропагандистскую машину на полный ход.

— Ключом является четвертая сила в Анголе, — говорил он мне в своем кабинете в управлении тайных операций, расположенном в коридоре «Д». — Нам надо организовать четвертый фронт освобождения, который сможет призвать к объединению всех сил и осудит советскую помощь МПЛА.

— Но где мы возьмем людей для этого фронта?

— А беженцы из Анголы, студенты, оказавшиеся на мели? Кое-кого из них можно найти прямо здесь, в Соединенных Штатах. Мы назовем их народным фронтом Анголы.

— Бабба, если использовать ангольцев, учившихся в Америке, то каждый поймет, что это американский фронт. Их никто, кроме наших друзей, даже слушать не станет.

— Ну хорошо, мы найдем кое-кого в Европе. Эти люди не будут знать, что в этом замешаны Соединенные Штаты. Они будут думать, что их финансируют богатые португальские беженцы. Мы найдем ангольцев, действительно верящих в мирное решение, и они смогут действовать, скажем, из Испании или Бразилии. Ты не можешь дать мне фамилии португальцев, которые оказали бы нам содействие?

Я обещал связаться с лиссабонским отделением ЦРУ и оперативной группой, занимающейся Португалией.

— Ну, это не так уж важно, — сказал он. — Мы можем использовать Родригеса или Джимми Мануса. Они пока сидят в своем журнале, страдая от безделья. Кроме того, есть еще Брайан Кассиди в Нью-Йорке, он отлично работал, когда мы занимались курдами в Ираке. И надо бы заполучить Рея Чайлса из Рима... по крайней мере на пару месяцев. Он прекрасно разбирается в таких вещах.

(Родригес, Манус и Кассиди были литераторами, пополнявшими свои доходы, работая на ЦРУ по контракту. Рей Чайлс был штатным сотрудником ЦРУ и имел опыт участия в тайных операциях.)

— И все они для четвертой силы?

— Нет-нет! Мы должны получить у ФНЛА интервью для печати в Киншасе и добиться сотрудничества УНИТА с газетой в Лусаке. У нас есть свои люди среди репортеров в обоих этих местах, а Мобуту и Каунда вряд ли будут выражать недовольство, когда мы подбросим свои материалы в их газеты. Затем мы можем взять статьи из этих газет и попросить наших агентов в Европе распространить их в мировой печати. Нам понадобятся люди в Киншасе, Лусаке, Лондоне, Португалии, Нью-Йорке... — Он откинулся на спинку стула и улыбнулся: — Это будет отличная операция психологической войны. Мы назовем ее «Феникс». Знаешь, была такая птица, которая сжигала себя и возрождалась из пепла... Как ФНЛА, оправляющаяся после поражений... «Феникс»! Мне нравится это название!

Я молча уставился на него, не веря своим ушам. «Феникс» было кодовым названием террористической операции ЦРУ во Вьетнаме. Даже само ЦРУ признавало, что в ходе этой операции было убито свыше двадцати тысяч человек: южновьетнамское правительство утверждало, что число погибших было вдвое больше. Разработал эту операцию и руководил ею сам Колби — до того, как стал директором ЦРУ.

Весной 1975 года он пытался объяснить суть операции конгрессу, и пресса много писала об этом.

Казалось, что Бабба никогда ничего не слышал об операции. Когда я рассказал ему, он на мгновение смутился, но затем лицо его просияло.

— Хорошо, назовем ее «Каденция» [1], — сказал он, когда я уже покидал его кабинет.

В политическом плане война в Анголе была сложной, с необычным конгломератом участников. ФНЛА и УНИТА поддерживались одновременно Соединенными Штатами, Китаем, Румынией, Северной Кореей, Францией, Израилем, Западной Германией, Сенегалом, Угандой, Заиром, Замбией, Танзанией и Южной Африкой. МПЛА получала помощь от Советского Союза, Кубы, Восточной Германии, Алжира, Гвинеи и нескольких восточноевропейских стран. В течение войны происходила постоянная перетасовка среди поддерживающих стран, и в конечном счете десятки стран стали помогать МПЛА. 24 октября китайцы выключились из войны в Анголе, их советники упаковали вещи и выехали из страны, устроив перед отъездом пресс-конференцию в аэропорту Нджили.

Францию привлекал запах ангольской нефти и заирские минералы, и она стремилась принять участие в ангольских делах по традиции, так как уже на протяжении долгой истории вмешивалась в дела молодых африканских государств. Как и Соединенные Штаты, Франция видела в войне в Анголе шанс расположить к себе Мобуту. В августе руководители французских разведывательных служб встретились с заместителем директора ЦРУ Верноном Уолтерсом и получили от него обещание, что ЦРУ передаст им 250 тыс. долларов в качестве доказательства доброй воли Соединенных Штатов в Анголе. Эти деньги были переданы французам, хотя никому — возможно, даже генералу Уолтерсу — не было ясно, почему Соединенные Штаты должны доказывать Франции свою добрую волю в Анголе.

Началось сотрудничество, в ходе которого ЦРУ подробно проинформировало французскую разведку о своей ангольской программе, в то время как французы, внимательно выслушав все, не рассказали ЦРУ ничего о собственной деятельности в Анголе и Кабинде. Франция действительно выделила противотанковые ракеты «Энтак», мины для 120-мм

[1] Хотя кодированные названия выбираются условно, в данном случае имеется скрытый подтекст: в музыке термин «каденция» обозначает свободную фантазию на главные темы концерта, исполняемую солистом без сопровождения оркестра.

минометов и боеприпасы для имевшихся у Мобуту бронеавтомобилей «Панар»; она попросила ЦРУ переправить все это из Истра во Франции в Киншасу. В декабре Франция передала в дар Мобуту четыре вертолета, вооруженных ракетами, но без летчиков и технического персонала. Эти вертолеты были также доставлены в Киншасу ЦРУ.

Африканские лидеры наблюдали за рождением нового государства на своем континенте с сочувствием и ревнивым интересом. К 1975 году они на своем горьком опыте убедились, что означает соперничество между Западом и Востоком в Африке. Почти из всех африканских стран выжимались соки в результате гражданских войн, государственных переворотов, гонки вооружений и конкурирующих программ помощи, осуществлявшихся Советским Союзом, Соединенными Штатами и различными европейскими, азиатскими и латиноамериканскими странами. Они, разумеется, поддерживали освободительные движения в Анголе в их борьбе против португальского колониализма, но, когда в июле 1975 года разразилась гражданская война, большинство из них выступили за эмбарго на поставки дополнительных вооружений ангольским группировкам и возражали против внешнего вмешательства в то, что они считали чисто африканским делом.

Соединенные Штаты предпринимали широкие политические усилия, чтобы с помощью различных уловок и посул втянуть как можно больше стран в оппозицию МПЛА. Тайные агенты были направлены на конференции стран «третьего мира», в том числе на встречи в верхах неприсоединившихся стран в Шри Ланке и государств — членов Организации африканского единства в Аддис-Абебе. Американские послы по всей Африке были подключены к этой операции, но в различной степени; каждый из них получил послание, тщательно сформулированное в ЦРУ с учетом конкретных условий в данной стране и переданное через его рабочую группу в госдепартамент; все послания содержали указание использовать любые средства, чтобы настроить правительства стран пребывания против МПЛА.

Савимби причинил Соединенным Штатам некоторые неприятности в сентябре, когда направил своих представителей в МПЛА для переговоров. ЦРУ узнало об этом шаге из статьи в мировой прессе, и один из агентов в Киншасе незамедлительно допросил Савимби. Нам не нужны были «мягкие» союзники в борьбе с МПЛА. А когда 22 октября в Вашингтон прибыла делегация МПЛА, чтобы заявить о возможности дружественного отношения МПЛА к Соединенным Штатам, она была принята каким-то мелким чинов-

ником госдепартамента, который затем как бы между прочим доложил о встрече рабочей группе.

Возможны были трудности с президентом Каундой. Хотя он симпатизировал Савимби, прежде всего он беспокоился о том, как доставить свою медь к морскому побережью, а когда железная дорога, ведущая к порту Бенгела, перестала функционировать, единственной альтернативой для него оставался дорогостоящий и унизительный путь через Родезию и Южную Африку. 10 сентября он дал Савимби шестьдесят дней — до дня независимости Анголы, чтобы ввести в строй железную дорогу до Бенгелы, в противном случае он не гарантировал дальнейшее оказание помощи.

Для ЦРУ ультиматум Каунды был вызовом. Каким же образом можно впутать его в дела настолько, чтобы у него не было обратного пути? Казалось, ответ заключался в транспортировке оружия через Замбию. Каунда публично поддержал международное эмбарго на поставки оружия в Анголу, и полагали, что, если бы удалось обеспечить пролет хотя бы одного самолета с грузом оружия через воздушное пространство Замбии с разрешения Каунды, он был бы обязан продолжать оказывать помощь УНИТА — «забеременел» бы, как говорили мы в штаб-квартире ЦРУ.

Сначала африканские лидеры не знали ничего об американской программе поставок оружия: наша уловка позволяла действовать через Киншасу. Эксперты по пропаганде из ЦРУ, находившиеся в Киншасе, подсовывали сфабрикованные статьи в местные газеты «Элимо» и «Салонго». После опубликования статьи переснимались и переправлялись в центры ЦРУ в Европе, Азии и Южной Америке, где их тайно передавали завербованным журналистам из крупнейших агентств печати, которые заботились о том, чтобы большинство таких материалов появилось в мировой прессе. Подобным же образом резидентура ЦРУ в Лусаке обеспечивала непрерывный поток материалов в замбийские газеты, а затем переправляла их в крупные западноевропейские.

В Киншасе умелое перо и неистощимое воображение Рея Чайлса помогли организовать поток резких статей и провести серию хитро задуманных операций, ставших острием пропагандистских усилий ЦРУ. Например, он достал ротатор для штаб-квартиры ФНЛА в Киншасе и печатал листовки, которые сбрасывались с самолетов в самой Луанде. Первая же такая листовка была непостижимым образом уже на следующее утро передана дословно радиостанцией «Радио Луанды», контролируемой МПЛА, что вызвало взрывы хохо-

та во всех центрах ЦРУ в Европе и Африке, когда там узнали об этом.

Пропагандистская продукция, фабриковавшаяся в Лусаке, была обширной и изобретательной, хотя иногда и не внушала доверия. В конце сентября лусакские газеты стали обвинять Советский Союз в том, что его советники находятся в силах МПЛА в самой Анголе. Сначала это выглядело правдоподобным, и Лусака продолжала поддерживать эту версию. Конечно, советские советники могли находиться в Анголе, хотя у нас не было фактов, подтверждавших это. Мировая печать с готовностью подхватила сфабрикованные в Лусаке истории о советских советниках, в то время как мы в штаб-квартире с беспокойством следили за развитием событий, предпочитая, чтобы пропагандистские выдумки имели под собой хоть какую-нибудь фактическую основу. Два месяца спустя из Лусаки поступило сообщение, что при захвате Маланже силами УНИТА было взято в плен двадцать советских советников и тридцать пять кубинцев. Представители УНИТА передали эту информацию корреспонденту Дэвиду Оттоуэю, посетившему Лусаку, и 22 ноября «Вашингтон пост» опубликовала ее. В том же номере было помещено и опровержение ТАСС. Редакция газеты и не подозревала, что первое сообщение исходило от ЦРУ и что оно было ложным; ей было известно, что ТАСС является информационным органом Советов, но она не была уверена, что ТАСС говорит правду.

В действительности УНИТА не захватывала Маланже и не брала в плен советских советников. Широкий интерес в мире к этому сообщению поставил УНИТА в неловкое положение, и центр ЦРУ в Лусаке постарался спустить эту историю на тормозах.

В другой фальшивке, состряпанной в Лусаке, кубинские солдаты обвинялись в якобы совершенных ими жестокостях в Анголе. В ней упоминалось о насилиях и грабежах. Затем появились более конкретные истории, в которых говорилось о (полностью вымышленном) случае изнасилования кубинскими солдатами нескольких девушек овимбунду [1]. Позднее было сообщено, что некоторые из насильников взяты в плен и предстали перед трибуналом женщин овимбунду. Лусака повторяла эту историю бесконечное число раз в течение всей пропагандистской кампании.

Кэрил Мэрфи, писавшая из Луанды для «Вашингтон пост», рассказывала мне позже, что кубинские солдаты бы-

[1] Овимбунду — негритянское племя.

ли поголовно влюблены в Анголу и вели себя просто образцово. В единственном случае проявления зверства, который нам удалось подтвердить документально, кубинцы были жертвами, а не преступниками. Шестнадцать кубинских военнослужащих, захваченных в плен в октябре, были казнены солдатами УНИТА в конце войны.

Бабба Сандерс возвратился в штаб-квартиру вскоре после меня и начал работать над «белой книгой», которую ФНЛА могла бы представить Генеральной Ассамблее ООН. «Белая книга» — это такой документ, в котором источник, а следовательно, и возможная пристрастность не скрываются; ФНЛА с готовностью признала бы свое авторство, а роль ЦРУ осталась бы скрытой. Бабба собирал информацию из разведывательных сводок ЦРУ и дополнял ее фотографиями русских судов и оружия, сделанными журналистами, находившимися на содержании у ЦРУ и проникшими в Луанду благодаря своим пресс-карточкам. Один из переводчиков в африканском отделе ЦРУ перевел текст Баббы на «афро-французский», то есть французский с использованием идиом и выражений, которые употребляет грамотный человек в Киншасе, но не в Париже.

Подобного рода вещи приводили в восторг Поттса. Он внимательно следил за работой Баббы, расспрашивая его о подробностях на каждом служебном совещании и упорно твердя, что не следует срезать углы, что документ должен удовлетворять самым строгим стандартам. Они спорили о бумаге и шрифте, о самом тексте и о том, как его лучше разместить. Конечный продукт, собранный в небольшой папке, был изготовлен на грубой бумаге — точно такой, какую используют в типографиях Киншасы, и даже печатался на машинах, подобных установленным в тамошних типографиях. На обложке был изображен солдат, павший на поле боя в Какшито.

«Белая книга» едва сошла с печатных машин, когда в конце сентября представители ФНЛА прибыли в Нью-Йорк для работы в кулуарах Генеральной Ассамблеи. Они прибыли без всяких средств. Бабба организовал небольшую оперативную группу для руководства нашей пропагандистской операцией в ООН; группа разместилась в номере одного из отелей Манхэттена. На ежедневных встречах с делегатами ФНЛА сотрудники ЦРУ передавали им деньги и разрабатывали стратегию по мере установления контактов в ООН и в редакциях нью-йоркских газет. Они распространили «белую книгу» в ООН и передали ее в редакции газет. Они

также объездили Африку в целях распространения «белой книги», а несколько экземпляров вручили китайцам.

Представители УНИТА также прибыли в Нью-Йорк без денег, и хотя мы не подготовили для них «белой книги», сотрудники ЦРУ в Нью-Йорке снабжали их деньгами и советами. Проявив гораздо большую расторопность, чем деятели из ФНЛА, представители УНИТА начали устанавливать полезные контакты. Обе делегации обеспечивались свежей информацией. Новости и пропагандистские выпуски передавались по телеграфу непосредственно из африканских центров ЦРУ в постоянные бюро ЦРУ, расположенные в здании авиакомпании «Панамерикан» и двух близлежащих небоскребах на Третьей авеню и 42-й Восточной улице. МПЛА и Советы также проявляли активность, но в основном оборонительного характера. Хотя им удалось предотвратить открытую дискуссию по вопросу об Анголе на Генеральной Ассамблее, они не смогли воспрепятствовать проявлениям сочувствия к УНИТА и ФНЛА. Генеральный секретарь ООН Вальдхайм выразил озабоченность и объявил, что ООН направит в Анголу комиссию для выявления фактического положения дел.

На одном из служебных совещаний я высказал Поттсу свое сомнение: не рискуем ли мы, используя платных агентов для распространения пропаганды через нью-йоркскую прессу? ЦРУ недавно предостерегали против ведения операций в самих Соединенных Штатах и введения в заблуждение американской общественности. Поттса это, по-видимому, не беспокоило. «Мы ничем не рискуем, — заявил он,— пока мы можем правдоподобно утверждать, что объектом обработки являются иностранцы в ООН».

Меня не удовлетворяло отношение Поттса к ситуации в Нью-Йорке. Мне казалось, что наша пропагандистская операция втягивает нас во взрывоопасную зону.

2 октября в штаб-квартиру ЦРУ позвонили из нью-йоркского центра и сообщили, что направляют в Вашингтон на уик-энд двух представителей УНИТА для закрытых переговоров с негритянскими лидерами, чтобы те представили их влиятельным сенаторам и членам правительства. Нью-йоркский центр попросил меня встретить их и оказать им всяческое содействие. Я отказался. После телефонного разговора я зашел к Карлу, а затем к Поттсу. Они оба согласились, что представителей УНИТА надо держать в узде. Мы направили в Нью-Йорк телеграмму с напоминанием, что для агентов ЦРУ лоббизм в Соединенных Штатах запрещен.

В понедельник в штаб-квартиру прибыл агент из Нью-Йорка, и от него я узнал, к своему изумлению, что именно я «шел не в ногу». Прежде всего два представителя УНИТА все-таки провели уик-энд в Вашингтоне. Агент признал, что дал им деньги на поездку, потому что, как он утверждал, они все равно поехали бы, даже без его разрешения. К тому же они были дьявольски настойчивы. Он описывал их успехи в Нью-Йорке с заразительным энтузиазмом.

Поттс правильно оценил обстановку. Вместе с нью-йоркским агентом он нашел ловкий выход из положения, для того чтобы позволить обеим делегациям продолжить их «полезную работу» в Нью-Йорке и Вашингтоне и в то же время защитить ЦРУ от возможных нападок,— средства им будут направляться через зарубежные банки. Нью-йоркский агент сначала воспротивился этому, ссылаясь на сложность осуществления этого плана, в то время как он или кто-нибудь из его помощников могли бы вручать тайком им деньги, когда они понадобятся, скажем, по 500 долларов на каждые несколько дней. Но Поттс настаивал на своем, и, после того как агент возвратился в Нью-Йорк, оперативная группа выработала детали плана, связавшись по телеграфу с центрами в Нью-Йорке, Лусаке, Киншасе и в крупнейших столицах Европы. Обе делегации открыли банковские счета в Европе, на которые финансисты ЦРУ в европейских странах могли регулярно переводить деньги. После этого ЦРУ имело возможность достаточно убедительно утверждать, что оно не финансировало никакой пропаганды в Соединенных Штатах. В случае расследования было бы крайне трудно доказать обратное.

Это соглашение оставалось в силе до конца операции, даже после того, как сессия Генеральной Ассамблеи закончилась. Делегаты УНИТА добивались все больших успехов в Нью-Йорке и Вашингтоне. Им удалось встретиться с чиновниками госдепартамента, представителями Белого дома, конгрессменами, а также с американскими журналистами. Опекавшие делегатов УНИТА сотрудники ЦРУ принимали меры, чтобы их визиты в Вашингтон не фиксировались документально, однако о некоторых таких визитах было упомянуто в официальных памятных записках ничего не подозревавшими чиновниками госдепартамента и сотрудниками Белого дома, которым не было известно, что их посещали агенты ЦРУ. «Новости» из Анголы по-прежнему сочинялись пропагандистами ЦРУ и передавались делегатам УНИТА опекавшими их агентами.

В январе 1976 года директор ЦРУ Колби, давая показа-

ния специальной комиссии по разведке палаты представителей, заявил: «Мы предпринимаем особые меры предосторожности, чтобы наши операции были нацелены вовне, а не на Соединенные Штаты, оказывая влияние на формирование мнения американской общественности по различным вопросам с точки зрения ЦРУ». Замечательное заявление в свете того, чем занималась наша оперативная группа!

Невозможно было оценить в полной мере воздействие на Америку пропагандистов в пользу ФНЛА и УНИТА, за исключением, пожалуй, реакции тех американских граждан, которые воодушевились идеей борьбы против коммунистов в Анголе. Информационные агентства сообщали, что Рой Эннис из Конгресса расового равенства пытался завербовать тысячу добровольцев для участия в действиях ФНЛА в Анголе. Другая группа стала тренироваться в тактике действий в джунглях на одной из ферм в Северной Каролине. Авантюристы, самозваные наемники и просто неугомонные американцы начали устанавливать контакты с ФНЛА, и в конце концов некоторые из них прибыли для участия в боевых действиях в Северной Анголе, где кое-кто и сложил свою голову.

У нас были и другие каналы связи с американскими средствами массовой информации. Например, одна западноевропейская съемочная группа была направлена в Силва-Порту для подготовки фильма о войне. Созданный ею документальный фильм о кубинских солдатах, захваченных в плен Савимби, с успехом показывался по западноевропейскому телевидению. Это привлекло внимание радиостанции «Голос Америки», предложившей показать его в Соединенных Штатах. Обсудив все «за» и «против», рабочая группа решила дать согласие, и части этого фильма были показаны в одной из американских телепередач.

В другом случае один из европейских центров ЦРУ информировал штаб-квартиру ЦРУ по телеграфу, что в Вашингтон едет журналист с материалом о ФНЛА. Когда он прибыл, заместитель руководителя оперативной группы Пол Фостер тайно встретился с ним в Вашингтоне и привез написанную им статью в штаб-квартиру ЦРУ, где переводчик оперативной группы перевел ее на сносный английский. На следующий день Фостер передал перевод репортеру, и тот продал статью газете «Вашингтон пост», опубликовавшей ее.

В статье, занявшей несколько колонок, говорилось, в частности: «Суровое лицо, усы и небольшая бородка, приземистая фигура в гимнастерке в стиле Мао, суровость в манерах и замечаниях, как-то не вяжущаяся с частыми взры-

вами истинно африканского смеха, — Холден Роберто представляет собой странное сочетание военачальника и баптистского проповедника из Алабамы, но это человек, который явно вызывает почти мистическое рвение у своих подчиненных... Я задаю вопрос: «Но ведь на вашей стороне сражаются южноафриканцы?» Роберто ударяет кулаком по столу в своем штабе так сильно, что оперативные карты летят на пол. Он, кажется, полон едва сдерживаемого гнева и начинает ходить взад и вперед по комнате, заложив руки за спину. «А вы видели их здесь, в зонах, которые контролируем мы, ФНЛА? Поезжайте в штаб Савимби и поищите их там... Я утверждаю, что среди нас нет ни одного южноафриканца или родезийца!»

Сначала нам удавалось скрывать свою причастность к войне, отвлекая внимание на советскую программу поставок оружия. Однако в начале сентября в фасаде нашего прикрытия начали появляться трещины, и рабочая группа стала обсуждать, как можно исправить положение. Когда представители госдепартамента сообщили, что их ведомство получает запросы от прессы об Анголе, ЦРУ передало им документ рабочей группы за номером 18. В нем рекомендовались тактические варианты, которые можно было использовать в ходе официальных заявлений для печати: можно было отказаться от комментариев, можно было категорически отрицать всякое участие США, можно было, наконец, заявить, что Соединенные Штаты поддерживают Алворское соглашение, разрешающее трем освободительным движениям на равных правах участвовать в подготовке Анголы к независимости, но Советский Союз поставил оружие МПЛА, что привело к кровопролитным боям. Соседи Анголы озабочены тем, что Советский Союз пытается добиться господствующего положения в Анголе. Можно было бы добавить, что мы с сочувствием относимся ко всем освободительным движениям, но не поставляем оружия ни одному из них. В любом случае следует делать упор на Советский Союз, чтобы не создалось впечатления, будто мы нападаем на какое-либо освободительное движение.

Несколько дней спустя госдепартамент сообщил, что опубликовал заявление, в котором отказался подтвердить сведения, содержавшиеся в запросах прессы, и отрицал какое бы то ни было участие США: «Мы не занимаемся поставками оружия освободительным движениям в Анголе. Однако мы располагаем сведениями, что одно из этих движений, а именно МПЛА, в течение некоторого времени получает крупные партии оружия из Советского Союза. Вполне

понятно, что африканские правительства озабочены таким ходом событий, и мы разделяем эту озабоченность».

Обеспечение безопасности нашей операции на местах было достаточно надежным. Мы и наши союзники контролировали единственную дорогу, ведущую в зоны боевых действий, особенно в Силва-Порту, и могли запретить въезд в эти зоны всем, кроме нескольких избранных репортеров или тех крайне настойчивых лиц, которые были готовы следовать туда по бездорожью. Однако один европейский корреспондент, которого мы знали под именем Джермани, начал сосредоточивать внимание на Киншасе и рыскал по всему городу, обнаружив хороший нюх на источники наших историй. Центр ЦРУ в Киншасе сообщил о его присутствии в городе, и рабочая группа обсудила связанную с ним угрозу. Было бы нетрудно попросить Мобуту вышвырнуть его из страны. Но как сделать это? Джермани не был американцем. Как отважиться на отправку регистрируемых телеграмм с приказом киншасскому центру принять все меры для высылки из города аккредитованного европейского журналиста? Пресса была бы крайне возмущена, если бы об этом когда-либо стало известно. Рабочая группа тянула время, удивляясь, почему представители ЦРУ в Киншасе не додумались сами до такого решения, не дожидаясь указаний штаб-квартиры. Они ежедневно встречались с Холденом Роберто и его заместителями и легко могли подбросить им эту идею. Они могли бы встретиться с Мобуту. И не осталось бы никаких следов в виде документов. Руководители резидентур обязаны иметь нюх на подобные вещи.

Как по мановению волшебной палочки, Джермани был выдворен из Киншасы 22 ноября. Без всяких телеграмм из штаб-квартиры и памятных записок были нажаты соответствующие кнопки, проблема решена, и в документах ЦРУ не осталось никаких записей о том, как это произошло.

Между тем вести пропагандистскую войну становилось все труднее. 10 сентября, когда ФНЛА вторично отступила из Какшито, она оставила ящики с боеприпасами, свежие ярлыки на которых свидетельствовали, что они были доставлены ВВС США. МПЛА продемонстрировала эти трофеи западным журналистам, и пресса напала на наши следы. Не теряли времени даром и сами газеты. В Вашингтоне и Нью-Йорке появлялось все больше разоблачений операции «Фичер» с точными сведениями о нашей программе, нашем бюджете и даже об отдельных статьях наших расходов. «Нью-Йорк таймс», казалось, имела непосредственный доступ к планам рабочей группы, и мысль о том, что среди

нас, возможно, затесался предатель, усиливала возбужденность, царившую на заседаниях рабочей группы.

Как раз в то время, когда «Нью-Йорк таймс» подробно описывала операцию «Фичер», стало известно о присутствии в Анголе южноафриканских солдат. 22 ноября журналист Кен Бриджфилд опубликовал в «Вашингтон пост» сообщение из Лусаки о том, что в Анголе сражаются южноафриканские солдаты. В результате этого удара пропагандистская война была проиграна. Резидентура ЦРУ в Лусаке не могла придумать ничего подобного, что причинило бы противной стороне такой же ущерб, какой был нанесен нам из-за союза с ненавистным южноафриканским режимом.

Нигерия, экономический гигант Черной Африки и второй по значению поставщик нефти для Соединенных Штатов, демонстративно встала на сторону МПЛА, предоставив ей помощь в размере 20 млн. долларов. Толпа нигерийцев устроила демонстрацию перед американским посольством в Лагосе. Танзания объявила о планах подготовки солдат МПЛА на своей территории совместно с советскими специалистами. Иди Амин отказался от своего решения выдворить Советы из Уганды, а когда в конце декабря Советский Союз публично выступил в защиту своей программы помощи, Амин поддержал его. Другие страны начали признавать МПЛА в качестве законного руководства Анголы.

Фредерик Лоран и Нина Саттон

УБИЙСТВО ЭДУАРДО МОНДЛАНЕ

Предлагаемый материал взят из книги «Черный оркестр», опубликованной в 1978 г. в Париже.

В конце 60-х годов два агента «Ажинтер пресс» — Жан-Мари Лоран и Робер Леруа — были представлены дипломатам из китайского посольства в Берне как члены швейцарской народной партии (ранее именовавшейся «коммунистической партией Швейцарии» [1]). Завоевав доверие этих дипломатов своими антисоветскими настроениями, Лоран и Леруа получили возможность без труда проникать во многие африканские освободительные движения.

[1] Созданная в 60-х годах левацкая промаоистская группировка.

До того как Жан-Мари Лоран был арестован в Конго (Браззавиль), ему удалось проникнуть в освобожденные районы Анголы, контролируемые МПЛА. В Гвинее-Бисау он познакомился с лидерами ПАИГК (Африканской партии борьбы за независимость Гвинеи и Островов Зеленого Мыса), в частности с Луисом Кабралом, вместе с которым он посетил партизанскую базу в Сан-Домингу. Однако наиболее важные операции были проведены Робером Леруа против ФРЕЛИМО в Мозамбике.

В одном из докладов итальянской секретной службы в 1973 году упоминалось об операции, финансировавшейся министерством обороны и министерством иностранных дел Португалии. Операция имела кодовое наименование «Зона Лесте», а ее задачи предусматривали проникновение в Танзанию и во ФРЕЛИМО.

В документе, написанном собственноручно Робером Леруа с использованием сокращений и кодовых слов, мы находим подробности выполнявшихся им заданий в период с 5 июня 1968 года по 5 октября 1969 года. При поездках по Мозамбику и соседним странам (Танзания, Малави и Замбия), где в то время укрывались партизаны ФРЕЛИМО, он пользовался личиной прокитайски настроенного журналиста. Леруа утверждает, что брал интервью у лидеров ФРЕЛИМО Эдуардо Мондлане, Марселину душ Сантуша и Матеуша Гванжаре. Интервью с Марселину душ Сантушем было опубликовано в газете народной партии Швейцарии «Этинсель». Леруа также утверждает, что он обнаружил тайные перевалочные пункты партизан ФРЕЛИМО на границах с Танзанией, Малави и Замбией. Кроме того, он заявлял, что «отравлял» лидеров ФРЕЛИМО: Мондлане, душ Сантуша, Чиссано, Колону, Ребелу, Самору Машела, Лазару Нкавандамо, Матеуша Гванжаре и других.

Один из сотрудников итальянской разведки разъяснял: «Отравление», практиковавшееся Леруа, состояло в выдаче ложной информации лидерам ФРЕЛИМО и в создании раздоров между ними путем игры на их личном соперничестве и их личных разногласиях».

Таким образом, можно ли считать простым совпадением, что в феврале 1969 года, находясь в Танзании, Мондлане и душ Сантуш получили по бомбе в посылке? В записях Леруа, относящихся, вероятнее всего, к концу 1969 года, в рубрике «Действия» мы находим: «Мондлане уб. (УНАР) Симанго». Таким образом, Леруа считает виновным в убийстве Мондлане Симанго и УНАР — Национальный африканский союз Ромбезии.

Через несколько месяцев после убийства Мондлане Симанго, изгнанный из ФРЕЛИМО, признал, что ему было известно о готовящемся на Мондлане покушении. Другой лидер ФРЕЛИМО, Лазару Нкавандамо, арестованный в тот период, признал, что принимал участие в заговоре. Что касается УНАР, то это была организация, созданная раскольниками из ФРЕЛИМО и возглавлявшаяся Амушем Сумане, бывшим членом Центрального комитета ФРЕЛИМО.

Эта раскольническая деятельность поощрялась в середине 60-х годов богатым бизнесменом Жоржи Жардимом, который вершил делами в Мозамбике сначала при Салазаре, а потом при Каэтану; его даже прозвали «королем Мозамбика». Целью этой раскольнической деятельности было создание буферного государства между реками Рувума на границе с Танзанией и Замбези, с тем чтобы блокировать продвижение ФРЕЛИМО. Позже это государство — «Ромбезия» — должно было войти в Большое Малави согласно проекту, выдвинутому другом и сообщником Жардима, д-ром Банда.

Предварительное расследование обстоятельств убийства Мондлане, проведенное ФРЕЛИМО, дает возможность заключить, что Жардим участвовал также в подготовке этого заговора. Связывая убийство Мондлане с УНАР, настоящим хозяином которой был Жардим, Леруа, по всей видимости, подтверждает такой вывод, тем более что сейчас уже хорошо известно о связях между Жардимом и «Ажинтер пресс». Однако остается уточнить некоторые вопросы. По мнению полиции Дар-эс-Салама, бомба, убившая Мондлане, была изготовлена в Мозамбике агентами ПИДЕ — ДГС. Это было очень сложное подрывное устройство, спрятанное в книге. А нам известно о пристрастии «Ажинтер пресс» к подобного рода сложным орудиям убийства.

Кен Лоуренс

ПИДЕ И СДЕСЕ: ЗАГОВОРЫ В ГВИНЕЕ

Обширные цитаты, приводящиеся в данной статье, заимствованы из номера издаваемой в Лиссабоне газеты «Эшпрессу» от 24 января 1976 г. Статья написана в июле 1979 г. для этой книги.

Разведывательные службы европейских колониальных держав обагряли свои руки в крови задолго до того, как ЦРУ появилось на африканской сцене, и они продолжали

свою грязную работу до тех пор, пока имели влияние в какой-либо стране. Иногда из чувства мести они плели заговоры против своих бывших колоний даже после получения теми независимости.

После переворота 25 апреля 1974 года, в результате которого в Португалии был свергнут фашистский режим, в печати появились многие ранее засекреченные документы, разоблачавшие тайную деятельность колонизаторского правительства в Африке. Несомненно, самыми сенсационными из них были опубликованные журналом «Африк — Ази» в июле 1974 года секретные письма Жонаса Савимби из УНИТА португальскому военному командованию в Анголе, свидетельствовавшие об их сотрудничестве в борьбе против МПЛА (см. «Письма Савимби» в данной книге). В октябре 1975 года «Диариу ди Луанда» опубликовала адресованные Савимби письма португальского генерал-губернатора Анголы, что явилось еще одним документальным подтверждением сотрудничества УНИТА с империалистическими силами.

В январе 1976 года лиссабонская газета «Эшпрессу» опубликовала статьи и документы о тайных операциях, проводившихся совместно ПИДЕ (португальской тайной полицией) и СДЕСЕ (французской разведывательной службой). Первая из этих тайных операций «Мар Верди» («Зеленое море»), проводившаяся в 1970 году, была заговором в целях свержения Секу Туре в Гвинее-Конакри. Ее провал не смутил ПИДЕ и СДЕСЕ: они расширили свои планы, подготовив новый заговор под кодовым названием «Проект «Сафира» (сапфир).

После убийства 20 января 1973 года генерального секретаря ПАИГК Амилкара Кабрала руководитель африканского отдела ПИДЕ Барбьери Кардозу решил, что настало время нанести смертельный удар ПАИГК и повернуть вспять освободительный процесс, в результате которого уже было освобождено почти 75 процентов сельских районов Гвинеи-Бисау. В то же время специалисты по тайным операциям во Франции, жаждавшие вновь установить французский контроль над Гвинеей-Конакри, пытались в очередной раз осуществить переворот в целях свержения Секу Туре и замены его специально подобранной марионеткой, именовавшейся полковником Диалло. Общность интересов двух империалистических стран возрастала, потому что Секу Туре поддерживал ПАИГК, и они объединили свои усилия.

В общих чертах заговор ПИДЕ — СДЕСЕ состоял в следующем: при помощи двух провокаторов под кличками Падре и Анжу, пробравшихся в руководство ПАИГК, вызвать

глубокий раскол в освободительном движении, основывающийся в первую очередь на предполагаемых этнических и идеологических различиях между жителями островов Зеленого Мыса и гвинейцами. После возникновения раскола Секу Туре, вполне естественно, вступит в союз с руководством одной из группировок (жителями островов Зеленого Мыса); другие (гвинейцы) станут рассматривать его как своего врага и сплотятся против него. В одном из докладов ПИДЕ, переданном СДЕСЕ, содержится обоснование этой стратегии:

«После перехода к терроризму наметились разногласия внутри ПАИГК, вызванные различиями в расовых, культурных, личных и политических интересах. Эти разногласия усилились с начала 1972 года, когда террористы, в особенности гвинейцы, начали уставать от войны, поскольку именно они составляли ядро террористических групп, в то время как выходцы с островов Зеленого Мыса работали в штабах и на других более выгодных должностях или же получали стипендии для учебы за границей.

Это недовольство в сочетании с факторами политического характера достигло своей высшей точки в убийстве Амилкара Кабрала 20 января 1973 года, осуществленного с помощью «заговора» гвинейских террористов, о чем было своевременно доложено данному главному управлению в секретном сообщении за № 217/73-DSInf2 от 3 апреля 1973 года.

После смерти Амилкара Кабрала раскол между гвинейцами и жителями островов Зеленого Мыса углубился, и идея создания новой партии под названием «Африканская партия борьбы за независимость Гвинеи» (ПАИГ), до этого бывшая абстрактным понятием, превратилась в твердую решимость после провозглашения государства Гвинея-Бисау, причем определились две идеологические линии:

— гвинейцев, следующих за коммунистами или Секу Туре;

— прозападных или выступающих против Секу Туре элементов, которые составляли раскольническую группировку, намеревающуюся произвести «переворот» внутри ПАИГК.

В этой связи ЦРУ через одного из сотрудничающих с ним политиков имело некоторые контакты с несколькими представителями ПАИГК — гвинейцами, намеревающимися произвести «переворот» в этом движении, а затем провозгласить вторую республику.

Члены этой раскольнической группировки намереваются разработать конкретный план и осуществить эту акцию до конца года, пока независимость первой республики еще не окрепла ни внутри страны, ни в международном плане».

«Эшпрессу» отказалась опубликовать фамилии 13 членов ПАИГК и 4 высокопоставленных деятелей Республики Гвинея-Бисау, указанных в документе как участники заговора.

Начало операции было намечено на конец июня или начало июля. Одно особенно странное предположение заговорщиков заключалось в том, что провозглашение независимости Гвинеи-Бисау, свидетельствующее о значительно возросшей силе ПАИГК, достаточной для осуществления суверенной власти в стране, рассматривалось как событие, которое могло бы помочь ПИДЕ и СДЕСЕ углубить этнические противоречия.

В одном из документов ПИДЕ подводятся итоги деятельности тайных агентов, участвовавших в проекте «Сафира»:

«Вся деятельность сотрудников Падре и Анжу ориентирована на усиление противоречий среди террористов ПАИГК, на максимальное использование в наших целях антагонизмов между гвинейцами и жителями островов Зеленого Мыса.

В то же время мы вступаем в союз с различными элементами ПАИГК, для того чтобы позволить элементам ФЛНГ (Фронта национального освобождения Гвинеи) проникать в Конакри под маской членов ПАИГК для совершения диверсионных актов и, если это окажется возможным, для перехода к фазе партизанских действий, опираясь на помощь тех террористов из ПАИГК, которые готовы содействовать ФЛНГ в устранении Секу Туре.

Мы работаем по этой программе уже несколько месяцев, однако, как это характерно для африканцев, все требует много времени; поскольку всегда приходится сталкиваться со многими непредвиденными обстоятельствами, обходить трудности момента и утолять плохо скрываемые материальные аппетиты, мы признаем, что достижение ожидаемых результатов задержится на несколько месяцев. К данному моменту мы уже добились того, что можно назвать «демобилизацией» некоторых лидеров террористов и «выходом из игры» многих рядовых террористов, которые, хотя и не сдались властям, начинают либо не подчиняться приказам, исходящим из Конакри, либо оказывать пассивное сопротивление их выполнению».

Разногласия этнического и идеологического характера не были единственными политическими слабостями ПАИГК, использование которых предусматривалось упомянутым выше планом. Агенты ПИДЕ выяснили, что некоторые лидеры ПАИГК считают чисто военную победу невозможной. Агенты ПИДЕ стремились пойти на компромисс с такими лидерами, выдвигая идею урегулирования путем переговоров с

португальской колониальной администрацией. Других лидеров ПАИГК, с которыми нельзя было установить контакты такими способами, можно было бы подкупить. Между тем, пока агенты ПИДЕ пытались подорвать ПАИГК изнутри, СДЕСЕ занималась военной стороной намечавшегося государственного переворота в Конакри. Операция должна была финансироваться бразильским и западноевропейским капиталом.

В другом документе ПИДЕ, опубликованном в «Эшпрессу», показывалось, как ее агенты воспользовались отсутствием решительности у одного из лидеров ПАИГК:

«В целях осуществления проекта «Сафира» наш агент Падре вновь появился в Кунтиме. Он оставался там несколько дней для установления контактов с лидером террористов Самбой Джало, уже упоминавшимся в последнем докладе. Самба Джало несет ответственность за службы безопасности и информации ПАИГК в Северном районе, базирующиеся в Седиу, в Республике Сенегал.

Встреча с Самбой Джало состоялась 23 августа 1973 года в сенегальском городе Мадина-Альфа; были обсуждены следующие основные вопросы:

— необходимость прекращения ведущейся ПАИГК и инспирируемой Секу Туре войны против португальцев, потому что эта война не ведет к результатам, благоприятным для народа Гвинеи;

— потеря ФЛНГ (Фронт национального освобождения Гвинеи) поддержки подлинно гвинейских элементов ПАИГК в целях объединения сил для свержения Секу Туре.

Самба Джало четко определил свою позицию и позицию двух своих ближайших сотрудников, подчеркнув, что в проекте удачно сочетаются все возможности успеха, учитывая разногласия по этническим и идеологическим вопросам между лидерами ПАИГК и общее убеждение лидеров террористов, что Аристидес Перейра не справляется со своей задачей, будучи не более чем марионеткой в руках Секу Туре, который и принимает все важные решения...

Кроме того, несколько совещаний, намеченных к проведению лидерами ПАИГК, были отложены или отменены во избежание уже возникавших несколько раз стычек между соперничающими группировками, а это свидетельствует о том, что внутри ПАИГК не все благополучно; поэтому Самба Джало считает данный момент выгодным для проведения в жизнь проекта «Сафира».

Самба Джало хотел знать, существуют ли какие-либо связи между элементами ФЛНГ, базирующимися в Бисау и

Дакаре. На вопрос, чем вызван его интерес, он ответил, что ПАИГК уже получила предложение, сходное с предложением Падре, и что в нем была ссылка на Секу Туре. Предложение исходило от делегации, состоявшей из трех человек, причем один из них, канадец, предложил 20 млн. франков на обеспечение поддержки и содействия ПАИГК в перевороте в целях свержения правительства Гвинейской Республики. Следует учесть, что, по мнению Отто Чарте, ответственного за службу безопасности ПАИГК, этот канадец является агентом ЦРУ, а, как всем известно, интересы ЦРУ состоят исключительно в эксплуатации богатств страны, что порождает антипатию к американцам.

Падре утверждал, что Самба Джало показался ему энергичным и умным человеком, лично заинтересованным в свержении Секу Туре, потому что знакомство с жизнью в Республике Сенегал и Гвинейской республике убедило его: проблемы развития Гвинеи должны решаться в рамках сотрудничества, как это имеет место в случае с Сенегалом, а не как в Гвинейской республике, порвавшей связи с Францией со всеми вытекающими из этого катастрофическими последствиями для народа этой страны.

На этот пример неоднократно указывали многие члены ПАИГК, на которых производит большое впечатление тот факт, что экономика Гвинейской республики из-за радикализма ее лидеров находится в состоянии застоя, в то время как Сенегалу, несмотря на скудость почв и подпочв, удалось развить свою экономику благодаря реалистичной политике сотрудничества с Францией.

Помимо этого аспекта Самба Джало проявил живую заинтересованность в успехе данного проекта и в его скорейшем осуществлении, чтобы блокировать маневры Секу Туре, принявшего твердое решение ускорить провозглашение независимости Гвинеи-Бисау, которую он намеревается аннексировать под видом создания федерации, чтобы легальным путем ликвидировать суверенитет этой территории.

Самба Джало, являющийся племянником лидера террористов Ф., проявил готовность к дальнейшим контактам в целях осуществления проекта, пообещав сохранять полную тайну, чтобы дело не пришлось свернуть до его завершения.

Заметив, что все люди стремятся к материальному благополучию, Самба Джало указал на необходимость сочетать убеждение с подкупом, чтобы привлечь на свою сторону командиров лагерей ПАИГК, которые, по его мнению, могут сыграть незаменимую роль в осуществлении проекта, пре-

дупредив в то же время о неприятностях, которые могут возникнуть в дальнейшем.

Самба Джало посоветовал Падре не пользоваться вертолетами в качестве транспортного средства, какой бы острой ни была необходимость в быстром передвижении, потому что ПАИГК разместила в стратегических пунктах специализированные группы зенитных ракет. Самба Джало проявил готовность в ближайшем будущем предоставить лагеря ПАИГК в распоряжение ФЛНГ для подготовки ее бойцов».

В докладе СДЕСЕ от 4 апреля 1974 года были обобщены соглашения, достигнутые между французской и португальской разведками относительно получения, переброски и сбора техники; приема, транспортировки и сведения в группы личного состава; строительства учебного лагеря; создания системы радиосвязи и определения местонахождения самолета, предназначенного для переброски группы руководителей в Конакри после успешного завершения ночной атаки. В конце документа был помещен предлагаемый график подготовки операции:

«16—23 апреля:

Встреча в одной из африканских стран — гвинейцы (Гвинея-Конакри); раскольники из ПАИГК; сенегальцы; К. (Калвау); Аранья.

Разработка плана действий.

Координация действий различных лиц и групп.

22 апреля — 5 мая:

Инструктаж руководителей нашими специалистами, находящимися в готовности в Европе.

Начало мая:

Возможная встреча в Брюсселе (в любом случае — без представителей ПАИГК, участвующих в операции).

Конец мая — начало июня:

Развертывание материальной части.

Развертывание личного состава.

2-я и 3-я недели июня:

Подготовка личного состава.

Конец июня — начало июля:

Начало операции».

В отличие от других тайных операций, принесших смерть и страдания множеству людей, данная операция обошлась без жертв только потому, что она не состоялась. Через три недели после того, как СДЕСЕ составила график, фашистское правительство Португалии было свергнуто. Барбьери Кардозу из ПИДЕ бежал из страны и, по сообщению «Эш-

прессу», живет близ Парижа и оказывает услуги СДЕСЕ. Освободительные движения одержали победу. Но, как предупреждала «Эшпрессу», публикуя документы о проекте «Сафира», сеть, созданная португальской и французской разведками, несомненно продолжает существовать и может причинить большой вред в будущем.

Рене Бакманн

ИСПОВЕДЬ «ПСА ВОЙНЫ»

Это интервью, взятое французским журналистом Рене Бакманном у одного из наемников, было впервые опубликовано в «Нувель обсерватер» от 3 июля 1978 г.

От Конго до Йемена, от Биафры до Бенина, от Анголы до Коморских островов они всегда были неотъемлемой частью всех тайных войн и грязных операций. Наемные головорезы, «крестоносцы» Запада, они оправдывают свое прозвище — «псы войны». К счастью, они гораздо чаще оказываются без работы, чем бывают в бою, потому что и в бизнесе уничтожения существует своеобразная конкуренция и бывают периоды, когда спрос падает.

Завтра они могут вновь оказаться в Катанге, которая теперь называется Шабой. Сегодня пятьдесят из них свергли на Коморских островах тот самый режим, установить который они помогли три года назад. Более того, один из наемников-ветеранов, Боб Денар, участвовавший в боевых действиях в Катанге и Йемене, под именем полковника Саида Мустафы Маджу стал членом политико-военного директората, правящего страной.

Еще вчера шестьдесят завербованных Бобом Денаром в Париже и Лионе головорезов сражались в Родезии бок о бок с солдатами Яна Смита против партизан-националистов. Они нанялись за 6000 франков в месяц. В начале июня все они возвратились во Францию, потому что им платили не более 2000 франков. Французское подразделение в родезийской армии было расформировано.

Большая часть наемников, входивших в это подразделение, сейчас находится в Париже и ищет новых контрактов. Один из них — мы будем называть его Х. — рассказывает в приведенном ниже интервью кое-что о своих похождени-

ях в Родезии и разоблачает характер войны, ведущейся защитниками одного из последних бастионов белых в Африке против партизан-националистов.

Б. Расскажите для начала, почему вы согласились дать это интервью.

Х. Потому что там, в Родезии, происходили вещи, которые мне не по нутру. Быть наемником — это профессия. Быть полицейским — другая. А убивать мирных жителей — третья. Что касается меня, я верю, когда мне дают слово. Но парни Боба Денара не держат своего слова. Им наплевать на нас. Нам действительно приходилось чуть ли не платить из своего кармана. Я не прощаю таких вещей.

Б. Значит, поэтому вы и возвратились во Францию?

Х. Да. Хотя, впрочем, это не совсем точно. Когда приходится сидеть в засадах и бить прикладом в лицо людей, которые являются такими же мятежниками, как ты сам, то через некоторое время поневоле начинаешь задумываться. В глубине души я был, пожалуй, скорее на стороне этих людей, чем на стороне белых родезийцев.

Б. Значит, для вас с этим покончено?

Х. С Родезией и Денаром — да. А с войной — нет. Тут дело иное. Я просто не умею ничего другого. А кроме того, в Париже, если говорить откровенно, ничего не происходит. Конечно, я могу найти какую-нибудь случайную работу за 2500 или 3000 франков, но меня это не интересует. Я не хочу заниматься нудными делами в двадцать шесть лет. Поэтому, если кто-нибудь предложит мне новое дело, я безусловно соглашусь. Ведь всегда что-нибудь готовится, а мы знаем друг друга и быстро узнаем, где идет заварушка.

Б. Как вас завербовали в Родезию?

Х. Я служил в армии и как раз закончил четвертый год службы в парашютном полку 11-й дивизии легкой пехоты. Это был 6-й парашютный полк морской пехоты. Мне не хотелось проходить курсы, чтобы стать унтер-офицером. Я не люблю учиться на курсах и сдавать экзамены. И я не хотел быть всю жизнь простым солдатом или унтер-офицером. Поэтому я расстался с армией и перебивался случайными заработками. Я работал в частных компаниях, занимающихся обеспечением безопасности. Работал в качестве телохранителя в политических партиях, находящихся у власти.

Знаете, после службы в парашютных частях сразу же попадаешь по рекомендации некоторых офицеров к старым друзьям, к ветеранам. Мы все оказываемся в конечном счете в одних и тех же местах. Несколько моих друзей, уволившихся из армии примерно в то же время, что и я, были те-

лохранителями Жискара в 1974 году (во время президентских выборов).

Меня завербовали в ноябре 1977 года. Я искал работу и говорил об этом всем. Тогда со мной и связался один парень, как и я, бывший парашютист. Он работал на Боба Денара. Он сказал мне, что кое-что наклевывается и что мне надо встретиться с заместителем Денара, Роже Б., ветераном Иностранного легиона, воевавшим в Индокитае. В то время Роже Б. работал в компании, специализировавшейся на зарубежном бизнесе; ее контора находилась на улице Башомон во втором округе Парижа.

Он назначил встречу в ресторанчике около Бастилии, хозяином которого был корсиканец по имени Ксавье, также из парашютистов, воевавших в Индокитае. Я пришел, Роже Б. сказал мне: «Мы подрядились сделать кое-что в Индийском океане, но вербовка уже закончена. Тебе не повезло, потому что там было по 10 тыс. франков на брата и постоянная работа. Но, если хочешь, я подыщу тебе что-нибудь. Во всяком случае это будет хорошая тренировка для дальнейшего». Он дал мне номер телефона и имя: Мишель Д.

Я связался с Мишелем Д. Тот прямо и откровенно рассказал о характере работы, о деньгах говорил меньше. Раньше он был наемником в Анголе, воевал за УНИТА. Он сказал, что работа заключается в службе во французском подразделении родезийской армии. Оклад должен был составлять от 800 до 1000 родезийских долларов в месяц в зависимости от семейного положения (примерно 5600—7000 франков в месяц). Каждому сразу же начисляют три года выслуги независимо от звания, которое ты имел во французской армии. Кроме того, предполагалось, что будет денежная надбавка за участие в боевых операциях.

В действительности же — и это одна из причин того, что дело обернулось плохо, — мы получали не более 245 родезийских долларов в месяц (примерно 1700 франков), и даже эта сумма выплачивалась нам в неконвертируемых родезийских долларах.

А работа наша заключалась в следующем: «очень агрессивные» операции на восточном фронте, вдоль границы с Мозамбиком, иногда даже с проникновением на мозамбикскую территорию. Предполагалось, что из нас составят французский батальон, но людей никогда не набиралось и на роту, потому что было нас около шестидесяти.

Б. И каждый в этом батальоне был завербован таким же образом, как и вы?

Х. Нет, не совсем так. Часть была завербована с помощью объявлений в газетах. В октябре 1977 года «Франс суар» опубликовала объявление о «перспективной работе за границей»; приглашались кандидаты «не моложе 22 лет, предпочтительно из бывших унтер-офицеров».

В объявлении указывался номер телефона. Это был телефон группы владельцев крупного комплекса жилых домов в пятнадцатом округе Парижа, близ Версальских ворот. В действительности же, позвонив по этому номеру, вы попадали на начальника охраны этого комплекса. Это был Мишель Д., участник войны в Анголе. В Лионе репортеры «Пуэн дю жур» провели расследование после того, как в «Прогре» 17 ноября появилось подобное объявление. Они дознались, какие предложения делал вербовщик, и это заставило срочно перенести деятельность всей сети в Швейцарию. Между прочим, я тоже уезжал через Швейцарию.

Наконец, была третья группа, осуществлявшая вербовку через ассоциацию парашютистов-ветеранов. Это ассоциация, которая организует торжественный обед в день святого Михаила — покровителя парашютистов и помогает ветеранам поддерживать связи между собой. В здании ассоциации есть кафетерий, где можно поесть, поговорить о прошлом и услышать последние новости. В ассоциации есть картотека членов, в которой роются, когда какой-нибудь «друг» ищет парней, не боящихся пальбы, для избирательных кампаний или штрейкбрехерства.

Б. Вам нужны были визы или паспорта?

Х. Все шло очень гладко. Мишель Д. получил визы для нас в посольстве ЮАР через сутки. Он был знаком с одним из сотрудников посольства, поэтому все делалось быстро. Я доехал до Цюриха поездом, а оттуда мы вылетели на самолете южноафриканской авиакомпании. Билеты, купленные для нас Мишелем Д. в Швейцарии, были оформлены таким образом, что мы не могли перепродать их или получить обратно деньги. Так мы попали в Йоханнесбург, а оттуда полетели в Солсбери.

В аэропорту нас ждали военные машины. Они принадлежали 1-му полку легкой пехоты. Нас отвезли на полковую базу в Крэмборне, расположенную между аэропортом и городом. Это была огромная база, отделенная от дороги полосой деревьев, скрывавших здания.

Я помню наш приезд туда, как будто это было вчера. На воротах, рядом с забором, была большая полковая эмблема: голова носорога; немного дальше стоял китайский тяжелый пулемет, захваченный у партизан и тщательно вы-

крашенный в черный цвет. Центральная аллея — широкая и безупречно чистая. Справа от нее находились полицейский участок, гауптвахта, места для стоянки грузовиков и танков; слева — различные жилые здания и бассейн. Все содержалось в идеальном порядке. Далее было расположено огромное учебное поле. За ним высились казармы для коммандос 1-го полка легкой пехоты, в каждой казарме размещалась одна группа.

Все проезды были обсажены деревьями. В лагере имелись большие футбольные поля, стрельбища, учебные городки с макетами фюзеляжей вертолетов, на которых нас учили, как надо выпрыгивать при высадке. Штыковому бою нас обучали на чучелах. Казармы для французов располагались в дальнем углу лагеря. Они были самыми грязными. В каждой казарме — пятнадцать коек, никаких противомоскитных сеток и минимум удобств. Некоторые из нас вывесили французские флаги.

На следующий день нам выдали обмундирование: два комплекта маскировочных костюмов, теплую длинную куртку, снаряжение, магазины с патронами, три пары сапог, спортивный костюм, нижнее белье, свитер, куртку на теплой подкладке, две пилотки. Никаких стальных шлемов. Их нам выдали позже. Они выглядели точно так же, как французские, но я не обнаружил на них никаких маркировок. Еще нам выдали по справочнику — своего рода наставление по ориентированию в буше[1], по бельгийскому автомату FAC, а также краску и приказали в целях маскировки нанести зеленые полосы на автоматах и сапогах из брезента с совершенно плоскими резиновыми подошвами. Мы должны были маскироваться. Нам выдали и по берету — это были зеленые береты, похожие на береты родезийских солдат, но под родезийской эмблемой прятался небольшой ромб с полосками цветов французского флага — красной, белой и синей. Затем мы очень быстро прошли медицинский осмотр и в течение двух-трех дней бегали трусцой или играли в спортивные игры, чтобы войти в форму.

Б. Ваши офицеры также были французами?

Х. Да. Или вроде того... Те, кто прибыл в первой партии, за несколько месяцев до нас, называли себя офицерами, даже если в действительности имели тот же чин, что и я. Таким образом, за офицеров у нас были парни, которые иногда не умели даже читать карту, а настоящие офицеры и унтерофицеры служили рядовыми солдатами. Наше подразделе-

[1] Буш — местность, сплошь заросшая густым кустарником.

ние состояло из наемников-ветеранов. Большая часть наших командиров, по крайней мере человек двенадцать, воевали в Анголе; другие участвовали в провалившемся вторжении в Бенин вместе с Бобом Денаром. В Родезии служили многие из тех, кто был в Бенине.

Заправляли делами в подразделении майор Лавиола и майор Лассомсьон. Лавиола — бывший унтер-офицер из 2-го парашютного полка Иностранного легиона. У него куча друзей в Национальном фронте (крайне правая партия во Франции). Когда он приезжает в Париж, то часто останавливается у писателя, который иногда пишет для «Минют» (французское крайне правое издание), а живет неподалеку от площади Этуаль. Майор Лассомсьон — бывший унтер-офицер 11-й «ударной» (части, выполняющей грязную работу по заданиям СДЕСЕ). Он был наемником в нескольких африканских странах. До приезда в Родезию служил в охране президента Габона Бонго.

Были еще майор Бесси, также воевавший в Анголе (теоретически он отвечал за организацию офицерской школы), лейтенант Боннерик, ответственный за административные вопросы, капитан Туми, выходец из Вест-Индии и старый друг Денара, воевавший в Конго и участвовавший в первом перевороте на Коморских островах. Он был заместителем командира французского подразделения и первым чернокожим офицером в родезийской армии. Кроме того, были лейтенант Фурнье и сержант Линар.

Б. А рядовые?

Х. Всяких было понемногу. Некоторые оказались там потому, что во Франции их искали за грабежи. Другие, вроде меня, попали туда просто потому, что не умели ничего, кроме как прыгать с парашютом и выполнять приказы, и им это нравилось. Были, наконец, и такие, кто будто совершал «крестовый» поход. Там было много активистов Национального фронта; некоторые из них побывали до этого в Ливане, где сражались бок о бок с фалангистами. Все они рвались в Родезию убивать коммунистов и чернокожих.

Средний возраст сравнительно молодой, около 25 лет. Некоторые прежде были парашютистами или членами Иностранного легиона. Большая же часть подразделения состояла из парней, не имевших никакого военного опыта. Кое-кто работал до этого в лионском агентстве безопасности. Они носили майки с эмблемой этого агентства, где помощником директора был отставной комиссар полиции Жавийи.

Вообще на этой базе по крайней мере 60 процентов солдат были иностранцами. Португальцы из Анголы и Мозам-

бика, новозеландцы, австралийцы, англичане, а также американцы, воевавшие во Вьетнаме. Американцы были не особенно довольны. Они привыкли воевать в лучших условиях, с постоянным прикрытием с воздуха и с гораздо лучшим материально-техническим обеспечением, чем в родезийской армии. Много было южноафриканцев. Я узнал, что южноафриканцы могли отбыть срок военной службы, сражаясь в Родезии. Но их не свели в одно подразделение, а разбросали по разным. Только французы были объединены в отдельное формирование с собственным командованием.

Мы пробыли на базе в Крэмборне пару дней, когда в лагерь с передовой базы возвратилась большая группа французских солдат. Они пришли в лагерь в основном для того, чтобы разобраться с выплатой денег. А позже мы выехали из лагеря вместе с ними.

Перед отъездом нас выстроили в колонну по четыре, и мы выслушали краткую речь майора Лавиолы: «Хотя сейчас вы служите в родезийской армии, вы французы и в боях, ведущихся здесь против международного коммунизма, представляете Францию. Вы здесь не из-за денег...» И так далее в том же духе. В конце речи он сказал: «Сейчас мы выезжаем. Будет нелегко, сами увидите. Придется стиснуть зубы и держаться. А теперь — по машинам!»

Для нас были поданы грузовики «мерседес» родезийской армии. Эти грузовики показались оскорблением для наемников с опытом, потому что только наше подразделение не имело «крокодилов».

Б. Крокодилов?

Х. «Крокодил» — это противоминная машина, изобретенная родезийцами. Угроза подорваться на минах преследовала нас постоянно. Очень много машин действительно подрывалось. Мы без конца слышали разговоры об этом. Поэтому родезийцы изобрели и начали выпускать специальную машину. У нее приподнятая рама грузовика «мерседес», защищенная снизу двумя бронеплитами, расположенными в виде буквы V. Это снижает эффект взрыва и направляет осколки в сторону от грузовика. Борта прикрыты бронеплитами, не пробиваемыми автоматными пулями. Хотя и несовершенная, но достаточно надежная машина.

У французов были только обычные грузовики «мерседес». На полу кузова в них укладывали двумя рядами мешки с песком. Чтобы нас не выбросило из машины при взрыве, мы привязывались ремнями к расположенной посередине скамье, на которой и сидели, спина к спине, человек по пятнадцать в машине.

Мы ехали часа четыре или, может быть, пять в северо-восточном направлении. Мы рассматривали окрестности и фотографировали все, что привлекало внимание, — почти как туристы. В Мтоко, где находилась наша оперативная база, нас разместили в еще худших казармах, чем в Крэмборне,— это были бараки из листового железа. Кроме нас там дислоцировались родезийские резервные подразделения, которые постоянно прибывали и убывали. Смена подразделений в этом секторе происходила очень быстро. Кормили нас очень плохо. В Крэмборне почти все повара были португальцы, и готовили они неважно, но в Мтоко... Там поваром числился французский унтер-офицер, ни на что не способный. Говорят, сейчас он на острове Реюньон, открыл закусочную...

Два или три дня мы занимались боевой подготовкой — стреляли из автоматов FAL и пулеметов MAG. Затем отправились на задание. Нас разбили на отделения, каждому отделению выделили сектор. Это происходило в непосредственной близости от границы с Мозамбиком. Местность была очень гористая. Нами командовал капрал. Мы двигались без какой-либо определенной цели, просто выполняя приказы командира. Но инструкции перед выходом на задание давались очень четкие: всегда держи автомат наготове, бери с собой столько патронов, сколько можешь нести, имей при себе гранаты без всяких маркировок, но с наружной насечкой — такой, которая запрещена Женевской конвенцией. Ну, и мины «клеймор».

Б. Что это за мины?

Х. Это противопехотные осколочные мины. Каждая содержит семьсот крохотных стальных шариков, разлетающихся в секторе шириной в 60 градусов, когда она взрывается. Они обычно убивают на расстоянии до 25 ярдов, а ранить могут на расстоянии до 75 ярдов. Эти мины весят немного, их легко транспортировать, они очень удобны в обращении, и, кроме того, их можно соединять между собой. Мы устанавливали их практически всюду, а брать могли столько, сколько хотели.

Во время первой вылазки мы оставались в буше четыре дня. Нам повезло, потому что мы имели с собой продовольствия как раз на четыре дня. Я говорю, что нам повезло, потому что очень часто подразделения, выходившие на задание на четыре дня, оставались вне базы по шесть и более дней, так как родезийское командование не давало приказа на возвращение, а только оно обладало такими полномочиями. Мы обязаны были постоянно слушать сообщения по военной радиосети, чтобы знать, что происходит вокруг

и как проходят другие операции в секторе. Большинство радистов в нашем подразделении были мавританцы, поэтому они говорили на двух языках — английском и французском.

Эти рутинные действия продолжались довольно долго: никаких настоящих засад, никаких перестрелок. Иногда мы выполняли полицейские функции. Получив информацию от специальной службы — армейской разведки, мы окружали какую-нибудь деревню. Затем сгоняли женщин и детей в одну сторону, мужчин — в другую. Потом начинали обыскивать все хижины. Часто находили листовки освободительных движений: на одной стороне текст был на английском, на другой — на языке шона или матабеле. Иногда даже попадались мелкие мозамбикские деньги. Тех, в чьих хижинах находили что-либо, рассматривали как потенциальных террористов или их сообщников и арестовывали. Мне не особенно нравились эти операции. Воевать — это одно дело, а избивать бедняг прикладами или силой разгонять их — совсем другое. Подозреваемых в терроризме передавали специальной службе, и там их заставляли говорить, используя все методы — пытки электричеством, поджаривание ног на огне и тому подобное. Вы можете это себе представить...

Б. Вы помните первую перестрелку, в которой участвовали?

Х. Это было в конце нашего первого срока пребывания в буше. В принципе мы должны были проводить шесть недель в буше и две недели в Солсбери. Кажется, это произошло на пятой неделе. Мы выехали из Мтоко на грузовиках, как обычно, и направились к границе с Мозамбиком. В одном месте, в горах, над дорогой возвышается двадцатиметровая скала. Командир, стоя в грузовике, сказал нам: «Смотрите в оба! Если на нас нападут, то только здесь». Наши парни, смеясь, показывали друг другу на скалы. Первая пулеметная очередь прошила грудь водителю. Он умер мгновенно. В командира не попали чудом. Грузовик остановился как раз посреди дороги. Были ранены восемь человек, сидевшие за спиной водителя, вдоль линии огня. Истекая кровью, они вопили и стонали. Началась паника. Каждый думал, где бы укрыться, а не о том, чтобы открыть ответный огонь. Второй грузовик, следовавший за нами метрах в ста, по приказу лейтенанта Фурнье остановился. По правилам эти парни должны были немедленно выскочить из грузовика, броситься на скалу и попытаться вступить в бой с террористами. Но они этого не сделали. Между тем террористы, укрывшиеся за скалой, продолжали обстреливать нас. К счастью, они плохо устанавливали предохранительные

кольца на минах, которыми засыпали нас. Потом мы подобрали четыре мины с предохранительными кольцами в положении «невзрыв». Если бы не это, я сейчас не разговаривал бы с вами.

Мы ждали приказов. Если бы у нас были опытные офицеры, то приказы звучали бы коротко и четко. Не думаю, что в этом случае наши парни прятались бы. Когда нападавшие расстреляли все патроны, они начали выходить из боя. Подбежали солдаты со второго грузовика и двинулись в направлении позиции противника. Они не стали преследовать нападавших, потому что боялись попасть во вторую засаду или наткнуться на мины, поставленные противником.

Мы обнаружили большое количество гильз калибра 7,62 мм и дисковые магазины на 150 патронов. На всех стояли китайские маркировки. Почти все трофейное оружие, захваченное на восточном фронте вдоль границы с Мозамбиком, было китайского происхождения.

Позже я узнал, что такой способ нападения был обычной тактикой партизан. Устраивают засаду, расстреливают имеющиеся патроны и исчезают. В случае, о котором я рассказал, нас было по пятнадцать на каждую машину, а их около двадцати, но они были хорошо вооружены и занимали выгодную позицию. Они могли бы перестрелять нас, как куропаток. Однако они к этому не стремились. Они вообще не старались получить немедленные результаты во что бы то ни стало. Они предпочитают вести беспокоящие действия, а затем исчезают. Вопреки тому, что нам говорили, я считаю их боевой потенциал очень высоким. Гораздо выше, чем нам пытались вдолбить в головы. И я уверен, что он повышается. Чего они особенно боятся, так это вертолетов.

Б. Почему?

Х. Потому, что эти вертолеты — французские «Алуэт-III» — вооружены 12,7-мм и 7,62-мм пулеметами. В борьбе с партизанами они невероятно эффективны. Ну и потому, что на вертолетах привозят разведчиков-селу, которые умело выслеживают террористов, иногда берут их в плен или находят их тайные склады оружия. В нашем случае вертолеты прибыли через час, и им оставалось лишь эвакуировать раненых. Террористы имели возможность скрыться. Обычно вертолеты прибывают намного быстрее. Вдоль границы и повсюду в том районе есть небольшие площадки, на которых стоят по одному-два вертолета, готовых вылететь в считанные минуты. В принципе они могут достигнуть любой точки менее чем за час.

Б. А почему так боятся разведчиков-селу?

Х. Они из подразделения специального назначения и проходят очень сложную подготовку. Изучают обычаи различных племен, их диалекты, поведение. Много времени уделяется овладению приемами рукопашного боя, способами выживания в безлюдной местности, тактикой борьбы с партизанами. Это смешанное подразделение, в нем есть и чернокожие и белые. Они умеют, например, наблюдая за женщинами, идущими по воду к ручью или роднику, определить, не скрывается ли в деревне кто-нибудь посторонний. Есть даже один разведчик-селу из французов, его зовут Жан-Мишель. Он пробыл в Родезии более четырех лет. На долю разведчиков-селу приходится большая часть захватов. Но о них мало что известно. Сами они ничего о себе не рассказывают. Мы даже не знаем, где размещаются их базы. Когда возникает потребность в них, их привозят на вертолетах «Алуэт» или на самолетах ДС-3. За все время пребывания в Мтоко я так и не узнал, где их база в этом районе.

Б. У вас не сложилось впечатление, что родезийская армия хорошо вооружена и хорошо обучена действиям против партизан?

Х. В этом нет и тени сомнения. Она оснащена легкой, но очень эффективной техникой. «Крокодилы», бронеавтомобили «Эланд» (французские бронеавтомобили «Панар», производящиеся в ЮАР), английская бронемашина «Феррет», вертолеты «Алуэт», самолеты поддержки «Чессна» (производящиеся в Реймсе во Франции), самолеты «Дакота» и «Канберра». Во время одной из операций я видел реактивные самолеты с треугольным крылом — я почти уверен, что это были французские самолеты «Мираж». Мне не удалось рассмотреть, какие на них опознавательные знаки — родезийские или южноафриканские. Во всяком случае, они поддерживали с воздуха родезийские войска.

Армия вполне надежна и хорошо обучена. Но в Родезии в армию мобилизовали так много людей, что там вряд ли остались гражданские, кроме, пожалуй, иностранцев и стариков. Каждый родезиец либо участвует в боевых действиях, либо служит в резервных частях или полиции. Общий уровень подготовки весьма высок, и требования очень жесткие. Их парашютисты, например, в боевых условиях прыгают с высоты 150 метров. Во Франции мы прыгали с высоты 250—300 метров. Чтобы стать парашютистом, необходимо сдать экзамен по родезийским стандартам; документы, выданные во Франции, не принимаются во внимание. Более того, в отличие от нас они прыгают с оружием в руках в готовности открыть огонь; у нас же во Франции, когда мы прыга-

ем, автомат висит под тобой на длинном ремне, пока не коснешься земли. Но они понапрасну теряют много парней... Родезийская армия находится на чрезвычайном положении уже пять лет. Их ударные войска, скажем разведчики-селу, 1-й полк легкой пехоты или САС, действуют отлично.

Б. А какова роль САС?

Х. Специальная авиационная служба — очень своеобразная часть, которая используется сейчас почти исключительно для действий на территории Мозамбика. Как правило, солдат этой службы сбрасывают с самолетов ночью, с большой высоты, точно в указанную точку для выполнения диверсионных заданий. Позже их подбирают, например с помощью вертолетов. Высшее командование настолько ценит их, что однажды направило в Мозамбик самолет, чтобы вывезти диверсионную группу. Самолет приземлился на одной из дорог, а затем взлетел с нее. Летчик был американец, за этот вылет он получил орден. Солдаты САС проходят очень жесткий курс подготовки, после которого длительное время стажируются, принимая непосредственное участие в боях.

Б. А вы сами участвовали в рейдах в Мозамбик?

Х. Нет, однако планировалось, что наша группа будет участвовать в операциях такого рода. Те, кто прибыл в Родезию раньше нас, рассказывали, что участвовали в рейде на город Шимойо в Мозамбике. Они говорили нам, что открывали огонь по всему живому, что попадалось на глаза. А родезийские власти всегда утверждали, что эта операция была крупным поражением для террористов. Но кровавая расправа была учинена в первую очередь над гражданским населением: захваченного оружия не хватило бы даже на треть всех убитых и раненых там! С этой операции они возвратились пешим порядком через буш. Принесли с собой некоторое количество китайских автоматов и другого легкого оружия. Специальные родезийские подразделения были оставлены позади, чтобы прикрыть их отход и задержать мозамбиканцев.

Б. Говорят, что разведчики-селу иногда совершают жестокие террористические налеты на родезийской территории, которые затем приписываются партизанам?

Х. Верно. Мне действительно рассказывали об операциях, когда разведчики-селу, действуя под видом мозамбикских солдат или партизан, нападали на деревни и путешественников или убивали священников, что очень не нравится большинству местного населения. Родезийцы специализируются на этом. Они хорошо разбираются в психологической войне и считают, что одна из их задач состоит в дискреди-

тации террористов среди населения. Они также считают, что интересы обороны родезийской территории дают им законные основания для нападений на Мозамбик, поскольку он помогает партизанам ЗАНУ.

Б. Что можно сказать о духе родезийской армии?

Х. Прежде всего, исключительная настороженность. Приказы просты: любые лица, обнаруженные в неположенном месте, должны быть немедленно «нейтрализованы». На мозамбикской границе, у минного поля, ты обязан стрелять в любого, кого увидишь. И приказы выполняются пунктуально. Среди французов было несколько таких, кто к приказам добавлял и кое-что от себя. Например, на базе в Мтоко были пленные, которых мы заставляли работать вместо себя. Так, парни из Национального фронта, например, часто избивали пленных прикладами. Я даже помню случай, когда родезийский офицер потребовал от одного француза, чтобы тот немного успокоился.

Б. Что характерно для настроений людей, живущих в буше?

Х. Страх, как только появляются родезийские солдаты. Этот страх, по существу, постоянен. Не каждый, разумеется, полностью поддерживает партизан. Степень сочувствия, на которое могут рассчитывать партизаны, колеблется от племени к племени, а также в зависимости от позиции вождей. Но все без исключения боятся родезийских солдат.

Знаете, родезийцы сгоняют все больше и больше людей, живущих в буше, в так называемые защищенные деревни. Это огромные лагеря, обнесенные колючей проволокой и охраняемые военными. По официальным заявлениям, подобная система используется для защиты сельских жителей. Но в действительности это делается, чтобы воспрепятствовать проникновению партизан и установлению контактов между ними и населением. Крестьяне могут выходить днем из этих лагерей, чтобы работать на своих полях, но обязаны возвратиться до наступления темноты. Их хижины обыскиваются часто, можно даже сказать, систематически. Повсюду рыщут полицейские и солдаты. И таких деревень появляется все больше и больше. В секторе, где я находился, их было пятнадцать. В каждой жило несколько сот человек.

Б. А каковы настроения белых родезийцев?

Х. Многие из них уезжают из страны. Особенно те, у кого есть немного денег. Другие готовятся продать свою шкуру подороже. Они вооружены до зубов. В Солсбери их можно увидеть на улице с кольтом у пояса и с американским карабином на плече. В автомашине они держат автомат

на коленях. У них, казалось бы, железная воля, но я не думаю, что дела их так уж хороши. Нужно просто вспомнить, какой жизнью они живут. Страна находится на осадном положении. Чтобы выехать из Солсбери, необходимо ждать конвоя, идущего по расписанию. Обычно бывает два конвоя в день, их сопровождают бронированные «лендроверы» или вооруженные грузовики «лейланд». Все гражданское население вооружено. На крупных фермах есть охрана из бывших военнослужащих, которых вербуют в Родезии или в Европе. У каждого охранника в подчинении три-четыре африканца. Небольшие фермы, расположенные слишком далеко от городов, охраняют сами владельцы. Все они связаны по радио с дежурным центром, и фермеры имеют право закупать в больших количествах огнестрельное оружие и боеприпасы.

И все-таки «зона отсутствия безопасности» очень обширна. Сельская местность становится небезопасной, стоит только отъехать от военной базы. Родезийцы не любят говорить об этом, но нападения террористов происходят и в двух милях от Солсбери. Когда я был там, несколько человек погибло во время нападения партизан в 25 милях от Солсбери. Говорят, если судить по захваченным тайным складам оружия, в окрестностях Солсбери действуют тысяч восемь террористов.

В самом Солсбери обстановка тяжелая. Время от времени полиция окружает и полностью занимает какой-нибудь квартал в районе, где живут чернокожие — нам не рекомендовалось заходить туда, — после чего начинает обыскивать дом за домом. Часто находят оружие. Известно, что в сельской местности каждую группу террористов возглавляет политический комиссар, которому одному известно, где находится тайный склад оружия. В тайнике хранится не более шести-семи единиц оружия — во избежание «несчастных случаев».

Я нередко слышал, что у чернокожих Родезии самый высокий уровень жизни во всей Африке. Это весьма сомнительно. Но я считаю, что немало из них согласились бы жить хуже, лишь бы с ними не обращались так плохо. Их постоянно называют «обезьянами»; чтобы оскорбить их, используется любой предлог. Если слуга недостаточно ловок, расторопен, он — «обезьяна». Каждую машину, управляемую чернокожим, останавливают и тщательно обыскивают, в то время как белые проезжают через полицейские заслоны, как будто их вовсе не существует. Отдельных туалетов и автобусов для белых и черных нет, но живут они полностью

раздельно. Это самый настоящий апартеид в действии. Учитывая все, что я видел, и боевой настрой партизан, я считаю, что родезийцы получают то, что заслужили.

Б. Считаете ли вы эффективными минные поля между Родезией и Мозамбиком?

Х. Нет, мины там установлены очень редко. Родезийцы этими минными полями пытаются ограничить проникновение партизан из Мозамбика и в то же время воспрепятствовать бегству крестьян из Родезии. Считается, что 15 процентов покидающих страну возвращаются уже в качестве партизан.

Б. Верно ли, что в Родезии много португальцев из Анголы и Мозамбика?

Х. Да. В Родезии немало португальцев, особенно в армии. Но их очень не любят. К ним относятся чуть лучше, чем к чернокожим. Родезийцы не любят их прежде всего потому, что они потеряли свои колонии, а также потому, что они слишком тесно общались с африканцами и даже породили значительную группу населения — мулатов. В Родезии мулатов почти нет.

Б. А как относились к вам?

Х. Неплохо. В глазах родезийцев мы добровольцы, прибывшие оказать им помощь в справедливом деле. Они не знали, что нам обещали и что мы в действительности получали. В военном отношении успехи французского подразделения вовсе не были фантастическими. Наши парни возмущались, что их обманули с выплатой денег. Многие заявляли об этом во всеуслышание. Были даже случаи, когда они угрожали применить оружие. Зачинщиков посадили на гауптвахту за неповиновение. Фактически, получая 245 родезийских долларов (1700 франков) в месяц, мы могли жить вполне прилично, потому что только две недели из шести проводили в Солсбери. Обычно все встречались в отеле «Элизабет», где хозяином был бельгиец по имени Франсуа, имевший жену-мулатку. Жизнь протекала в строгом порядке: буш, партизаны, бассейн, женщины, пища, снова буш. На это нам хватало наших 245 родезийских долларов, точнее, 255 с надбавкой за службу в подразделении специального назначения. У тех, кто хотел остаться, денежное содержание не облагалось налогом в течение первых двух лет. Но с нас взимали плату за пользование спальными помещениями, когда мы прибывали на отдых в Крэмборн, хотя мы не оставались там и минуты, побывав у казначея. Мы очень редко говорили на политические темы между собой или с родезийцами. Нас практически не информировали, как обстоят дела с попыт-

кой сформировать правительство с участием умеренных африканских националистических движений.

Б. Не думали ли некоторые из вас поселиться в Родезии?

Х. Да, несколько человек говорили об этом. Некоторые даже вызвали жен и купили автомобили. В Родезии можно приобрести прекрасный «ягуар» старой модели. Все там стоит довольно дорого, и автомобили обычно продаются старых моделей, за исключением «мерседесов». Витрины магазинов забиты старыми вещами, как будто все, что попадает в Солсбери, устарело на три-четыре года. Это относится и к бытовым приборам, и к радиоприемникам, и к стереофоническим системам.

Некоторые из нас подумывали о службе в УНИТА в Анголе. В отеле «Амбассадор» в Солсбери был человек от этой группировки. Другие хотели уехать в Южную Африку. Я даже сохранил адрес официального вербовщика южноафриканской армии: Йоханнесбург, Кэркби-стрит, Саут-Порт, 808, бригадный генерал В. Р. Йордан.

Б. Что вы собираетесь делать теперь?

Х. Говорят, что Мобуту вербует людей для Шабы. Но я слышал, он предлагает смехотворно низкую плату. Если он передумает, поеду туда. Слышал также, что есть работа в Индийском океане. Кажется, после событий на Коморских островах что-то готовится на Сейшелах.

Сеймур Херш

ЦРУ ПОМОГАЛО ЗАГОВОРЩИКАМ, СВЕРГШИМ НКРУМУ В ГАНЕ

Сеймур Херш, бывший корреспондент «Нью-Йорк таймс», в настоящее время работает над книгой о Генри Киссинджере. Эта статья была впервые опубликована в «Нью-Йорк таймс» 9 мая 1978 г.

Как стало известно вчера непосредственно из источников в разведывательных ведомствах, Центральное разведывательное управление консультировало и поддерживало группу инакомыслящих армейских офицеров, свергших режим президента Нкрумы в Гане в феврале 1966 года.

Согласно этим источникам, участие ЦРУ в этом перевороте не было предварительно одобрено высокопоставленной межведомственной группой в Вашингтоне, осуществляющей контроль за тайными операциями этого управления. Эта группа, которая была известна в 1966 году как «комитет 303», отклонила ранее просьбу ЦРУ одобрить заговор против Нкрумы, вызвавшего недовольство Соединенных Штатов своими тесными связями с Советским Союзом и Китаем.

Хотя деятельность ЦРУ в течение двенадцати лет, прошедших со времени свержения Нкрумы, неоднократно подвергалась расследованиям, до сих пор общественности не было ничего известно о роли ЦРУ в этом перевороте.

Незадолго до свержения Нкрумы, по данным источников, руководитель резидентуры ЦРУ в столице Ганы Аккре запросил у вышестоящего руководства разрешение на развертывание небольшого отряда из специалистов по полувоенным действиям — членов группы специальных операций ЦРУ.

Эти люди, как утверждают источники, должны были, замаскировавшись под чернокожих, напасть во время переворота на китайское посольство, убить всех находящихся там и разрушить здание. Они должны были также выкрасть как можно больше материалов из шифровальной комнаты посольства.

После некоторых колебаний, заявили источники, высокопоставленные должностные лица ЦРУ в Вашингтоне решили не проводить эту операцию.

Книга бывшего сотрудника ЦРУ

Подробности предполагаемой роли ЦРУ в свержении Нкрумы стали известны после того, как бывший оперативный работник этого управления Джон Стокуэлл кратко описал их в одном из примечаний в своей недавно опубликованной книге «В поисках врагов».

Стокуэлл, прослуживший в ЦРУ 12 лет, включая три срока в качестве нелегала в Африке, упоминает о случае с Ганой, чтобы подкрепить свое утверждение, что многие проблемы ЦРУ разрешались на местах и что «в документах ЦРУ нет свидетельств, как это происходило».

После того как ЦРУ получило от вышестоящего руководства указание не предпринимать попыток свергнуть Нкруму, пишет Стокуэлл, резидентура в Аккре «тем не менее поощрялась штаб-квартирой к поддержанию контактов

с инакомыслящими в ганской армии в целях постоянного наблюдения за их деятельностью».

Далее говорилось: «Получив щедро выделенные дополнительные средства, она поддерживала самые тесные связи с заговорщиками, пока готовился переворот. Участие резидентуры в этом деле было столь велико, что она смогла добиться получения Соединенными Штатами некоторых образцов секретной советской военной техники, когда переворот был совершен».

Предлагалось совершить налет на посольство

«Резидентура в Аккре даже запросила у штаб-квартиры разрешение иметь наготове небольшой отряд в момент переворота, чтобы напасть на китайское посольство, убить всех находящихся там, захватить секретные документы и затем взорвать здание в целях уничтожения следов».

Хотя это предложение было отклонено, пишет Стокуэлл, «в штаб-квартире ЦРУ признали полностью, хотя и неофициально, роль резидентуры в Аккре в осуществлении переворота. Но зто не нашло соответствующего отражения в документах ЦРУ».

Другие источники, находившиеся в Гане во время переворота, оспаривают изложенную в книге Стокуэлла точку зрения, что в свержении Нкрумы главная роль принадлежала резидентуре ЦРУ в Аккре.

Еще раньше предпринималось покушение на Нкруму. В то время, когда Нкрума был свергнут (он был с официальным визитом в Китае), тысячи ганцев томились в тюрьмах без суда и следствия и в стране ширилась оппозиция его правлению, становившемуся все более жестоким.

По сообщениям печати того времени, свержение Нкрумы получило широкое одобрение жителей Аккры. В советской печати сообщалось, что в заговоре было замешано ЦРУ.

Источники «Нью-Йорк таймс» отметили, что тем не менее многие оперативные работники ЦРУ в Африке считали, что управление сыграло главную роль в свержении Нкрумы. С зтим, как считают источники, по-видимому, были согласны некоторые руководители в штаб-квартире, потому что Говард Бейнс, руководивший резидентурой ЦРУ в Аккре в то время, вскоре продвинулся по службе: он был переведен из Ганы в Вашингтон, где стал начальником оперативного отделения в африканском отделе.

«Когда он добился успеха, — сообщил один из источников о Бейнсе,— об этом зпали все в африканском отделе. Если бы дело в Гане провалилось, Бейнса перевели бы куда-нибудь и о причастности ЦРУ к перевороту ничего не было бы известно».

В разгар операции в Гане, как утверждают источники, состав резидентуры в Аккре увеличился до 10 человек, причем некоторые из них были прикомандированы временно, но все действовали под каким-нибудь прикрытием.

Источники признали, что деньги не играли никакой роли для офицеров, планировавших переворот.

Это было в их интересах

«Нам не пришлось платить им 5 млн. долларов, — заявил один источник. — В их интересах было взять в свои руки власть в стране».

В своей книге Стокуэлл особо отмечает, что ЦРУ использовало «комитет 40» — группу контроля за действиями разведывательных служб, созданную из высокопоставленных лиц в администрации Никсона, — «для официального утверждения некоторых из своих наиболее щекотливых операций, но оно отнюдь не ставило в известность «комитет 40» обо всех своих тайных операциях».

«Без искренних признаний непосредственных исполнителей просто невозможно оценить процент операций, осуществлявшихся в течение многих лет без контроля со стороны Совета национальной безопасности, но, безусловно, их было много, и некоторые из них приводили к серьезным последствиям», — писал Стокуэлл.

«С целью получить информацию»

В телеграммах и донесениях ЦРУ говорится, что «все контакты с заговорщиками предпринимались исключительно с целью получить информацию об их действиях».

Источники отметили также, что Бейнс и другие агенты ЦРУ в Аккре были возмущены решением руководства не разрешить налет на китайское посольство, которое в то время было единственным представительством пекинского правительства в Африке. Как заявили источники, Бейнс позже сказал одному из своих коллег: «У них просто не хватило духу пойти на это».

ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЮТ ЛЮДИ

Джим Пол — член группы «Исследовательско-информационный проект по Ближнему и Среднему Востоку». Данная статья была впервые опубликована в выпускаемом этой группой журнале «МЕРИП рипортс» в марте 1976 г.

Мы должны использовать к нашей выгоде принцип «разделяй и властвуй».
Роже Годфруа-Демомбин, французский чиновник в колониальном Марокко

Спор относительно статуса бывшей Испанской Сахары привел Марокко и Алжир на грань нового вооруженного конфликта.

В период развития антиколониальных движений по всему Магрибу распространилась тенденция к объединенным революционным действиям. Эта тенденция была особенно сильной среди тех, кто непосредственно участвовал в вооруженной борьбе. Они сражались не только в целях изгнания колонизаторов, но и во имя объединения Северной Африки и установления нового социального порядка, служащего интересам народа. Стратеги французского неоколониализма использовали все средства, чтобы сдержать и ликвидировать эту тенденцию. С этой целью они искусно использовали буржуазный национализм, готовя почву для того, чтобы на месте колониальных административных зон возникли отдельные национальные государства. В середине 50-х годов французы пошли на решающие уступки националистам в Марокко и Тунисе; затем они помогли упрочить влияние этих умеренных националистов и реакционной монархии в Марокко посредством программ помощи и политического давления. В начале 60-х годов французы применили подобную же тактику с целью сделать более умеренным и стабилизировать новый режим в Алжире под опекой алжирского офицерского корпуса. По мере развития новых государств процесс объединения в Магрибе замедлился и революционное движение масс пошло на убыль.

Соединенные Штаты активно участвовали в последующем вмешательстве в дела этих государств, иногда соперни-

чая с французами, но чаще действуя заодно с ними. Вмешательство двух держав усилило разобщенность стран Магриба. Основным политическим инструментом стало экономическое давление. Международный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд и правительства, оказывающие «помощь», использовали все свое влияние для обеспечения раздельного экономического развития новых государств. Возникшие вследствие этого конкурентные торговые отношения и узкие внутренние рынки удушали развитие каждой отдельной страны и вели к тому, что региональная экономика оставалась раздробленной и слабой. В результате экономика Магриба становилась все более зависимой от производства товаров на экспорт. Регион в целом неизбежно продолжал оставаться в тисках международного капиталистического накопления.

Вмешательство великих держав приобрело также определенную политическую форму. Они стремились укрепить новые государства как отдельные образования путем усиления государственных структур, то есть с помощью процесса, известного под названием «построение государства». Программы помощи обеспечили создание национальных вооруженных сил, противоповстанческих частей и полиции. Финансовая и техническая помощь способствовали процветанию консервативно настроенной и заботящейся о собственных выгодах бюрократии в новых государствах. Франция и Соединенные Штаты тайно поддерживали националистические политические тенденции и проводили тайные операции, направленные на разжигание соперничества между странами Магриба. Помимо прочего, они финансировали марокканских партизан, базировавшихся в Алжире; предоставлявшиеся ими суммы были слишком малы, чтобы действия партизан могли принести ощутимый вред, но достаточно велики, чтобы усилить напряженность между двумя государствами.

Разумеется, нельзя утверждать, что политическая жизнь в странах Магриба полностью определялась воздействиями извне. Внутренние социальные силы и идеологические течения, имевшие глубокие исторические корни, не только создавали условия для вмешательства извне, но и устанавливали для него определенные пределы. Однако признавать эту реальность вовсе не означает приуменьшать важное значение вмешательства. По бесчисленным каналам оно оказывает определяющее влияние как на общий, так и на конкретный характер политики в регионе, особенно на интенсивность нынешнего конфликта. Когда Марокко и Алжир

сталкиваются между собой, капитал может утверждать, что его классическая политика «разделяй и властвуй» добилась успеха.

Разработка стратегии вмешательства и конфликт между Алжиром и Марокко

Ниже мы рассмотрим один пример стратегии, основанной на принципе «разделяй и властвуй». Осенью 1968 года под руководством американских ученых, военных специалистов и экспертов по разведке была проведена военная игра. Ее цель состояла в выяснении, при каких условиях могла бы начаться война между двумя странами Магриба — Алжиром и Марокко — и каким образом ход этой войны и ее сдерживание могли бы принести пользу американской дипломатии и американским интересам в этом регионе. Автор этих строк присутствовал на игре и написал данную статью, опираясь на личные воспоминания и на письменные отчеты об этом проекте.

В середине 60-х годов Центр международных исследований (МТИ) — организация, известная своими тесными связями с ЦРУ, — разработал исследовательский проект по проблемам ограниченной войны. В этом проекте использовалась методика «имитации» или «проигрывания» ситуации, разработанная корпорацией РЭНД и объединенным управлением военных игр министерства обороны США и известная под названием «военно-политические игры (упражнения)». Проект, получивший название КОНЕКС, возглавлялся профессором Линкольном Блумфилдом из МТИ, бывшим офицером американской армии. Официально сформулированные цели включали исследование «возможностей контролирования местных конфликтов в развивающихся регионах мира... политики великих держав в области контролирования конфликтов и передач оружия... и реакций на меры по контролированию конфликтов и передач оружия, предпринимаемые США и другими странами».

Номинально считалось, что этот проект, финансировавшийся управлением по контролю над вооружениями и разоружению США, будет способствовать делу мира и ограничения вооружений. На практике, однако, проект был в такой же мере посвящен разжиганию региональных конфликтов в целях американской дипломатии, как и прекращению подобных конфликтов с помощью вмешательства США. Ученые выбрали в качестве объектов исследования ряд потенциальных ограниченных войн в «третьем мире».

Вторая игра в этом проекте — КОНЕКС-II, состоявшаяся 6 и 7 декабря 1968 года в принадлежащем МТИ особняке «Эндикотт-хаус» на окраине Бостона, была посвящена войне между Марокко и Алжиром, которая гипотетически должна была начаться в июле 1970 года. В игре было занято около 40 участников, не считая многочисленных технических помощников, военных консультантов и специальных наблюдателей. Это были представители университетов, госдепартамента, военной разведки, комитета начальников штабов, института стратегических исследований, института военно-морских исследований и, разумеется, ЦРУ.

Профессор Блумфилд представил ведущих участников и восторженно расписал, как эта игра будет способствовать миру во всем мире и американской национальной безопасности. Затем он кратко объяснил процедуру игры. Сценарий, написанный профессором Уильямом Зартманом из Нью-Йоркского университета, должен был дать общий фон для событий, ведущих к конфликтному периоду. Участники разделяются на четыре группы: «Марокко», «Алжир», «Соединенные Штаты» и «контрольная группа». Страновые группы будут действовать в роли соответствующих правительств, а «контрольная группа» будет представлять все остальные правительства и внутренние политические силы в трех странах. Связь между группами должна осуществляться с помощью письменных посланий, чтобы обеспечить возможность дальнейших исследований; кроме того, за проводящимися в группах обсуждениями должно было вестись постоянное наблюдение с помощью телевизионных мониторов, и все они подлежали записи на видеомагнитофон. Игру планировали провести в шесть этапов, промежутки между которыми в реальном времени составили бы один день или более. Если принятые в сценарии предположения верны, то игра должна развернуться до условий открытых боевых действий между двумя странами, после чего наступит прекращение огня в результате дипломатических усилий великих держав.

Каждая страновая группа была организована формально как правительство. Членам группы поручались конкретные функции: главы государства, министра иностранных дел, министра обороны и так далее. Роль президента США была поручена декану Флетчеровской школы права и дипломатии при Тафтском университете Эдмунду Галлиону; роль президента Бумедьена должен был играть заместитель министра ВВС Джон Рут, а роль короля Гассана — посол Уильям Уитмен. В «контрольной группе» было свое разделение тру-

да. Североафриканскими делами должны были заниматься Зартман и Пол из Нью-Йоркского университета, возможностями передач оружия — Присцилла Клэпп и Джон Хоугланд из корпорации «Браун энд Шоу», отношениями между Магрибом и Европой — начальник отдела Ближнего и Среднего Востока ЦРУ Уолдо Дабберстейн и поведением России — профессор Ури Ра'анан, советолог из Флетчеровской школы права и дипломатии.

Затем Блумфилд закрыл установочное заседание, и группы собрались в отведенных им отдельных кабинетах. Поначалу события развивались медленно, так как группы осторожно нащупывали свой путь. Сценарий предусматривал значительную напряженность в отношениях между Марокко и Алжиром с самого начала, но это не ускорило развертывание драматических событий. Из сценария группам было известно, что эти две страны проявляли враждебность друг к другу вследствие неопределенности границы между ними, продолжавшихся взаимных обид после войны 1963 года и развивавшегося конфликта из-за Испанской Сахары. Отмечалось также, что оба режима испытывали давление со стороны внутренних оппозиционных сил, толкавшее их на использование внешнего кризиса в целях укрепления национального единства. Но, несмотря на эти факторы, группы «Марокко» и «Алжир» проявляли осторожность и не хотели идти на риск, усиливая напряженность.

«Контрольная группа» начала стимулировать кризис, искусно обостряя обстановку. Клэпп информировала группу «Марокко», что в Алжир прибыли 3—4 тыс. советских инструкторов. Ра'анан написал и распространил среди участников якобы появившуюся в «Правде» статью, осуждающую «некоторые западные органы», открыто ссылающиеся на «возможность конфликтов в Северной Африке». Начало нарастать возбуждение. Группа «Марокко» незамедлительно потребовала переговоров на высшем уровне с Алжиром и одновременно обратилась к Франции и Соединенным Штатам с просьбой увеличить поставки оружия. «Контрольная группа» предприняла новые шаги. Ра'анан объявил о новых поставках советского оружия в Алжир, а Дабберстейн сообщил, что Франция предложила Марокко оружие в обмен на «концессии по добыче минерального сырья». Посыльные сновали по комнатам особняка со все новыми «вводными»; на телевизионных мониторах можно было видеть глубокомысленные обсуждения создавшейся обстановки в страновых группах. На пишущих машинках в «контрольной группе» рождались провокационные газетные сообщения и тре-

вожные разведывательные донесения, когда этап игры А закончился и был объявлен перерыв на ленч.

Участники собрались в просторной столовой, и напряженное ожидание дальнейшего развертывания событий уступило место профессиональной непринужденности и духу панибратства, обычно существующему в отношениях между давно знакомыми людьми. Разговоры за столом касались вопросов, интересовавших всех: вооружений и шпионажа, войны и ширящихся протестов в стране, надвигавшегося поражения во Вьетнаме. Бывшие владельцы особняка высокомерно взирали на собравшихся со своих портретов в массивных рамах. За широкими окнами под ярким зимним солнцем грелся сад. На некоторое время все забыли о «неизбежности войны». Согласно сценарию, пушки должны были, по всей вероятности, молчать до следующего дня.

После ленча начался этап Б, за которым, ближе к концу дня, последовал третий этап. Когда в руках посыльных замелькали свежие сообщения и стратегические оценки, дипломатическая обстановка начала проясняться. Соединенные Штаты усиленно стремились сдержать «радикальные» шаги Алжира, за которыми они видели злонамеренную стратегию советской дипломатии. Поддержка с определенными оговорками «дружественного» правительства в Рабате наряду со сложными маневрами Франции и Советского Союза должна была подтолкнуть развитие конфликта таким образом, чтобы последующие усилия по «умиротворению» сделали региональную политику более умеренной. Следовало добиться, чтобы Франция и Советский Союз, непосредственные поставщики оружия двум враждующим сторонам, были дискредитированы и утратили инициативы в дипломатической и экономической сферах. Тогда Америка обеспечила бы себе прочную гегемонию в атом регионе.

В этом плане «контрольная группа» выполняла двойную функцию, которая становилась все яснее, хотя открыто о ней не говорилось. С одной стороны, она должна была действовать отдельно и независимо от группы «Соединенные Штаты», с другой — ей необходимо было выступать в роли своеобразного исполнителя тайных операций в интересах американской политики, направленных на провоцирование начала военных действий. Поскольку никто не признавал открыто, что американская политика предусматривала провоцирование войны, нацеленность «контрольной группы» на войну как бы определялась самой «логикой» игры. Сценарий требовал аскалации конфликта. Руководитель игры Блумфилд напомнил членам «контрольной группы», что

именно они обязаны позаботиться о том, чтобы игра развивалась так, как предполагалось заранее.

В течение всей второй половины дня конфликт развивался очень медленно, несмотря на все усилия «контрольной группы». Советский Союз и Франция возобновили свои предложения о поставках оружия Алжиру и Марокко соответственно, но эти предложения предусматривали настолько серьезные уступки, что ни один из получателей не торопился принять их. Поддержка со стороны Египта, включая непосредственное предоставление самолетов, дала небольшое преимущество алжирским вооруженным силам, однако разведывательные донесения свидетельствовали о том, что Саудовская Аравия будет сильно сдерживать вмешательство Египта. Между тем группы «Алжир» и «Марокко» двинули свои войска к границе, но из их рассуждений было ясно, что они не готовы вступить в вооруженную борьбу. Поэтому «контрольная группа» начала приводить в действие внутренние силы, оказывающие давление на оба правительства. Белькасим Крим, находившийся в изгнании лидер алжирской оппозиции, появился в Марокко, и группа «Алжир» была предупреждена, что он, «как полагают, поддерживает агрессивные шаги Марокко», а также поощряет волнения в пограничных зонах Алжира. Подобным же образом группа «Марокко» была предупреждена о расширении подрывной деятельности алжирцев и возможности возникновения недовольства среди населения Марокко, если власти не предпримут решительных действий.

Наконец наступило время обеда. На больших экранах телевизионных мониторов были видны безмолвные пустые комнаты, где несколько минут назад кипела бурная дипломатическая деятельность. Участники игры начали уставать и тянули время за коктейлями и обедом.

Последовавший затем этап В был коротким и не дал определенных результатов. Предполагалось, что прошло шесть календарных дней с начала игры, приближался момент, на который было запланировано открыть военные действия, и тем не менее все двигалось крайне медленно. Члены группы «Соединенные Штаты» мучились над не поддающимися учету факторами, и всем хотелось знать, как они справятся с задачей «сорвать» (как говорилось в сценарии) единство между «региональными амбициями» Алжира и «усиливающимся стремлением» Москвы расширить свое влияние в этом районе. «Контрольная группа» сфабриковала еще несколько газетных статей и разведывательных донесений с целью увеличения напряженности. Алжир и Марокко пред-

приняли новые попытки предотвратить надвигающийся кризис. Но произошло мало существенного, когда часы показали 9 вечера и игра была отложена до следующего утра.

Утром 7 декабря в настроении участников игры наметилась какая-то перемена: наступил момент начала войны. Собравшиеся быстро позавтракали и разошлись по своим комнатам, чтобы побыстрее приступить к решающему этапу Г. Но еще предстояло ответить на крайне важный вопрос: что именно ускорит кризис? Руководитель игры Блумфилд напомнил «контрольной группе», чего от нее ожидают. Поскольку эксперты по гонке вооружений провалились со своими провокациями, ясно было, что дело теперь за специалистами по североафриканским делам. Зартман был уверен, что ему удастся столкнуть две страны в пропасть войны. В 9 часов 45 минут появилось его сообщение: в трех символических населенных пунктах в Алжире террористами взорваны бомбы, и выступивший на пресс-конференции в Рабате Белькасим Крим взял на себя ответственность за это. Наконец-то! Точно в 10 часов поступило сообщение, что Алжир собирается начать войну. Алжирское правительство объявило чрезвычайное положение, порвало дипломатические отношения с Марокко и нанесло удары с воздуха по предполагаемым лагерям террористов в Восточном Марокко. Вскоре марокканцы предприняли ответные меры. Они объявили чрезвычайное положение, выдворили алжирского посла и попытались вывести из строя алжирские авиационные базы налетами с воздуха и диверсионными актами. Теперь было созвано экстренное заседание Совета Безопасности ООН, начался обмен посланиями по «горячей линии связи» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Воюющие стороны направили срочные заявки на немедленные поставки оружия. Все участники игры работали сосредоточенно, хотя и были возбуждены; они быстро переговаривались друг с другом и набрасывали проекты десятков документов. В особняке царила торжественная приподнятость. Наконец наступил момент, которого так долго ждали!

Члены группы «Соединенные Штаты», теперь уже полностью обретшие уверенность, быстро продвигались к прекращению огня под эгидой этой страны. Как отмечалось в одном из политических документов, связанный с этой войной риск для американской дипломатии был незначительным по сравнению с выгодами: если бы временные успехи Алжира привели к падению марокканской монархии, то вместо нее был бы установлен, безусловно, военный режим, в равной мере благоприятный для американских интере-

сов. Между тем продолжались передвижения войск и пограничные стычки. Однако воюющие стороны начали стремиться к урегулированию с помощью переговоров, сознавая, что реальная победа на поле боя невозможна. В то же время перед Францией и Советским Союзом встала дилемма. Будучи не в состоянии и не желая принимать на себя новые обязательства, связанные с большим риском, они с неохотой начали постепенно склоняться к американской позиции. Когда этот этап игры закончился, боевые действия еще продолжались. Тем не менее было ясно, что война близится к концу.

Последний этап Д начался вскоре после полудня. После предыдущего этапа гипотетически прошло шесть дней. Война, носившая в соответствии со сценарием ограниченный и неопределенный характер, тянулась дальше, пока не наступило прекращение огня, навязанное великой державой. Уступая давлению со стороны Соединенных Штатов и не предвидя других выгод, и Франция, и Советский Союз отказались от поставок оружия воюющим сторонам. Основное содержание короткого заключительного этапа игры составляли усилия по достижению окончательного урегулирования и взаимного отвода войск. Игра закончилась до того, как эта цель была достигнута, однако «нормализация» в будущем под эгидой Соединенных Штатов уже ясно просматривалась.

В конце дня состоялось итоговое заседание, заполненное разглагольствованиями о «научном исследовании политики», «упрочении дела мира» и другими подобными же образчиками тенденциозности и самовосхваления. Участники игры, удовлетворенные ее исходом и полные воодушевления, начали разъезжаться. У входа их ждали служебные машины и лимузины. Когда над бостонским пригородом нависли сумерки, в мрачном особняке «Эндикотт-хаус» остался один лишь сторож.

Заключение

Через семь лет Магриб оказался на грани войны, не особенно отличавшейся от той, которая разыгрывалась в КОНЕКС-II. Как можем мы связать ту игру с нынешним кризисом и борьбой, предстоящей в будущем? Ответ не вполне очевиден, потому что эта игра имеет две стороны. С одной стороны, она представляется концентрированным выражением злонамеренной и мощной манипуляции, с другой — она кажется абсурдной и смехотворной, примером необоснованной и глупой самонадеянности. В действитель-

ности же нельзя считать, что игра содержит только одну из этих сторон, в ней одновременно сочетаются обе.

С точки зрения успешной манипуляции эта игра должна рассматриваться в плане огромной мощи и обширных ресурсов для вмешательства, которыми располагают творцы американской политики в этом регионе. Сюда относятся не только аппараты шпионажа и тайных операций, но и система открытых экономических и политических отношений: договоры, соглашения, переговоры, советники, военная помощь, подготовка полицейских, займы, безвозмездные дары, капиталовложения, экспортные закупки, валютные соглашения и тому подобное. Марокко прочно увязло в этой сети зависимых отношений; Алжир также уязвим из-за гигантских сделок по поставкам нефти и газа, проектов промышленного развития, банковских займов и так далее.

На этом фоне игра показывает развитие общей политической стратегии. Она ставит вопрос: можно ли использовать ограниченную войну в интересах американской мощи в этом регионе? И она дает на этот вопрос утвердительный ответ: такая война связана с незначительным риском и многочисленными потенциальными выгодами. Развитие событий в процессе игры позволяет предположить, каким образом может быть вызвана такая война и как можно манипулировать ее ходом и исходом в интересах американской политики.

Связь между этой игрой и разработкой американской политики не столь уж отдаленна, как можно было бы заключить из академической обстановки, в которой она проводилась. Есть все основания полагать, что инициатива проведения этой игры исходила из самых высших кругов, занимающихся выработкой политики. В равной мере важно то, что многие из участников игры в самом деле несли ответственность за проведение американской политики в определенных регионах мира, занимая важные посты в ключевых оперативных ведомствах правительства США: ЦРУ, военной разведке, госдепартаменте, комитете начальников штабов. Эти люди претворяют в жизнь глобальную стратегию с помощью конкретных региональных мер. В игре они проверяли, как можно осуществить глобальную идею в условиях соответствующих регионов (в ходе других игр по проекту КОНЕКС рассматривалась такая же ситуация в других районах земного шара).

Но как же игра превратилась в реальную политическую практику? Ясно, что она была проверкой стратегического принципа, а не планом действий. Это наглядно видно

из того факта, что в **реальном** июле 1970 года (гипотетический период, принятый в игре) в Магрибе не произошло ни драматического наращивания вооружений, ни вспышки внутриполитической напряженности. В действительности летом 1970 года отмечалось наибольшее смягчение напряженности в отношениях между правительствами Марокко и Алжира. Главы двух государств встретились в Тлемсене в конце мая; они достигли соглашения относительно спора о границе и обменялись заявлениями о дружбе, сотрудничестве и единстве целей. В то время, однако, уже сеялись семена будущего конфликта.

Соединенные Штаты начали поддерживать дипломатическую инициативу Испании по вопросу о Сахаре. Усилия Испании были нацелены на раскол единства стран Магриба и на сталкивание их друг с другом. Этот план действий оказался в значительной мере успешным. В то же время американские стратеги начали преднамеренную дестабилизацию внутренней политики в Марокко, направленную в первую очередь на ослабление или свержение монархии в пользу агрессивно настроенных националистических элементов в армии. В 1970 году американские официальные лица информировали одного видного марокканского генерала об ужасной коррупции королевского режима. Возможно, была заключена какая-то сделка. Во всяком случае, летом 1971 года этот генерал возглавил попытку государственного переворота. Всего лишь через год была предпринята вторая попытка совершить государственный переворот, на этот раз — военнослужащими марокканских ВВС, действовавшими с базы американской морской авиации в Кенитре. Хотя обе попытки не привели к успеху, они заставили монархию занять более энергичную националистическую позицию и еще усерднее добиваться благосклонности Америки.

В последующий период Соединенные Штаты усилили меры по подстегиванию конфликта. Американское правительство резко увеличило темпы поставок оружия Марокко. Американская печать заполнена сообщениями о растущей враждебности между Марокко и Алжиром и о вероятности войны. Американские официальные лица делают заявления, которые могут лишь усилить напряженность. Даже видимая часть американской кампании достаточно велика, невидимая же часть должна быть гораздо обширнее. Проводится в жизнь стратегия, отрабатывавшаяся в проекте КОНЕКС. Разразится ли война в действительности или нет — не столь уж существенно. Важно то, что преднамеренно создается конфликтная ситуация. Таким образом, манипуляционная

сторона КОНЕКС-II превратилась во вполне определенную и вызывающую тревогу реальность.

В то же время эта игра абсурдна в своей основе, особенно если ее оценивать с точки зрения долгосрочных исторических стандартов. В ней предполагался такой уровень контроля над событиями, который абсолютно невозможен даже для самой сильной страны. Сложный ход истории, полный неожиданных поворотов, обычно не поддается столь самонадеянному планированию и часто полностью разрушает подобные планы. Планы такого рода бесконечное число раз составлялись и для войны в Индокитае. Но даже собравшиеся для разработки очередных планов в «Эндикотт-хаусе» признавали свой полный провал в Юго-Восточной Азии. Мы можем ожидать, что будущее развитие событий в Магрибе позволит вынести подобное суждение и о злонамеренных, но иллюзорных контрреволюционных планах, разработанных в МТИ.

Пэт Хаттон и Джонатан Блок

КАК ЗАПАД ПОСТАВИЛ У ВЛАСТИ И ПОДДЕРЖИВАЛ ИДИ АМИНА

Эта статья, написанная корреспондентами лондонской «Пиплз ньюс сервис», является сокращенным вариантом материала, опубликованного в указанном издании 20 марта, 15 и 29 мая 1979 г. Статья была подготовлена для этой книги в мае 1979 г.

То, что Иди Амин был беспощадным, чрезвычайно жестоким диктатором, широко известно и становится все более очевидным по мере того, как увеличивается перечень его жертв, составляемый новым правительством. Менее известна роль английского правительства и его союзников, которые не только поддерживали машину репрессий, использовавшуюся Амином, но и фактически поставили его у власти. Хотя Амин впоследствии отошел от своих друзей на Западе, мы можем показать здесь, что полный разрыв между Амином и Великобританией наступил лишь тогда, когда его падение стало неизбежным, и что, рассматривая его как наименьшее зло с точки зрения британских интересов, Великобритания активно помогала ему удерживать власть.

История о том, как империалистические державы пытались повернуть вспять процесс сокращения источников своих богатств в Африке в 60-х годах, сложна в деталях, но проста в принципе. В Уганде, которую Уинстон Черчилль назвал однажды «жемчужиной Африки», огромные финансовые, промышленные и сельскохозяйственные интересы Великобритании оказались под угрозой со стороны режима, возглавлявшегося Милтоном Оботе. Обеспокоенность в отношении намерений Оботе сочеталась с попытками империалистов добиться его благосклонности. Оботе принял помощь от израильского правительства, которое отчаянно пыталось избежать полной дипломатической изоляции и в то же время использовалось в качестве доверенного лица Соединенных Штатов в странах, где их собственная репутация была запятнана. Американцы и израильтяне очень тесно сотрудничали в Уганде, особенно через свои разведывательные службы — ЦРУ и МОССАД. Американцы предоставляли некоторую помощь для развития, в то время как израильские инструкторы обучали армию и военно-воздушные силы. Экономическое и политическое присутствие Великобритании было преобладающим, и это была как раз одна из тех ситуаций, которые Оботе надеялся изменить.

В конце 60-х годов премьер-министр Оботе укреплял свою личную власть и принимал законы, которые должны были подорвать колониальные интересы. Хотя Оботе отнюдь не был ни Кастро, ни Ньерере, его «Хартия простого человека» и национализация восьмидесяти английских компаний были встречены в Лондоне без энтузиазма. Как заявил один видный обозреватель, «правительство Оботе подошло к грани изменения не только конституции, но и всей политической системы, когда армия совершила переворот» в январе 1971 года. Как важнейшему источнику сырьевых материалов Уганде нельзя было позволить самой определять свое политическое развитие за счет глубоко укоренившихся иностранных интересов. И вскоре англичане совместно с израильтянами и американцами стали разрабатывать планы по исправлению этой ситуации.

«У него немного не хватает серого вещества»

Первая задача заключалась в том, чтобы найти возможного преемника Оботе, и выбор вполне закономерно пал на Иди Амина. Англичане знали, что «у него немного не хватает серого вещества», но он «глубоко предан Великобритании», и в этом плане у него была превосходная характеристика. Он начал свою карьеру сержантом в английском ко-

лониальном полку и позже участвовал в подавлении движения националистов Кении в конце 50-х годов (ошибочно известного как «восстание Мау Мау»). Как один из отвечавших за концентрационные лагеря, он заслужил прозвище Душитель. В Уганде он помогал формировать подразделения общей службы (политической полиции) и даже подбирал президентскую охрану. Некоторые утверждают, что Амина начали готовить к захвату власти еще в 1966 году, но всерьез плести интриги с этой целью англичане и другие принялись лишь в 1969 году.

Начало этим интригам было положено в Южном Судане, в одном из племен, которое считало Амина своим собратом. Здесь израильское правительство поддерживало сепаратистское движение Анья-Нья против центрального правительства Судана, пытаясь отвлечь арабские военные силы от израильско-египетского фронта в тот период арабско-израильского конфликта, который назывался «ни война, ни мир». В числе помогавших Анья-Нья был Рольф Штейнер, западногерманский наемник, участвовавший в нескольких войнах и описавший свои похождения в вышедшей в 1978 году книге «Последний авантюрист».

Штейнер говорил, что его познакомили с представителями гигантской благотворительной организации римско-католической церкви «Каритас интернэшнл», а те в свою очередь свели его с двумя людьми, которые должны были содействовать ему в оказании помощи Анья-Нья,— «бывшим английским дипломатом» Беверли Барнардом и Энтони Девалом, также англичанином. Они посоветовали Штейнеру поддерживать контакт и с английским наемником Александером Гейем.

Штейнер познакомился с Гейем, когда они оба служили на стороне Биафры во время гражданской войны в Нигерии. Гей, бывший банковский служащий, воевал в Конго с 1965 по 1968 год, а затем в Нигерии, где встретился с известным писателем Фредериком Форсайтом, в то время военным корреспондентом. Гей был одной из ключевых фигур при совершении наемниками государственного переворота, организованного Форсайтом только для того, чтобы получить материал для своей книги «Псы войны». (Форсайт утверждал, что не способен писать, пользуясь лишь воображением, и что для вдохновения ему необходим реальный опыт!)

Форсайт уплатил залог и дал положительную характеристику Гейю в ноябре 1973 года, когда тот предстал перед судом по обвинению в ложных заявлениях с целью получения паспорта и незаконном хранении пистолета, патронов к не-

му и гелигнита[1]. Будучи признанным виновным, он был приговорен только к штрафу и условному наказанию; одной из причин, объясняющих мягкость приговора, было, возможно, то обстоятельство, что специальная служба расхваливала его в суде и дала официальное показание, что он предоставлял «информацию, оказавшую значительную помощь западным державам». Другой из наемников, также участвовавший в организованном Форсайтом перевороте, закончившемся провалом, утверждал, что Гей работал на МИ-6, что совпадает с заявлениями Штейнера. Этот человек, Аллан Мэрфи, был позже убит в лондонском Ист-Энде при подозрительных обстоятельствах.

Однако вернемся в Восточную Африку. Барнард, Гей, Девал и Штейнер обосновались в Южном Судане, имея радиосвязь со своей второй базой в отеле «Аполло» в Кампале. Но Штейнер утверждал, что ему не было ничего известно об истинных намерениях его коллег-англичан до тех пор, пока он не узнал, что Гей клеветал на него руководителям Анья-Нья. Во время последовавшей за этим стычки Штейнер заставил Гейя признаться, в чем состояла его главная задача — в свержении или убийстве Оботе. Английское правительство вовсе не было заинтересовано в поддержке сепаратистов в Южном Судане и лишь использовало движение Анья-Нья в качестве прикрытия для своих планов относительно будущего Уганды.

Штейнер заявил, что ему захотелось узнать побольше об этом и он заставил Гейя поехать с ним в Кампалу и обыскать номер Барнарда в отеле «Аполло». Они нашли там массу зашифрованных документов, подробно описывающих английский план заговора и уже переданных в Лондон английским посольством. Штейнер пишет в своей книге, что Гей объяснил ему, почему Амин был выбран преемником Оботе, заявив: «Бланден (так Штейнер называет в своей книге Барнарда) сказал мне, что англичане хорошо знали Иди Амина и что их выбор остановился на нем потому, что он был самым глупым и им было легче манипулировать». Штейнер замечает по этому поводу: «Дальнейшие события показали, кто оказался самым глупым». Об этом эпизоде мало что известно дополнительно, за исключением утверждения Штейнера, что Барнард имел небольшую авиакомпанию, называвшуюся «Сазерн эйр мотив», и что он планировал покушение на Оботе в декабре 1969 года. Другие ис-

---

[1] Гелигнит — взрывчатое вещество на основе нитроглицерина.

точники подтверждают, что Гей и Барнард работали на МИ-6 и что Штейнер действительно обнаружил в отеле шифровальные книги МИ-6.

Рука Израиля

То обстоятельство, что именно израильтяне оказывали столь большую помощь движению Анья-Нья в то время, как англичане организовывали заговор против Оботе, подтверждает сделанное бывшим сотрудником ЦРУ в марте 1978 года заявление, что переворот Амина был спланирован английской разведкой в сотрудничестве с МОССАД. Известно, что Амин посетил Южный Судан в 1970 году по крайней мере дважды, причем один раз под чужим именем, и что он поддерживал постоянный контакт с мятежниками.

Один из израильских друзей Амина рассказал о своей роли в заговоре и о том, как он помогал Амину. Полковник Барух Бар-Лев, глава израильской военной делегации, говорил, что Амин обратился к нему и высказал опасение, что преданные Оботе люди могут арестовать и убить его до того, как ему удастся захватить Кампалу. Бар-Лев посоветовал Амину держать наготове бойцов из своего племени, а также парашютистов, танки и джипы. Амину, ободренному поддержкой израильтян и опиравшемуся на большую мощь танковых частей, удалось преодолеть сопротивление большей части вооруженных сил, оставшихся верными Оботе. Южносуданцы составили ядро сил заговорщиков; позже тысячи из них вошли в армию Уганды и осуществили многие из ранних кровавых чисток Амина.

Еще до переворота израильтяне явно поддерживали в течение какого-то времени хорошие отношения с Амином через своих военных представителей в Уганде в соответствии с их ролью доверенных лиц американцев и со стандартной тактикой ЦРУ, применявшейся в тот период, — крепить связи с представителями вооруженных сил соответствующих стран в любых целях, которые могут оказаться необходимыми. Это был период, когда ЦРУ предпринимало широкие усилия по подрыву радикальных режимов во всем мире и пыталось утвердить, насколько было возможно, господство Соединенных Штатов в Африке. Проявляя большую активность в Кении, Гане, Мозамбике, Танзании и Нигерии, Соединенные Штаты стремились также завоевать влияние в Уганде, прежде всего с помощью офицеров разведки ВМС и ВВС, находившихся в Кампале, а также с помощью агентов ЦРУ, действовавших там под прикрытием управления международного развития. Одной из характерных черт пере-

ворота в январе 1971 года было его сходство со свержением Нкрумы в Гане в 1966 году. Как и Оботе, Нкрума проводил в жизнь меры по национализации; как и Оботе, он был в момент переворота за рубежом с официальным визитом; как и Оботе, он был свергнут военными, которых непосредственно поддерживало ЦРУ.

Однако местная армия вполне могла бы получить поддержку со стороны других сил, если бы Амин при захвате власти встретил более сильное сопротивление. Как раз за несколько дней до переворота в соседнюю Кению прибыли семьсот английских солдат. Хотя их переброска туда была явно намечена задолго до этого, газета «Санди экспресс» высказала предположение, что они могут быть использованы для подавления антианглийских выступлений после того, как английское правительство консерваторов примет решение о продаже оружия ЮАР, а также отмечала, что присутствие этих войск, «на первый взгляд объясняемое простым совпадением, может оказаться весьма предусмотрительным». Газета писала также, что они могут быть использованы, «если возникнут неприятности для англичан или английских интересов». Через два дня после опубликования этого сообщения — еще до переворота в Уганде — последовали энергичные опровержения.

Когда произошел переворот, Оботе находился на конференции стран Содружества наций в Сингапуре. Он понимал, что внутренняя обстановка в Уганде складывается не в его пользу и отбыл на конференцию лишь потому, что президент Ньерере убедил его в важности присутствия там для организации эффективного противодействия планам английского правительства продавать оружие ЮАР. Африканские страны Содружества наций усиливали нажим на правительство консерваторов. Во время одной из встреч с английским премьер-министром Тедом Хитом Каунда, Ньерере и Оботе пригрозили, что Замбия, Танзания и Уганда выйдут из состава Содружества наций, если будет принято решение о продаже оружия ЮАР. Сообщалось, что во время этого бурного совещания Хит воскликнул: «Хотел бы я знать, скольким из вас будет позволено вернуться в свои страны с этой конференции!»

В других сообщениях указывалось, что Хиту было известно заранее о готовящемся перевороте потому, что об этом его уведомила МИ-6, желавшая, чтобы он информировал Оботе о заговоре против него. Учитывая роль МИ-6 в планировании этого заговора и откровенную враждебность в отношениях между Оботе и английским правительством,

включая предыдущий лейбористский кабинет, это представляется крайне маловероятным.

Не большего доверия, чем такие сообщения, заслуживали и материалы о перевороте, появившиеся в английской печати. В них утверждалось, что какой-то сержант, сидевший на коммутаторе, подслушал разговор о планах сторонников Оботе в армии выступить против Амина. Узнав об этом, Амин начал действовать, быстро захватив все стратегические пункты в Уганде. Помимо того факта, что армия не пыталась бы устранить Амина в отсутствие Оботе, в этой версии полностью игнорируются планы англичан и израильтян.

После прихода Амина к власти между ним и правящими кругами Великобритании установились самые теплые отношения. Его приветствовали как победителя в английской печати, и даже правительство США считало признание режима Амина английским правительством всего лишь через неделю после переворота проявлением неподобающей спешки. «Таймс» отмечала: «Замена Оботе генералом Амином была встречена в Уайтхолле с плохо скрываемым чувством облегчения». Другие газеты писали: «Желаем удачи генералу Амину» («Дейли телеграф»); «Военных обучают действовать. Они не станут заниматься самолюбованием, как какие-те оботе и каунды, отдающие предпочтение славе на международных подмостках, а не скучной, но необходимой работе по повседневному управлению делами государства» («Дейли экспресс») и так далее в том же духе.

Амин поддержал позицию Теда Хита относительно продажи оружия ЮАР, сломав тем самым единую оппозицию африканских государств на конференции. Он денационализировал несколько английских компаний из числа подвергшихся национализации при Оботе, а в июле прибыл в Лондон для встречи с королевой и переговоров с членами кабинета консерваторов. Тогда же были посеяны первые семена раздора между Великобританией и Амином, потому что он не очень оправдывал надежды консерваторов на его раболепие. После переворота Уганде были предоставлены: экономическая помощь на 10 млн. фунтов стерлингов (ею должна была распорядиться Великобритания), 15 бронеавтомобилей «Феррет» и 36 бронеавтомобилей «Саладин», другая военная техника и группа инструкторов для армии. Однако Амин был возмущен тем, что лорд Каррингтон (занимавший тогда пост министра обороны) и Алек Дуглас-Хьюм (бывший в то время министром иностранных дел) не дали ему истребителей и другой современной техники, чтобы по-

мочь в его экспансионистских устремлениях. В частности, Амин планировал вторжение в Танзанию, чтобы иметь собственный морской порт на восточном побережье Африки. Однако признавалось, что большая часть военной техники была предоставлена Амину, чтобы помочь ему сломить сопротивление сторонников Оботе. Тогда за помощью для реализации своего плана, становившегося уже навязчивой идеей, Амин обратился к израильтянам. Он попросил передать ему реактивные истребители «Фантом» и другую современную военную технику, на что потребовалось бы разрешение американского правительства. Сославшись на то, что его просьба «превышает требования законной обороны», израильтяне отказали Амину, что, вероятно, послужило одной из причин выдворения их из Уганды в начале 1972 года. Хотя необходимой военной техники ему не хватало, Амин не испытывал недостатка в советах по военным вопросам. Эти советы давал ему майор Иэн Уолсуэрт-Белл, сотрудничавший с английской разведкой. Будучи советником Амина по вопросам внутренней безопасности, майор Иэн Уолсуэрт-Белл жил на реке Кагера, на границе с Танзанией, и Амин часто прилетал к нему туда на вертолете.

Этот бывший офицер Сифортского хайлендерского полка был членом международной комиссии наблюдателей, направленной в Нигерию во время развернувшейся там гражданской войны для расследования обвинений в геноциде, но был уволен по подозрению в том, что предлагал свои услуги федеральному правительству в качестве наемника. Однако в суде по делам о государственном страховании в Англии, куда он обжаловал свое увольнение и потребовал возмещения убытков, Уолсуэрт-Белл заявил, что его истинная роль в Нигерии состояла в сборе разведывательных данных для английского правительства и в консультировании федеральных войск по оперативно-тактическим вопросам. Несмотря на энергичные опровержения министерства иностранных дел, суд согласился с этой версией и охарактеризовал Уолсуэрта-Белла как «искреннего и честного свидетеля».

Неизвестно, была ли официально санкционирована английским правительством — полностью или частично — работа Уолсуэрта-Белла на Амина, но, по всей видимости, его роль в Уганде была сходна с той, которую он играл в Нигерии. Во всяком случае, он отнесся к планированию вторжения весьма серьезно и предпринимал шпионские вылазки в Танзанию в целях тайной разведки оборонительных сооружений и местности. Уолсуэрт-Белл подготовил для Амина план боевых действий, в который вложил все свои способ-

ности, и хотя осуществлению плана препятствовало отсутствие необходимой техники, свидетельством того, что Амин так и не отказался от этой идеи, может служить тот факт, что наступлению танзанийских и угандийских антиаминовских сил, положившему конец его правлению, непосредственно предшествовало провалившееся с треском вторжение армии Амина в Танзанию.

Действуя в том же стиле, что и после возвращения из Нигерии, майор не стал проявлять особой сдержанности, оказавшись снова в Англии. Он хотел опубликовать историю своего сотрудничества с Амином в газете «Дейли экспресс», но этому помешал интересный ход правительства — оно запретило публикацию материала по соображениям национальной безопасности. По данным одной разведывательной службы, Уолсуэрта-Белла видели в аэропорту Энтеббе в момент нападения израильтян в начале 1979 года, но проверить это невозможно.

ЦРУ готовит палачей

Начавшаяся с чисток в армии и распространившаяся затем на тех, кто их проводил, жестокость правления Амина непрерывно росла, причем большую часть репрессий осуществляли «силы общественной безопасности», «государственный исследовательский центр» и различные другие органы. Обучение их кадров и поставки снаряжения для них обеспечивали Великобритания и Соединенные Штаты. В июле 1978 года американский обозреватель Джек Андерсон сообщил, что десять аминовских палачей обучались в международной полицейской академии в богатом пригороде Вашингтона — Джорджтауне. В этой академии, находившейся в ведении ЦРУ, натаскивались, включая обучение пыткам, полицейские офицеры со всего мира, пока она не была закрыта в 1975 году. Трое угандийцев продолжили «учебу» в специальной школе, также находившейся в ведении ЦРУ и называвшейся «Международные полицейские службы». Вскоре после переворота в Уганде ЦРУ направило туда полицейского инструктора. Жаркие споры разгорелись в Соединенных Штатах, когда в ноябре 1977 года стало известно, что от сорока до пятидесяти угандийцев обучаются там обращению с техникой, проданной Уганде. Двенадцать из них были летчиками полицейских вертолетов — американских вертолетов фирмы «Белл», поставленных Уганде в 1973 году.

Различное полицейское снаряжение попадало в Уганду также из Великобритании, в основном в результате подготовительной работы, проведенной агентом английской разведки

в Африке Брюсом Маккензи, бывшим летчиком английских ВВС, длительное время служившим советником президента Кении Кениаты. Он был представителем в Восточной Африке «Пай телекоммюникейшнс», гигантской английской компании, производящей радиоэлектронное оборудование. Торговля радиоприемниками и другими приборами продолжалась вплоть до падения Амина. Полицейское снаряжение было лишь частью грузов, доставлявшихся по жизненно важной для Амина линии в течение почти всего его правления — по «стенстедской челночной линии».

Несколько раз в неделю самолеты «Уганда эйрлайнс» приземлялись в аэропорту Стенстед в Эссексе, выгружали ящики и мешки с чаем и кофе и принимали на борт необходимые Амину предметы снабжения военного назначения и предметы роскоши вроде виски и мехов. Несмотря на все разоблачения характера диктатуры Амина и его зависимости от «стенстедской челночной линии», эта линия продолжала действовать вплоть до февраля 1979 года, когда английское правительство закрыло ее, проявив чрезвычайную способность приспосабливаться к обстановке. Главным преимуществом этой линии для Амина было то, что она позволяла обойтись без иностранной валюты, которой у Уганды практически не было.

В июне 1977 года «Санди таймс» сообщила, что угандийские самолеты принимали на борт автомашины «лендровер» (всего их было поставлено 28 штук), причем одна из них была специально переоборудована и буквально начинена сложнейшей радиоэлектронной техникой для контроля за радиопередачами, постановки радиопомех и выполнения других функций. Груз, обнаруженный «Санди таймс», включал также подвижную радиостудию — вероятнее всего, ту самую, из которой Амин продолжал заявлять по радио, что сохраняет контроль над страной, еще долго после того, как его вышибли из Кампалы. В то же время было разоблачено широкое сотрудничество между Угандой и «Краун эйджентс», торговым агентством с прочными связями в бывших колониях, контролируемых английским правительством. «Краун эйджентс» устроило для Амина сделку о покупке 120 трехтонных грузовиков, производящихся фирмой «Воксхолл» в Лутоне. Полагают, что грузовики перед отправкой были переоборудованы для военных целей. Поставщик электронного оборудования «Контэкт радио телефонс» и еще одна фирма в этой области снабжали государственный исследовательский центр устройствами для подслушивания телефонных разговоров, приборами ночного видения, систе-

мами охранной сигнализации и противоосколочными экранами. Когда член парламента от либеральной партии Дэвид Стил сделал запрос премьер-министру Каллагэну обо всем этом, тот смог лишь ответить, что это оборудование «предназначалось для выявления лиц, уклоняющихся от платы за пользование телевизорами». Ко всему вышесказанному можно добавить, что, как сообщалось, после налета израильтян на Энтеббе поврежденное там радиолокационное оборудование было отправлено в Англию для ремонта.

Основная ценность «стенстедской челночной линии» состояла в поддержании аминовской системы привилегий, крайне важной для сохранения преданности армии. Элита режима Амина, состоявшая из армейских офицеров, на которых не распространялось жесткое нормирование, навязанное всему остальному населению, зависела от товаров, привозимых по «стенстедской челночной линии». В периоды частых и широко распространенных нехваток, сочетавшихся с уровнем инфляции примерно в 150 процентов, офицеры могли воспользоваться английскими товарами, чтобы нажить целые состояния на «черном рынке».

Еще один аспект «стенстедской челночной линии» связан со всеми упомянутыми выше разведывательными службами; речь идет о том, как были приобретены самолеты, обслуживавшие эту линию. По данным бывшего в то время лондонским корреспондентом «Вашингтон пост» Бернарда Носситера, добытым им от источников в разведке, авиакомпания «Панам» получила от ЦРУ указание продать несколько самолетов «Боинг-707» АТАСКО — израильской компании, имевшей связи в министерстве обороны. Владельцем компании был Шауль Айзенберг, миллионер, управлявший обширной коммерческой империей. АТАСКО продала один из этих самолетов небольшой швейцарской фирме «Зимекс эйвиэйшн», которая и передала его Амину в мае 1976 года. Функция «Зимекс» состояла в посредничестве при финансировании проектов, поддерживавшихся МОССАД.

В 1977 годуу АТАСКО хотела продать «Уганда эйрлайнс» еще один самолет, но, так как о режиме Амина шла все более дурная слава, она опасалась лишиться одобрения госдепартамента США, полученного на первую сделку. Самолет был продан фирме «Ронэйр», которая затем передала его в аренду «Уганда эйрлайнс». «Ронэйр» очень тесно связана с АТАСКО, их конторы размещаются в одном и том же здании в Нью-Йорке. Столь необычная щедрость объяснялась стремлением получить возможность шпионить за ливийским

военным аэродромом в Бенгази, где самолеты «Уганда эйрлайнс» обычно дозаправлялись перед перелетом в Стенстед. МОССАД и ЦРУ обеспечивали угандийские самолеты своими «штурманами», которые вели наблюдение за аэродромом и составляли донесения, поступавшие в ЦРУ, МОССАД и МИ-6. Эта информация, вероятно, имела очень малую ценность, потому что ливийцам, несомненно, было известно о присутствии «штурманов» на борту самолетов. Но Амину оказывали дешевую услугу при перевозках кофе и чая в Лондон и английских товаров в Уганду.

Американцы также предоставляли пилотов для этих самолетов. Этим занималась калифорнийская компания «Автек», действовавшая в качестве субподрядчика «Зимекс». «Автек» также находилась в тесных отношениях с АТАСКО, но, как утверждает Носситер, «не имела официальных связей с разведкой».

В целом отношение английского правительства к режиму Амина было четко подытожено в «Таймс», когда Амин выселил проживавших в Уганде азиатов летом 1972 года: «Ирония состоит в том, что, если бы президент Амин исчез, могло бы последовать нечто худшее». В подобном же комментарии, свидетельствовавшем, что отношения с Амином остаются малопонятными, известный еженедельник «Экономист» отмечал: «Последнее правительство, которое хотело бы избавиться от Амина, — это правительство Великобритании». Английское правительство придерживалось такой позиции даже после разрыва дипломатических отношений в июле 1976 года, о чем свидетельствует тот факт, что «стенстедская челночная линия» продолжала функционировать. Влиятельные политические обозреватели в английской печати отмечали, что правительство не применит санкций к Уганде при Амине, поскольку это могло бы послужить прецедентом для санкций против ЮАР. Правительство явно считало, что плохое мнение о нем, складывающееся у мировой общественности из-за его связей с Амином, не так важно, как последствия разрыва связей с ЮАР.

Тем не менее сейчас, когда список жертв Амина — бывших друзей, священнослужителей, солдат, а в основном простых людей — пополняется с каждым днем, следует дать критическую оценку и тем, кто помогал ему оставаться у власти и предпочитал не замечать жестокости его режима, подтверждавшейся многочисленными документами. Сейчас, когда множество английских компаний устремляются в Уганду с требованиями о компенсациях и с предложениями о сделках на многие миллионы фунтов стерлингов, нынеш-

ний угандийский режим мог бы сделать и «нечто худшее», чем потребовать от английского правительства отчета о его действиях в этой стране за последние десять лет.

Из журнала «Африк — Ази»

ПРИЗНАНИЯ ОДНОГО ШПИОНА

Эта статья была опубликована в журнале «Африк—Ази» в 1978 г.

В то время как внимание мировой прессы приковано к маневрам, вызванным к жизни англо-американским планом, в Солсбери при соучастии некоторых западных держав и Претории замышляются акции, направленные на серьезную дестабилизацию внутренней жизни в наиболее радикальных из «прифронтовых государств».

Такой вывод можно сделать из показаний, данных 17 сентября прошлого года в Мапуту шпионом, схваченным в Мозамбике, когда он выполнял разведывательное задание в интересах армии Яна Смита.

По словам арестованного мозамбикаца по имени Афонсу Жуани Котой, родезийские власти готовили крупный рейд, главной задачей которого было физическое уничтожение мозамбикских руководителей. В ходе подготовки к этому налету, который должен скоро состояться, уже сосредоточены значительные количества военной техники и большое число солдат — родезийцев и иностранных наемников.

Котой был завербован родезийскими расистами в ноябре 1974 года, когда он работал на руднике в Южной Африке, где и показал, на что способен. Когда рудник был парализован забастовкой, Котой не только не присоединился к забастовщикам, но и сотрудничал с хозяевами, а также выдал полиции фамилии зачинщиков. Вскоре после этих событий с ним связались агенты контрреволюционных сил.

Как показал Котой, сначала его обучили обращению со всеми видами оружия. «Нас обучали, — добавил он, — родезийцы, португальцы и южноафриканцы. Были инструкторы, говорившие и на других языках».

Во время обучения Котой узнал о существовании Организации свободной Африки, состоящей из предателей и ди-

версантов и созданной империалистическими силами для борьбы против прогрессивных африканских стран, особенно на Юге Африки. Тогда же он узнал, что одним из лидеров этой организации является Жоржи Жардим, бизнесмен и известный фашист, живший в Мозамбике до изгнания португальских колонизаторов. «Нам говорили, — продолжал Котой, — что под руководством Жардима мы выбьем ФРЕЛИМО из Мозамбика. После этого нам не надо будет работать, потому что за нас будут работать другие. Жардим станет президентом... Нам говорили также, что, для того чтобы захватить власть, мы должны уничтожить главных руководителей и командиров ФРЕЛИМО. Когда я проходил обучение (в военном лагере на родезийской границе), прибывали другие завербованные; их вербовали точно таким же способом, как и меня, южноафриканцы или другие подобные им люди».

Первым заданием, которое получил Котой, было участие в налете на городок Мапаи в мозамбикской провинции Газа. В то время как бойцы ФРЕЛИМО вели огонь, сбив родезийский самолет-разведчик и не допустив посадки вертолета с десантом, Котой и его сообщники сбрасывали зажигательные бомбы на деревни, над которыми они пролетали, на разбегавшихся в панике стариков, женщин и детей.

По возвращении в Родезию Котой прошел новый, специализированный курс подготовки к выполнению шпионских заданий. «Инструкторами» были исключительно иностранцы.

После окончания этого второго курса Котой был выброшен в Мозамбик с парашютом.

«Когда мы вылетели на вертолетах, нас было пятьсот человек, — рассказывал он. — Сотня была сброшена на Н'Гала. Я и четыре других продолжали полет до Мапаи. Мои спутники были одеты в военную форму и имели радиопередатчики. Я был в гражданской одежде и имел при себе мозамбикские деньги. Вертолет должен был возвратиться и подобрать нас через несколько дней».

Котой получил задание, действуя в одиночку в обширном районе, выявлять местонахождение военных лагерей, численность войск, виды оружия, используемого ФРЕЛИМО, и так далее.

К тому времени, когда его арестовали, он уже пересек — пешком, на поезде и на автобусах — районы Чокве, Барражем и Мабалане и занес в записную книжку очень важные сведения. «Вертолет должен был прилететь за нами на следующую ночь, и я готовился ждать его до утра, — расска-

зывал он. — Я попросился на ночлег в одном доме, сказав хозяевам, что я из Мапуту. Я очень устал и быстро заснул. Через несколько часов меня разбудила группа бойцов ФРЕЛИМО. Я показал им свои документы и сказал, что иду с юга. Но так как они настаивали, чтобы я шел с ними, я понял, что игра проиграна. Поэтому я признался во всем. Я признался, что прибыл из Родезии и что я агент Организации свободной Африки».

Выступая перед журналистами в Мапуту, Афонсу Котой ни на минуту не раскаялся. Он просто заявил: «Жалко, что меня схватили».

Заир, ОТРАГ и Ангола

Стивен Вейссман

ЦРУ И ПОЛИТИКА США В ЗАИРЕ И АНГОЛЕ

Эта статья была написана в 1976 г., когда автор занимал должность адъюнкт-профессора политических наук в Техасском университете в Далласе. Она была опубликована в 1978 г. в вышедшей под редакцией Р. Лемаршана книге «Американская политика в странах Юга Африки: ставки и исходные позиции». В сокращенном виде статья была опубликована в «Политикл сайенс куотерли» летом 1979 г. В настоящее время автор является штатным сотрудником подкомиссии по Африке комиссии по иностранным делам палаты представителей конгресса США.

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее значительные из своих тайных операций в Африке ЦРУ осуществило в Заире (бывшее Бельгийское Конго) и Анголе. Когда не так давно начала разворачиваться полувоенная, политическая и пропагандистская операция в Анголе, как творцы американской политики, так и обеспокоенные африканские наблюдатели были поражены ее сходством с более ранним американским вмешательством в Заире. Государственный секретарь Генри Киссинджер высказал мысль, что независимость Анголы чревата теми же самыми последствиями для безопасности США, какими была чревата для них в 1960 году независимость Заира. Подходя к этому вопросу с другой точки зрения, принадлежащая правительству в прозападной Гане газета писала в редакционной статье: «Соединенные Штаты сейчас изо всех сил стремятся не допустить, чтобы МПЛА взяла власть в Анголе в свои руки, и действуют точно так же, как они использовали Чомбе для уничтожения Патриса Лумумбы, стараясь не допустить, чтобы его партия с социалистической ориентацией пришла к власти, когда Конго получит независимость».

В данной статье рассматриваются тайные действия в Заире и Анголе в свете тайной поддержки со стороны США

и Запада, включая фундаментальные и долгосрочные последствия вмешательства для дипломатических интересов США.

ТАЙНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ТАЙНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Заир

30 июня 1960 года Бельгийское Конго получило независимость, и к власти пришло правительство демократической коалиции, возглавлявшееся воинствующим националистом Патрисом Лумумбой. Вскоре после этого в Леопольдвиль прибыл Лоуренс Девлин, чтобы принять на себя обязанности резидента ЦРУ в американском посольстве. Уже через несколько недель он вовсю работал над планом свержения правительства и убийства ряда его членов. Это была первая из целой серии тайных операций и связанных с ними разведывательных программ, осуществление которых продолжалось и в 70-х годах.

Вскоре после получения независимости конголезская армия взбунтовалась; бельгийские войска вновь оккупировали страну и начали принимать меры для отделения провинции Катанга; премьер-министр Лумумба и глава государства Жозеф Касавубу призвали силы ООН оказать помощь в реорганизации армии и выдворении бельгийцев. ООН, однако, медлила с заменой бельгийских войск и отказалась выступить против движения за отделение Катанги, возглавлявшегося бельгийцами. Эта политика получила имевшую важнейшее значение поддержку республиканской администрации Эйзенхауэра, которая разделяла консервативные взгляды Бельгии и была склонна придерживаться той же политики в отношении Африки, что и другие страны НАТО. Когда организованный Бельгией политический нажим в пользу отделения Катанги усилился, Лумумба пригрозил высылкой сил ООН, за исключением контингентов сочувствующих ему африканских левонационалистических режимов, а также наступлением на Катангу.

В глазах американских руководителей настойчивые, эмоциональные и изменчивые просьбы Лумумбы о внешней помощи против Бельгии отражали его «личную неустойчивость». Ссылаясь на случаи, когда военнослужащие конголезской армии арестовывали бельгийцев и персонал сил ООН, посол Клэр Тимберлейк предупреждал: «...Если ООН не примет немедленные меры по выведению армии из-под контроля правительства... большая часть той горстки европейцев, которая еще остается в Леопольдвиле, уедет, и

среди оставшихся будут лишь сотрудники некоторых посольств, коммунистические агенты и политические авантюристы. Мы убеждены, что вышеупомянутое является коммунистическим планом. Лумумба, (министр информации) Кашамура, посол Ганы Джин и (начальник протокола) мадам Блуэн — все они настроены против белых, а последняя к тому же и коммунистка. Таковыми являются и их гвинейские советники. Прибывший сюда совсем недавно (французский пресс-секретарь) Серж Мишель (из Национально-освободительного фронта Алжира) еще прочнее окопался в лагере коммунистов и в еще большей мере настроен против Запада. По-видимому, они без труда толкают Лумумбу на путь, на который, по крайней мере частично, направляет его собственная интуиция».

Госдепартамент отмечал, что Лумумба «получает советы и поддержку не только от гвинейцев, но и от европейских коммунистов, а также, разумеется, от советского и других коммунистических представителей в Леопольдвиле».

18 августа Девлин телеграфировал в штаб-квартиру ЦРУ: «Посольство и резидентура считают, что в Конго происходит классический захват власти коммунистами... Независимо от того, является ли Лумумба действительно коммунистом или просто ведет коммунистическую игру в целях укрепления своей власти, антизападные группировки быстро набирают силу в Конго, и, возможно, осталось мало времени для принятия мер, чтобы избежать новой Кубы».

На заседании Совета национальной безопасности (СНБ) в тот же день помощник государственного секретаря Дуглас Диллон заметил: «Если войска ООН будут вынуждены покинуть эту страну, мы можем столкнуться с положением, когда в дела по приглашению Конго вмешаются Советы». Он добавил затем, что Лумумба «намеревается служить целям Советов». Президент Эйзенхауэр выразил сильную озабоченность тем, что «один человек, поддерживаемый Советами», может угрожать операции ООН, и кто-то из его высокопоставленных помощников, присутствовавших на заседании, вспоминал потом, что президент, кажется, дал указание насчет убийства. Во всяком случае, тогда явно были одобрены какие-то формы тайных действий, поскольку на следующий день штаб-квартира ЦРУ отдала распоряжение резидентуре в Конго «продолжить операцию (по замене Лумумбы прозападной группой)», и вытекавшие из этого меры были обсуждены 25 августа на заседании специальной группы СНБ, осуществлявшей контроль за тайными операциями ЦРУ в зарубежных странах.

Резидентура ЦРУ в Конго быстро предприняла «тайные операции через определенные профсоюзные группы» и «запланированную попытку «организовать» вотум недоверия Лумумбе» в конголезском сенате. После 25 августа, когда специальная группа по настоянию Эйзенхауэра согласилась, что «планы в отношении Конго не обязательно должны исключать рассмотрение любых конкретных видов действий, которые могут помочь избавиться от Лумумбы», была одобрена, разработана и принята к исполнению целая серия заговоров в целях убийства. Как бы в виде дополнительного стимула 26 августа появилось сообщение, что помимо 100 технических специалистов из советского блока, уже находившихся в Конго, туда вскоре прибудут 10 советских транспортных самолетов Ил-18, которые будут использованы при запланированном центральным правительством наступлении на Катангу.

К сожалению, в докладе о предполагаемых заговорах в целях убийства, подготовленном специальной сенатской комиссией по разведке, обходятся, если не считать нескольких непроанализированных замечаний, осуществлявшиеся ЦРУ программы политических действий против Лумумбы и его сторонников осенью и зимой 1960 года, а также роль финансировавшихся США лидеров в связи с убийством. Как я уже писал в другом месте, имеются серьезные косвенные доказательства того, что США сыграли определенную роль в перевороте Касавубу 5 сентября, направленном против Лумумбы; имеются непосредственные показания одного американского дипломата, находившегося на месте событий, а также двух бывших американских официальных лиц о том, что ЦРУ было причастно к решающему перевороту, совершенному Мобуту 14 сентября. Недавно рассекреченный документ госдепартамента «Хронология кризиса в Конго» в целом подтверждает это: «Оперативные планы охватывали тайные операции в целях свержения Лумумбы и установления прозападного правительства... (операции по этому плану были постепенно осуществлены ЦРУ)».

Два надежных американских дипломатических источника сейчас подтверждают, что специальная группа одобрила выплату денег Касавубу незадолго до совершенного им переворота. Это, безусловно, проливает свет на содержащееся в докладе об убийствах замечание, что на следующий день после выступления Касавубу два сотрудника ЦРУ связались с «высокопоставленным конголезским политиком, чтобы предупредить его об опасности со стороны Лумумбы», предложить помощь «в разработке новой правительственной

программы» и заверить, что Соединенные Штаты «предоставят технических специалистов».

Несколько американских и зарубежных дипломатов признают, что «группа Бияза», в которую входили полковник Жозеф Мобуту и его политические союзники (включая министра иностранных дел Бомбоко, комиссара финансов Нделе и глав служб безопасности Нендако и Каядоло), будучи компактной и обычно проявляющей готовность к сотрудничеству, служила для ЦРУ удобным каналом для передачи денег и рекомендаций. В «Хронологии» госдепартамента указывается: «ОАР и Гана не были единственными странами, перекачивавшими деньги (в их случае — сторонникам Лумумбы) в политических целях. К середине ноября действия США на политической сцене в Леопольдвиле достигли значительных размеров и, вероятно, были весьма заметны... Посол Тимберлейк и представители другого ведомства (авторы отмечают: явно ЦРУ) вели интенсивные переговоры с Касавубу, Мобуту, Илео, Бомбоко, Адулой, Боликанго и другими... (из телеграммы Тимберлейка). Я надеюсь, что из отдельных скромных успехов госдепартамент не делает вывод, что посольство «имеет в кармане» Касавубу, Мобуту или любых других конголезцев. Хотя мы постоянно стремимся с помощью рекомендаций и консультаций направить умеренные элементы по разумному пути, они редко добровольно обращаются к нам за советом относительно своих будущих шагов... (Представитель ООН Раджешар Даял) в интервью корреспонденту «Нью-Йорк таймс» (фамилия не указана) дал ясно понять, будто ему известно, что Соединенные Штаты финансируют Мобуту... (Генеральный секретарь ООН Даг Хаммершельд) заявил постоянному представителю США в ООН, что было бы крайне полезно, если бы мы смогли добавить немного «огонька» Касавубу (помогли бы сформировать новое правительство, приемлемое для парламента), но только при условии, что мы сделаем это «деликатно» и «незримо» и при этом «не положим ничего в его карман» — явный намек на тайные действия США в Леопольдвиле...»

К числу «скромных успехов» американцев относились срыв усилий конголезцев и представителей других африканских стран по примирению Касавубу и Лумумбы, а также усилий конголезских «умеренных» по расширению базы режима Мобуту.

Конголезские лидеры, финансируемые и консультируемые ЦРУ, откликались, по-видимому, и на более важные просьбы, хотя в докладе об убийствах их роль затушевана.

В докладе отмечается, что Девлин «предупредил одного из главных конголезских лидеров» о перевороте, замышляемом Лумумбой и двумя его сторонниками, и «настаивал на аресте или другом, более перманентном избавлении от Лумумбы, Гизенги и Мулеле», — хороший пример связи между разведывательной программой и программой тайных действий ЦРУ. Но в докладе не упоминается, что заместитель премьер-министра Гизенга был в действительности арестован Мобуту и что было принято решение передать Гизенгу его злейшим врагам в Катанге. В последнюю минуту он был освобожден сочувствовавшими ему ганцами из войск ООН. Подобным же образом Девлин изображается в докладе как «советник», содействовавший попытке некоторых конголезцев «устранить» Лумумбу на следующий день после переворота Мобуту. Однако в докладе ничего не говорится о том, что Лумумба был арестован на следующий день, но ему удалось бежать от своих тюремщиков.

В конце ноября Лумумба покинул расположение войск ООН, предоставивших ему охрану, и попытался вернуться в Стэнливиль, где имел политическую базу. Резидентура ЦРУ совместно с правительством Мобуту приняла меры, чтобы перекрыть дороги и оповестить воинские части о возможных маршрутах побега. После захвата Лумумбы создалось впечатление, что охранявшие его солдаты могут взбунтоваться и помочь ему вернуться к власти, поэтому его перевезли в Катангу, где он и был убит, вероятно, в ночь на 18 января.

Этот яркий контекст политических действий и влияния ЦРУ выпал из поля зрения авторов доклада об убийствах, когда они делали следующий вывод: «Несмотря на то что Девлин знал о плане правительства передать Лумумбу в руки его врагов в то время, когда ЦРУ было убеждено, что необходимы решительные шаги, чтобы не допустить возвращения Лумумбы к власти, нет никаких свидетельств о причастности ЦРУ к этому плану или умерщвлению Лумумбы в Катанге». ЦРУ субсидировало и консультировало (со «скромным успехом») высшее конголезское руководство, решившее перевезти Лумумбу в Катангу. Об этом плане информировал Девлина добровольно один из «конголезских правительственных лидеров». ЦРУ работало с некоторыми из своих политических протеже, а также с другими конголезцами и одним европейцем с августа до конца ноября, предпринимая попытки убить или насильно увезти Лумумбу. После рекомендации ЦРУ о «постоянном избавлении» от заместителя Лумумбы последовали его арест и правительственное решение о выдаче злейшим врагам в Катанге. На

этом фоне тайного политического влияния, включая конкретные заговоры в целях убийства, нежелание ЦРУ осудить выдвинутый его предшественниками план избавления от Лумумбы должно было восприниматься как выражение молчаливого согласия. Во всяком случае, трудно избежать вывода, что оно выглядит как явное соучастие в убийстве.

Открытая дипломатия существенно способствовала успеху тайных операций в этот период. ООН контролировала потенциально решающие военные и финансовые ресурсы в Леопольдвиле. Но ее зависимость от американской экономической, политической, материально-технической и административной поддержки обусловила, что эти козырные карты использовались либо непосредственно в американских целях, либо косвенно — в виде благосклонного нейтралитета. Так, представитель ООН Эндрю Кордье не отговаривал Касавубу от совершения переворота, поддерживавшегося ЦРУ, и, вероятно, дал этому перевороту решающий импульс, закрыв аэропорты и радиостанции и тем самым не позволив Лумумбе мобилизовать своих сторонников. Воспользовавшись в данном случае лозунгом «закон и порядок», ООН хранила молчание и бездействовала, когда ее военный протеже Мобуту несколько дней спустя осуществил еще один инспирированный ЦРУ переворот. Хотя определенные политические и административные изменения позволили ООН занять более беспристрастную позицию в последующие недели (например, она предложила убежище Лумумбе до его побега и поимки), она тем не менее оказывала значительную фактическую поддержку режиму Мобуту, установленному с помощью США.

После прихода к власти в США администрации Кеннеди опасения, что Советский Союз использует в своих целях движение сторонников Лумумбы, не уменьшились. В конце концов Гизенга установил в Стэнливиле режим, получавший финансовую и политическую поддержку от Советского Союза и Объединенной Арабской Республики. Но администрация Кеннеди проявляла большую уверенность, чем предыдущая администрация, в стойкости гражданских умеренных и по-новому подходила к африканским отношениям. Она решила установить законный парламентарный режим во главе с Адулой, который поглотил бы Гизенгу и его союзников, и постепенно заставить ООН и упорствующих союзников по НАТО выступить против отделения Катанги. Тайный подкуп парламентариев агентами ЦРУ и представителями ООН на совещании, которое избрало Адулу, подтверждаемый одним из сотрудников американского посольства

и несколькими неофициальными источниками, получил следующую оценку в памятной записке ЦРУ, хранящейся в архивах президента Кеннеди: «ООН и Соединенные Штаты, тесно координируя свои действия, сыграли важную роль в этой значительной победе над Гизенгой». В этом документе раскрывается также программа, разработанная ЦРУ для Адулы в ноябре 1961 года: «Госдепартамент совместно с другими правительственными ведомствами (явно ЦРУ) стремится помочь Адуле улучшить его политическую базу и усилить его власть в стране и общие позиции. Эта деятельность осуществляется в сфере политической организации, охватывая соответствующие профсоюзные и молодежные группы, аппарат связи с общественностью и службы безопасности».

По данным нескольких дипломатических источников, главные политические сторонники премьер-министра — «группа Бинза» — по-прежнему получали субсидии от ЦРУ. В дополнение к этому были использованы фонды для обеспечения политических действий, чтобы ориентировать в нужном направлении парламент и способствовать созданию РАДЕКО — политической партии, поддерживавшей Адулу. Еще одним примером применения «разведывательной информации» для тайных операций может служить раскрытие ЦРУ заговора в целях убийства Мобуту. Информация была передана Мобуту, и в благодарность за это он, как говорили, стал внимательнее прислушиваться к рекомендациям ЦРУ.

И вновь решающую поддержку тайным действиям в целях стабилизации прозападного режима оказала обычная дипломатия. Американская поддержка позволила войскам ООН подавить сепаратистов в Катанге, что дало дополнительный источник финансовых средств и повысило националистический престиж правительства Адулы. Американская экономическая помощь, оказывавшаяся вначале через добровольные взносы в ООН, а затем на двусторонней основе, значительно увеличила ресурсы правительства. В 1963 году Соединенные Штаты совместно с Бельгией и Италией приступили к осуществлению программы военной помощи, включавшей поставки техники и обучение личного состава. Американский посол и представитель в ООН первыми стали настаивать, чтобы Адула изгнал Гизенгу из своего кабинета и устранил его с политической сцены. При этом указывалось, что ООН будет содействовать аресту Гизенги.

После подчинения Катанги поддержка афро-азиатскими странами военного присутствия ООН в Конго ослабела, и к

середине 1964 года войска ООН были выведены из страны. Повстанцы из числа сторонников Лумумбы быстро захватили половину страны и угрожали столице.

При президенте Джонсоне ЦРУ в течение почти четырех лет вело крупную полувоенную кампанию против повстанцев в Куилу и Восточной провинции. Тайные действия и планирование были сосредоточены главным образом на непосредственных боевых операциях и координировались с открытой американской и бельгийской военной помощью в области техники и материально-технического обеспечения. Так, в начале 1964 года одна организация в Майами, связанная с ЦРУ, предоставила в распоряжение правительства Конго летчиков из числа беглых кубинских контрреволюционеров для пилотирования вооруженных итальянских учебно-тренировочных самолетов Т-6 в ходе боевых действий против «мулелистов» в западной части провинции Куилу. (Правительство Конго не имело своих летчиков.) Весной успехи повстанцев на востоке страны привели к тому, что министерство обороны США вынуждено было направить сюда шесть самолетов Т-28, вооруженных ракетами и пулеметами, десять военно-транспортных самолетов С-47, шесть тяжелых вертолетов Н-21, запасные части для автомобилей, 100 «военных техников» для обучения конголезцев обращению с новой техникой и «нескольких» советников по борьбе с повстанцами. В то время как Бельгия прислала летчиков и технический состав для обслуживания небоевых самолетов, ЦРУ направило еще нескольких летчиков-кубинцев для полетов на боевых самолетах Т-28 под контролем своей резидентуры.

После захвата Стэнливиля повстанцами в августе 1964 года государственный секретарь Дин Раск одобрил «немедленные меры... по объединению усилий с бельгийцами, чтобы помочь Чомбе (который только что сменил Адулу на посту премьер-министра при поддержке Касавубу и «группы Бинза») создать силы наемной жандармерии и усилить все имеющиеся воинские части в целях удержания нынешних позиций и организации контрнаступления против повстанцев». И вновь проявилась неразрывная связь между открытыми и тайными формами поддержки. В Леопольдвиль прибыли 4 американских военно-транспортных самолета С-130 с полными экипажами и «охраной» из парашютистов, а также четыре или пять бомбардировщиков Б-26, наземный транспорт, вооружение и боеприпасы. Бельгийцы также прислали технику и 300—400 офицеров, принявших на себя

функции советников по вопросам командования и материально-технического обеспечения.

Почти вся эта открытая помощь оказывалась в интересах примерно 700 южноафриканских, родезийских и западноевропейских наемников, которые активно участвовали в боевых действиях, выступая в качестве «передовых отрядов» отборных правительственных войск. Руководитель резидентуры ЦРУ Бенджамен Кашинг говорил бельгийскому старшему начальнику в Конго, что готов субсидировать все усилия Чомбе по вербовке наемников в случае нехватки у последнего валюты (но она имелась). ЦРУ обеспечило присылку еще одной группы летчиков-кубинцев для бомбардировщиков Б-26, которые вместе с остальной авиацией ЦРУ в Конго поддерживали с воздуха наступление наемников. К январю 1965 года в Конго действовали еще два самолета Т-28 и три-четыре бомбардировщика Б-26, присланные, по всей вероятности, компанией «Интермаунтин эйвиэйшн», принадлежавшей ЦРУ.

Когда некоторые африканские страны начали переправлять оружие повстанцам через озеро Танганьика, ЦРУ наняло летчиков и экипажи — как сообщали, из южноафриканцев — для патрулирования озера. Обслуживанием патрульных катеров и самолетов-истребителей занялась подставная организация ЦРУ — компания «Уэстерн интернэшнл граунд мейнтенанс организейшн» (УИГМО), зарегистрированная в Лихтенштейне и имевшая в Конго штат из 50—100 европейцев. Использование механиков и обслуживающего персонала УИГМО позволяло избежать прямых обвинений в участии американского и бельгийского военного персонала в боевых действиях в воздухе и на воде; кроме того, ЦРУ пыталось таким образом отмежеваться от становившихся все более заметными связей с кубинскими эмигрантами. Тем не менее ЦРУ сформировало группу из 17—18 кубинцев для возможной операции по вызволению находившихся в Стэнливиле американских заложников-дипломатов, среди которых были и сотрудники ЦРУ. Эта операция была осуществлена 24 ноября 1964 года, когда американские военно-транспортные самолеты С-130 сбросили бельгийских парашютистов на Стэнливиль. В это время кубинцы вместе с отрядом наемников находились неподалеку в готовности к действиям в случае, если бы выброска десанта была отменена.

Сообщалось, что к середине 1966 года в Конго находилось около дюжины кубинских летчиков и 100 других специалистов УИГМО, но полувоенная кампания окончилась,

по заявлению члена специальной группы Сайруса Вэнса, примерно в середине 1967 года. Однако в июле 1967 года мятеж белых наемников против конголезского правительства создал новую угрозу расчленения страны и опасную нестабильность. В страну были срочно направлены три самолета С-130 с «поддерживающим персоналом» для переброски бронеавтомобилей и войск в районы боевых действий. Но влиятельные конгрессмены, опасавшиеся «нового Вьетнама», заставили президента Джонсона отозвать два самолета в августе, а третий — в декабре. Джонсон также отдал приказ «не вмешиваться вновь в такой степени в африканские дела, за исключением случаев крайней необходимости». Но все же, по свидетельству одного высокопоставленного сотрудника госдепартамента и другого дипломатического источника, соблазн продолжить тайные операции оказался достаточно сильным, чтобы санкционировать возвращение нескольких летчиков-кубинцев в Конго в конце 1967 года.

Что касается политических акций, то, как утверждают надежные дипломатические источники, ЦРУ продолжало оказывать помощь «группе Бинза» в период нахождения у власти Чомбе (1964—1965 годы). Поскольку новая конституция предоставляла большие полномочия президенту, усилилось соперничество между премьер-министром Чомбе и президентом Касавубу, которые претендовали на пост президента в будущем. Американцы были озабочены, когда Касавубу попытался «сделать крен влево», сместив Чомбе и назначив правительство, готовое рассмотреть вопросы об отказе от услуг наемников, о признании коммунистического Китая и об улучшении отношений с левонационалистическими африканскими государствами. По свидетельству трех хорошо информированных лиц — американского высокопоставленного деятеля, работавшего тогда в Вашингтоне, западного дипломата, специализировавшегося на Конго, и американского бизнесмена, беседовавшего с возвратившимся из Конго сотрудником ЦРУ Девлином, — ЦРУ было замешано во втором перевороте Мобуту 25 ноября 1965 года.

Преуспев с помощью ЦРУ в проведении репрессий, Мобуту начал укреплять свое политическое и финансовое положение. Из западноевропейских военных школ стали возвращаться обученные конголезские летчики. Казалось, что потребность в тайных операциях уменьшилась. Американский дипломат, чья информация всегда была надежной, утверждает, что выплаты ЦРУ Мобуту для политических действий прекратились в конце 60-х годов. Однако, по све-

дениям одного сотрудника госдепартамента и иностранного дипломата в Заире, ЦРУ ведало подготовкой личных телохранителей Мобуту в течение 70-х годов. Вышеупомянутый дипломат лично наблюдал, как резидент ЦРУ Джеймс Ким продолжал передавать Мобуту «разведывательные данные» о развитии политической обстановки как в Африке в целом, так и в Конго и «пытался влиять на него» — частично через таких людей, как Уильям Клоуз, американский гражданин, длительное время бывший личным врачом и политическим советником Мобуту. В одной из памятных записок Белого дома в 1967 году содержалась ссылка на письмо Клоуза президенту Джонсону, в котором «давалась высокая оценка» его решению направить самолеты в Конго летом того года. В памятной записке отмечалось также, что Клоуз «оказывает значительное влияние на президента Мобуту, многократно использовался им в качестве эмиссара и всегда помогал нашему посольству в Киншасе».

К 1975 году, когда в соседней Анголе разразился политический кризис, государственный секретарь Киссинджер, по некоторым сведениям, делал ставку на Мобуту с целью «противодействовать интересам Москвы» в Африке в целом и «отстаивать интересы Вашингтона на различных международных форумах», особенно на тех, где Соединенные Штаты подвергаются нападкам со стороны сил «третьего мира». В том же духе директор ЦРУ Уильям Колби назвал Заир «будущей крупной региональной державой». Соединенные Штаты незамедлительно оказали помощь Мобуту в 1975 году, когда упали цены на медь и соответственно сократились доходы заирского правительства, возникли проблемы с выплатой долгов американским и другим зарубежным кредиторам, все более открыто начало проявляться недовольство народа, а Мобуту был обеспокоен приходом к власти в соседней Анголе послеколониального левого режима, который мог стать примером для других стран. Отказавшись от решения «играть малозаметную роль» в Африке, американская администрация предоставила Мобуту открытую помощь в размере 100 млн. долларов.

Что касается тайной помощи, то одной из причин удивительной операции ЦРУ в Анголе, как мы увидим ниже, было стремление оказать психологическую поддержку заирскому режиму. Оставалось неясным, расширит ли администрация Картера, учитывая продолжающуюся неустойчивость режима Мобуту, программы ЦРУ по содействию Мобуту или правительству, которое могло прийти ему на смену. По иронии судьбы, Лоуренс Девлин вновь появился

на сцене — уже в личине представителя американского бизнесмена Мориса Темплсмана, активного сторонника режима Мобуту, извлекавшего из этого немалую выгоду. Девлин дослужился до должности начальника отделения тайных операций в африканском отделе ЦРУ, но затем понял, что выше ему не подняться. По свидетельствам дипломатических источников, Мобуту пользуется его помощью для установления контактов с американскими должностными лицами в периоды «взаимного непонимания» или напряженности отношений между двумя странами, а также считает его «вторым ЦРУ», с помощью которого он будет следить за первым в случае изменений в американской политике.

Как мы видели, тайные операции ЦРУ и связанные с ними открытые дипломатические акции сыграли существенную роль в приходе к власти в Заире одобренного американцами руководства. После 1967 года действия в поддержку заирского правительства продолжались. Хотя их непосредственное влияние и не было, вероятно, решающим, ретроспективное и потенциальное значение таких действий было, несомненно, огромным. К 1975 году внешнеполитические опасения (и гегемонистские амбиции) Мобуту наряду с его затруднениями внутри страны привели к эскалации американской помощи, что вновь вызвало угрозу превращения США в вершителя политической судьбы Заира.

Ангола

До 1975 года Португалия отказывалась следовать по пути мирной деколонизации Черной Африки, по которому шли другие европейские страны. Президент Португалии Салазар заявил американскому послу в 1961 году, что «единственным национализмом» в Анголе и Мозамбике «был португальский национализм, порожденный столетиями тесной связи с Португалией». Эта догма насильно внедрялась путем подавления любой политической деятельности, если казалось, что она носит современный — африканский националистический — дух.

Отчасти под влиянием того, что бывшее Бельгийское Конго, расположенное по соседству, добилось независимости, различные подпольные движения Анголы приняли участие в вооруженных выступлениях в феврале — марте 1961 года в столице Луанде и на севере страны. В ответ на эти плохо подготовленные выступления португальцы устроили настоящую «кровавую баню». Однако, как мы видим, либеральная администрация Кеннеди решила вести «холодную войну» с новым упором на настроения афро-азиатских стран. Поэтому

Соединенные Штаты в марте 1961 года проголосовали за резолюцию ООН, призывавшую к предоставлению самоопределения португальской Африке.

США организовали тихую дипломатическую кампанию, включая посулы экономической помощи, с целью подтолкнуть Португалию на реформы, ведущие «в конечном счете к самоопределению» ее африканских колоний. Открытая поддержка самих ангольцев включала поставки продовольствия по чрезвычайной программе и общую благотворительную помощь. Наконец, как признал государственный секретарь Киссинджер, вскоре США начали предоставлять через ЦРУ тайную «финансовую, невоенную помощь» Холдену Роберто, руководителю ангольского политического движения, имевшего базу в Заире. Американское посольство в Леопольдвиле установило тесный контакт с Роберто еще в апреле 1961 года. Когда португальский министр иностранных дел в частном порядке обвинил американские службы в связях с «врагами Португалии», государственный департамент приказал посольству «не вступать в дальнейшем ни в какие контакты с Роберто, если не последует иных указаний», однако с ним можно было встречаться по его собственной просьбе.

В отличие от Заира открытая поддержка фаворитов Америки в Анголе была ограничена из-за упорства колонизаторов и ввиду того военного значения, которое имела для Соединенных Штатов авиабаза в Португалии. Дипломатические усилия были быстро сокращены, и тайные операции оказались изолированной и малоэффективной частью американской политики.

В условиях, когда Португалия проявляла твердость, а Соединенные Штаты малодушничали, Роберто во все большей степени зависел от гостеприимства и помощи заирского правительства. Разумеется, высшее руководство Заира находилось на содержании ЦРУ, и его отношения с Роберто могли лишь улучшаться от сознания, что у них общий благодетель. Но у заирцев были и собственные интересы. Например, премьер-министр Адула, близкий друг Роберто, был обеспокоен, что этого ангольца «вытолкнут менее умеренные силы» и что сам он, Адула, «будет иметь эмигрантское правительство коммунистической ориентации».

Действуя, по-видимому, по собственной инициативе, Заир разрешил руководимому Роберто ГРАЕ[1] переправлять людей и технику через ангольскую границу и организовал учебную базу в Кинкузу, где прошедшие подготовку в Ал-

---

[1] Временное правительство Анголы в эмиграции.

жире ангольцы обучали вооруженные формирования ГРАЕ, оснащенные алжирским, тунисским и марокканским оружием. По свидетельству профессора Джона Маркума, Адула даже финансировал Роберто из собственных фондов, когда в этом возникала необходимость. Решение Заира в 1963 году признать ГРАЕ в качестве единственного законного националистического движения в Анголе было принято, видимо, вопреки советам помощника государственного секретаря Уильямса и американского посольства.

Недостаточность американской помощи — в основном тайной, «финансовой и невоенной» — особенно проявилась в конце 1963 года, когда Роберто, как считало американское посольство в Леопольдвиле, «начал подумывать о коренной переориентации ангольской националистической политики в сторону более тесного сотрудничества с коммунистическим блоком». Советник Роберто по профсоюзным вопросам Карлос Кассел известил сотрудников американского посольства, что, как он считает, «Роберто после недавнего возвращения из Нью-Йорка изменился... он полностью разочарован в западной, особенно американской, политике в отношении Анголы. Он убежден, что США никогда не станут рисковать своими военными связями с Португалией и что в конечном счете именно американская военная помощь португальцам позволяет последним удерживать Анголу».

На праздновании дня независимости Кении в Найроби министр иностранных дел Китая Чень И, как сообщалось, предложил Роберто «крупномасштабную военную помощь». Предусматривался также визит в Пекин делегации ГРАЕ. Сам Кассел получил указания «установить контакт» с контролируемой коммунистами Всемирной федерацией профсоюзов. В это время заирские власти подвергались нападениям со стороны повстанцев, поддерживаемых Китаем; они «выразили озабоченность в связи с вмешательством коммунистического Китая в ангольское националистическое движение и заявили, что присутствие китайских технических специалистов в Заире будет нежелательным». Тем не менее США и Заир опасались, что «Роберто могут вскоре вытеснить экстремисты, связывающие свое будущее с коммунистами», и что в конечном счете может наступить «этап, когда они не будут больше склонны вести переговоры об умеренном и эволюционном урегулировании, когда Португалия наконец предложит таковое».

Учитывая ограниченные возможности открытой дипломатии и тот факт, что либералы отдавали предпочтение ненасильственному национализму, Уильямс мог лишь предло-

жить начать новую расширенную программу тайных политических действий в Анголе и Мозамбике. В ретроспективе представляется, что, внося подобное предложение, помощник государственного секретаря опирался на стремление выдавать желаемое за действительное и не учитывал различия между позицией португальского колониализма и политикой других европейских колониальных держав в Африке: «Мы считаем, что националисты должны изменить свою нынешнюю тактику насильственных действий и сконцентрировать свои усилия при нашей тайной помощи на создании широкой политической организации внутри территорий и за их пределами. Эта организация должна основываться на нерасовых принципах. Внутри территорий она должна проводить политические кампании, направленные на развитие политической сознательности и демонстрацию общественной поддержки самоопределению». Судьба предложения Уильямса неизвестна.

Позже, при администрации Джонсона, даже тайная помощь приобрела противоречивый характер. Деньги ЦРУ попрежнему текли к Роберто: по свидетельству бывшего сотрудника африканского бюро госдепартамента, сомнений «в способностях Роберто как руководителя» было недостаточно, чтобы рисковать «нашими историческими отношениями». Однако, как указывают бывшие сотрудники ЦРУ Маркетти и Маркс и как подтверждают еще два бывших сотрудника, Соединенные Штаты решили продать Португалии двадцать бомбардировщиков Б-26 для использования на ее африканских территориях. Нанятые ЦРУ летчики перегнали семь самолетов в Португалию, прежде чем из-за бюрократической неразберихи американские таможенники наложили арест на остальные машины. Уильямс тщетно протестовал против этого отказа от последнего проявления открытого давления на Португалию — эмбарго на поставки оружия. Хотя конкретные мотивы продажи этих самолетов неизвестны, имеются некоторые свидетельства о том, что эта сделка могла быть связана с предоставлением права захода в некоторые португальские порты американских атомных подводных лодок, оснащенных ракетами «Поларис».

Несмотря на то что ГРАЕ было признано в 1964 году Организацией африканского единства (ОАЕ), оно по-прежнему зависело в основном от одной африканской страны — Заира. Режим Мобуту предоставлял ему в ограниченных размерах денежные средства и оружие. Более важным было то, что Мобуту арестовал оппозиционеров из группировки Роберто и держал их в тюрьме на базе Кинкузу, а также следовал

прежней политике не разрешать МПЛА переходить границу между Заиром и Анголой, которая была наиболее удобной для партизанских действий. Тем не менее МПЛА, получавшая помощь от Советского Союза, в конечном счете смогла развернуть революционные боевые действия с баз в Конго (Браззавиль) и — что имело особо важное значение — в Замбии. К 1969 году МПЛА «расценивалась португальцами как наиболее эффективная партизанская группировка, с которой им приходится сталкиваться», в то время как Роберто все чаще обвиняли в вялости действий и в обуржуазивании. В 1971 году ОАЕ перестала признавать его движение.

Во время нахождения у власти администрации Никсона и в начальный период деятельности администрации Форда американская политика в отношении Юга Африки как в плане открытых, так и в плане тайных акций отошла еще дальше от поддержки африканского национализма. Консервативно настроенные политики из республиканской партии считали удобным исходить из предложений, наподобие следующих: «Белые будут здесь всегда, и любые конструктивные изменения могут быть осуществлены только через них» или «Насилие в этом регионе не может сильно возрасти, потому что черные признают военное превосходство белых и не будут рисковать своей безопасностью в открытой конфронтации». Из таких предположений они делали политический вывод, что США могут занять «общую позицию частичного ослабления ограничений на ведение дел с режимами белых, балансируя свои отношения в этом регионе путем компенсации своих интересов в государствах с режимами белых, а не путем отказа от них». В случае с Анголой это означало «избегать нажима на португальцев», особенно в связи «с приближающимися переговорами на Азорских островах». Поэтому республиканские администрации ввели послабления в эмбарго на продажу оружия Португалии, разрешив продажу несмертоносной техники двойного назначения (военного и гражданского), в частности пассажирских самолетов «Боинг-707». Кроме того, по данным источников в разведывательных службах, ЦРУ сократило выдаваемые Роберто тайные субсидии до «минимальных» выплат в размере примерно 10 тыс. долларов в год, предназначенных для «сбора разведывательных данных».

С сокращением американской поддержки движение Роберто в еще большей мере попало под влияние Мобуту, зависимость которого от США в начале 70-х годов была поч-

ти полной. Заир принял меры по обучению и снабжению сил Роберто и подавил мятеж тысячи солдат ГРАЕ в 1972 году. Роль Заира возросла еще больше в 1974 году, когда революционное военное правительство в Португалии начало деколонизацию, и казалось, пробил исторический час для Роберто. Мобуту посетил Китай вслед за Никсоном в 1973 году и в свою очередь подготовил почву для последующего визита туда Роберто. С мая 1974 года по октябрь 1975 года китайцы, которым раньше не удавалось использовать в своих целях раскольнические группы в МПЛА и ГРАЕ, направили около 120 военных инструкторов в силы Роберто — теперь именовавшиеся ФНЛА — в Заире. Они обучили также примерно 5 тыс. солдат ФНЛА и снабдили их легким оружием (автоматами, пулеметами, реактивными противотанковыми гранатометами и легкими минометами). Мобуту обратился к президенту Спиноле, тщетно пытаясь добиться признания Португалией раскольника из МПЛА Чипенды, который позже присоединился к ФНЛА.

К январю 1975 года, когда португальцы сформировали переходное трехстороннее коалиционное правительство в Анголе, ФНЛА, которую поддерживали Китай и Заир, имела значительное преимущество перед получавшей помощь от Советского Союза МПЛА по количеству обученных и проходящих обучение войск, по количеству и качеству вооружения и военной техники, по количеству имевшихся на местах иностранных советников. Третья крупная группировка — УНИТА Жонаса Савимби — имела очень небольшие и плохо вооруженные войска. По сведениям американских дипломатов в Луанде, МПЛА достигла равенства в имевшихся военных ресурсах лишь к концу весны. Тем не менее предложение ЦРУ поддержать Роберто, передав ему 3 млн. долларов из фондов обеспечения политических действий, было одобрено «комитетом 40» и президентом Фордом в конце января. (Просьба ЦРУ выделить 100 тыс. долларов Савимби была отклонена.) Представитель «комитета 40» вспоминает, что главной целью при принятии этого решения было не столько стремление отреагировать на укрепление МПЛА, получавшей помощь от Советского Союза, сколько стремление «оказать психологическую поддержку нашему непосредственному союзнику» — Заиру. Таким образом, тайные и открытые «успехи» в Заире теперь вели к дальнейшему вмешательству в Анголе.

После пары раундов эскалации советско-кубинской и американо-заиро-южноафриканской помощи МПЛА не имела значительного преимущества в военной технике и в бое-

вой подготовке, однако ее политическое и организационное превосходство позволили ей изгнать оппозиционные силы из Луанды, Кабинды, главнейших южных портов и центров округов. 17 июля «комитет 40» одобрил двухэтапную программу поставок оружия и другой помощи Роберто и Савимби в размере 14 млн. долларов, а 27 июля президент Форд поставил под этим решением свою подпись. В начале сентября на эти цели было выделено дополнительно 10,7 млн. долларов.

В отличие от операций в Заире в 1964—1967 годах американская военная помощь была полностью тайной, хотя директор ЦРУ Колби предупреждал, что шансы разоблачения значительные. Киссинджер оправдывал попытку поддерживать полную секретность, ссылаясь на юридические препятствия для военной помощи повстанцам, особенно через соседние страны, а также утверждая, что открытая помощь привела бы к «неуправляемой» и «открытой» конфронтации с Советским Союзом. Тем не менее юридические барьеры можно было бы преодолеть и опасность несоразмерной реакции Советского Союза на открытую помощь можно было бы уменьшить, если бы конгресс и американская общественность проявили бы такое же понимание, как в период волнений в Заире.

Различные американские дипломатические источники дают следующую разбивку расходов на тайные операции к середине осени 1975 года: 5,8 млн. долларов — на обеспечение политических акций; 500 тыс. долларов — на другие пропагандистские мероприятия; 900 тыс. долларов — на транспортные и прочие расходы; 10 млн. долларов — на вооружение и военную технику; 350 тыс. долларов — на средства связи; 5,4 млн. долларов — на доставку вооружения и военной техники; всего — 22 млн. 950 тыс. долларов. Оружие передавалось ФНЛА и УНИТА как непосредственно, так и путем замены вооружения, полученного от Заира и, возможно, от Замбии. Второй путь был короче и позволял скрывать роль США, потому что в этом случае поставлялось много неамериканской техники. Первые партии непосредственно поставлявшегося США оружия были переброшены на самолетах С-141 в страны-посредники. Считалось, что Мобуту «почувствует, насколько мы серьезны», когда увидит эти огромные самолеты. Была развернута пропагандистская кампания против советских поставок МПЛА и против тех стран, через которые шли эти поставки. Савимби и Роберто ежемесячно получали деньги на политические акции — внутреннюю пропаганду, организацион-

ные расходы и так далее. Эти субсидии и другие средства использовались для оплаты услуг белых наемников — «военных техников», — бывших португальских сержантов, французов, бразильцев и других. Хотя наемники и получали деньги ЦРУ, персонал управления не участвовал в их вербовке и не руководил ими. США тайно финансировали граждан «третьих стран», как это было и в Заире, но на этот раз ЦРУ не играло роли непосредственного организатора, как в случае с УИГМО. Такой способ действий применялся еще в 1964 году, когда ЦРУ предложило Чомбе деньги, на которые он должен был сам вербовать белых наемников. Как и в Заире, американскому персоналу ЦРУ было запрещено, находясь в стране, давать консультации по военным вопросам и заниматься военным обучением своих приспешников. Но, по сведениям, полученным от американских дипломатов, персонал ЦРУ из американцев все же помогал перебрасывать доставленную по воздуху в Заир военную технику своим протеже в Анголе. Кроме того, по данным как Джона Стокуэлла, так и Уильяма Колби, в Анголе находилось около дюжины американских «полувоенных» советников, несмотря на четкое указание «комитета 40», что военному персоналу США не следует там быть. Наконец, хотя ЦРУ руководило ангольской операцией через свою резидентуру в Киншасе, была также и резидентура в Луанде, которая «передавала разведывательные данные ФНЛА и УНИТА». И в данном случае разведка тесно переплеталась с тайными действиями.

В середине ноября «комитет 40» и президент США утвердили последнюю «дозу» тайной помощи в размере 7 млн. долларов. Таким образом, общая сумма, израсходованная США на тайные действия в Анголе в 1975 году, составила 32 млн. долларов. Однако прибытие южноафриканских боевых частей для поддержки все более отчаивавшейся коалиции ФНЛА — УНИТА уже превысило меру возможной терпимости к американской политике как африканских стран, так и населения Анголы. Советский Союз и Куба были вдохновлены внушительными успехами МПЛА — группировки, которую они знали и которой помогали в течение более чем десятилетия. В конце января 1976 года коалиции либералов и консерваторов в конгрессе США удалось добиться прекращения программы тайных действий. Вскоре южноафриканцы, стремившиеся возродить свою политику снижения напряженности в отношениях с Черной Африкой, вывели войска из Анголы. МПЛА одержала победу.

Основная причина, механизмы и результаты тайных действий в Заире и Анголе сравнимы с подобными же усилиями США в других частях «третьего мира». Как и во Вьетнаме, в Лаосе, Чили, на Кубе и в других странах, главным мотивом для тайного вмешательства был страх перед коммунистической угрозой и ее международными последствиями. Каждая американская администрация стремилась отреагировать на эти опасения в соответствии со своими политическими взглядами. Помимо этой озабоченности негативного характера все большие надежды возлагались на режим Мобуту в отношении противодействия интересам Москвы и проведения в жизнь интересов Вашингтона в Африке и в «третьем мире» в целом. Позиция Заира как регионального форпоста американской политики, во многом напоминающего чилийскую «витрину» в Латинской Америке, способствовала развязыванию провалившейся «полувоенной» операции ЦРУ в Анголе.

В Заире и Анголе особенно широко применялись методы тайных действий, используюшиеся ЦРУ в «третьем мире». Сюда относятся: пропаганда, манипуляция профсоюзами и студенческими ассоциациями, субсидирование политических лидеров и партий, военных и сотрудников служб безопасности, заговорщиков, организация политических убийств, техническая помощь охране глав государств и аппарату безопасности, предоставление иностранного военного и вспомогательного персонала из граждан «третьих стран», поставки оружия и военной техники. Кроме того, разведывательную деятельность ЦРУ часто было трудно отличить от тайных действий, поскольку собранная политическая и военная информация могла использоваться не только американскими аналитиками, но и местными союзниками ЦРУ. А в периоды сокращения тайной деятельности снабжение разведывательными данными какого-нибудь Мобуту или Роберто позволяло сохранить с ними хорошие отношения на случай развертывания подпольной борьбы в будущем. Подобным же образом разведывательная программа ЦРУ для чилийских военных в период нахождения у власти левого правительства Альенде включала передачу антиправительственной информации одному чилийскому офицеру и частично была рассчитана на то, чтобы «дать правительству США возможность воспользоваться в будущем либо политическим, либо военным решением в зависимости от развития событий в стране и их влияния на самих воен-

ных». Тайная помощь чилийским военным усилилась после свержения Альенде в 1973 году. И точно так же резко возросла тайная поддержка Мобуту и Роберто в период деколонизации Анголы.

Тайные операции и долгосрочная перспектива

До сих пор тайные операции оценивались с точки зрения их вклада в достижение непосредственных целей американской политики, например, свержение какого-либо правительства, подготовка замены ему, поддержка какой-либо дружественной группировки в ее борьбе за политическую власть. Однако тайные действия ЦРУ необходимо оценивать и в свете их более фундаментальных и долгосрочных последствий для американских интересов.

Например, действительно ли удалось Соединенным Штатам, противодействуя сторонникам Лумумбы и МПЛА, затормозить «советские успехи» в Центральной Африке, как то предполагал основной мотив вмешательства? Или же они просто подрывали мощные националистические силы, которые, возможно, проводили бы независимую внешнюю политику?

Политическое присутствие, развитие и приемлемость для африканцев были вспомогательными целями американской антикоммунистической политики в Заире и Анголе, но по мере усиления экономической, политической и военной взаимозависимости Америки с «третьим миром» они становятся также и конечными целями. Но способствовали ли лидеры, поддерживаемые США, повышению политической стабильности в своих государствах? Добились ли они хоть какого-нибудь прогресса в развитии экономики, в повышении благосостояния людей? Или же их действия привели к усилению оппозиции, по ряду причин настроенной против США, а также к крупным экономическим неурядицам и нарушениям прав человека? Улучшило ли сотрудничество США с их заирскими и ангольскими друзьями американо-африканские отношения в целом или же, напротив, осложнило их?

Международная коммунистическая угроза

И в Заире, и в Анголе американское вмешательство было порождено убежденностью, что зарубежные коммунисты, особенно Советы, стремятся и обладают способностью оказывать мощное длительное влияние на политически сильных африканских левых националистов, тем самым эф-

фективно блокируя хорошие отношения с Соединенными Штатами и в конечном счете ставя под угрозу мировое политическое равновесие. И тем не менее Лумумба не был ни коммунистом, ни лидером политической организации, которая легко подчинилась бы иностранному контролю. Перспектива, которую намечали Лумумба и его последователи, основывалась на их твердой вере в то, что равенства и уважения невозможно добиться в рамках иностранного господства. Их политической идеологией был воинствующий популистский национализм, и, следовательно, отдаваемое ими предпочтение «позитивному нейтрализму» и неприсоединению было неотъемлемой частью их общего подхода к политике. Если они и хотели солидаризоваться с кем-либо извне, так это с другими африканскими лидерами. Помимо их политического кредо политические способности сторонников Лумумбы и их сравнительный успех среди народных масс говорили о том, что они не будут зависеть от внешней поддержки в такой большой степени, как другие политики.

Например, обращение Лумумбы к Советскому Союзу за военной помощью в целях противодействия гораздо более крупному вторжению Запада в Катангу было, возможно, нереалистичным, учитывая резкую реакцию США, однако оно не было результатом «личной неустойчивости» Лумумбы, которой воспользовались Советы, потому что вытекало из принципиальных взглядов его группы на воинствующий национализм. И его действиями вовсе не руководили «просоветские» советники, как утверждали американцы.

МПЛА, рожденная в спорах между африканскими националистами и португальскими коммунистами и левыми, вынужденная организовать партизанскую войну против португальского колониализма, также выработала собственную разновидность африканского марксизма и создала более мощную политико-военную организацию, чем та, которой когда-либо располагали сторонники Лумумбы. Отвергнутая с презрением Соединенными Штатами и Западом в ходе своей длительной борьбы против колониализма, МПЛА обратилась к Советскому Союзу и Кубе за оружием и советниками. Но она получала значительное количество оружия от Югославии, а также базы, убежище и другие виды помощи от африканских государств (Гвинея, Танзания, Замбия, Конго-Браззавиль) и освободительных движений (мозамбикское ФРЕЛИМО, ПАИГК в Гвинее-Бисау). Как мы видели, крупные формирования кубинских войск появились лишь после того, как южноафриканцы начали помогать противникам МПЛА.

Скептики могут задать вопрос: достаточно ли этих элементов идеологии и коренящейся во внутриполитических факторах силы, чтобы предотвратить решительное продвижение вперед Советского Союза или Кубы? Однако ничто не свидетельствует о стремлении советской стороны создать страны-сателлиты в Центральной Африке и на Юге континента. Покойный директор ЦРУ Аллен Даллес публично признал, что в Заире США «переоценили опасность». Хотя в 1975 году Советский Союз и Куба предоставили МПЛА решающую военную помощь, в разъяснениях администрации американскому конгрессу не упоминается об их стремлении заполучить стратегические военные базы или о каких-либо других долгосрочных интересах, обычно связываемых с превращением страны в сателлита.

Африканские отношения

Первоначальное воздействие кризиса в Конго проявилось в том, что он «обнажил и усилил» расхождения во взглядах между молодыми африканскими государствами. Как предполагалось, Соединенным Штатам удалось упрочить свои отношения с «умеренными» правительствами, пожертвовав связями с «радикальными». Если бы было необходимо вести «холодную войну» в Центральной Африке, то это имело бы смысл, потому что в таких случаях требуются союзники. Если же дипломатия «холодной войны» была ошибкой и у Соединенных Штатов есть «взаимозависимые» интересы в «третьем мире», тогда не следовало обострять отношения с «радикальными» правительствами. Те же самые соображения относятся и к политике в отношении Анголы.

Верно также, что наиболее агрессивные формы американского вмешательства, особенно тайные действия, настраивали против США даже «умеренные» правительства. Свержение и убийство Лумумбы — и подозрения о соучастии США в этом — заставили «умеренные» государства занять более близкие к «радикалам» позиции. Использование во время мятежей в Конго белых наемников (которым предлагало деньги ЦРУ) и летчиков из числа кубинских эмигрантов (оплачивавшихся ЦРУ и поддерживавших с воздуха наемников) заставило отойти от американской политики такие дружественные страны, как Кения Кениаты. Операция по освобождению заложников в Стэнливиле, проводившаяся одновременно с нападением наемников, встретила почти повсеместное неодобрение в Африке. Полувоенную операцию ЦРУ в Анголе, запятнанную фактическим сотрудничеством с Южной Африкой, осудили большинство афри-

канских правительств, включая правительства таких традиционно «умеренных» стран, как Нигерия и Гана. «Заткнитесь, президент Форд!» — гласил заголовок в одной из принадлежащих правительству газет в Нигерии, выделившей 20 млн. долларов в помощь МПЛА.

Творцы американской политики надеялись, что отрицательные реакции на вмешательство США и ЦРУ не будут накапливаться. И нередко казалось, что буря миновала. Однако появляется все больше свидетельств того, что она лишь немного утихла и при соответствующих обстоятельствах разразится с новой силой. Вмешательства ЦРУ в Анголе и официальных разоблачений прошлых преступлений в Заире было достаточно, чтобы «умеренная» Гана критически сопоставила противодействия США Лумумбе и МПЛА, о чем свидетельствует цитата, приведенная в начале данной статьи. В Эфиопии и Уганде, где политическая обстановка особенно неопределенна, доверие к официальным обвинениям ЦРУ в заговорщической деятельности могло бы лишь усилиться в свете уже известных операций этого управления в Заире и Анголе — главных африканских театрах тайных действий.

Характерные ситуации

Во многих странах «третьего мира» ЦРУ и открытая дипломатия также действовали, исходя из предположения, что политически сильный левый национализм будет в большей или меньшей степени подпадать под контроль внешних коммунистических сил, поддерживающих его. Есть достаточно оснований поставить под сомнение эту посылку, даже если брать не Заир или Анголу, а другие страны. Например, в докладе о тайных операциях в Чили, подготовленном сотрудниками специальной сенатской комиссии по разведке, упоминаются памятные записки ЦРУ и госдепартамента, в которых оспаривается мнение политических руководителей США, что Советский Союз и Куба будут стремиться установить контроль над правительством Альенде. В этих документах, где Альенде характеризуется как сильный националист, отмечается, что Советский Союз не проявляет желания брать на себя чрезмерные обязательства ради новой, обременительной в финансовом отношении, националистической разновидности марксизма.

Фактически наиболее заметные «успехи» Советского Сою-

за в «третьем мире» были результатом чрезвычайно своеобразных обстоятельств: освобождение Северной Кореи советскими войсками в ходе второй мировой войны; сильная коммунистическая партия во Вьетнаме; продолжавшееся экономическое и военное вмешательство Запада в целях поддержания дискредитировавшего себя правительства на Кубе. Таких обстоятельств нет в африканских странах и ряде других мест. А в нынешних условиях ядерного пата, «квазиразрядки» и полицентризма даже особые случаи не исключают хороших отношений с Соединенными Штатами.

Многие другие примеры вмешательства США и ЦРУ в дела «третьего мира» заканчивались провалом из-за бессилия, бездарности и бесчеловечности тех, кому помогали, и вызывали бурю антиамериканизма. Хорошо известным подтверждением этому служит Вьетнам. В Чили поддерживавшееся США правительство Фрея оказалось неспособным провести обещанные экономические и социальные реформы, начало испытывать внутреннюю напряженность и стремительно растеряло популярность. ЦРУ израсходовало на поддержку этого правительства 6 млн. долларов в течение 8 лет, было явно причастно к провалу его политики и, возможно, даже способствовало его падению. В докладе специальной сенатской комиссии отмечалось: «В стране, где национализм, «экономическая независимость» и «антиимпериализм» пользовались почти всеобщей поддержкой, настойчивые утверждения, что христианско-демократическая и другие центристские и правые партии связаны с ЦРУ, возможно, сыграли определенную роль в подрыве их поддержки широкими слоями населения».

Рассматривая общие дипломатические последствия тайных действий, специальная сенатская комиссия по разведке пришла к выводам, сходным с теми, которые вытекают из конкретного анализа тайных операций ЦРУ в Заире и Анголе: «...Некоторые тайные операции были несовместимы с американскими принципами и идеологией и, будучи разоблаченными, нанесли ущерб способности США осуществлять моральное и этическое руководство в мире. Причастность США к заговорам в целях убийства иностранных лидеров и попытка инспирировать военный переворот в Чили в 1970 году в целях свержения избранного демократическим путем правительства служат примерами просчетов в выборе целей и идеалов.

Более того, из-за многочисленных разоблачений тайных операций и подозрений, что подобные операции продолжают

осуществляться и сейчас, на ЦРУ возлагается вина по существу за каждый внутренний кризис в зарубежных государствах».

Заключительное замечание

В марте 1977 года от 800 до 1500 вооруженных катангских беженцев, придерживавшихся левых взглядов, возвратились в родную провинцию из соседней Анголы и едва не свергли правительство Мобуту. Поскольку 60-тысячная плохо оплачиваемая и политически деморализованная заирская армия оказалась небоеспособной, режим Мобуту был вынужден призвать на помощь 1200 марокканских солдат, 80 французских военных советников, примерно 50 египетских летчиков и техников. Кроме того, он получил французские транспортные самолеты, бельгийское и китайское оружие. Хотя новая американская администрация не проявляла желания возглавить контрреволюцию (она не направила в Заир оружие и советников), предоставленная ею помощь была ощутима: на 15 млн. долларов вспомогательной военной техники и предметов снабжения, включая самолет С-130 для переброски войск и оружия в районы боевых действий, запасные части для поставленных ранее самолетов С-130, авиационное горючее, парашюты для десантников, продовольствие и обмундирование для солдат, средства связи и так далее.

Заявка президента Картера на выделение военной помощи Заиру в 1978 финансовом году в размере 32,5 млн. долларов — половина всей суммы военной помощи странам Африки — свидетельствовала, что поддержка режима Мобуту продолжается. Более того, есть некоторые свидетельства, что ЦРУ планировало проведение тайных операций до того, как Мобуту удалось обеспечить себе поддержку французским и марокканским военным персоналом. В открытом письме об отставке на имя директора ЦРУ специалист по тайным операциям и руководитель оперативной группы ЦРУ для Анголы Джон Стокуэлл выдвигал обвинение: «Да, мне известно, что вы пытаетесь добиться поддержки Заира, чтобы помочь этой стране преодолеть кризис, что вы стремитесь заполучить тех же французских наемников, которых ЦРУ посылало в Анголу в начале 1976 года. Это те самые люди, которые, получив от управления деньги, бежали с поля боя при первом же серьезном обстреле».

К июню зарубежным сторонникам Мобуту удалось лик-

видировать непосредственную угрозу режиму, так как беженцы предпочли отступить, чтобы не терять бойцов в открытых боях. Старые проблемы политической раздробленности также помешали катангцам добиться активной поддержки со стороны единомышленников в других районах страны, в частности в Восточной провинции. Тем не менее унизительные военные поражения режима и продемонстрированная им политическая слабость говорили о том, что дни его сочтены. Большинство экспертов из научных кругов и многие дипломаты ожидали в ближайшем будущем переворота, подготовленного либо военными, либо военными совместно с гражданскими лицами, или даже полного краха порядка в обнищавших городских центрах, что привело бы к созданию нового правительства. И если США продолжали бы упорно поддерживать тесные связи с режимом Мобуту, то новое правительство либо было бы само настроено против США и ЦРУ, либо должно было бы считаться с такими настроениями.

Вмешательство западных стран и США на стороне Мобуту усиливало политический раскол в Африке, разжигало подозрительность ряда ведущих африканских государств в отношении целей Запада и, как представлялось, делало более сложной задачу урегулировать положение или избежать акции великих держав, осуществляемых через зависимые от них режимы на Юге Африки. Хотя правительства ряда небольших, консервативных франкоязычных стран приветствовали вмешательство Запада, представители нескольких ведущих стран, отнюдь не все из которых были «левыми», критиковали его. Например, в одной из официальных газет «умеренной» Замбии было опубликовано следующее заявление: «Почти неприличная поспешность, с которой Запад ринулся снабжать оружием Заир, подтверждает вывод многих африканцев, что за всяким неудавшимся или успешным государственным переворотом на Африканском континенте скрывается рука иностранной державы... Хотя Сайрус Вэнс и другие не заявляли об этом открыто, вряд ли можно сомневаться, что они надеются на полномасштабную конфронтацию между Заиром и Анголой. Это дало бы им возможность реабилитировать себя за якобы имевшее место предательство, совершенное в отношении сил, выступавших против МПЛА во время гражданской войны. Нужно надеяться, что президент Картер положит конец этому политическому авантюризму, прежде чем на его плечи взвалят его собственный Вьетнам. Если он и его администрация надеются выйти из подобной конфронтации, не подорвав своей ре-

путации в Африке, им следовало бы переосмыслить кое-что заново». Серьезные оговорки были также сделаны Нигерией, Танзанией и Алжиром. Из заявлений Советского Союза, как и из его действий в Анголе до этого, вытекал вопрос о возможности противодействий в будущем в таких благоприятных районах, как Родезия, Юго-Западная Африка и Ангола — Заир.

Главным аргументом для предоставления американской помощи Мобуту был антикоммунизм. Было ясно, что за такими официальными лозунгами, как «дружба», «исторические связи», «территориальная целостность», скрывается страх перед появлением «просоветского» режима в географическом центре Африки. Однако не было никаких свидетельств того, что выступавшие против Мобуту жители Катанги находились под советским влиянием. Действительно, популистский дух их пропаганды больше напоминал лумумбизм, чем даже ангольский марксизм. По иронии судьбы, американская помощь «антикоммунистическому» Заиру, вероятно, способствовала вторжению катангцев. По свидетельству одного информированного американского должностного лица, США не расследовали достаточно внимательно обвинения ангольцев, что Мобуту разрешает беженцам производить налеты на Северную Анголу. Заверения Мобуту, что он «прекратил» помощь ангольским беженцам, просто принимались на слово. Однако логика событий подсказывает, что ангольцы разрешили катангцам вернуться в Заир из-за этих налетов на ангольскую территорию.

Последний кризис в Заире драматически подчеркнул ту долгосрочную опасность для американских интересов, которую таит вмешательство США и ЦРУ в дела Заира и Анголы в течение двух десятилетий. Придерживаясь наезженной колеи открытого вмешательства в этом районе (лишь с небольшими отклонениями) и продолжая планировать тайные операции, США стоят перед угрозой повторения «эфиопского синдрома»: отождествление Америки с режимом, который все более широкие массы считают деспотическим, революционные перемены и приход к власти правительства, которое относится к американской дипломатии с глубокой подозрительностью. Способствуя поляризации африканских стран и усилению напряженности в духе «холодной войны», США увеличивают риск войны между ставленниками великих держав в Центральной Африке и на Юге континента и отвлекают внимание африканцев от новых многогранных проблем «третьего мира», которые становятся все более и более злободневными.

УПРЯМАЯ ОБЕЗЬЯНКА

Эта статья впервые появилась в журнале «Африк—Ази» 7 апреля 1975 г. В то время Фрэнк Карлуччи был только что назначен послом в Португалии. Сейчас он—заместитель директора ЦРУ [1].

Йоханнесбург, Леопольдвиль, Занзибар, Рио-де-Жанейро... Что заставляет нынешнего американского посла в Португалии Фрэнка Чарлза Карлуччи появляться на местах крупных трагедий в «третьем мире»?

«Для Белого дома Западная Европа стала сейчас еще одним «третьим миром» с его собственными проблемами: Греция, Турция, Кипр, Западная Германия, Великобритания, Франция, Италия, а теперь и Португалия. Для Вашингтона необходимо воздействовать на события там». Виктор Маркетти, один из авторов книги «ЦРУ и культ разведки», сам служивший в ЦРУ до 1969 года, лишь подтверждает то, что было заявлено в подкомиссии по Западной Европе сенатской комиссии по иностранным делам: «То, что происходит в Португалии, неизмеримо серьезнее всего того, что может случиться в Кампучии или Вьетнаме».

Средиземноморье стало предметом серьезной озабоченности, даже не говоря об Азорских островах с расположенной на них базой Лагенс. Серьезной до того, что «комитет 40», посвятив одно из заседаний целиком обсуждению вопроса о Португалии, спустил с цепи своих «псов секретной войны». Но дела пошли еще хуже. 28 сентября 1974 года Спинола оказался в проигрыше. О том, что это произойдет так быстро, не говорилось в докладе, который подготовил генерал-лейтенант Вернон Уолтерс после поездки в Португалию в августе в целях проверки информации, присланной старым либеральным послом Стюартом Нэшем Скоттом.

Госдепартамент срочно направил в Португалию новую секретную миссию в октябре, когда стало известно, что яхта «Аполлон», служившая важной перевалочной базой для агентов ЦРУ в Средиземноморье, разоблачена и захвачена в Фуншале на Мадейре 3 октября разъяренной толпой, возмущенной «попыткой государственного переворота со стороны молчаливого большинства».

[1] В администрации Рейгана Фрэнк Карлуччи занимал пост заместителя министра обороны.

Ален Льюкенс, специалист по Иберийскому полуострову в госдепартаменте, Роберт Райан, эксперт по экономическим вопросам, Петер ди Вос, латиноамериканец, говорящий по-португальски, и Майкл Сэмюэлс, англичанин, повышавший свое образование в США, специализируясь на долгосрочном планировании, — все они подтвердили то, что до крайности набожному боссу ЦРУ Уильяму Колби удалось почувствовать из Мадрида, где он находился тогда же. Настало время действовать! Либеральный Скотт был уволен, а на его место в ноябре назначили Фрэнка Чарлза Карлуччи-третьего.

«Португалия — страна, в которой понравилось бы жить любому дипломату, — заявил он, прибыв в Лиссабон 17 января. — Чудесный климат, прекрасная страна, где живут дружественно настроенные люди... Мы проявляем к ней большой интерес, потому что она борется за демократию... Здесь люди говорят о выборах, самоопределении и социальной справедливости. Это слова, которые особенно близки нам, американцам. Португалия и Соединенные Штаты — давнишние друзья».

Бомбардировщики Б-26 для Салазара

Это верно. С 1960 до 1971 года «Свободная Европа», радиостанция ЦРУ в Мюнхене, вела пропагандистские передачи для слушателей в Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии, пользуясь передатчиком в Португалии. Комиссия по расформированию ПИДЕ недавно представила документы, доказывающие, что американское правительство (конкретно— ЦРУ) принимало в то время в своих учебных центрах должностных лиц португальской тайной политической полиции ПИДЕ, чтобы ознакомить их с современными способами борьбы с подрывными действиями и более изощренными методами пыток, чем ванна или электрошок.

Американский подход к самоопределению носит несколько странный характер, поскольку в 1965 году, когда португальские колонии вели ожесточенную борьбу против салазаровского колониально-фашистского ига, Соединенные Штаты, официально заявившие, что не будут поставлять оружие португальским вооруженным силам, продали помимо прочей техники через компанию «Интермаунтин эйвиэйшн» двадцать боевых самолетов Б-26 для использования в Гвинее и Мозамбике. После того как эта скандальная история была разоблачена, Джон Ричард Хок, английский летчик, отвечавший за тайный перегон этих самолетов, без всяких угрызений совести заявил суду: «Совершенно очевидно, что я перегонял бомбардировщики Б-26 в Португалию, но это

делалось по указаниям госдепартамента и ЦРУ». Между прочим, он даже не был осужден.

Но революция 25 апреля принесла избавление от всех этих тошнотворных историй. Нет никакого сомнения, что новый посол Карлуччи будет «помогать своим уважаемым друзьям». «Экономическая помощь» понимается им как помощь «в области здравоохранения, образования и культуры. ЦРУ? «Посольство сохранило прежний персонал. К нам в подкрепление прибыло не более двух-трех человек. Все это слухи, лишенные всякого основания...»

А когда 31 января 1975 года западноберлинская газета «Экстра Динст» заявила, что до конца марта будет совершена попытка путча, в которой замешаны американское посольство, западногерманское посольство и некоторые португальские деятели, последовал целый каскад опровержений: «Журналистские выдумки!»

Но не только журналистские, потому что 11 марта, на следующий день после неудавшегося переворота, сам генерал Отелу Сарайва ди Карвалью, заместитель командующего оперативным континентальным командованием, упомянув об иностранном вмешательстве и попытках дискредитировать временное правительство Португалии с помощью дестабилизирующих маневров и других приемов, заметил, что «по стечению обстоятельств или по другим причинам действия подобного рода усилились». И добавил витиевато, явно чего-то не договаривая: «Я не знаю, какова будет позиция нашего правительства, но в целях предосторожности было бы предпочтительно, если бы г-н Карлуччи покинул Португалию хотя бы в интересах личной безопасности. Потому что я не могу в данный момент гарантировать его физическую неприкосновенность, и не исключено, что при сложившихся обстоятельствах с ним могут произойти какие-либо прискорбные инциденты. Это было бы крайне огорчительно для нашего правительства».

Как непревзойденный мастер дипломатического красноречия, Фрэнк Карлуччи заявил о своей уверенности в том, что «португальское правительство и военные власти Движения вооруженных сил безусловно способны обеспечить его личную безопасность».

Завуалированная угроза содержалась в словах заместителя заместителя государственного секретаря Брюса Лейнджена, заявившего в сенатской комиссии по иностранным делам, что «Соединенные Штаты будут рассматривать с неодобрением любые препятствия, воздвигаемые на пути

проведения свободных выборов в Португалии». Киссинджер был «обеспокоен сдвигом Португалии влево».

Стал ли португальский климат внезапно менее приятным для Фрэнка Чарлза Карлуччи? Правда, уверенная поза, которую он пытался принять для официальной фотографии, не вполне согласовалась с задачами, возлагавшимися на него: «Участие коммунистов в португальском правительстве, несомненно, привело бы к пересмотру американской политики относительно экономической помощи Португалии и ее членства в НАТО». Эта уверенная поза не вполне согласовалась и с визитом, который он нанес 25 марта президенту Коста Гомешу, чтобы выразить «озабоченность США в связи с ситуацией в Португалии». И она уж вовсе не согласовалась с его карьерой.

Внук итальянского каменотеса и сын страхового агента, Фрэнк Чарлз Карлуччи родился в Бэр-Крике, пригороде Уилкс-Барра, в Пенсильвании. Частная средняя школа воспитала в нем твердость характера, которую затем отшлифовали Принстонский университет и Гарвардская школа бизнеса. Два года службы в военно-морских силах придали строгость его внешнему виду, включая прическу «ежик», бритую шею и непроницаемое лицо пьемонтского официанта с суровым взглядом серо-голубых глаз.

Закончив службу в военно-морских силах первым лейтенантом, Карлуччи записался в резерв дипломатической службы в 1956 году. Внук итальянца стал типичным американцем, ищущим работу. Поработав последовательно строителем, коммивояжером, менеджером-стажером в текстильной компании, вторым метрдотелем, он наконец нашел свое призвание в 1957 году, когда из однообразной серой жизни его извлекли для дипломатической службы и направили в Йоханнесбург в качестве экономиста-аналитика. Ему понравилась страна апартеида, однако он пробыл там лишь год. Его отозвали в Соединенные Штаты на «дополнительное обучение», о характере которого в его биографии ничего не говорится.

Затем настал час, и этому «блестящему, напористому и динамичному молодому человеку» поручили ответственные обязанности. Рождение конголезской нации было трудным. Патрис Лумумба вел упорную борьбу против бельгийско-американских компаний, грабивших его страну, за подлинную независимость. Фрэнк Карлуччи появился там в марте 1960 года. Сначала вице-консул, затем второй секретарь посольства и, наконец, «политический советник» — именно он занимался в Леопольдвиле ежедневным анализом поли-

тической обстановки, — он составлял настоящую летопись «дестабилизации», хотя это слово тогда еще не употреблялось, для госдепартамента. Он стал «мозгом» посольства. Борясь против Лумумбы и Гизенги и поддерживая Чомбе и Мобуту, он пережил ряд приключений, вызвавших восторг американской печати.

Крест за храбрость

Репортеры, конечно, хорошо знали, были ли это 35 бельгийцев или 50 американцев, которых он вырвал из лап «конголезцев, горящих ненавистью к иностранцам», но, во всяком случае, они писали, что, окруженный разъяренной толпой, «проявляя большую личную храбрость, он вмешался, чтобы спасти их».

Сам он рассказывает об этом так: «Патрис Лумумба, высокий, выше шести футов ростом, как сейчас помню, хлопнул меня по плечу и сказал: «Отдаю их тебе. Делай с ними, что хочешь». И их отпустили».

Для того чтобы его доклады были начинены информацией из первых рук, он совершал «рейды на территорию противника». Он ежедневно подвергался опасности, и его отца распирало от гордости: «Мой мальчик — упрямая обезьянка». Эта упрямая обезьянка легко находила дорогу среди многочисленных агентов самого различного рода, которыми Леопольдвиль по вечерам кишел, как настоящая бактериальная культура. Одним из них был англичанин Майкл Томпсон, агент ЦРУ, поддерживавший тесные контакты с бельгийцами, а ныне возглавляющий резидентуру ЦРУ в Брюсселе.

Но Карлуччи имел «друзей» и среди конголезцев: «Это очень просто... Требуется лишь встретиться с ними, поздороваться за руку и поговорить о чем-нибудь». Сирила Адулу, который стал премьер-министром, в 1962 году однажды пригласили на завтрак в Белый дом. «А где Карлуччи?» — спросил Адула Кеннеди, который был вынужден попросить Дина Раска найти человека, бывшего «серым веществом» конголезского премьера. Карлуччи жевал холодный ленч в каком-то буфете, перед тем как его нашли и усадили за президентский стол.

Так прошли в Конго два года — достаточный срок, чтобы стать свидетелем свержения и убийства Лумумбы и вывести на орбиту неких Чомбе и Мобуту, которые, как считалось, «вызволят Конго из-под коммунистического господства».

По завершении этой миссии Карлуччи получил высшую

награду дипломатической службы, проработав в ней всего лишь пять лет, из них три года за рубежом.

С новеньким, блестящим Крестом за храбрость в феврале 1964 года он прибыл в Занзибар, где после январских беспорядков обстановка была довольно сложной. Было ли труднее очаровать занзибарцев, чем конголезцев? Новый генеральный консул не продержался там в течение обычного срока в два года. Он был отозван по просьбе Джулиуса Ньерере. Пребывание в «стране гвоздичных деревьев» несколько смягчило военную выправку Карлуччи. Он стал носить менее строгую прическу. Но по-прежнему пробегал по утрам две мили за четырнадцать минут.

В июле 1965 года он оказался на должности «политического советника» в американском посольстве в Рио-де-Жанейро. Государственный переворот в 1964 году положил конец ситуации, о которой руководитель резидентуры ЦРУ в Кито Тед Ноланд говорил в 1963 году Филипу Эйджи: «Бразилия — наша самая серьезная проблема в Латинской Америке, куда более серьезная, чем Куба после ракетного кризиса» (подобно Португалии сегодня).

Бразильские головорезы, захватившие власть с помощью американских долларов, в то время, казалось, поддерживали политику привлечения иностранных капиталов. Это не мешало ЦРУ сотрудничать с космополитом-полиглотом Гербертом Океном, который сегодня то и дело снует между Мюнхеном, Рио-де-Жанейро, Белу-Оризонти, Буэнос-Айресом и Бразилиа, где он числится консулом. Через него ЦРУ осуществляло тайные связи с группой, возглавляемой не кем иным, как Карлосом Ласердой, одним из главных заговорщиков, преследовавших цель свергнуть Гуларта, а теперь замышлявшим заговор против тех самых военных, которым он помог захватить власть.

Фрэнку Карлуччи, подружившемуся с Ласердой, удалось организовать встречу американского посла Татхилла с Ласердой, что заставило Бразилию направить госдепартаменту официальную ноту протеста. По вечерам в Рио-де-Жанейро собирались помимо Карлуччи Роберту Кампос, министр планирования (экономика), Кордейруди Фариас, министр внутренних дел (полиция), — так сказать, «проводники» американского империализма, — а также Голбери ду Куту э Силва, создатель бразильского ЦРУ.

Мигел Арраэс, губернатор Пернамбуку и открытый противник Ласерды, губернатора Гуанабары, заявляет сегодня без колебаний: «Карлуччи координировал деятельность многочисленных агентурных сетей ЦРУ, действовавших в Бра-

зилии в то время». Это о том самом человеке, о котором лидер португальских социалистов Мариу Суареш говорил: «Он честный человек!»

Карлуччи, ставшему человеком номер два в американском посольстве, повезло в том отношении, что он покинул Бразилию в июле 1969 года, как раз перед «отвратительным августом» — месяцем неприятностей, которые начались уходом со сцены Коста э Силвы, сраженного болезнью и усилившейся деятельностью коммандос Маригелы, и завершились похищением в начале сентября американского посла Чарлза Бэрка Элбрика, которого позже обменяли на политических заключенных.

Возвратившись в Вашингтон, Карлуччи занимал различные должности в администрации Никсона, в частности, был директором управления экономических возможностей, где сократил расходы по программе ВИСТА на помощь безработным и беднякам, а также был заместителем министра здравоохранения, образования и социального обеспечения.

«Капиталовложения в людей»

Это проливает совсем иной свет на заявление, сделанное им в Лиссабоне 15 февраля 1975 года: «Появились различные слухи... Один из них касается приезда группы врачей. Впервые я узнал об этом из португальской печати. Но ведь это туристы. Желает Португалия, чтобы ее посещали туристы, или нет? Это не имеет никакого отношения к американской помощи Португалии в области здравоохранения».

Тем не менее 5 марта португальские специалисты выступили с протестом: «Учитывая предложение США построить больницы в Лиссабоне, Порту и одном из городов на юге страны... учитывая предложение направить специалистов для оказания помощи в области здравоохранения и других областях; учитывая, что эти предложения исходят от управления международного развития — организации, широко известной как орудие ЦРУ; учитывая, что эти займы и субсидии... служат прикрытием для проникновения агентов ЦРУ; учитывая, что американский империализм является врагом португальского народа... мы обращаем внимание правительства на реальные опасности, скрывающиеся за помощью подобного рода, последствия которой были разоблачены в Чили, Доминиканской Республике, Боливии, Гватемале и многих других истерзанных странах».

28 февраля, когда распространились слухи, что ЦРУ решило произвести «капиталовложения в людей» в Португа-

лии, Фрэнк Карлуччи, чтобы доказать «добрую волю» Соединенных Штатов и их стремление «уважать желания португальского народа», подписал два соглашения: одно — о кредите в размере миллиона долларов для оплаты услуг «специалистов, которые прибудут для изучения возможностей совершенствования средств связи и системы медицинского обслуживания», другое — о предоставлении Португалии субсидии в размере 750 тыс. долларов по линии управления международного развития.

В Лиссабоне Карлуччи, чье лицо теперь казалось высеченным из того самого камня, над которым трудился его дед, и чьи глаза, приобретшие еще больший металлический блеск, глубоко западали в глазницы, обрамленные снизу большими темными мешками, установил теплые отношения со Спинолой как непосредственно, так и через бизнесмена Шампалимауда, который часто ездит из Кашкайша в Массам[1] навестить своего «друга» и родственника Спинолу.

Кто гордится тем, что предупредил Спинолу о предполагавшемся «покушении» на него? Кто встретил его с распростертыми объятиями в Бразилии после его бегства из Португалии? Кто был в Париже в то самое время, что и Шампалимауд? Карлос Ласерда, «друг» Фрэнка Карлуччи. Кто руководил «Латина — Томпсон» — бразильским филиалом американского рекламного агентства Дж. У. Томпсона, принимавшего участие в вербовке новобранцев в морскую пехоту США и пытавшегося представить в выгодном свете Пиночета в Португалии? Бразилец Алвару Гуржау да Сильвейра, ныне покойный, бывший, по всей видимости, посредником между Ласердой и Спинолой.

Почему Спинола в декабре в присутствии «испанского Спинолы» Диаса Алегриа снял 50 тыс. конто со счетов в Бискайском банке в Мадриде, как утверждает очевидец? Что заставило прибыть в марте в Лиссабон американского профсоюзного деятеля Ирвинга Брауна, который в течение двадцати пяти лет играл важную роль в операциях и заговорах ЦРУ, особенно в странах «третьего мира»?

Ставя все эти вопросы и сводя вместе все эти нити, мы находим две любопытные точки пересечения: одну — в американском посольстве в Лиссабоне, другую — на берегах Потомака. Означает ли это, как можно иногда услышать, что Фрэнк Чарлз Карлуччи может стать четвертой фигурой в ЦРУ? У человека, который может заявить без тени улыб-

[1] Кашкайш — пригород Лиссабона; Массам — дачное место близ Лиссабона.

ки: «Я не знаю, что означает выражение «американский империализм», конечно же, есть наготове какое-нибудь «правдоподобное» опровержение.

Из журнала «Информационсдинст Зюдлихес Африка»

ОТРАГ: РАКЕТЫ ПРОТИВ ОСВОБОЖДЕНИЯ В АФРИКЕ

Осенью 1977 г. журнал «Рейс энд класс», издающийся в Лондоне Институтом расовых отношений и Транснациональным институтом, шокировал мировую общественность, опубликовав полный текст секретного договора между правительством Заира и малоизвестной западногерманской компанией ОТРАГ (Orbital Transport und Raketen Gesellschaft).

По этому договору ОТРАГ получала в аренду обширный участок территории Заира площадью 29 тыс. квадратных миль; ей предоставлялось право на суверенитет и контроль над этим районом. Официально считалось, что ОТРАГ занимается разработкой дешевых ракетоносителей в интересах частной промышленности, но вскоре стали очевидными возможности применения производимой ею техники для военных целей — целей, запрещенных для правительства Западной Германии после второй мировой войны. Появились многочисленные статьи, в которых указывалось на связи этой компании с правительством Западной Германии, правительством ЮАР и ЦРУ. Эти сообщения не были подтверждены, однако давление на правительство Заира стало настолько сильным, что в начале 1979 г. оно объявило: ОТРАГ не будет производить пуски ракет из Заира. Однако ОТРАГ по-прежнему действует там, и споры продолжаются. В помещенной ниже статье, впервые опубликованной в Бонне в конце 1978 г., рассматривается деятельность ОТРАГ.

Один из крупнейших торговцев золотом в Америке Дуглас Джонсон, говоря о будущем Южной Африки на конференции в Новом Орлеане в октябре 1977 года, отметил: «Вопреки широко распространенным мнениям Южная Африка вовсе не стоит перед крахом. Поистине великий народ, очень серьезный народ — западные немцы не допустят этого». Он обосновал свое необычное заявление, указав, что основная масса нефти поступает в Западную Германию по маршрутам, проходящим мимо мыса Доброй Надежды, и что многие важнейшие виды минерального сырья поставляются ей из Южной Африки. «Западные нем-

цы знают, что, если Южная Африка падет, они также падут. Поэтому они и построили крупную ракетную базу в Заире, чтобы обеспечить безопасность своих линий снабжения». Джонсон, вне всякого сомнения, имел в виду осуществляемую якобы в мирных целях ракетную исследовательскую программу ОТРАГ в заирской провинции Шаба.

Мы установили, что связи ОТРАГ и тех, кто ее поддерживает, ведут к тем нацистским ученым, которые создавали ракеты V-1 и V-2 в годы второй мировой войны, а позже продолжили работу в Соединенных Штатах, Франции и Аргентине. Например, Курт Дебус, нынешний председатель правления ОТРАГ, в свое время участвовал в создании V-2 в Пенемюнде, а позже, до 1975 года, был директором космической программы на мысе Канаверал. Рихард Гомпертц, технический директор ОТРАГ и гражданин США, в свое время был специалистом по двигателям ракеты V-2, а позже руководил отделением космических систем фирмы «Крайслер», выполнявшим заказы НАСА. Лутц Тило Кайзер, основатель и менеджер ОТРАГ, в молодости был тесно связан с нацистской ракетной промышленностью; его часто называли «парнем Дадье», имея в виду его наставника Армина Дадье, видного эсэсовца, бывшего специальным представителем Геринга в исследовательском проекте по хранению урана. Работая в ОТРАГ, Кайзер выступал также в качестве представителя западногерманского правительства, будучи специальным советником министра исследований и разработок по вопросам, связанным с ОТРАГ. Он состоял и членом специального комитета по транспортным системам программы «Аполлон».

Финансирование ОТРАГ правительством ФРГ

ОТРАГ, по ее собственному определению, является частной компанией, финансируемой из частных фондов. Действительно, на пресс-конференции в Лусаке канцлер ФРГ Гельмут Шмидт подчеркивал: «Правительство не владеет акциями ОТРАГ и не имеет никаких других финансовых интересов».

Однако уже по условиям своей регистрации как компании ОТРАГ пользуется значительными налоговыми льготами, а это означает, что по существу она в известной мере субсидируется правительством. Разработка ракетной техники ОТРАГ также финансируется правительством. С 1967 года все опытно-конструкторские работы выполняются финансируемым государством Институтом химической и ра-

кетной техники в Лампольдсхаузене. Предшественник ОТРАГ — Штутгартский центр технологических исследований — получил на исследования в области ракетной техники государственные субсидии на сумму 14,6 млн. западногерманских марок. Ряд служащих ОТРАГ получают деньги от государственного Германского научно-исследовательского и экспериментального авиаракетно-космического центра. Его директор Тео Петер был одним из основателей ОТРАГ и сейчас является членом совета директоров. Реконструкция шоссейных дорог и мостов на отведенной ОТРАГ заирской территории также финансируется из средств, выделяемых правительством ФРГ на экономическую помощь Заиру.

Деловая группа Кайзера получила много необычных правительственных заказов. Например, в 1976 году ее группе технологических исследований были переданы 764 тыс. западногерманских марок на исследование газа, получаемого из угля; Кайзер числился экспертом в программе создания аэробуса и некоторых других смежных программах. На разработку ракеты-носителя ТИРОК, к которой он имел отношение, федеральное правительство выделило с 1974 по 1976 год 1 млн. западногерманских марок. Бывший государственный аэродром в Кассель-Лофельдене был зарезервирован за одним из промышленных предприятий ОТРАГ.

Колониальный договор

Договор между ОТРАГ и правительством Заира, предусматривающий неограниченное использование участка почти в 30 тыс. кв. миль, предоставил ОТРАГ суверенные права на территорию, на которой проживало 760 тыс. человек. ОТРАГ имеет право производить любые землеройные и строительные работы по своему усмотрению, включая строительство аэродромов, электростанций, систем связи и промышленных предприятий. Въезд на территорию ОТРАГ и любые перемещения людей в ее пределах допускаются только с разрешения ОТРАГ. Правительство Заира обязано не допускать сюда никого из посторонних. Это же относится и к воздушному пространству над предоставленной ОТРАГ территорией. ОТРАГ не несет никакой ответственности за ущерб, вызванный строительством или транспортировкой ракет. Служащие компании в пределах предоставленной ОТРАГ территории пользуются полным иммунитетом в отношении законов Заира. Эти исключительные права предоставлены до 2000 года.

Военные приготовления

Правительства и органы печати Анголы, Танзании, Замбии и Мозамбика выразили беспокойство в связи с разработкой наступательного ракетного оружия на базе работ, осуществляемых ОТРАГ в Заире. Советский Союз, ГДР, Югославия и Куба осудили проект ОТРАГ как средство, позволяющее Западной Германии обойти ограничения на разработку некоторых видов оружия, установленные Брюссельским договором 1954 года. Газета «Лондон ивнинг стандард» привела высказывания американских военных, подозревавших, что Западная Германия и Франция тайно создают ракетные силы на территории, принадлежащей ОТРАГ, с целью воспрепятствовать вторжению кого-либо в Южную Африку. В марте 1978 года в журнале «Пентхаус» появилась статья Теда Шульца, основанная на данных источников в секретных службах; в ней утверждалось, что ОТРАГ является филиалом западногерманских военно-промышленных концернов «Дорнье» и «Мессершмитт», что она разрабатывает и испытывает на своем полигоне крылатые ракеты и ракеты средней дальности. Франция и Соединенные Штаты, указывалось в статье, также участвуют в этом проекте.

В том же месяце расистская газета «Родезиен вьюпойнт» опубликовала следующее письмо редактору: «...Сообщения о западногерманской ракетной базе просто чудесны! Мой внук в армии будет сражаться не за правительство чернокожих, а за христианскую страну».

Несмотря на все это, западногерманское правительство продолжало утверждать, что ОТРАГ является мирным проектом. На сделанный депутатом Норбертом Ганселем в бундестаге запрос по поводу того, «может ли федеральное правительство честно отрицать, что ракеты ОТРАГ используются в военных целях», был дан следующий неискренний ответ: «По данным наших собственных расследований, эти ракеты, находящиеся еще в стадии разработки, непригодны для использования в военных целях». Однако в интервью журналу «Шпигель» шеф ОТРАГ Лутц Кайзер заявил, что, «само собой разумеется, все может быть использовано в военных целях», а в одном неопубликованном письме признал, что его ракеты способны нести «десять водородных бомб». ОТРАГ заявила, что полезная нагрузка ее ракет составляет 5 тонн, а дальность полета — около 1000 километров. Кайзер отмечал, что ОТРАГ способна также производить запуски спутников для наблюдения за поверхно-

стью Земли. «ОТРАГ намеревается запускать спутники для наблюдения за поверхностью Земли и разведки полезных ископаемых, а также другие объекты, слишком опасные или слишком чувствительные, чтобы их можно было выводить на орбиту с помощью транспортных кораблей многоразового использования».

Нельзя считать аргументом против военного применения ракет ОТРАГ — скажем, для возможных ядерных ударов по Дар-эс-Саламу, Луанде или Мапуту — то обстоятельство, что потребуется определенное время для заправки ракетных двигателей топливом, потому что эти ракеты можно легко хранить в заправленном состоянии.

Для истории ОТРАГ характерны тесные контакты между этой компанией и министерством обороны в Бонне. Курт Дебус отказался назвать фамилии трех высокопоставленных сотрудников НАСА, ознакомившихся с проектом ОТРАГ и давших ему высокую оценку. Применяемые ОТРАГ методы также сохраняются в тайне. Бюро туннельных и горных работ в Карлсруэ подготовило секретный доклад о возможностях строительства туннелей на территории, предоставленной ОТРАГ. Материалы для ОТРАГ перебрасывались в Заир на самолетах бундесвера, и принадлежащая бундесверу техника была перевезена на территорию ОТРАГ по Восточноафриканской железной дороге.

О том, что на территории, принадлежащей ОТРАГ, размещаются или испытываются военные ракеты, свидетельствует тот факт, что там предусмотрены «мобильные пусковые устройства». О стремлении обеспечить неуязвимость ракет — а это цель военного характера — говорит наличие системы подземных туннелей. Тайные пуски ракет, произведенные в конце 1977 года помимо официально объявленных пусков, также указывают на военные аспекты проекта.

Более того, можно полагать, что на территории, принадлежащей ОТРАГ, размещены и испытываются крылатые ракеты. Не случайно нюрнбергская компания «Х. П. Гауфф», сотрудничающая с ОТРАГ в Заире, ищет говорящего по-французски летчика «для выполнения аэросъемки в Африке». Аэроснимки необходимы для программирования крылатых ракет, которые выходят на цели с помощью телекамер, следящих за рельефом местности, и электронных вычислительных машин. По данным Т. Шульца, системы управления для ракет ОТРАГ поставляются французской компанией «Томсон-КСФ». Агент ЦРУ заявил английскому журналисту, что американская корпорация «Боинг» передала ОТРАГ технологию производства крылатых ракет.

27 апреля 1979 года посол Заира в Брюсселе заявил, что его правительство намеревается запретить ОТРАГ запуски спутников, но вопреки сообщениям в печати в заявлении не было никаких намеков на возможное аннулирование договора. Учитывая всю имеющуюся информацию, следует полагать, что деятельность ОТРАГ продолжается, как прежде.

Из журнала «Африк—Ази»

ПИСЬМА САВИМБИ

После того как в апреле 1974 г. народ Португалии сверг фашистский режим, были обнаружены многочисленные секретные документы. К числу наиболее сенсационных относится переписка между лидером УНИТА Жонасом Савимби и представителями португальского правительства. Эти письма были опубликованы на французском языке 8 июля 1974 г. журналом «Африк—Ази» с предисловием Джека Бурдери. Ниже приводятся предисловие и выдержки из переписки.

Давняя измена УНИТА

17 июня 1974 года было заключено соглашение о прекращении огня между Национальным союзом за полную независимость Анголы (УНИТА) и португальской армией, чтобы «создать атмосферу, благоприятную для начала политического диалога в целях восстановления мира». Это удивительно, потому что в то же самое время МПЛА, ФРЕЛИМО и ПАИГК ставили условием прекращения военных действий предоставление независимости «португальским заморским провинциям».

Менее удивительно, однако, что УНИТА и ее президенту Жонасу Савимби воздавались всевозможные похвалы генеральным штабом португальской армии. Командующий португальскими войсками в Луанде заявил: «Не так давно УНИТА была одним из трех освободительных движений, которое оказывало наибольшее сопротивление на востоке страны». Другой португальский офицер отмечал: «Результаты переговоров между Савимби и командующим войсками в Луанде изучаются португальским правительством». Спинола, который «получил с большим удовлетворением письмо, направленное ему лидером УНИТА», нашел наконец «храброго солдата», нужного ему, чтобы «прекратить бое-

вые действия» и положить конец войне между туррас и тугас[1]. В действительности же имя Жонаса Савимби уже не впервые попадало в заголовки газетных статей.

В июле 1964 года состоялась конференция глав государств ОАЕ. Присутствовавший на ней президент ГРАЕ Холден Роберто был обвинен в «сговоре с американским империализмом». Кто же был обвинитель? Жонас Мальейру Савимби — «министр иностранных дел», член ГРАЕ, придерживавшийся левых взглядов, близкий сподвижник Холдена. Он называл имена и приводил неопровержимые факты, доказывавшие, что ФНЛА насквозь пронизана агентурой ЦРУ.

Этот ассимиляду[2], уроженец Бие, учился в Лиссабонском и Лозаннском университетах, намереваясь получить докторскую степень по политическим и юридическим наукам. Хотел ли он присоединиться к МПЛА, с которой поддерживал эпизодические контакты в 1960 году? Нет. 12 декабря 1964 года вместе примерно с 20 другими ангольцами он опубликовал «Манифест друзей Анголы» (Амангола), в котором провозглашалась готовность «искренне сотрудничать со всеми политико-военными группировками ангольских патриотов как внутри Анголы, так и за ее пределами», исходя из того, что «хороший анголец никогда не станет убивать другого ангольца».

Призывая к активной борьбе «за изоляцию Португалии от остального мира», осуждая «всякое сотрудничество с португальским колониализмом», Амангола объявляла о своем стремлении «подготовить всю страну к тому, чтобы... закалить постоянный дух борьбы, единственную гарантию создания народной власти после демократической революции». Это был пробный шар. 13 мая 1966 года в центре Мошико Савимби основал собственное движение — УНИТА. Но во время дискуссий красные бутоны Амангoлы расцвели, обнаружив и китайские лепестки. Речь Савимби была пересыпана положениями и фразами, заимствованными у Мао Цзэдуна: «полагаться на собственные силы», «народная война», «внутренние противоречия», «правильное разрешение вопроса». Устав УНИТА, опубликованный после съезда в августе 1973 года, выглядел как отрывки из «красной книжечки» — цитатника Мао. Программа также была претенциозной; в ней перечислялись все характеристики

[1] Туррас — партизаны (жаргон португальских солдат); тугас — прозвище португальских солдат, принятое у партизан.

[2] Ассимиляду — африканец, получивший права португальского гражданства.

государства «в лучших революционных традициях народной демократии».

Была ли УНИТА наиболее революционным течением ангольского национализма? Этот вопрос задают многие, включая нас. Почему мы выражали некоторое недоверие, когда многие прогрессивные журналы мира перепечатывали пламенные статьи Савимби? Теперь мы имеем возможность представить доказательства, что они ошибались. Пусть судьями будут читатели. После 25 апреля (дата революционного переворота в Португалии) в наше распоряжение попали четыре безусловно подлинных письма, из которых можно сделать следующие выводы:

1. Новое португальское правительство, несмотря на заявления одних и обещания других, пользуется теми же самыми колониальными методами, что и предшествовавший ему фашистский режим: заключив фиктивное соглашение о прекращении огня, оно укрепляет УНИТА.

2. Президент УНИТА Жонас Мальейру Савимби с 1972 года является агентом португальцев и проводником их политики, несмотря на все трудности. В период, когда были написаны эти письма, шел разговор о разработанной правительством Марселу Каэтану программе репрессий, осуществить которую было предложено генералу Кунья. Она включала концепции «социального содействия» и «интеграции» населения. Врагом номер один считалась МПЛА, и УНИТА получила задачу уничтожить ее.

В речи на съезде в августе 1973 года Савимби говорил: «Если эта война закончится победой ангольских сил, потребуется полное уничтожение структур, созданных португальцами в нашей стране. Если конфликт закончится компромиссом, останутся семена, из которых вырастет неоколониализм. Таким образом, чтобы построить новое и лучшее общество, ангольский народ должен нанести сокрушительное поражение колониальной армии и закончить конфликт полным уничтожением португальского колониализма». Но сегодня, в письме от 9 июня 1974 года, Жонас Савимби целиком и полностью разделяет план Спинолы: «УНИТА поддерживает идею о целесообразности периода подготовки ангольского народа к демократическому правлению. Для достижения этого необходимо, чтобы освободительные движения развернули кампанию среди населения за прекращение войны. Говорить о немедленном предоставлении независимости Анголе очень легко, но если задуматься серьезно над проблемами, встающими при рождении государства, особенно если это государство — Ангола, то есть

резон проявлять благоразумие». Он убежден, что к «процессу деколонизации Анголы, если речь идет о том, чтобы он стал подлинным, португальское правительство должно отнестись с исключительной ответственностью».

Как это назвать, если не предательством?

Документ А: Письмо Жонаса Савимби генералу Луж Кунья через генерала Бетенкурта Родригеша от 26 сентября 1972 года

Ваши превосходительства!

Прежде чем перейти к практическим вопросам, прошу ваши превосходительства передать его превосходительству председателю совета министров профессору Марселу Каэтану мои сердечные поздравления по случаю четвертой годовщины прихода к власти. Я хотел бы также воспользоваться этим случаем, чтобы передать его превосходительству генералу Луж Кунья поздравления в связи с его назначением на весьма ответственный пост командующего войсками в Анголе.

Трудности подпольной борьбы, реальности жизни в Анголе и перспективы справедливого решения проблем, причиняющих страдания народу этой страны, позволяют мне предсказать окончательный исход событий в Анголе. Что бы ни оставалось сделать еще, мы убеждены, что власти одержали победу благодаря новой социальной политике, проводимой правительством. Что касается нас, то мы желаем лишь полного прекращения военных действий в восточном секторе. Мы делаем все, что в нашей власти, чтобы ослабить силы нашего общего врага.

Мы рассматриваем МПЛА как главное препятствие на пути к миру не только на востоке, но и во всей Анголе. Информация из первых рук, которой мы располагаем, дает нам основание полагать, что МПЛА готовит новые засады и операции против вооруженных сил и против УНИТА и что она намеревается вытащить УПА[1] из Заира, заключив какую-нибудь сделку о совместных действиях между МПЛА и УПА.

Заиру известно, что МПЛА, вместо того чтобы вывести своих протеже в УПА из пограничных зон, вскоре начнет подрывные действия против режима Киншасы. Предусмотрительность генерала Мобуту основывается на двух факторах:

---

[1] УПА (Союз ангольских народов) — группировка Холдена Роберто, позже преобразованная в ФНЛА.

1. Позиция, которую могут занять американцы в отношении объединения МПЛА и УПА. История уже показала, что американская политика ненадежна, что американцы всегда действуют слишком поздно, и то лишь тогда, когда на карту поставлены их интересы. Сейчас, когда идет флирт между сверхдержавами и ОАЕ, никто не может быть уверен, что США не просчитаются вновь в своей политике по отношению к Африке.

2. Политические ошибки, которые мог бы совершить генерал Мобуту из честолюбия и которые затронули бы армию, стали бы роковыми ошибками для слабого режима.

На конференциях ОАЕ в Рабате 11 июня 1972 года и в Дар-эс-Саламе 10 сентября 1972 года по-прежнему оказывалось давление на Заир, чтобы заставить его признать МПЛА, причем использовалась та же история с объединением двух группировок. Нам хорошо известно, что между МПЛА и УПА существуют большие разногласия, но УПА ищет новой поддержки среди членов ОАЕ, чтобы ликвидировать изоляцию, продолжающуюся в течение пяти последних лет. Дипломатическое влияние МПЛА гораздо сильнее, и мы наблюдаем различные маневры, которые могут привести к тому, что освободительные движения получат в международных организациях статус наблюдателей. Эта тревожная ситуация сложилась из-за отношений между ООН и ОАЕ. Мы можем поэтому понять слухи, что делегация ООН посетила Гвинею и что она может даже посетить территории, освобожденные МПЛА и ФРЕЛИМО.

На конференции в Дар-эс-Саламе достигнуто соглашение, по которому будут выделены участки территорий соседних стран освободительным движениям из Анголы, Мозамбика и Гвинеи с правом размещать там административные организации, госпитали, школы и учебные лагеря. Эта резолюция, внесенная Замбией и Танзанией, соответствует курсу правительства Замбии на очистку пограничных зон, объявленному 18 августа 1972 года.

УНИТА продолжает помогать активным ячейкам в Замбии, несмотря на враждебное отношение к нам со стороны правительства этой страны. Однако мы имеем поддержку среди населения, предоставляющего нам информацию о деятельности МПЛА в Замбии, ее планах против нас и даже о планах правительства г-на Каунды, который в 1970 году содействовал плану МПЛА уничтожить УНИТА. Так как эти планы провалились, Каунда теперь запрещает членам УНИТА находиться на территории Замбии или проезжать через нее. Тем не менее мы пытаемся усилить

работу наших активистов в Замбии, поскольку не можем вести оборонительную борьбу, не имея информации об МПЛА.

Последний заговор МПЛА и Замбии состоял в том, что они направили к нам без всякого предупреждения журналиста по имени Джозефат Качото. Мы приняли его любезно. До его приезда мы намеревались ослабить МПЛА с помощью сильных ударов и подрыва ее влияния за рубежом, с тем чтобы мир задавал вопрос, существует ли она вообще. Однако мы не можем добиться многого, потому что в нашем распоряжении нет достаточного количества техники. Но нередко лучшими оказываются планы дюжины храбрых людей, осуществляющих великие замыслы.

Мы считаем, что Качото является сотрудником замбийской службы безопасности, однако он дал нам ценную информацию о политической обстановке в Замбии. Так как он не очень умен и не очень способен, его могли бы использовать либо его правительство, либо мы для проникновения в районы, куда нам до сих пор не удавалось пробраться. Он прибыл, чтобы выяснить наше отношение к созданию объединенного фронта с МПЛА; интересно отметить, что он ни разу не упомянул об УПА или о переговорах с целью заключить союз между этими двумя группировками в Браззавиле и Рабате.

Наша позиция не может измениться. Мы не заинтересованы больше ни в ОАЕ, ни в Замбии, а тем более в каком-либо союзе с МПЛА. Если эти аспекты политики УНИТА еще недостаточно ясны для властей в Анголе и Португалии, остается неопровержимым факт: мы активно участвуем в ослаблении МПЛА в восточных районах. У нас нет никаких иллюзий в отношении союзов с людьми, с которыми мы сражались и продолжаем сражаться без всякой передышки. Что бы ни думало правительство, мы никогда не поднимем оружие против властей. Мы применяем наше оружие для того, чтобы в один прекрасный день МПЛА покинула восточные районы.

Чтобы добиться мира на востоке страны, необходимо, как мы полагаем, действовать следующим образом:

1. Ослабить силы МПЛА в Анголе, чтобы подготовить их ликвидацию. Эта задача может быть решена совместными усилиями португальских войск и сил УНИТА.

2. Ликвидировать лагеря МПЛА в пограничных районах Замбии. Эту задачу легче решить УНИТА, потому что мы не имеем политического статуса, в результате чего нам не

грозит осуждение со стороны какой-либо международной организации.

3. Дискредитировать МПЛА. В этом плане мы нацеливаем наши действия и против ОАЕ, по крайней мере против связанных с нею освободительных движений. Как только МПЛА будет ослаблена или разгромлена на востоке, перед нами раскроются широкие перспективы.

Я по-прежнему придерживаюсь взглядов, что отказ масс и их лидеров от вооруженной борьбы является лишь частью решения проблем, влияющих на мир в Анголе. Должна существовать сила, которая может победить тех, кто вызвал все эти ужасы, сила, которую не ограничивают и которой не препятствуют международные конвенции, сила, которая станет важным фактором в управлении нашей нацией. Наша информационная сеть за рубежом достаточно широка, и мы используем ее в наших целях, сражаясь с МПЛА не только с оружием в руках, но и на дипломатическом уровне, где она получает поддержку и использует различные мифы. Очень хотелось бы, чтобы этот аспект был внимательно изучен властями в целях выяснения, каким образом наши усилия могут принести общественную пользу.

Могущественные силы зарятся на богатства Анголы, хотят использовать ее выгодное стратегическое положение и ожидают ухудшения обстановки. Мы можем ускорить процесс ухудшения обстановки в освободительных движениях и в лагерях их лидеров. Хотя я уделил значительное внимание МПЛА, она уже больше не семиголовое чудовище, с которым невозможно сражаться. Если я не говорю много об УПА, то лишь потому, что не считаю ее серьезным противником в будущем. Кроме того, мы имеем мало информации об УПА, потому что серьезные разведывательные данные можем получить только через Катангу.

В свете вышесказанного УНИТА просит ваши превосходительства дать временное разрешение на использование коридора Луфута — Луангинга — Луву. Властям известно, что у нас есть мобильный отряд на берегах Луангинги, неподалеку от границы с Замбией. Именно этот отряд атаковал в апреле и мае силы МПЛА в Замбии и заставил их уйти из Лутембу. Но этот отряд постоянно подвергается угрозе нападения со стороны вашей милиции в Лутембу. Однако ему даны указания ни в коем случае не отвечать на огонь милиции, а отступать как можно быстрее и ставить меня в известность об этом.

(Далее в письме приводится попавшая в руки Савимби информация о дислокации и вооружении частей МПЛА, а

также описание различных боевых столкновений УНИТА с силами МПЛА.)

Что касается вашей просьбы о предоставлении вам проводников, наша позиция остается прежней. Мы готовы выделять их, как только станет точно известно местонахождение какого-либо лагеря. Трудность состоит в том, что противник обнаруживает следы наших людей сразу же после их ухода. Поэтому теперь мы посылаем на задание группы, которые должны немедленно атаковать любой обнаруженный ими лагерь. Мы считаем, что выполнение этих заданий было бы облегчено совместными действиями наших и ваших войск в заранее указанном секторе. Эту проблему следовало бы обсудить с нашей делегацией, с тем чтобы мы могли определить, какую подготовку необходимо провести перед такой операцией.

(Далее Савимби перечисляет, что он хотел бы получить взамен — от семян и животных до учебных пособий и медицинских инструментов.)

Я хотел бы добавить к этому просьбу, имеющую особое значение для меня. Я снова прошу ваши превосходительства снабдить меня по крайней мере 1500 патронами калибра 7,62 мм, потому что в боях с МПЛА и УПА мы всегда используем оружие этого калибра. Прошу учесть, что мы никогда не используем эти боеприпасы против португальских граждан. Мою просьбу насчет ручных гранат можно оставить без внимания, так как пока мы имеем их в достаточном количестве. Что касается маскировочной одежды, то мы попросим лесоторговцев продать нам ткань другого вида, как вы нам рекомендовали, но я прошу прислать, если возможно, по крайней мере два комплекта обмундирования из настоящей маскировочной ткани — один для меня и один для Пуны.

Покорнейше прошу ваши превосходительства принять мои пожелания здоровья и заверения в глубоком уважении.

Жонас Мальейру Савимби,
бакалавр политических и юридических наук
Лозаннского университета, президент УНИТА.

Лунге-Бунгу.

Документ Б: Письмо Жонаса Савимби подполковнику Рампрешу ди Оливейре от 25 октября 1972 года.

Подполковнику Арменью Рамирешу ди Оливейре, начальнику штаба Восточной военной зоны.

Несколько дней назад я просил капитана Клементи передать вам нашу благодарность за боеприпасы, а также выразить удовлетворение тем, что каждая встреча подводит нас все ближе к целям, к которым мы оба стремимся.

12 октября 1972 года была проведена операция против УПА. Как только было установлено местонахождение лагеря, упомянутого в ваших заметках, любезно пересланных мне, мы обнаружили, что бойцы УПА покинули его, и наша боевая группа начала преследование. Группа настигла их у Суты.

13 октября 1972 года наши силы провели операцию против МПЛА. Группа из 20 человек, в том числе 17 вооруженных, проникла в наш район. Так как они отходили в направлении Кембу и у нас не было времени предупредить командира Восточной военной зоны, мы были вынуждены преследовать их. Сблизившись с ними у Касспнгу, мы энергично атаковали. Добытая там информация свидетельствует, что в этом районе есть еще три лагеря противника, и в каждом из них более 20 партизан. Поэтому мы должны просить ваше превосходительство разрешить нам передвигаться более свободно в зонах 2 и 3 с 5 ноября 1972 года на срок не более месяца или до завершения операции. После этого наши силы немедленно покинут данный район.

Несколько месяцев назад мы захватили у УПА пулемет. Возможно ли переправить его к вам для ремонта, потому что он был бы очень полезным для нас?

В моем распоряжении имеется документ ОАЕ, который я считаю весьма важным. Я только что получил его. Он касается приобретения оружия МПЛА и другими движениями на португальских территориях, финансирования, транспорта и т. д. Я считаю его очень полезным, потому что он отражает умонастроения на последней конференции глав африканских государств в Рабате. Как только я закончу его изучение, я перешлю его вам обычным путем, потому что было бы жаль, если бы столь важный документ оказался утерян.

Что касается нашей встречи, то я всегда предпочитаю беседовать с представителями властей лично. Но такая встреча должна быть подготовлена нашей делегацией, чтобы мы достигли договоренности о месте, дате, форме, повестке дня и составе участников. Во всяком случае, я думаю, что наша делегация сможет внести конкретные предложения при следующей встрече относительно установки у нас радиостанции.

Я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы передать мои почтительнейшие поздравления его высокопревосходительству инженеру Сантуш э Кастору в связи с его назначением на высокий пост генерал-губернатора Анголы.

С уважением

Жонас Мальейру Савимби.

Документ В: Письмо подполковника Рамиреша ди Оливейры Жонасу Савимби от 4 ноября 1972 года

Д-ру Жонасу Мальейру Савимби.

Его превосходительство начальник Восточной военной зоны просил меня сообщить вам о решениях, принятых по пунктам, упомянутым в вашей памятной записке от 26 сентября 1972 года, а также ответить на ваше письмо от 25 октября, полученное 31 октября 1972 года.

1. Сделанный вами анализ внешней и внутренней обстановки в подрывных движениях Анголы, их отношений между собой и с поддерживающими их африканскими странами был должным образом изучен и высоко оценен. Как я уже говорил вам, он совпадает с нашими взглядами.

2. Мы согласны, что можно получить большую пользу от дальнейшей поддержки ячеек УНИТА в Замбии в следующих целях: сбор информации об МПЛА и о политической обстановке в Замбии и других африканских государствах; оказание давления на правительство Замбии, чтобы заставить его изменить свою политику по отношению к Португалии.

а) Очень важно поддерживать неблагоприятное отношение к МПЛА со стороны населения. От этого зависит все остальное. Кроме того, недовольство и плохие отношения, которые могут быть созданы, усилят трудности МПЛА при переходе из Замбии на территорию Анголы.

б) Много преимуществ дает распространение слухов, что не существует никаких «освобожденных территорий», никаких школ, никаких больниц, созданных МПЛА в Анголе, что люди, поддерживающие МПЛА, столкнутся лишь с голодом и неудобствами и что МПЛА не отвоевывала никаких населенных пунктов и только терпела поражения.

в) Нападения небольших масштабов следует проводить при поддержке населения. Власти заинтересованы в действиях против конкретных объектов, как будет объяснено ниже.

г) Очень важен сбор информации. Но в то же время необходимо рассмотреть проблему ее распределения. Об этом будет сказано в нашем следующем письме.

д) Политическое давление, оказываемое на правительство Замбии специалистами, могло бы стать крайне важным, если бы оно изменило отношение этого правительства к подрывным движениям в Замбии.

3. Наиболее существенной для нас является информация о возможности соглашения между МПЛА и УПА. УПА, хотя и сталкивается с проблемами, по-прежнему удерживает некоторые выгодные географические позиции на востоке, которые МПЛА хотела бы занять. Более того, связь МПЛА значительно улучшилась бы, если бы она получила в свое распоряжение средства связи УПА в Заире.

Нам известно, что вскоре, вероятно, состоится «национальная конференция» УПА в Кинкузу, а в ноябре или декабре в Шиконгу будет созван первый съезд МПЛА. Было бы очень важно проникнуть на съезд, чтобы узнать, какие вопросы там обсуждались и какие решения были приняты.

4. Власти согласны, что главное для УНИТА в данный момент — не допускать развертывания боевых действий в районе верховий Лунге-Бунгу и тайно расширять сотрудничество с нашими войсками. В данной фазе мы можем надеяться на капитуляцию основной массы населения. Что касается УНИТА, то мы имеем в виду не капитуляцию, а «интеграцию», хотя детали могут быть определены в ходе переговоров, в которых вы будете участвовать.

Мы стремимся, таким образом, поддерживать зону мира, которая должна постепенно расширяться, по мере того как мы будем поощрять население к участию в борьбе против партизан МПЛА и УПА. Можно будет начать осуществление небольших экспериментов по интеграции в той мере, насколько позволят условия на востоке.

5. Тайный характер этих контактов, к сожалению, неизбежно выдвигает свои проблемы.

а) Одна из них состоит в невозможности предоставить право на свободное передвижение по коридору Луфута — Луангинга — Луву. Каждый раз, когда потребуется использовать этот коридор, необходимо будет предупредить штаб, чтобы мы могли отвести войска из данного района на необходимый срок под тем или иным предлогом. За исключением таких периодов невозможно гарантировать вашу безопасность в этом коридоре.

б) Подобным же образом зоны 1, 2, 3, 4 и 5 не следует использовать без предварительной заявки, а при чрезвычайных обстоятельствах — без немедленного разрешения. Вы информировали нас о вашей операции 12 октября в зо-

не 1 лишь 25 октября, и мы только сейчас узнали о вашей другой операции в зоне 2. Так как наши войска часто бывают там, иногда с вертолетами, очевидно, что вы подвергаете себя опасности.

в) По соображениям секретности трудно производить и обмен пленными.

6. Мы считаем также крайне важным уничтожение зарубежных баз МПЛА. Однако мы полагаем, что это должно производиться лишь тогда, когда имеется некоторая гарантия успеха, и с соблюдением всех необходимых мер предосторожности, чтобы не скомпрометировать португальские власти. Если вы согласны, мы можем разработать план при следующем обмене письмами и обсудить вопрос о поддержке, которую мы можем оказать вам.

7. Наши силы могут проявить активность в зонах 2 и 3 в конце ноября. Однако они не выйдут за пределы этих зон. Я также пользуюсь случаем, чтобы поздравить вас с успехами в борьбе с нашим общим врагом.

8. Что касается помощи населению, то она либо уже оказана, либо оказывается.

9. Его превосходительство начальник зоны отдал распоряжение отремонтировать ваш пулемет, о чем вы просили в письме от 25 октября 1972 года. Его следует передать через лесоторговцев по возможности в разобранном и упакованном виде.

10. Было бы весьма полезно, если бы вы смогли передать нам документ ОАЕ, о котором писали; после фотокопирования он будет немедленно возвращен.

11. Мы согласны обсудить с вашей делегацией детали личной встречи. Как обычно, дату предложите вы. Основными вопросами для обсуждения могли бы стать:

а) действия УНИТА против МПЛА и УПА в пределах национальной территории;

б) деятельность ячеек УНИТА в Замбии;

в) использование силами УНИТА коридора Луфута — Луангинга — Луву;

г) налеты УНИТА на зарубежные базы МПЛА;

д) установка у вас радиостанции;

е) необходимая помощь населению;

ж) средства обмена информацией.

12. Мы получили от капитана Клементи из УНИТА сообщение о том, что вы нуждаетесь в медицинском обследовании. Выражаем надежду, что с вами не случилось ничего серьезного, но его превосходительство генерал просил меня

подтвердить гарантии вашей личной безопасности, сколько бы времени ни потребовал процесс вашего выздоровления.

13. Ваши поздравления генерал-губернатору Анголы будут переданы.

Для блага нации
начальник штаба
Арменью Нуну Рамиреш ди Оливейра.

Документ Г: Письмо Жонаса Савимби подполковнику Рамирешу ди Оливейре от 7 ноября 1972 года

Уважаемый господин подполковник!

Спешу ответить на ваше любезное письмо от 4 ноября 1972 года, за которое я вам очень признателен.

Пожалуйста, передайте мои искренние извинения его превосходительству начальнику Восточной военной зоны за беспокойство, вызванное задержкой с моим прибытием в лесной район на консультацию к доктору, которого его превосходительство столь любезно предоставил в мое распоряжение.

(Далее следует пространное объяснение причин задержки.)

Занятие выделенного нам сектора будет зависеть от предоставления властями большей свободы передвижения нашим силам в зоне 1. Мы должны ясно видеть эту проблему. Я готов выполнить ваши указания, несмотря на мою точку зрения, однако моя стратегия больше приспособлена к перемещениям небольших групп, чем к передвижениям крупных сил, которыми командует ваше превосходительство. Во всех районах, где размещались силы УНИТА после моего приезда в Анголу, мы занимались земледелием, чтобы удовлетворять наши потребности в продовольствии, не являясь обузой для населения. Но когда наши группы получают приказ на передислокацию в районы, похожие на пустыни, становится явно невозможным поддерживать дисциплину в войсках.

Карта с указанием отведенных УНИТА районов показывает, что при их выделении учитывалась больше общая стратегия войны на востоке, чем вклад, который УНИТА может внести в борьбу с МПЛА и УПА. Я согласился с таким положением и не прошу большего. Однако ваша роль там сведена к тому, что можем выполнить мы. И когда наши бойцы оказываются за пределами района УНИТА, возникают недоразумения между властями и населением, как это произошло несколько дней назад в Сатанде, где

войска напали на местных жителей. Я не сообщил об этом властям на месте в надежде, что со временем они поймут смысл нашей борьбы против этой войны, которая уже не приносит выгод кому бы то ни было. Нам нужно найти решение для всех этих проблем в соответствии с духом указаний его превосходительства профессора Марселу Каэтану. Хотя политическое и стратегическое решение должно исходить свыше — из Луанды, а возможно даже из Лиссабона, в тактическом плане нижние эшелоны власти обязаны находить местные решения для местных проблем.

Мы благодарим его превосходительство начальника военной зоны за его любезное распоряжение отремонтировать наш пулемет.

С искреннейшим уважением

Жонас Мальейру Савимби.

Майлз Африканус

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Эта статья, являющаяся рецензией на книгу Джона Стокуэлла «В поисках врагов» и книгу Олега Игнатьева «Секретное оружие в Африке»[1], была опубликована впервые информационным бюллетенем «Каверт экшн» в номере за апрель — май 1979 г. Майлз Африканус — псевдоним одного известного американского эксперта по проблемам Юга Африки.

Авантюра администрации Форда в Анголе представляла собой странное и противоречивое зрелище. Она была рассчитана на проявление твердости и в то же время казалась нелепой и банальной, агрессивной и проникнутой неуверенностью и грозила катастрофическими последствиями. Это была характерная реакция государства и правящей элиты, находящихся в состоянии все усиливающегося расстройства. Но подобная реакция не просто ошибка. Она была логичной и абсурдной одновременно и как бы предвосхищала будущее. События в Анголе были генеральной репетицией надвигающейся войны на Юге Африки. В Ан-

[1] Имеется в виду английский перевод книги О. Игнатьева «Операция «Кобра-75» (М., Политиздат, 1978).

голе Соединенные Штаты решительно взяли на себя обязательство сохранить статус-кво в этом угнетенном регионе.

Две рецензируемые книги очень различны. Одна из них, написанная бывшим руководителем оперативной группы ЦРУ в Анголе, представляет собой отчет о крупномасштабной тайной операции — о вмешательстве в Анголе в 1974—1976 годах. Другая, автором которой является зарубежный корреспондент «Правды», — рассказ об истории и политике целого десятилетия, сфокусированный на «бумажных» союзниках ЦРУ — Национальном фронте за освобождение Анголы (ФНЛА) и Национальном союзе за полную независимость Анголы (УНИТА). Взятые вместе, книги Стокуэлла и Игнатьева дают захватывающую картину событий в Анголе и тайной войны, которую Португалия и Соединенные Штаты начали вести против будущего правительства этой страны задолго до того, как она добилась независимости.

«В поисках врагов» — это рассказ участника событий. Стокуэлл был руководителем оперативной группы ЦРУ для Анголы. Он видел все самое важное из происходившего. И он рассказывает о многом из того, что видел, хотя отнюдь не все. Его книга еще раз наглядно показывает (хотя это ясно и без того), что ЦРУ — организация, «закусившая удила», разведывательное ведомство, политика которого неизбежно ведет к вмешательству США в дела других стран. «В поисках врагов» изображает руководство ЦРУ таким, каково оно есть на самом деле, — пользующейся покровительством свыше кликой невежественных и агрессивно настроенных людей, управляющих беззаконной машиной, которая может разорить уязвимую страну в считанные месяцы.

Книга Стокуэлла особенно ценна по двум причинам. Во-первых, она показывает, что официальные мифы об ангольской войне являются ложью. Во-вторых, автор дает нам необычный и подробный отчет об эволюции крупномасштабной тайной операции.

Из книги Стокуэлла явствует, что в Анголе вообще никогда не было гражданской войны, что ЦРУ платило ФНЛА и УНИТА и вооружало их, чтобы бросить вызов МПЛА. Из доклада Пайка и статей Сеймура Херша в «Нью-Йорк таймс» в декабре 1975 года следует, что вмешательство Соединенных Штатов началось в январе 1975 года. Стокуэлл показывает, что ЦРУ финансировало операцию уже в середине 1974 года без разрешения «комитета 40». По его словам, ЦРУ израсходовало «достаточно

средств, чтобы пошел слух, что ЦРУ участвует в гонке». Именно эта тайная операция послужила толчком для оказания Советским Союзом крупномасштабной помощи Народной Республике Ангола через много месяцев. «Только в марте 1975 года, — отмечает он, — Советский Союз начал поставлять оружие МПЛА в значительных количествах». Бюрократия ЦРУ отказывалась понять, что ее попытка уничтожить МПЛА сделала советскую помощь почти неизбежной.

Стокуэлл подает нам также крупным планом ЦРУ в действии. Эйджи удалось описать структуру управления и операции, выполненные резидентурами ЦРУ в некоторых латиноамериканских странах. Стокуэлл, однако, показывает, как мобилизуется все управление для осуществления политического и полувоенного переворота в Анголе. Это первое описание крупной тайной операции, сделанное одним из ее участников. Он изображает динамику действий управления. Он приводит яркие и иногда подробные отчеты о выполнении разведывательных задач в Анголе, повседневной работе в Лэнгли, связях с министерством обороны США, пропагандистских операциях в ООН, а также в Киншасе и Лусаке, заседаниях межведомственной группы, поведении бюрократии ЦРУ и самовольных действиях руководителей резидентур.

Информация, приводимая Стокуэллом в его книге, нуждается в тщательном просеивании и анализе. Она представляет большую ценность для всякого, кто хочет разобраться, как в действительности работает ЦРУ. Книга Стокуэлла дополняет работы Маркетти и Маркса, Эйджи, Вулфа, Корсона и других, критически рассмотревших управление с иных точек зрения. Стокуэлл нарисовал картину, которая, будучи далеко не полной, говорит нам многое о характере и организации тайного вмешательства.

И все же, хотя книга Стокуэлла увлекательна и важна, она странным образом лишена «телесной оболочки». Его описание событий настолько сосредоточено на происходящем внутри управления, что оно кажется герметически изолированным от внешнего мира. Стокуэлл окунается в события в Анголе, подобно простаку за границей Марка Твена, вооруженному на этот раз дробовиком. Хотя он в конечном счете возмущен тем, что делает ЦРУ в Анголе, кажется, что он в чисто человеческом плане не понимает той удивительной драмы, которая разыгралась там после 1974 года. Поражает, например, его отношение к Жонасу Савимби. Стокуэлл, по-видимому, считал Савимби обаятельным и ум-

ным вождем своего народа. Его описание Роберто, с которым он также встречался, тоже дано скорее в личном, чем в политическом плане. Представляется, что Стокуэлл не увидел или не счел нужным увидеть, что же именно скрывалось за высказываниями этих двух деятелей в разговорах с ним.

Ценность книги Игнатьева состоит в том, что она носит политический характер. Она отражает, как признал бы любой сотрудник ЦРУ, связанный с этой операцией, глубокое понимание того, что происходило в Анголе в период с 1966 по 1976 год. Она также проникнута уважением и сочувствием к целям национального освобождения. В откровенно импрессионистском духе Игнатьев стремится показать тот фон, который Стокуэлл опускает, описать причины конфликта, который Стокуэлл рассматривает, как иногда кажется при чтении его книги, как какую-то грандиозную жесткую игру в футбол. Игнатьев анализирует длительную историю противодействия США освободительным процессам в бывших португальских колониях, политические биографии Роберто и Савимби, заговор Мобуту и генерала Спинолы с целью расчленить Анголу, вторжение южноафриканских войск в эту страну, роль ЦРУ и завербованных им наемников. В целом он придает политическую перспективу книге Стокуэлла.

Для американских читателей особенно интересно то, что Игнатьев раскрывает мишурные политические биографии Роберто и Савимби, избранных «лидеров» Анголы, на которых ЦРУ щедро расходовало деньги налогоплательщиков. Он показывает, что они были всего лишь проходимцами и ворами, движимыми честолюбием и жестокостью. Он утверждает, что Роберто был завербован ЦРУ очень давно, еще в 1959 году, когда работал в Нью-Йорке, и что его направили в Киншасу, чтобы он готовил себя к тому времени, когда португальцы покинут Анголу и США потребуется местный управляющий делами. Игнатьев считает, что Савимби также был завербован давно, хотя и неизвестно точно, кто мог его завербовать. (Автор этих строк полагает, что Савимби был завербован англичанами в конце 60-х годов. Он необъяснимым образом обосновался в то время в Лондоне на Гоуэр-стрит и делал абсурдные и неубедительные заявления в маоистском духе в небольшом информационном бюллетене.)

Игнатьев наглядно доказывает, что ни Роберто, ни Савимби не могут претендовать на роли руководителей освободительного движения Анголы. Основываясь на опубли-

кованных документах МПЛА, докладах ОАЕ и сообщениях в португальской печати, он показывает, что общественность с подозрением относилась к обоим еще с середины 60-х годов. Широко распространено мнение, что Роберто большую часть времени занимался охотой за подразделениями МПЛА и навязыванием им боев. Из документов не ясно, каковы были масштабы его открытого сотрудничества с португальскими колониальными войсками. Однако в случае с Савимби имеются вполне определенные доказательства. В 1974 году журнал «Африк — Ази» опубликовал несколько писем из переписки между Савимби и различными высокопоставленными португальскими чиновниками и военными. Эти документы, очевидно, были захвачены после падения режима Марселу Каэтану. Игнатьев приводит обширные выдержки из них, и эти письма производят уничтожающий эффект.

В книге «Секретное оружие в Африке» много интересных материалов. В одном из наиболее примечательных отрывков, занимающем почти целую главу, содержится косвенная критика американского комитета по Африке и его исполнительного директора. Игнатьев указывает на то — этого никто не отрицает, — что в молодые годы Роберто был знаком с исполнительным директором и получал помощь от американского комитета по Африке, как и многие другие африканские националисты, избравшие впоследствии тот или иной путь. Игнатьев, однако, высказывает предположение, что в помещении АКПА Роберто встречался с вербовщиками ЦРУ. Такие встречи могли происходить, разумеется, но из этого не обязательно следует вывод о состоявшейся вербовке. Но подобное бросающееся в глаза — хотя оно и сделано в завуалированной форме — обвинение со стороны видного советского журналиста поднимает ряд важных вопросов. Почему такому человеку понадобилось критиковать организацию вроде американского комитета по Африке? Не хочет ли Игнатьев довести до сведения западных читателей какое-то соображение политического характера? Не считает ли он, что либеральные организации вроде АКПА слишком пассивны, чтобы оказать эффективную помощь освободительной борьбе сейчас, когда ставки в Африке уже сделаны?

Для западных читателей книга Игнатьева трудна в стилистическом отношении. В ней используются такие необычные для нас приемы повествования, как, например, более или менее точный (по всей вероятности), но вымышленный пересказ разговора между двумя лицами, которого

автор в действительности не мог слышать. В ней не подтверждаются документально отдельные положения, к которым западные журналисты (не все) сочли бы обязательным дать подстрочные примечания. Весьма своеобразен характер изложения, представляющий собой странную смесь рассказа от первого лица, анализа, обширных цитат и ряда умозрительных реконструкций. Но все это относительно банальные возражения против стиля, который, возможно, воспринимается лучше в оригинале. Важно то, что книга Игнатьева, несмотря на недостатки, дает больше для понимания ангольских событий, чем «Нью-Йорк таймс» во всех своих статьях об Анголе вплоть до разоблачения роли ЦРУ там.

Книги Стокуэлла и Игнатьева напоминают нам, что мы живем в парадоксальное, бурное и опасное время. Американская мощь ослабевает, но правители Америки не могут по-настоящему понять этот факт. Они хотят «избежать повторения ошибок прошлого», однако обстоятельства заставляют делать их вновь. Только поэтому люди, подобные Роберто или Савимби, могут быть поставлены у власти и продержаться там хоть немного. В докладе Гудзоновского института о кризисе в Анголе, опубликованном в июне 1975 года, открыто признается, что МПЛА одержала бы победу на выборах в Анголе, точно так же, как СВАПО победила бы на выборах, если бы ЮАР и ее западные союзники по неосмотрительности разрешили бы провести их сегодня.

В 1976 году Бжезинский, описывая «Америку во враждебном мире», утверждал, что она не сможет выжить, если не научится приспосабливаться к новым реальностям. Его поиски средств приспосабливания, однако, оказались бесплодными. Последнее предложение его примечательной статьи гласит: «Главное, важно помнить, что только Америка обладает мощью, чтобы формировать враждебный мир для самой себя». Это означает, что Америка использует свою мощь, когда мир будет стремиться избавиться от всевозможных пехлеви, «Литтон индастриз», сухарто, бот, «Дженерал дайнэмикс», гассанов и «Пфизер кемикалз».

В то же время правящая элита попытается сохранить иллюзию, что она не делает ничего подобного. Короче говоря, она будет во все большей мере использовать тайную силу. В грядущие годы ЦРУ станет более, а не менее мощным. Оно было создано, чтобы примирить имперские потребности в использовании вооруженных сил с тонкостями демократического процесса достижения общего согласия.

И потребность в нем будет возрастать по мере обострения противоречий. Рост влияния ЦРУ, однако, будет означать одновременно его закат. Потому что по самому своему характеру ЦРУ является органом переходного периода. Его создание означало признание того, что даже в зените американской мощи это сочетание демократии с империей могло поддержать свою власть, только создав специальный аппарат для ведения постоянной войны против собственных подданных.

Тот факт, что эта способность используется все чаще и чаще со все меньшей и меньшей эффективностью, когда все сказано и сделано, означает: проблема — противодействие — возрастает до таких масштабов, что этот орган не в состоянии справиться с ней. Опыт Анголы, таким образом, становится символом упадка более крупных размеров. ЦРУ организовало широкую операцию с целью уничтожить целую страну при ее рождении. Операция провалилась. И провалилась именно тогда, когда о действиях ЦРУ стало известно миру, а частично и вследствие этого. Это, к счастью, такая дилемма, избежать которой пользующаяся покровительством свыше клика невежественных и агрессивно настроенных джентльменов никак не может.

Пэт Хаттон и Джонатан Блок

ЧТО ДЕЛАЛА ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В АНГОЛЕ

Эта статья, написанная корреспондентами лондонской «Пиплз ньюс сервис», является сокращенным вариантом материала, опубликованного в указанном издании 1 августа, 5 сентября и 3 октября 1978 г. Статья была подготовлена для этой книги в апреле 1979 г.

В то время как американская общественность получала информацию о событиях в Анголе, вплоть до полного разоблачения вмешательства правительства США в гражданскую войну в этой стране, деятельность одного из союзников США в Анголе — лейбористского правительства Великобритании не получила подобного освещения в печати. Делая ханжеские заявления об иностранном вмешательст-

ве, английское правительство одновременно стремилось не замечать и, вероятно, поощряло действия в Анголе ее секретной службы, крупных компаний и позорно известных наемников, пытавшихся нанести поражение МПЛА. Мы проследим здесь каждый из аспектов лицемерного поведения английского правительства, начиная с политических и экономических связей с португальским колониализмом.

Официальный визит герцога Эдинбургского в Португалию несколько лет назад в честь 600-летия сотрудничества был лишь одним из проявлений доверия к фашистской диктатуре со стороны английского правительства. В мае 1971 года Алек Дуглас-Хьюм, занимавший тогда пост министра иностранных дел, посетил Лиссабон, выразив тем самым, как писала «Файнэншл таймс», «вотум доверия» португальскому правительству. Английские коммерческие интересы в Португалии и ее колониях всегда были значительными, и в 1975 году один из министров заявил в палате общин, что английские капиталовложения в Анголе, по самой скромной оценке, составляют около 60 млн. фунтов стерлингов. Компании «Танганьика консешнс лимитед» принадлежала Бенгельская железная дорога (идущая от медных рудников в Центральной Африке к побережью Анголы), которую она же и эксплуатировала; к числу других компаний, имевших крупные капиталовложения в Анголе, относились «Ассошиэйтед энджиниринг», «Бэбкок энд Уилкокс», «Бритиш-Америкен тобакко», «Бритиш энд Коммонуэлс шиппинг», «Бритиш оксиджен», «Интернэшнл кемикл индастриз», «Рейкал коммьюникейшнс», «Рио-Тинто зинк» и «Хилл Сэмюэл», а также несколько других фирм, входивших в консорциум по разработке алмазных месторождений «Диаманг». На первый взгляд 60 млн. фунтов стерлингов не так уж и много, однако следует помнить, что еще не открылся рог изобилия из обширных запасов нефти, меди, кобальта, золота, алмазов и других важных видов минерального сырья.

Великобритания была всегда готова оказать дипломатическую поддержку португальскому правительству, и ее представительство в ООН голосовало против или воздерживалось при голосовании любой резолюции, осуждавшей португальский колониализм, даже после того, как стало известно о жестокости вооруженного подавления освободительных движений во всех колониях Португалии. Когда португальский диктатор Каэтану был свергнут Движением вооруженных сил в апреле 1974 года, дипломатическая поддержка Великобритании была перенацелена на тех, кто

пытался надеть на себя мантию колониализма, которую португальцы столь внезапно сбросили. Это сделали, разумеется, Соединенные Штаты, заручившиеся поддержкой Великобритании, Франции и Западной Германии. Этот союз прилагал все усилия, чтобы не допустить победы МПЛА над ФНЛА на севере и над УНИТА и южноафриканской армией на юге Анголы. Надо полагать, что без активного сотрудничества со стороны западноевропейских правительств крупномасштабное вмешательство США с помощью ЦРУ было бы невозможным, потому что непосредственно после падения Сайгона США слишком болезненно реагировали на колониальные войны.

Поставки стрелкового оружия из Соединенных Штатов разрешались, однако о передаче современной техники не было и речи. Но США пытались убедить другие страны в необходимости поставок оружия, которое изменило бы соотношение сил. Руководитель оперативной группы ЦРУ для Анголы Джон Стокуэлл рассказал, как португальцы обращались к английскому правительству с просьбой поставить управляемые ракеты. Хотя англичане с осторожностью подходили к вмешательству подобного рода по тем же самым причинам, что и американцы, выдвигались и другие инициативы.

В конце 1975 года американское правительство усилило нажим на англичан, особенно в связи с тем, что военные усилия в Анголе, казалось, не увенчались успехом. В декабре Генри Киссинджер обещал «добиться как можно большей поддержки со стороны других стран». Когда Уильям Шофел, заместитель Киссинджера по африканским делам, прибыл в Лондон, дипломатический обозреватель «Манчестер гардиан» Патрик Китли писал: «Форд добивается, чтобы англичане поддержали его усилия по выработке мирной формулы (!) для Анголы, и Уайтхолл готов пойти навстречу». Эти шаги были направлены на блокирование признания МПЛА международным сообществом. После этого Форд и Киссинджер подумали, что им, возможно, удастся убедить другие страны НАТО оказать значительную военную помощь силам, выступающим против МПЛА. Однако реакция западноевропейских стран НАТО была прохладной.

На конференции НАТО в декабре 1975 года Великобритания, Канада, Норвегия и Нидерланды хотели воздержаться от масштабной военной интервенции. Джеймс Каллагэн, занимавший в то время пост министра иностранных дел, заявил, что ни Соединенное Королевство, ни

НАТО не должны допускать, чтобы их связывали с военными амбициями ЮАР. Однако именно Каллагэн внес предложение, чтобы НАТО оказало давление с целью предотвратить признание МПЛА. Каллагэн, Ганс-Дитрих Геншер (министр иностранных дел Западной Германии), президент Форд и президент Жискар д'Эстен направили письма странам — участницам Организации африканского единства (ОАЕ), которые должны были встретиться в январе 1976 года, с требованием прекратить огонь и вывести все иностранные войска. ОАЕ, многие из членов которой были возмущены, получив от Запада указания по вопросам, находящимся в их компетенции, постановила признать правительство МПЛА.

К тому времени в США пришла к власти новая администрация, и Киссинджер, навязчивое стремление которого противодействовать Советскому Союзу в глобальных масштабах путем уничтожения МПЛА доминировало в задуманном сценарии, лишился своего поста. Английское правительство признало МПЛА в феврале 1976 года. Именно с этого времени начала выплывать на свет история о тайной помощи ФНЛА и УНИТА со стороны стран НАТО. В то время как тайные действия ЦРУ получили широкую огласку, сообщения о вмешательстве Великобритании, Франции и Западной Германии остались почти незамеченными.

В статье Лесли Гелба, опубликованной в «Нью-Йорк таймс» в марте 1976 года, утверждалось, что Великобритания и Франция также были замешаны в войне в Анголе. Французская помощь характеризовалась как «значительная», а английская — как «скромная». Хотя оба правительства выступили с категорическими опровержениями относительно какого-либо участия в войне, представители администрации Форда, которых Гелб цитировал, заявили: «Оперативные работники разведки на местах знали в общих чертах, чем занимаются агенты разведывательных служб других государств, и, разумеется, мы (ЦРУ) и англичане информировали друг друга о том, что происходит». Они также заявили: англичане «предпринимали лишь абсолютно минимальные усилия, необходимые для того, чтобы быть в курсе дел», что представляется благоразумным, поскольку в то время они направляли всем африканским государствам письма с осуждением иностранного вмешательства. Представители администрации Форда отмечали также, что Великобритания оказывала поддержку УНИТА и снабжала ее средствами связи. Компания «Рейкал» еще

до этого была замешана в поставках средств связи родезийской армии и до июля 1978 года имела в ЮАР дочернюю фирму, выпускавшую такую же продукцию. В данном случае «Рейкал» передала УНИТА семь радиопередатчиков для ведения пропагандистских передач, переправив их в Анголу из Замбии. «Рейкал» также предоставила техника, который помог смонтировать их.

«Лонро», всегда державшаяся неподалеку от центра политических событий в Африке, передала президенту УНИТА Жонасу Савимби небольшой реактивный самолет административного назначения. Дочерняя фирма «Лонро» «Армитидж индастриал хоулдингс», одним из директоров которой был Вильгельм Уайлдинг, личный пилот президента «Лонро» Роуленда, занималась переброской по воздуху оружия и техники в районы боевых действий. Выполнив свои задачи, компания свернула деятельность и продала самолеты. В середине 1977 года сообщалось, что Савимби продолжал пользоваться предоставленным ему реактивным самолетом.

Запад оказывал и другую помощь в перевозках по воздуху. Таинственная компания, называвшаяся «Перл эйр», использовала тяжелый самолет «Вайкаунт» для переброски оружия в контролировавшиеся УНИТА районы Анголы из Лусаки в Замбии. Эта компания, зарегистрированная в английской колонии Гонконг, была распущена в 1975 году, однако затем вновь объявилась уже в Карибском бассейне — в Гренаде, фактически бывшей в то время английской колонией. Директорами компании были два западных немца и два жителя Гренады. По данным Джона Стокуэлла, УНИТА нанимала самолет «Вайкаунт», эксплуатировавшийся компанией «Перл эйр», на деньги, полученные от ЦРУ. Американские газеты подтвердили это со ссылкой на свидетельство двух англичан, пилотировавших этот самолет.

Эван Дэвис, выступавший в роли советника УНИТА во время войны, до этого был сотрудником специальной службы в Кении и консультантом по вопросам обеспечения безопасности в одной табачной фирме. Он участвовал в создании Института по изучению конфликта и прибыл в Анголу вместе с Робертом Моссом (также из этого института), о котором будет рассказано ниже. Дэвис также утверждает, что помогал Жоржи Сангумбе, «министру иностранных дел» УНИТА, еще за много лет до этого, когда тот бедствовал.

Сангумба, оказывается, посетил Лондон в апреле 1975 года и познакомился с Джоан Лестер, членом парламента от лейбористской партии и парламентским заместителем министра иностранных дел. Вновь прибыв в Лондон в январе 1976 года, он заявил: «Мы были бы рады получить деньги, оружие и политическую поддержку от Великобритании. Однако мы не нуждаемся в наемниках». Наемники не требовались, вероятно, потому, что их поставляли ЦРУ и южноафриканцы. Английская столица была также базой официального представителя УНИТА в Великобритании Тони Фернандеша, правой рукой Савимби, проходившего вместе с ним подготовку в Китае. По стечению обстоятельств лондонская квартира Фернандеша, обходившаяся в 150 фунтов стерлингов в неделю, была расположена рядом с крупнейшим зарубежным центром ЦРУ, размещавшимся в американском посольстве на площади Гросвенор-сквер, около Оксфорд-стрит.

Более зловещие тайные мероприятия связывали англичан с организациями, враждебными по отношению к правительству Анголы. В конце 1977 года в различных западноевропейских столицах состоялась серия таинственных встреч с целью организовать действия против МПЛА. На них присутствовали представители УНИТА, одной нефтяной компании в Мозамбике, радиостанции «Голос свободной Африки», которая размещалась в Умтали (Зимбабве) и была, по сути, «голосом» Мозамбикского национального сопротивления (МРМ) — правой группировки из португальских поселенцев, до сих пор совершающей диверсии и акты жестокости в Мозамбике, а также два руководителя МРМ — Жоржи Жардим (доверенное лицо Салазара и в свое время один из богатейших людей в португальских колониях) и Мигел Муррупа. В беседах также принимали участие представители служб безопасности Родезии, ЮАР и Великобритании. После заключительной встречи, как предполагают, англичанин, родезиец, южноафриканец и Жардим вылетели в Лас-Пальмас, чтобы пересесть там на самолет, направлявшийся в Родезию.

Когда Джон Стокуэлл и упоминавшиеся выше представители администрации Форда указывали на сотрудничество ЦРУ и английской разведки в Анголе, они имели в виду также и давние связи между этими двумя организациями в Африке. С началом деколонизации английские шпионы передали многое из своего опыта империалистам в этом регионе, и там, где действовала английская разведка, ее отношения с ЦРУ остались хорошими. Поэтому не-

удивительно, что Великобритания направила двух агентов МИ-6 в злосчастную поездку в Анголу с группой английских наемников. По словам самих вербовщиков, в число которых входил снискавший позорную известность бывший капрал английской армии Джон Бэнкс, ЦРУ израсходовало около 300 тыс. фунтов стерлингов на экспорт наемников, сражавшихся на стороне ФНЛА на севере Анголы. Агент ЦРУ Джон Бэнкс познакомился с «наблюдателями» МИ-6, когда они находились на борту самолета. Один из них, Барри Торп, возвратился в Великобританию после того, как был ранен при взрыве мины, а другой, Вик Гоутроп, умер от сердечного приступа во время выполнения своего первого боевого задания в Анголе.

В августе 1978 года появившаяся в журнале «Прайвит ай» статья, написанная, вероятно, на основе данных официальных источников, подтвердила подозрения, что английские правительственные органы дали ЦРУ разрешение на вербовку наемников в Лондоне; в статье указывалось также, что соответствующие министры информируются о ходе дел. Правительство руководствовалось, указывал «Прайвит ай», желанием оценить моральный дух различных группировок, участвовавших в войне, выяснить, какие виды оружия используют войска МПЛА, определить масштабы и характер советской и кубинской помощи, считая, что этот опыт может оказаться полезным в свете войны в Зимбабве и событий в ЮАР. Представители МИ-6 и министерства обороны утверждали, что подобную разведывательную информацию способны добыть только имеющие военную подготовку агенты, сражающиеся в рядах наемников. Эти агенты регулярно представляли донесения центрам МИ-6 на местах, а когда поражение стало неизбежным, они покинули Анголу по своим тщательно разработанным маршрутам.

Джон Бэнкс поддерживал разнообразные связи со специальной авиационной службой, военной разведкой и службой безопасности, хотя фактически не был государственным служащим. Однако всего лишь через два месяца после возвращения из Анголы он участвовал в фабрикации дела против активиста ирландской организации в Англии «Темпорэри Шин-Фейн» Джона Хиггинса, обвинявшегося в незаконном хранении оружия. Бэнкс рассказывал, что, хотя некоторые из наемников не имели паспортов, а другие были взяты на поруки (и, таким образом, в соответствии с законом не имели права покидать страну), детектив-инспектор из специальной службы Такер (также замешанный

в деле Хиггинса) позаботился, чтобы им не чинили никаких препятствий во время посадки в самолет в аэропорту.

В Анголе Бэнкс был связан с ФНЛА, которая обладает такой же свободой передвижения в Великобритании, как и УНИТА. ФНЛА имеет представительство в Лидсе, где специальный поверенный ведет дела, связанные с ее фондами, а среди политических представителей ФНЛА есть взломщик-рецидивист и человек, выдающий себя за врача, некий Макдональд Белфорд. Консервативная партия попала в крайне неловкое положение, когда два ее самых видных члена парламента — Джулиан Эмори (имеющий много знакомых в разведке) и Джон Дэвис — встретились в палате общин с высокопоставленным представителем ФНЛА, которого сопровождали Бэнкс и Белфорд. Они расспрашивали представителя ФНЛА о ходе войны, о русских и кубинцах, а в это время Белфорд говорил репортерам: «Я организовал эту встречу, потому что некоторые «шишки» из тори симпатизируют нашему делу». Эта встреча, которая, как предполагалось, должна была остаться в тайне, произошла всего лишь через два дня после того, как министерство иностранных дел объявило, что оно осуждает вербовку наемников, и заверило президента Нето, что сделает все возможное, чтобы предотвратить новый поток наемников в Анголу.

Законопроекты, которые, как утверждало лейбористское правительство, оно готовило, чтобы поставить вербовку наемников вне закона, так и не были приняты во время его пребывания у власти. Расследование деятельности вербовщиков родезийской армии в Великобритании, о котором было официально объявлено, завершилось примерно через два с половиной года, в августе 1978 года, обвинением эксцентричного отставного армейского офицера в распространении вербовочной литературы родезийской армии. Но суд оправдал его, и ему пришлось лишь уплатить сто фунтов стерлингов для возмещения судебных издержек. Это было единственное судебное преследование в связи с вербовкой наемников, хотя юристы утверждают, что существующих в Великобритании законов достаточно, чтобы привлекать к ответственности лиц, вербующих наемников.

ФНЛА получала помощь и еще от одной стороны, причем в этом оказалось косвенно замешано английское профсоюзное движение. В начале 1978 года стало известно, что Международная конфедерация свободных профсоюзов (куда Британский конгресс тред-юнионов вносит в пропорциональном отношении наибольший взнос) предостави-

ла финансовую помощь Всеобщей лиге трудящихся Анголы, которая, как признавали официальные представители МКСП, служила прикрытием для ФНЛА. Представляется крайне маловероятным, что хоть часть средств, полученных этой обосновавшейся в Заире организацией, пошла на развитие профсоюзного движения.

В то время как представители «Лонро», Стокуэлл, Бэнкс и другие помогали УНИТА и ФНЛА на ангольской территории, за несколько тысяч миль оттуда более гласную и менее прямую поддержку силам, выступающим против МПЛА, оказывала «Таймс». Как раз в то время, когда начали появляться сообщения об операции ЦРУ в Анголе, два члена парламента от консервативной партии и «журналист» нанесли контрудар, опубликовав в рубрике писем в редакцию материал с критикой ранее напечатанной статьи какого-то священника, в целом хорошо отозвавшегося об МПЛА. Основной смысл их письма состоял в подчеркивании необходимости преградить путь усиливающейся коммунистической подрывной деятельности. Этими тори оказались Патрик Уолл и Питер Блейкер — оба были косвенно замешаны в «Мюлдергейтском» скандале, оба были связаны с разведкой и оба входили в проюжноафриканское лобби в парламенте. Третий соавтор письма, Джордж Мартелли, служил в разведке в годы второй мировой войны и был специальным корреспондентом «Дейли телеграф» в Анголе в начале 60-х годов.

Среди других, кто включился в пропагандистскую борьбу, были два светила из Института по изучению конфликта — Роберт Мосс и Брайан Крозьер. Связи этого института с ЦРУ были разоблачены в 1975 году, когда стало известно, что возглавлявшееся Брайаном Крозьером агентство печати «Форум уорлд фичерз» служит ширмой для ЦРУ. Институт по изучению конфликта создавался за четыре года до роспуска «Форума», поэтому Крозьер в течение ряда лет руководил обеими организациями одновременно. И Мосс, и Крозьер были также связаны с крайне правой Национальной ассоциацией за свободу (ныне известной как Ассоциация свободы). В прошлом Мосс использовал в своих журналистских работах материалы «Голоса свободной Африки» и написал для «Дейли телеграф» серию статей, где обелял вмешательство ЮАР в Анголе. Цитаты из этих статей использовал финансировавшийся правительством ЮАР «Клуб десяти» в рекламных объявлениях в английской печати.

Южноафриканцы, считавшие себя преданными Западом

и потому обозленные, высоко оценили труды Мосса. Доун, обозреватель издающейся на языке африкаанс газеты «Бюргер», говорил о нем: «Странно, именно английский журналист на английском языке написал о Южной Африке и Анголе так, что ощутимо поднял нашу национальную гордость и самоуважение».

Крозьер со своей стороны подлил масла в огонь, написав сценарий «Ангольского досье» — фильма, удостоившегося официального одобрения южноафриканской армии. Кроме того, одна из статей Крозьера, опубликованная без подписи в «Таймс» в июне 1976 года, называлась «Кто в действительности дергает нити марионеток из правительства Анголы?». В ней высказывалась абсурдная мысль, что президент Нето находится под полным контролем русских и кубинцев. Она вызвала несколько резких ответов. К тому же эта статья, за которую Крозьер получил 50 фунтов стерлингов, послужила непосредственной причиной изгнания из штата «Таймс» репортера, освещавшего процесс над наемниками в Луанде.

Об интересе английской разведки к ангольской войне свидетельствовало также присутствие нескольких представителей министерства иностранных дел и лиц, связанных с «Ариэлем» [1], на семинаре «Ангола после 1974 года», состоявшемся в Лондоне в январе 1978 года. По крайней мере двое из приглашенных — Джон Сайсон и Кристофер Хилл — были известны своими связями с «Ариэлем». Хорошо был представлен также исследовательский отдел министерства иностранных дел, а один его представитель, Питер Бутчер, прежде работал в пропагандистской организации времен «холодной войны» — отделе информационных исследований министерства иностранных дел. Большой бизнес представляли на семинаре ЭМИ, «Мицубиси», «Стандард чартед бэнк», «Чартер консолидейтед», «Юнилевер», «Гланвилл Энтховен», Английский банк, группа Лонгмана, «Дайамонд трейдинг компани», «Ове Аруп партнершип», «Уиггинз Тип» и «Рейкал».

Хотя многие факты, связанные с вмешательством Великобритании в Анголе, давно разоблачены, целый ряд аспектов, включая важную роль, которую сыграли другие западноевропейские страны, был лишь слегка затронут, хотя, безусловно, имеется обширная информация (к которой пока

---

[1] Фонд Ариэля — так называемая «образовательная» организация в Великобритании, тесно связанная с английской разведкой.

нет доступа), подтверждающая все это. Однако, хотя последствия событий в Анголе оказали весьма значительное влияние на Соединенные Штаты, англичане не испытывают никаких угрызений совести. То обстоятельство, что Великобритания предпочла держаться в тени, избавляет правительство от широкой критики его действий, но не освобождает его от обвинений в соучастии, и пока не станут общеизвестными такие шаги правительства, о которых шла речь выше и которые, кстати говоря, продолжают предприниматься даже сейчас, мы можем ожидать мало перемен. Чтобы показать, насколько озабочена этим вопросом лейбористская партия, мы приведем в заключение полное иронии письмо международного комитета лейбористской партии, куда авторы посылали первоначальный вариант данной статьи. Письмо гласило: «Благодарим за ваше письмо об английском правительстве и Анголе. Лейбористская партия давно озабочена такими вопросами, как вербовка паемников, и во многих случаях выражала свою точку зрения на это. Заверяем вас, что мы будем поступать так и впредь.

С уважением Дженни Литтл (международный секретарь)».

Карл ван Метер

КАБИНДА: СОВМЕСТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Статья была написана в июне 1979 г. специально для этой книги.

До падения фашистского режима в Португалии 25 апреля 1974 года мало кто слышал о небольшом анклаве Кабинда (7250 кв. километров, 60 тыс. человек) в центральной части западного побережья Африки. Но Кабинда обещала стать еще одной Биафрой или Катангой из-за богатых нефтяных месторождений, открытых в конце 50-х годов. Добыча нефти начала производиться всерьез, когда «Галф ойл» получила исключительные права от португальцев в 1966 году, а с 1968 года «Галф ойл» ежедневно выкачивает в среднем 150 тыс. баррелей нефти примерно из 120 скважин на прибрежном шельфе.

Когда победа МПЛА в Анголе начала вырисовываться все более отчетливо, Запад не захотел, чтобы Кабинда стала

частью прогрессивной независимой Анголы. Для оправдания тайных вмешательств, имевших место в 1974—1978 годах, западные страны, особенно Франция и Соединенные Штаты, использовали три различных предлога. Первый был связан с заявлением Франции, будто 80 процентов населения Кабинды говорит по-французски. Оказалось, однако, что по-французски изъясняется 80 процентов жителей Кабинды, говорящих на иностранных языках (а они составляют лишь небольшой процент населения).

Вторым предлогом был географический факт, что Кабинда отделена от Анголы крошечной полосой земли шириной около 20 миль, через которую река Конго течет в Атлантический океан. В связи с этим тайные операции могли предусматривать «изобретение» сепаратистских движений или «местных» движений за независимость. То обстоятельство, что ни одно из таких фальшивых движений либо не существовало на самом деле, либо не вело активную борьбу против португальских колонизаторов, служит еще одним признаком манипуляции извне.

Третьим предлогом, часто использовавшимся вместе с предыдущим, была концепция «исторического прецедента». Она гласила, что в соответствии с колониальными манифестами — от буллы папы Александра VI в 1493 году до Берлинской конференции 1885 года — Кабинда включалась в сферу влияния Португалии и что вожди Кабинды, несомненно под принуждением, подписали незадолго до Берлинской конференции договор с Португалией, который передавал их под «защиту» португальского флага. Хотя португальцы управляли и Кабиндой и Анголой как единой административной единицей с 1956 года, конституция Португалии запрещала формальное слияние этих владений. (К 1971 году Португалия считала все свои колонии «заморскими провинциями» — это была исключительно безуспешная попытка избежать нападок в Организации Объединенных Наций в связи с ее нежеланием проводить деколонизацию.)

Когда Движение вооруженных сил в апреле 1974 года свергло фашистский режим, оно объявило о своем намерении предоставить «заморским провинциям» право на самоопределение. Это была как раз та возможность, которую усиленно искали западные державы, и вскоре стало заметным соответствующее «освободительное движение» — Фронт за освобождение анклава Кабинда (ФЛЕК).

ФЛЕК утверждал, что имеет достаточно долгую историю, начиная с создания Движения за освобождение анклава

Кабинда (МЛЕК) в 1960 году, которое объединилось в 1963 году с двумя вновь сформированными группировками — Комитетом действий кабиндцев за национальное единство (АУНК) и Альянсом Майомбе (Аллиама). 4 апреля 1963 года эти три группировки слились, и один из лидеров МЛЕК Луиш Ранки Франки стал во главе нового движения, названного ФЛЕК. По сообщениям одной парижской газеты, Франки провел всю свою жизнь в Заире и был очень тесно связан с «Галф ойл».

В январе 1975 года Франки заявил на пресс-конференции в Париже, что «генерал Мобуту никогда не позволит Анголе отрезать ему доступ к морю», и добавил, что со своей стороны он «приветствовал бы головорезов и наемников». 2 августа 1975 года он провозгласил Кабинду независимой и начал готовить вторжение в Кабинду с помощью ЦРУ, СДЕСЕ и войск Мобуту — совместную операцию дружественных сил.

Тем не менее Франки представлял только одну группу интересов; ФЛЕК же использовался для нескольких различных целей различными заинтересованными группами. В то время как Франки обхаживали в Заире, штабу ФЛЕК оказывал поддержку другой сосед Кабинды — Конго-Браззавиль. И если помощь со стороны Заира определялась прежде всего американскими интересами, то в поддержке Конго была видна рука Франции. После бурного «объединительного съезда», состоявшегося 30 июня 1974 года, ФЛЕК раскололся: Франки по-прежнему возглавлял группу, базировавшуюся в Заире, а новым лидером ФЛЕК-Конго стал Огюст Чиуфу. Чиуфу был ранее помощником директора «ЭЛФ — Конго», местного филиала французской многонациональной нефтяной компании ЭЛФ, всегда с ревностью относившейся к монополии «Галф ойл» в Кабинде. Говорили также, что Чиуфу тесно связан с президентом Габона Бонго и агентами СДЕСЕ, которыми этот район кишел.

В середине 1974 года, когда в Конго базировался ФЛЕК, поддерживаемый французами, а в Заире — ФЛЕК, опиравшийся на помощь американцев и заирцев, новое португальское правительство вело переговоры с МПЛА, УНИТА и ФНЛА, пытаясь создать переходное правительство в Анголе. В январе 1975 года четыре стороны, участвовавшие в переговорах, подписали соглашение, в котором отмечалось, что «Кабинда является неотъемлемой составной частью Анголы». Если Запад собирался захватить Кабинду, то ему надо было сражаться за нее, используя для этого ФЛЕК.

ФЛЕК-Конго после безуспешной попытки вербовать солдат при помощи бывшего агента ПИДЕ обратился за услугами к двум агентам СДЕСЕ — Бернарду Литие и Морису Боденану. (Боденан организовал похищение Моиза Чомбе в 1967 году.) Этим двум сотрудникам СДЕСЕ удалось завербовать ряд наемников, включая Жана Кея, воевавшего в Йемене, Ливане и Биафре и участвовавшего в террористических акциях ОАС.

При помощи наемников и местных приспешников ФЛЕК СДЕСЕ надеялась, как представлялось, сорвать буровые работы, осуществлявшиеся «Галф ойл». Осенью 1975 года один сочувствующий местный деятель впустил банду наемников в столицу провинции, однако справиться с охраной «Галф ойл» им не удалось, а когда к городу стали приближаться силы МПЛА, они бежали обратно в Конго. К тому времени в Конго Чиуфу был смещен и заменен Альфредом Раулем, бывшим офицером конголезской армии, и его единокровным братом Жаном да Коста, служившим во французской армии в Индокитае и Тунисе. Последний тесно сотрудничал с другим агентом СДЕСЕ, неким полковником Прево, обучавшим людей да Коста в Габоне. Прево, по-видимому, был знаком с несколькими министрами во Франции и имел с ними встречи в конторах габонских фирм.

Эти контакты привели к тому, что представители ФЛЕК-Конго зачастили во Францию, и 20 января 1976 года там была образована ассоциация «Франция — Кабинда», чтобы «служить связующим звеном между двумя сторонами», то есть между СДЕСЕ и ФЛЕК-Конго.

Между тем Мобуту усиливал поддержку ФЛЕК в Заире. «Голос Кабинды» вел передачи из Заира, и Мобуту добился признания «его» ФЛЕК Иди Амином. Из книги Джона Стокуэлла «В поисках врагов» нам известно также, что в августе 1975 года ЦРУ выделило СДЕСЕ — через тогдашнего заместителя директора ЦРУ генерал-лейтенанта Вернона Уолтерса — четверть миллиона долларов на обеспечение участия французской разведки во вмешательстве в Анголе и Кабинде. Французы ни словом не обмолвились об этом Мобуту, который в октябре 1975 года обратился к ЦРУ с просьбой оказать помощь в организации вторжения. ЦРУ прислало оружие и советников.

2 ноября 1975 года силы вторжения, включая нескольких французских наемников, вероятно присланных СДЕСЕ через небезызвестного Боба Денара, попытались тремя колоннами ворваться в Кабинду. Один из наемников позже описывал поражение следующим образом: «Мы послали пар-

ней из ФЛЕК вперед, чтобы прощупать противника. Началась настоящая бойня. Мы оставались позади, потягивая пиво, а когда увидели, что дела плохи, убрались оттуда».

В то же время американское правительство оказывало давление на «Галф ойл», стремясь заставить ее прекратить выплаты за право разработки недр, причитавшиеся МПЛА, официально ставшей правительством Анголы и Кабинды. Из-за военных действий в ноябре 1975 года «Галф ойл» была вынуждена временно приостановить работы и эвакуировать персонал. Тем не менее МПЛА при помощи кубинцев легко удержала Кабинду, защитив, между прочим, собственность «Галф ойл».

К этому времени Конго запретило ФЛЕК использовать его территорию, и Альфред Рауль позже стал конголезским послом в какой-то стране. Чиуфу уехал в Париж, где подал в суд на автора одной книги, в которой разоблачались его связи со СДЕСЕ, но проиграл процесс. Весной 1976 года он и да Коста заменили название ФЛЕК на МОЛИКА (Движение за освобождение Кабинды). В середине 1976 года они распространяли смехотворные утверждения, что контролируют свыше половины Кабинды и уничтожили полторы тысячи кубинских солдат.

В январе 1977 года ФЛЕК похитила и задерживала в течение двух недель трех техников-французов и двух рабочих-конголезцев, сотрудников конголезской железной дороги. Как ни странно, ответственность за похищение взяли на себя и лидеры ФЛЕК в Киншасе, и лидеры ФЛЕК в Париже.

Во ФЛЕК продолжался раскол. Некий Бернар Бори, французский бизнесмен со связями в Габоне, появился в Париже и объявил себя «парижским представителем ФЛЕК». Вслед за этим один из его друзей, Жан-Марк Варо, в свое время бывший адвокатом Жана Кея, объявил себя «юрисконсультом ФЛЕК».

Этот раскол не помешал Мобуту использовать остатки ФЛЕК-Киншаса и МОЛИКА для террористических акций против Анголы. В начале 1977 года президент Анголы Агостиньо Нето осудил операцию «Кобра-77», при осуществлении которой Заир использовал военные объекты близ границы для действий против Кабинды. Однако два вторжения в Шабу и вмешательство западных стран отвлекли внимание Мобуту до такой степени, что напряженность в отношениях между Заиром и Анголой относительно снизилась. Деятельность ФЛЕК — МОЛИКА в этом районе практически прекратилась, хотя в Соединенных Штатах продолжает функционировать пропагандистское бюро ФЛЕК с неизвест-

ными источниками финансирования и крупными счетами от типографий.

Совместные действия СДЕСЕ и ЦРУ против Кабинды, кажется, прекратились. 10 марта 1979 года Н'Зита прибыл в Париж, чтобы встретиться с ангольским послом и «найти гуманное решение для населения Кабинды» — проблемы, которая, очевидно, существует только в его голове. Но ему отказали во въезде во Францию, и он был выслан обратно в Дакар. Будет ли СДЕСЕ поддерживать создание нового сепаратистского движения в Кабинде, покажет время.

Зимбабве, Намибия и Южная Африка

Малик Ривс

ТЫСЯЧА АМЕРИКАНСКИХ НАЕМНИКОВ СРАЖАЕТСЯ В ЗИМБАБВЕ ПРОТИВ ОСВОБОЖДЕНИЯ АФРИКАНЦЕВ

Малик Ривс давно выступает за освобождение Юга Африки и активно участвует в работе Комитета против предоставления Южной Африке банковских займов. Он — сотрудник редакции журнала «Сазерн Африка». Данная статья впервые появилась в этом журнале в ноябре 1978 г.

Ощущая, как все туже затягивается петля национально-освободительной войны, родезийские власти вынуждены в большей степени полагаться на наемников из западных стран. Поскольку численность белого населения сравнительно невелика — в настоящее время она составляет немногим более 200 тыс. человек и быстро сокращается, — мятежный режим Солсбери загоняет все больше и больше африканцев в армию, которая, по сообщениям «Нью-Йорк таймс», сейчас на 80 процентов состоит из чернокожих (хотя по-прежнему укомплектована белыми офицерами). Так как Патриотический фронт продолжает завоевывать поддержку населения и одерживает военные победы, информированные наблюдатели отмечают, что африканские солдаты, по всей вероятности, будут становиться все более ненадежными.

США и западноевропейские страны отреагировали на эти трудности, увеличив контингент белых наемников с тысячи человек два года назад[1] почти до 5 тысяч, — значительное число, если учесть, что в регулярных вооруженных силах Родезии в 1977 году насчитывалось около 10 тыс. человек.

Число американских наемников в настоящее время превышает тысячу человек, и они представляют собой самую крупную группу иностранных войск. Представители Патриотического фронта указывают, что на пути в Родезию

[1] То есть в 1976 году.

находится множество других американских наемников. Это мнение основано на появившемся недавно сообщении, что одна американская церковная организация в Чикаго направляет в Родезию 300 «христианских солдат» из бывших «зеленых беретов» для защиты миссионеров.

Руководитель организации «Церковь христианской свободы» Пол Линдстром уведомил, что эта группа «христианских солдат» вновь откроет миссию Элим в Восточной Родезии, где в июне были убиты три английских миссионера. «Мы считаем себя крестоносцами, — заявил газете «Вашингтон пост» командир группы Джайлс Пейс, ветеран вьетнамской войны. — Нас не интересуют переговоры или смягчение отношений с силами Патриотического фронта. Мы будем стрелять по этим мерзавцам, как только увидим их». «Танзаниан дейли ньюс» сообщила, что Пейс говорил также, что он, возможно, позже призовет в помощь своей группе 500 кубинских эмигрантов.

Родезийский режим возложил ответственность за убийство в миссии Элим на партизан Патриотического фронта. Представители фронта и другие наблюдатели за событиями в Родезии обратили внимание в связи с этим на террористические акции разведчиков-селу, маскирующихся под партизан и совершающих акты жестокости, чтобы настроить население против Патриотического фронта.

В 1977 году дезертировавший английский наемник признался, что участвовал в убийстве двух священников из миссии, дружественно настроенной к партизанам. В интервью английскому еженедельнику «Санди пипл» он заявил: «Родезийцы были заинтересованы в том, чтобы прекратить помощь чернокожим со стороны миссионеров».

Английская организация «Пентекостал груп», которой принадлежит миссия Элим, объявила, что она сама намеревается вновь открыть миссию и что никакой помощи со стороны американцев не требуется. Глава миссии Рон Чэпмен заявил газете «Джоханнесберг стар», что посылка группы Пейса была «сплошной бессмыслицей».

16 сентября 1978 года радио Солсбери сообщило, что группа из 300 человек выехала из Лондона и «находится в пути на Юг Африки».

Никакого судебного преследования

Вербовка наемников или служба в качестве таковых явно противоречит американским законам. Однако, несмотря на незаконность действий чикагской церковной организации и широкую рекламу в печати, которую они получили в по-

следние недели, не было предпринято никаких официальных мер по прекращению этих действий или привлечению связанных с ними лиц к судебной ответственности.

Уже не впервые подобные действия остаются без всякого внимания со стороны американских судебных властей. Многие наемники и вербовщики по собственной инициативе дали интервью, которые получили широкое освещение средствами информации, особенно после поддерживавшегося ЦРУ участия наемников в «гражданской войне» в Анголе в 1975 году. Ангольские «подвиги» наемников были подробно описаны в книге бывшего сотрудника ЦРУ Джона Стокуэлла «В поисках врагов», однако проведенное нами расследование показало, что ни один из них так и не был привлечен к судебной ответственности. Ознакомьтесь со следующими фактами.

В 1977 году Дэвид Бафкин рассказал репортерам «Чикаго сан-таймс», «Вашингтон пост» и «Нэшнл паблик рейдио» о своей службе в качестве наемника в Латинской Америке и в Конго в 60-х годах, о своем участии в войнах в Корее и во Вьетнаме, а также о том, что по заданию ЦРУ занимался вербовкой наемников для борьбы в Анголе. Он признал, что помещал вербовочные объявления в калифорнийских газетах и завербовал 12 наемников для службы в Анголе. Стокуэлл подтверждает, что Бафкин находился в Киншасе в период ангольской операции ЦРУ, и отмечает, что один из сотрудников управления изъял из досье ЦРУ документы, относящиеся к Бафкину. «Ньюсдей» сообщила, что ЦРУ информировало министерство юстиции о своем отказе сотрудничать в намечавшемся расследовании по делу Бафкина; он так и не был привлечен к судебной ответственности. «Вашингтон пост» заявила, что Бафкин сотрудничал также с родезийской разведкой. Надо полагать, что это сотрудничество продолжается.

По сообщениям калифорнийской «Интерньюс» и английской «Гардиан», студент Калифорнийского университета в Беркли Лоуренс Мейерс был завербован в 1976 году для службы в Родезии руководителем отделения корпуса подготовки офицеров запаса при этом университете. Ему сказали, что попасть в Родезию «при помощи друзей в Вашингтоне» не составит труда. После дальнейших уговоров, сообщала «Интерньюс», Мейерс написал письмо в родезийское информационное бюро в Вашингтоне, и оттуда ему незаконно прислали анкету для желающих наняться в родезийскую армию. (ФБР объявило о начале расследования случаев незаконного финансирования родезийским информационным бюро

проезда американцев в Родезию. Однако никаких данных о передаче материалов в суд не появлялось.)

По сообщениям «Интернэшнл геральд трибюн», Мейерс воевал на стороне родезийцев, но затем дезертировал в соседнюю Ботсвану, откуда был выслан в Соединенные Штаты. ФБР начало расследование, однако Мейерс был освобожден от судебного преследования. Представитель корпуса подготовки офицеров запаса, завербовавший Мейерса, ушел с занимаемого им поста, однако, как информировала печать, и против него судебное дело не возбуждалось.

«Солдат удачи»

О масштабах причастности американского правительства к вербовке наемников наглядно свидетельствует история с подполковником Робертом Брауном, журналом «Соулджер оф форчун» («Солдат удачи») и группой специальных сил резерва армии США.

Браун признал, что в 60-х годах работал с кубинскими эмигрантами, настроенными против Фиделя Кастро, занимался вербовкой наемников по крайней мере с 1974 года, когда вооруженная борьба в Родезии резко обострилась. Фирма Брауна — «Феникс ассошиэйтс» — начала помещать вербовочные объявления в журналах военного направления и распространять «информационные пакеты» с пропагандистскими материалами и бланками заявлений о приеме в родезийскую армию и военную полицию.

В июне 1975 года представитель ЗАНУ в США Тапсон Маверс разоблачил присутствие в Родезии примерно 400 американских наемников. Он утверждал, что многие из этих наемников были завербованы через посредников, проникавших в американские военные круги при помощи людей вроде Брауна и действовавших с молчаливого одобрения американского правительства. Браун выступил с опровержением этих обвинений, а представитель госдепартамента Темпл Коул с сугубо формальных позиций отрицал, что Браун фактически занимался вербовкой. Как сообщила «Нью-Йорк таймс», Коул заявил, что Браун просто предоставлял информацию.

В конце 1975 года Браун начал издавать раз в два месяца красочный журнал «Соулджер оф форчун», который с тех пор стал одним из главных каналов вербовки наемников в Родезию. Браун занялся вербовкой в чине майора в 12-й группе специального назначения резерва армии США, но примерно в то время, когда вышел в свет его журнал, он получил уже звание подполковника.

В каждом номере его журнала попадается по крайней мере одна статья о действиях наемников в Родезии — с названием вроде «Как американец становится наемником в Африке?». В журнале приводятся интервью с родезийскими высшими военными чинами, включая главнокомандующего вооруженными силами О. П. Уоллса и главного вербовщика майора Ника Лампрехта, в хвалебных тонах расписываются фантастические подвиги наемников («Джордж Бейкон — крестоносец XX века», «Американский наемник уничтожает кубинскую шпионскую сеть») с широким использованием расистских выражений («этот боевой форпост европейской цивилизации»). Кроме того, в журнале регулярно помещаются объявления с фамилиями и адресами вербовщиков и наемников, ищущих «работу», рекламируются военное и полувоенное снаряжение, военные трофеи, реакционные газеты, книги и брошюры.

Связи между ЦРУ и войсками специального назначения

Те скудные сведения о появлении и деятельности журнала «Соулджер оф форчун», которые известны, дают основание предположить, что он тесно связан с представителями американского правительства и военными кругами. В конце 1976 года из публикаций журнала стало ясно, что в его создании принимал участие известный агент ЦРУ Джордж Бейкон, которого журнал превратил в идола после его гибели в Анголе. Бейкон был близким другом Брауна и обсуждал с ним возможную роль журнала в поддержке противоповстанческой деятельности за рубежом. Как отмечалось в «Соулджер оф форчун», Бейкон говорил Брауну непосредственно перед выходом первого номера журнала, что он «мог бы стать отличным средством для распространения доброй молвы» об операции ЦРУ в Анголе и других действиях подобного рода.

Из статьи в журнале следовало также, что Бейкон, как и Браун, служил в частях специального назначения, широко проводивших противоповстанческие операции по заданию ЦРУ во Вьетнаме. В докладе комитета поддержки ЗАНУ говорится, что из нынешнего состава редакции «Соулджер оф форчун» три сотрудника связаны с резервом войск специального назначения (двое числятся в 12-й группе специального назначения, а один является медиком войск специального назначения).

В докладе комитета поддержки ЗАНУ отмечалось, что в сентябре 1976 года два священника-иезуита из Чикаго

подтвердили, что представители 12-й группы специального назначения занимаются деятельностью, которая, «по всей видимости, состоит в незаконной вербовке наемников» для Родезии. «С тех пор мы узнали, — указывали священники в письме, процитированном в докладе, — что 12-я группа специального назначения является резервной частью «зеленых беретов».

«Зеленые береты» и «покалеченные орлы»

Другой важной фигурой в сети вербовки наемников для Родезии является Робин Мур, автор книг «Зеленые береты» и «Французская связь». Мур, будучи богатым наследником, учредил две организации для поддержки наемников и режима Солсбери. Первая из них — неофициальное «американское посольство», которое Мур открыл прошлым летом в одном из особняков в Солсбери. Оно является социальным и политическим центром для американских и других иностранных наемников, служащих в родезийской армии.

Вторая — так называемый «Фонд для покалеченных орлов» в Марина-дель-Рей, штат Калифорния, ведущий лоббистскую работу в поддержку режима Яна Смита и собирающий деньги для обеспечения прородезийской деятельности Мура.

Один бывший наемник обнаглел настолько, что выставил свою кандидатуру на выборах в американский конгресс. Майор Майк Уильямс, служивший в чине капитана в войсках специального назначения во Вьетнаме, а позже занимавший офицерские должности в родезийской армии, потерпел поражение на первичных выборах демократической партии в первом избирательном округе штата Флорида осенью 1978 года.

«Неизбежно приходишь к выводу, — заявил специалист по Родезии профессор Ричард Лоббан, — что присутствие американских наемников в Родезии является просто не признаваемой официально частью американской внешней политики по отношению к этой стране».

Вторжение в Мозамбик

«Иностранные солдаты составляют важнейшую часть родезийской оборонительной системы, особенно вблизи мозамбикского района», — заявил в «Нувель обсерватер» один дезертировавший французский наемник. По данным этого и других источников, американские солдаты размещаются главным образом вдоль стратегически важных восточных

границ страны. «Однажды, — вспоминал французский дезертир, завербованный в 1977 году, — родезийский штаб направил самолет ДС-3 в Мозамбик, чтобы вывезти оттуда диверсионную группу. Управлял самолетом американец».

Источники из Патриотического фронта подтверждают, что многие американцы в Родезии служат в качестве военных летчиков. По данным Патриотического фронта, в позорном нападении на лагеря беженцев близ Шимойо в Мозамбике в конце 1976 года, в результате которого погибло более 100 человек, главным образом женщин и детей, принимали участие американские летчики, производившие бомбардировку.

По крайней мере два американца признали, что принимали участие в рейдах на территорию Мозамбика. Кит Нелсон, ветеран войск специального назначения из Иллинойса, заявил в интервью газете «Чикаго дейли ньюс», что сражался в Мозамбике в составе родезийских войск и что поехал в Родезию из-за любви к военным приключениям.

Фрэнк Суини признался репортеру «Крисчен сайенс монитор», что участвовал в рейдах на Мозамбик из Родезии. По возвращении в Соединенные Штаты Суини поместил в «Шотган ньюс» объявления, в которых предлагалось «молодым американцам европейского происхождения сообщить свой адрес, чтобы получить бесплатно сведения об условиях найма».

Американский расизм

Американские наемники, действующие группами, по данным «Соулджер оф форчун», заслужили известность особенной жестокостью.

Один бывший французский наемник заявил, что он дезертировал, потому что устал «бить прикладом в лицо людей, которые являются такими же мятежниками, как ты сам». Ни один из американских наемников не сделал подобного признания, хотя некоторые из них дезертировали.

Расизм и животный страх перед коммунизмом, по-видимому, основные мотивы, движущие наемниками, которые направляются в Родезию. Их действия являются продолжением расизма, процветающего в Соединенных Штатах. Молодые негры в каждом гетто постоянно рискуют быть застреленными каким-нибудь распоясавшимся белым полицейским; по-прежнему повсеместно распространено неравноправие чернокожих перед так называемым правосудием.

Американские наемники называют борцов за свободу в Зимбабве «террами» (от слова «террорист»). Они, кажется,

видят перед собой не людей, а просто цели, и такой подход, несомненно, усугубляется тем фактом, что многие из них сражались с «небелыми» и убивали их в различных странах «третьего мира» в течение последних двадцати лет.

Неудивительно, что многие из них, по словам одного родезийского официального лица, «считают приспособление к гражданской жизни трудным», а нормальное отношение к населению во время национально-освободительной войны невозможным.

Тем не менее, как отмечалось выше, некоторые из них дезертировали и число дезертиров, несомненно, увеличится, особенно в связи с тем, что приближающийся сезон дождей будет благоприятствовать действиям партизан. Большая часть сельской местности сейчас освобождена, а в отдельных сельских районах идут жаркие бои. Один родезийский бизнесмен недавно признался «Уолл-стрит джорнэл», что «три четверти страны вышли из-под контроля». В свете сказанного разработанный западными державами план удвоить число наемников приобретает все большее значение для выживания родезийского режима.

Но, несмотря на такую помощь, вероятно, пророческими являются слова французского наемника-дезертира: «Вопреки тому, что нам говорили, я считаю их (партизан) боевой потенциал очень высоким. Гораздо выше, чем нам пытались вдолбить в головы. И я уверен, что он повышается... Учитывая все, что я видел и что я знаю о боевых способностях партизан, я считаю, что белые родезийцы обречены».

Крис Уокер

СИГИНТ[1] ДЛЯ НАМИБИИ

Эта статья является переработанным вариантом репортажа, впервые опубликованного в «Пиплз ньюс сервис» 3 апреля 1979 г. Она была написана в июне 1979 г. для данной книги. Крис Уокер — сотрудник «Пиплз ньюс сервис».

Сейчас, когда СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки) отклонила предложение включить силы стран НАТО в группу ООН по оказанию помощи Намибии

[1] SIGINT (signals intelligence) — разведка средствами связи (*англ.*).

в переходный период (ЮНТАГ), по планам пяти западных держав организовать наблюдение с помощью электронных средств за прекращением огня между СВАПО и южноафриканскими войсками нанесен серьезный удар. Предложение включить английскую роту связи в состав ЮНТАГ играло ключевую роль в планах пяти западных держав обеспечить свое присутствие в Намибии после того, как из страны будут выведены все южноафриканские войска, за исключением 1500 солдат.

В рамках самой крупной операции по поддержанию мира, которую когда-либо проводила ООН, английская рота связи должна была стать частью сил обеспечения, насчитывавших 2300 человек, в составе военного контингента ЮНТАГ численностью 7500 человек. В соответствии с планами ООН по прекращению огня южноафриканские войска и вооруженные формирования СВАПО должны оставаться на базах, включая базы СВАПО, находящиеся в соседних странах. ЮАР просила ООН установить контроль за этими базами, заявляя, что именно так она понимает условия соглашения. СВАПО, однако, возражает против военного контроля за базами за пределами Намибии, указывая, что ссылок на это в документах ООН не имеется.

Именно поэтому приобретает особое значение запланированное использование английской роты связи. Она непосредственно взаимодействует с пресловутым штабом правительственной связи Великобритании, несущим ответственность за разведку средствами связи и имеющим базы за рубежом. Разведка средствами связи в настоящее время официально определяется как «прием и анализ зарубежных радиосообщений и других электронных передач в разведывательных целях». В статье, опубликованной в лондонском журнале «Нью стейтсмен» 2 февраля 1979 года, Данкен Кэмпбелл составил из разрозненных сведений тревожную картину электронного шпионажа. Помимо перехвата радиосообщений с наземных баз электронный шпионаж предусматривает провокационные вторжения в воздушное пространство и территориальные воды зарубежных государств.

Штаб правительственной связи Великобритании — партнер американского Агентства национальной безопасности по многонациональному «пакту СИГИНТ», задачей которого является охват электронной разведкой всего земного шара. В пакт входят также Канада, Австралия и Новая Зеландия — три страны, предложившие свои контингенты в первоначальный состав сил ЮНТАГ. Кэмпбелл указывает, что существуют также связи между «пактом СИГИНТ» и ЮАР.

В рамках «пакта СИГИНТ» штаб правительственной связи Великобритании несет ответственность за электронную разведку в Африке. Как полагают, СИГИНТ имеет станцию перехвата около Франсистауна в Ботсване. В 1977 году член английского парламента Робин Кук сделал запрос по поводу того, чем вызвана необходимость иметь там подразделение связи и куда передается информация. Как и следовало ожидать, правительство промолчало. Кук до сих пор не получил ответа на свой запрос. Однако широко распространено мнение, что эта станция используется для перехвата сообщений о передвижениях партизан, деятельности коммерческих предприятий в этом районе и мероприятиях различных африканских правительств. Другая база радиоперехвата находится в Малави. Недавно на эту базу был направлен английский специалист, владеющий русским языком.

СВАПО выступает против включения английской роты связи в состав сил ООН (как и против включения в их состав воинских подразделений других стран НАТО, которые она рассматривает как военных союзников ЮАР), препятствуя тем самым усилению деятельности по перехвату сообщений в Намибии. Тем не менее использование оборудования электронной разведки для контроля за передвижением войск продолжает оставаться предметом спора между сторонами, которые затрагивает план ООН. Несмотря на то что в подготовленном ООН соглашении о прекращении огня не содержится никаких ссылок на электронное оборудование, государственный секретарь США Сайрус Вэнс односторонне предложил южноафриканцам электронное оборудование, предназначенное для слежения за передвижениями войск вблизи границы между Намибией и Анголой. Этот вопрос никогда не обсуждался со СВАПО в рамках переговоров, организованных ООН, и СВАПО впервые узнала о нем, по-видимому, из американской печати. На последующие запросы, сделанные бюро СВАПО в Нью-Йорке, Вэнс дал уклончивые ответы. СВАПО, как представляется, считает, что если ставить вопрос о подобном разведывательном оборудовании, то его использование должно быть сначала одобрено всеми сторонами, участвующими в переговорах. Стремление ЮАР заполучить американское разведывательное оборудование значительно умеряется тем фактом, что изготовленная английской фирмой «Маркони» установка для тропосферной связи (для передачи информации на 500-мильное расстояние от ангольской границы до Кейптауна), обошедшаяся в 8 млн. фунтов стерлингов, оказалась недостаточно эффективной и не обеспечивала слежение за передвижениями партизан.

США столкнулись с подобной проблемой во Вьетнаме. Однако они не знакомят все стороны с возможностями их новейшего оборудования, за исключением, кажется, генерал-майора Гелденхёйса, командующего южноафриканскими войсками в Намибии. Гелденхёйс убедил министра иностранных дел ЮАР Питера Боту принять американское оборудование в качестве «дополнительного средства» для слежения за базами СВАПО.

Наличие станций электронной разведки в стратегических пунктах Юга Африки — на фоне экономических и стратегических интересов Запада в этом районе и сообщений о сотрудничестве «пакта СИГИНТ» с ЮАР — ведет к тому, что включение в состав сил ЮНТАГ английской роты связи или соответствующих подразделений США, Канады, Австралии или Новой Зеландии было бы крайне неблагоприятным для СВАПО и могло бы бросить тень сомнения на нейтральность ЮНТАГ. Односторонняя акция американского правительства, предложившего новейшее разведывательное оборудование, дает западным державам хороший предлог для непосредственного участия в ЮНТАГ. Между тем министерство обороны Великобритании объявило, что рота связи в составе до 80 человек по-прежнему ожидает указаний ООН.

Майкл Клэр

ОРУЖИЕ ДЛЯ АПАРТЕИДА: НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА НЕЗАКОННЫХ ПОСТАВОК АМЕРИКАНСКОГО ОРУЖИЯ ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Д-р Майкл Клэр — директор исследовательского проекта по милитаризму и разоружению в Институте политических исследований в Вашингтоне, округ Колумбия, и автор книги «Война без конца: американское планирование для следующих Вьетнамов». Эта статья была впервые опубликована в журнале «Нейшн» 26 июля 1979 г.

В течение многих лет противники апартеида утверждали, что в Южную Африку в нарушение установленного ООН эмбарго в больших количествах ввозится контрабандным путем американское оружие. Но поскольку эти критики не могли представить неопровержимые доказательства подоб-

ных сделок, госдепартамент всегда имел возможность утверждать, что эти обвинения лишены основания. Однако недавно «достойные уважения» западные источники—от Би-би-си до «Вашингтон пост» — подтвердили, что по незаконным каналам в южноафриканские войска поступило американское оружие на многие миллионы долларов. Подобные поставки, как сообщалось, включают гаубицы, бронетранспортеры, артиллерийские снаряды и транспортно-десантные вертолеты. Судя по масштабам поставок — а в некоторых случаях речь идет о целых судах, загруженных 155-мм артиллерийскими снарядами, — американское правительство серьезно нарушает свои обязательства по соблюдению эмбарго.

Соблюдение Соединенными Штатами эмбарго на поставки оружия Южной Африке всегда проходило не вполне гладко. Хотя Вашингтон запрещает прямую продажу обычной военной техники — танков, ракет, бомбардировщиков и так далее, он неоднократно разрешал продажу такой техники, как, например, вертолеты, транспортные самолеты и радиолокационные станции, относящейся к расплывчатой «серой зоне» между военными и гражданскими системами. Как отмечалось в «Нейшн» год назад, эти системы обычно считаются «небоевыми» и, таким образом, исключаются из перечня товаров, на которые ООН установила эмбарго. Действительно, в годы пребывания у власти администрации Никсона подобные сделки, «смягчавшие» эмбарго, одобрялись Белым домом. В результате указанных мер Претория получила разнообразную американскую транспортную, связную и разведывательную технику, что значительно увеличило ее способность совершать дальние диверсионные рейды против соседних африканских государств.

Хотя Вашингтон неохотно признает свою роль в поставках техники «серой зоны», он всегда подтверждает свое обязательство запрещать продажу стандартной боевой техники. Это обязательство, однако, относилось не только к межправительственным сделкам по пентагоновской программе зарубежных военных продаж, но и к экспорту американских военно-промышленных фирм, а именно в этой области и возникают проблемы. Таким образом, хотя нет свидетельств незаконных сделок по программе зарубежных военных продаж, имеются доказательства многочисленных нарушений эмбарго американскими корпорациями и их дочерними фирмами в зарубежных странах. Эти и подобные им операции военно-промышленных фирм в других странах позволили Претории накопить устрашающий арсенал современного

оружия. «Несмотря на действующее пятнадцать лет эмбарго ООН на поставки оружия, — писал в 1978 году английский генерал Уолтер Уокер, занимавший важный пост в НАТО,— Южной Африке удалось создать внушительную военную мощь».

Конечно, нельзя ожидать от Вашингтона, что он будет блокировать каждую сделку на «черном рынке», совершаемую мелкими дельцами на задворках военной промышленности, однако когда речь идет о крупных поставках ведущими американскими компаниями, естественно предположить, что имеет место какое-то нарушение в механизме контроля за экспортом со стороны Вашингтона. А когда такие нарушения происходят неоднократно, как следует из сделок, описанных ниже, уместно задать вопрос, являются ли они результатом небрежности или преднамеренного умысла.

Первое свидетельство незаконной продажи оружия корпорациями выплыло на свет в 1976 году, когда выходящая в Нью-Хейвене газета «Эдвокат» сообщила, что служащие двух коннектикутских оружейных компаний — отделение «Кольт файрармз» корпорации «Кольт индастриз» и отделение «Винчестер армз» корпорации «Олин» — организовали отправку в Южную Африку винтовок, охотничьих ружей и боеприпасов через подставные фирмы на Канарских островах, в Австрии, Греции, Западной Германии и Мозамбике. За этими разоблачениями последовало несколько судебных разбирательств. В результате одного из них был осужден на год тюремного заключения Уолтер Плоумен, служащий «Кольта». Поскольку он признал себя виновным, его дело не рассматривалось в суде, и таким образом компания «Кольт» избежала неприятного положения, когда ее должностные лица вынуждены были бы давать показания о сделках с Южной Африкой под присягой; однако на предварительном следствии Плоумен заявил, что подобные сделки, как известно, являются обычным делом для оружейных фирм. Еще более разоблачительным было его заявление, что госдепартамент регулярно «давал молчаливое согласие» на эти сделки — его чиновники «смотрели в другую сторону», когда им предъявляли фальшивые экспортные декларации. Это заявление федеральный обвинитель, видимо, по небрежности оставил без внимания.

Намеки на «молчаливое согласие» правительства на незаконную продажу оружия вновь выплыли на свет в ходе судебного разбирательства по делу компании «Олин-Винчестер», обвинявшейся в контрабандных поставках Южной Африке 3200 единиц стрелкового оружия и 20 млн. патронов

в период с 1971 по 1975 год. Так как компания «Олин» не оспаривала выдвинутые против нее обвинения из 21 пункта, ее обязали выплатить 510 тыс. долларов благотворительным организациям в Нью-Хейвене в виде «компенсации» за саботирование американской политики противодействия апартеиду. В прошении о смягчении приговора, направленном в апелляционный суд, адвокаты, учитывая откровенно подложный характер экспортных деклараций компании — в некоторых случаях речь шла об отправке охотничьих ружей на сотни тысяч долларов на Канарские острова, где имелся явно ограниченный рынок для таких товаров, — утверждали, что «Олин» исходила из того, что госдепартамент «не имеет серьезных возражений» против таких сделок. Подобное попустительство объяснялось, как указывалось в апелляции «Олин», проводившейся администрацией Никсона политикой выборочного послабления эмбарго в целях оказания тайной помощи режиму Претории. «Какова бы ни была действительная политика правительства США в данный период, — утверждали адвокаты «Олин», — у служащих «Винчестера», имевших дело с госдепартаментом по вопросам об экспортных лицензиях, за несколько лет сложилось представление, что он смотрит сквозь пальцы на декларации, согласно которым оружие, фактически направлявшееся в ЮАР, якобы было предназначено для других стран».

В то время как попустительство со стороны правительства в случаях с «Кольтом» и «Винчестером» можно было объяснить тем, что количество оружия было слишком небольшим, чтобы немедленно возбудить подозрения, этого нельзя сказать о следующем обнаружившемся нарушении, в котором была замешана «Спейс ресерч корпорейшн» (СРК) из города Норт-Трой, штат Вермонт. 7 ноября 1978 года Би-би-си в хорошо документированной специальной телепрограмме доказала, что СРК — фирма, выполнявшая крупные заказы Пентагона на военные исследования и разработки, — отправляла десятки тысяч 155-мм артиллерийских снарядов в ЮАР через порты в Канаде, Испании и на острове Антигуа в Карибском бассейне. Выдвинутые Би-би-си обвинения были в основном подтверждены правительством США, которое вслед за этим поручило большому жюри в Ратленде, штат Вермонт, рассмотреть доказательства того, что СРК намеренно нарушала американские законы об экспорте оружия. Отдельные расследования проводились в Канаде, где СРК имела крупные предприятия, и в других странах, использовавшихся СРК для прикрытия незаконных сделок по продаже оружия.

Разоблачения СРК имеют важное значение как с точки зрения масштабов сделок, так и с точки зрения степени небрежности, проявленной правительством. Судите сами: с марта 1977 года по март 1978 года СРК продала южноафриканским властям по крайней мере четыре полных судна 155-мм артиллерийских снарядов, каждый из которых стоит сотни долларов. Первые сделки, о которых стало известно, были совершены в марте и мае 1977 года, когда СРК отправила два полных судна артиллерийских снарядов из Сент-Джонса в Нью-Брансуике на остров Антигуа, где их перегрузили на плавающее под западногерманским флагом судно «Тугелаланд» (фактически принадлежащее торговому флоту ЮАР). Оно-то затем и доставило снаряды в Кейптаун в Южной Африке. В августе 1977 года «Тугелаланд» приняло на борт по крайней мере 10 тыс. снарядов в Сент-Джонсе и доставило их непосредственно в Кейптаун после остановки на Антигуа. Позже, в январе 1978 года, СРК отправила 4500 снарядов на грузовых автомобилях в Канаверал во Флориде, где их погрузили на два американских военно-транспортных судна «Инаган клауд» и «Стар трек» и перевезли на Антигуа; там снаряды перегрузили на другое судно и доставили в ЮАР. Наконец, в марте 1978 года СРК отправила 21 тыс. снарядов из Сент-Джонса в Барселону, где их погрузили на нидерландское судно «Брезанд» и затем доставили в Дурбан. Ни в одном из этих случаев американские официальные лица не предприняли никаких попыток проверить правильность представленных СРК таможенных деклараций и документов на груз или уточнить конечный пункт доставки снарядов. Особенно трудно объяснить подобное попустительство в случае с отправкой груза из Флориды, на который СРК удалось получить грузовой манифест от Эбердинского полигона армии США, избавлявший компанию от необходимости проходить обычные таможенные процедуры, несмотря на то, что СРК уже давно не имела никаких контрактов с этим полигоном.

Журналисты, расследовавшие случай с СРК, обнаружили длительное «молчаливое согласие» правительства с сомнительной практикой. В 1968 году СРК получила специальное разрешение американо-канадской пограничной комиссии открыть собственный таможенный пункт на принадлежащем ей участке площадью 800 акров, расположенном как раз на границе между американским штатом Вермонт и канадской провинцией Квебек. Это позволяло компании переправлять грузы из Соединенных Штатов в Канаду без обычного таможенного досмотра. «Мы обычно закупали товары

на американской стороне, — рассказывал репортерам ратлендской газеты «Геральд» бывший сотрудник СРК, — а транспортный отдел переправлял их на другую сторону». Когда чиновники таможенной службы попробовали было проверить на месте, что именно перевозится через границу, их начальство приказало им держаться подальше от собственности СРК. По сообщениям «Геральд», этим инспекторам было сказано, что «компания пользуется особыми привилегиями, не предоставляемыми отдельным лицам и другим корпорациям». По-видимому, эти «привилегии» объяснялись статусом СРК как подрядчика министерства обороны. «Мы все считали, что СРК занята какой-то сверхсекретной военной работой» — так заявил один из таможенников в неопубликованном интервью вермонтским репортерам.

В течение последнего десятилетия заказы Пентагона действительно обеспечивали основную массу прибылей СРК, но потом эти заказы сократились, и компания сосредоточила внимание на коммерческих поставках оружия. В 1972 году СРК и бельгийская фирма «Сосьете женераль де Бельжик» (материнская компания бельгийской «Фабрик насиональ» — ведущего производителя оружия) основали «Спейс ресерч интернэшнл» для сбыта производимых СРК 155-мм артиллерийских снарядов за границей. С учетом связей СРК как с Пентагоном, так и с производителями оружия в других странах легко понять, почему некоторые эксперты считают, что СРК могла быть использована ЦРУ для контрабандных поставок боеприпасов Претории в целях применения их против поддерживаемых кубинцами сил в Анголе. Подобные умозаключения подкрепляются заявлением бывшего руководителя оперативной группы ЦРУ для Анголы Джона Стокуэлла, что во время гражданской войны в Анголе ЦРУ согласилось помочь южноафриканцам добыть спаряды для их 155-мм гаубиц.

Независимо от того, было ли ЦРУ замешано или пет в поставках снарядов ЮАР фирмой СРК, не может быть сомнения, что часть ответственности за эти сделки ложится на Вашингтон, не установивший должного контроля за деятельностью этой компании, как того требует закон. Подобное попустительство, безусловно, считалось бы непростительным — можно даже сказать, немыслимым, — если бы местом доставки была Россия, а не Южная Африка. И если бы — что, разумеется, невероятно — боеприпасы были действительно поставлены СССР, то можно не сомневаться, что незамедлительно последовала бы жестокая кара. Тем не менее федеральное большое жюри, заседающее ныне в Ратленде, соби-

рается только один раз в три недели! Очевидно, нарушение американских законов в таких масштабах, к тому же подрывающее доверие к правительству США за рубежом, требует более энергичного судебного расследования.

Хотя поставки боеприпасов ЮАР фирмой СРК были крупнейшими нарушениями законов, вскрытыми в прошлом году, они отнюдь не единственные. В декабре 1978 года «Вашингтон пост» информировала читателей, что «источник в одной из западных разведывательных служб» подтвердил, что в 1974 году Южной Африке было продано 25 транспортно-десантных вертолетов ИН-1. Эти вертолеты широко использовались во Вьетнаме для переброски войск из одного района боевых действий в джунглях в другой. Гражданский вариант этого вертолета, имеющий маркировку 205А, производится фирмой «Белл хеликоптер», в Форт-Уэрте, штат Техас (отделение корпорации «Текстрон»), а также по лицензиям фирмой «Агуста» в Италии. По сообщениям «Вашингтон пост», именно последняя фирма и произвела, по всей вероятности, вертолеты, проданные Южной Африке. Хотя основным виновником в данном случае, возможно, является итальянская фирма, по американским законам к построенным за рубежом вертолетам ИН-1 (как к любому другому оружию американской конструкции) применимы те самые экспортные ограничения, что и к вертолетам, произведенным в США. Однако, поскольку проданные ЮАР вертолеты были «гражданского» типа (205А), госдепартамент, по-видимому, не собирается принимать каких-либо мер против компаний, замешанных в этом деле.

Подобные же сделки через третью страну с привлечением зарубежных дочерних фирм и отделений американских корпораций фигурируют также в других случаях незаконной продажи оружия Южной Африке. В декабре 1978 года журнал «Армиз энд уэпонз» в корреспонденции из Монако сообщил, что южноафриканская армия приобрела «значительную партию» американских бронетранспортеров М-113 и 155-мм самоходных гаубиц М-109. Обе системы оружия производятся ведущей итальянской военно-промышленной фирмой «ОТО Мелара», и журнал «Армиз энд уэпонз» выразил мнение, что закупленные ЮАР бронетранспортеры и гаубицы «почти наверняка были произведены в Италии фирмой «ОТО Мелара». Хотя другие специалисты и ранее утверждали, что ЮАР получала бронетранспортеры и гаубицы американской конструкции из Италии — об этом сообщал, в частности, Шон Джервейзи в 1977 году в показаниях комиссии по иностранным делам палаты представителей, — это были

первые сведения о подобных поставках, поступившие от источника, дружественно настроенного к Претории. Сотрудники американского посольства в Риме начали расследование случая, обнародованного журналом «Армиз энд уэпонз», однако Вашингтон пока не подтвердил, что поставки бронетранспортеров М-113 и гаубиц М-109 действительно имели место.

В дополнение к этой информации о незаконных поставках оружия появился также ряд сообщений, разоблачающих случаи незаконной передачи военной технологии и важного оборудования для объектов инфраструктуры. Такие сведения имеют особую важность, потому что, хотя степень самообеспеченности ЮАР обычной военной техникой—винтовками, бронетранспортерами, артиллерийскими орудиями и т. д.— возрастает, она по-прежнему в большой степени зависит от Запада в отношении новейших электронных систем и вычислительных машин. Что же касается производства основной военной техники, Претория, пока имеет возможность импортировать западную технологию, вполне может полагаться на внутренние источники.

Особенно отстает Южная Африка в области вычислительной техники, и поэтому неудивительно, что Претория предпринимает большие усилия, чтобы приобрести новейшие электронные вычислительные машины на Западе. И поскольку подобная техника не оговорена конкретно в перечнях товаров, на которые распространяется установленное ООН эмбарго, Вашингтон склонен проявлять относительную мягкость в контроле за продажей таких систем, даже в тех случаях, когда они явно могут быть использованы в военных целях. В 1976 году, например, «Вашингтон пост» сообщила, что министерство торговли разрешило «Фоксборо компани» в городе Фоксборо, штат Массачусетс, продать два гигантских компьютера комитету по энергетике ЮАР для использования на обогатительном заводе в Прелиндабе, где, как утверждают, тайно разрабатывается ядерное оружие.

В соответствии с новыми принципами контроля за экспортом, принятыми администрацией Картера в феврале 1978 года, американским фирмам не разрешается продавать электронные вычислительные машины и другую вспомогательную технику южноафриканской армии и полиции. Тем не менее некоторые американские компании уже успели нарушить этот новый запрет. В марте 1979 года «Сент-Луис пост-диспетч» сообщила, что корпорация «Контрол дейта» из Миннеаполиса, штат Миннесота, поставила электронно-вычислительные подсистемы английской фирме «Интер-

нэшнл компьютерс лимитед» (ИКЛ) для крупной вычислительной системы, которая изготавливается для южноафриканской полиции. Как полагают, эта система будет использоваться для проведения в жизнь пресловутого «закона о паспортах», одного из ключевых в системе апартеида. По сведениям «Сент-Луис пост-диспетч», руководителям «Контрол дейта» было известно, что продажа подсистем фирме ИКЛ будет нарушением новых принципов, введенных американской администрацией.

К числу других американских фирм, замешанных в незаконной передаче технологии Южной Африке, относятся «Сэндерс ассошиэйтс» в Нашуа, штат Нью-Гемпшир, и уже позорно известная СРК. В 1976 году «Сэндерс ассошиэйтс» получила от госдепартамента лицензию на продажу Южной Африке технически сложной системы слежения за океаном стоимостью 150 млн. долларов. Позже лицензия была аннулирована в соответствии с новой экспортной политикой администрации Картера, однако, по свидетельству «Африка ньюс», «Сэндерс ассошиэйтс» и другая, связанная с нею фирма поставили часть оборудования по обычным гражданским каналам.

Помимо продажи артиллерийских снарядов СРК, по-видимому, передала Претории технологию производства гаубиц. Известно, что служащие СРК работали в «Армскор», компании по производству боеприпасов, принадлежащей правительству ЮАР; возможно, они сыграли определенную роль в конструировании новой 155-мм гаубицы G-5 в этой компании. И хотя Претория утверждает, что G-5 — оригинальная южноафриканская разработка, большинство экспертов полагают, что в ней используется иностранная технология, которая, учитывая связи СРК с ЮАР, вполне может быть американской.

В свете всего того, что мы узнали о тайной продаже оружия, трудно поверить, будто приведенные выше примеры являются единичными случаями незаконного экспорта американского оружия в Южную Африку. Об описанных выше тайных сделках репортеры узнавали почти всегда случайно или благодаря определенному стечению обстоятельств, поэтому есть все основания предполагать, что мы станем свидетелями новых разоблачений подобного рода в ближайшие годы. Однако нет необходимости ждать дополнительных разоблачений, чтобы сделать вывод, что американские официальные лица проявляли непростительную небрежность в соблюдении эмбарго на торговлю с Южной Африкой. Действительно, постоянно отмечалось попустительство в соблюде-

нии Соединенными Штатами эмбарго, что в течение ряда лет позволяло американским компаниям обходить меры контроля относительно безнаказанно. Вряд ли нужно удивляться поэтому, если у руководителей компаний сложилось впечатление, как это следует из апелляции фирмы «Олин», что Вашингтон не имел серьезных возражений против таких сделок.

В лучшем случае подобная небрежность говорит о хроническом нежелании Вашингтона принимать меры, необходимые для обеспечения полного соблюдения эмбарго, установленного ООН, в худшем — она является выражением неофициальной политики тайной поддержки режима Претории с помощью «молчаливого согласия» на незаконные поставки оружия. В данный момент имеющихся свидетельств недостаточно, чтобы определить, какое из этих двух толкований правильно, но в любом случае очевидно, что вопрос о незаконной продаже оружия заслуживает самого тщательного расследования конгрессом или министерством юстиции для выяснения, имело ли место нарушение служебных обязанностей должностными лицами при соблюдении ограничений экспорта, введенных американскими законами.

Такое расследование необходимо также для того, чтобы установить, не получали ли американские корпорации деньги от «Армскор», которая, как утверждают, располагает специальным фондом, предназначенным для «облегчения» нарушений эмбарго. В то время как многим американцам теперь известно, что министерство информации Претории учредило секретный фонд для пропаганды в поддержку апартеида в Соединенных Штатах и других западных странах (так называемая «операция Мюлдергейт» — по имени бывшего министра информации Корнелиуса Мюлдера), мало кто знает, что у «Армскор» есть подобный же фонд для обеспечения закупок иностранного оружия. По свидетельству известного английского специалиста Энтони Сэмпсона, фонд «Армскор», включающий деньги на взятки и комиссионные, «гораздо больше подкупного фонда Мюлдера». В данный момент неизвестно, расходовались ли средства из этих фондов в США, но, поскольку США были одним из основных объектов «операции Мюлдергейт», вполне правомерно предположить, что они являются также объектом тайных махинаций «Армскор».

Когда в ноябре 1978 года президенту Картеру задали вопрос о незаконных поставках оружия СРК в Южную Африку, он ответил, что ничего не знает об этих сделках, но займется этим вопросом. «Если это правда, — заявил он жур-

налистам в Белом доме 16 ноября 1978 года, — то это было бы прямым нарушением торжественного обещания соответствующих государств, включая, разумеется, все государства, голосовавшие в ООН за установление эмбарго на поставки оружия в Южную Африку». Мало кто стал бы возражать против такой характеристики ответственности Америки; к сожалению, однако, мы еще не знаем, каким будет расследование, необходимое, чтобы выяснить причины и масштабы небрежности правительства при проведении в жизнь мер по соблюдению эмбарго, установленного ООН, и определить все те неполадки в американском административном механизме, которые следует устранить в целях обеспечения полного соблюдения этой санкции ООН.

Стивен Тэлбот

ЦРУ И БОСС: «НЕРАЗЛУЧНЫ, КАК ВОРЫ»

Стивен Тэлбот — редактор «Интернэшнл буллетин», издающегося в Беркли, штат Калифорния. Статья была написана для этой книги в мае 1979 г.

Со времени создания в 1969 году в ЮАР позорно известного бюро государственной безопасности (БОСС) ЦРУ и БОСС были, как гласит английская поговорка, «неразлучны, как воры». Но, как это и бывает среди преступников, в отношениях между ними, несмотря на тайный сговор, бывали и вспышки острого соперничества и периоды глубокого недоверия друг к другу.

Обе разведывательные службы одержимы ненавистью к Советскому Союзу, терпеть не могут африканских революционеров и прилагают все силы для защиты политических и экономических интересов «свободного мира». Сотрудничество между ними приобретает самые различные формы: они обмениваются информацией, планируют совместные операции, заключают секретные соглашения без ведома американского конгресса и южноафриканского парламента.

В необычном интервью йоханнесбургской газете «Санди таймс» в 1977 году заместитель директора (ныне директор) БОСС Александер ван Вик впервые признал, что тайные агенты БОСС действуют в зарубежных странах и прошли «повышенную подготовку» в Соединенных Штатах и За-

падной Германии. Ван Вик добавил: «Разведывательные службы есть у всех стран. Большинство западных стран имеют тайных агентов в ЮАР — я знаю таких агентов из Америки, Великобритании, Франции и Западной Германии. Время от времени мы собираемся вместе и обсуждаем общие дела».

Бывший сотрудник ЦРУ Джон Стокуэлл в своей книге «В поисках врагов» приводит дополнительные свидетельства сотрудничества между ЦРУ и БОСС. «ЦРУ по традиции симпатизирует Южной Африке и имеет тесные связи с БОСС», — пишет он. Как руководитель оперативной группы ЦРУ в Анголе в 1975—1976 годах, Стокуэлл из собственного опыта знает, как было организовано тесное сотрудничество между американской и южноафриканской разведывательными службами. «С точки зрения ЦРУ, использование южноафриканцев было идеальным решением для Центральной Анголы, — говорит Стокуэлл. — Поттс (начальник африканского отдела ЦРУ), «святой Мартин» (прозвище Стюарта Метвена, резидента ЦРУ в Киншасе, Заир), а также резиденты в Претории и Лусаке приветствовали вступление южноафриканцев в войну в Анголе. Агентам ЦРУ, особенно на местах, нравились южноафриканцы, действовавшие обычно резко, агрессивно и без всяких хитростей. Их восхищала эффективность действий южноафриканцев». Стокуэлл далее показывает, что в ходе американо-южноафриканского вмешательства в Анголе представители ЦРУ и БОСС регулярно встречались в Заире, а «два раза директор БОСС ездил в Вашингтон, где имел тайные встречи с Джимом Поттсом».

Объединенные общими интересами, политическим консерватизмом и расизмом, высшие чиновники ЦРУ и БОСС составили «сеть старых друзей», наладивших сотрудничество и обмен информацией, — вплоть до джентльменского соглашения о том, чем не должно заниматься одно ведомство по отношению к другому. Например, БОСС не терпит, когда ЦРУ пытается шпионить за сверхсекретной и вызывающей много споров программой ядерных исследований в Южной Африке. Когда один молодой агент ЦРУ был разоблачен БОСС в 1975 году во время неуклюжей попытки добыть информацию о ядерных возможностях Претории, он был выслан из страны. Но ЦРУ не жаловалось. Оно молча согласилось с этим и продолжало поддерживать сердечные отношения с БОСС, признав, что высылка была в пределах правил игры, и направило в ЮАР более подготовленных агентов с той же целью.

Стокуэлл приводит ряд курьезных случаев, показывающих, насколько сильны расовые предрассудки в ЦРУ и как начальник африканского отдела ЦРУ Джеймс Поттс, казалось, «забывал» об отрицательных сторонах альянса США с южноафриканским режимом апартеида, подвергнутым остракизму международным сообществом. «В конечном счете Поттс пришел к выводу в одной из наших бесед, что чернокожие «проявляют иррациональность» в вопросе о Южной Африке», — вспоминает Стокуэлл.

Расистские и политические взгляды, разделявшиеся ЦРУ и БОСС, временами приводили к серьезному искажению «разведывательных данных», которые они представляли своим правительствам. В конце 1969 года Совет национальной безопасности, которым заправлял в то время Генри Киссинджер, составил проект секретного доклада — меморандум СНБ-39, включавший так называемый «выбор мальчика для битья», опиравшийся на ошибочную посылку, что «белые (на Юге Африки) сидят прочно и конструктивные перемены могут быть реализованы только через них. Для чернокожих нет никаких надежд получить политические права, которых они стремятся добиться насильственным путем, что может привести лишь к хаосу и расширению возможностей для коммунистов». Не прошло и пяти лет, как этот вывод Киссинджера о неуязвимости режимов белого меньшинства и слабости сопротивления чернокожих был опрокинут успехами партизанских движений в Гвинее-Бисау, Мозамбике и Анголе, ростом вооруженных выступлений в Зимбабве и Намибии и подъемом движения протеста чернокожих в самой Южной Африке. Меморандум СНБ-39, направлявший американскую политику на Юге Африки, основывался частично на докладах ЦРУ, которые, в свою очередь, в большой мере опирались на данные, предоставленные БОСС и португальской тайной полицией ПИДЕ. Из-за такой же «помощи» со стороны БОСС и ПИДЕ ЦРУ не смогло ни предсказать военного переворота в Португалии в апреле 1974 года, происшедшего под влиянием побед освободительных движений в португальских колониях в Африке и падения в результате этого морального духа португальской армии, ни подготовиться к нему. Несмотря на неточность сделанных альянсом БОСС — ЦРУ — ПИДЕ оценок силы и решимости различных партизанских движений на Юге Африки, «резидентура ЦРУ в Претории по-прежнему полагается на сообщения БОСС о революционерах», как отмечает известный английский журналист Энтони Сэмпсон.

ЦРУ сотрудничало с ЮАР и даже зависело от нее при

проведении широкого круга тайных операций и сборе информации — от помощи в подготовке армии наемников к вторжению в Конго в начале 60-х годов до слежения за движением советских судов в районе мыса Доброй Надежды и в Индийском океане. Однако в настоящий момент отношения между режимом премьер-министра Питера Боты и администрацией Картера довольно напряженны, о чем свидетельствует высылка властями Претории трех военнослужащих ВВС США по обвинению в том, что американское посольство использовало аэрофотоаппарат, скрытно установленный на десятиместном двухмоторном самолете «Бичкрафт», для воздушной съемки «весьма секретных» районов в Южной Африке. Вашингтон нанес ответный удар, выслав двух военных атташе из южноафриканского посольства в США.

Чтобы понять нынешнюю напряженность между Вашингтоном и Преторией и сопутствующие ей проблемы в отношениях между ЦРУ и БОСС (обозреватель «Крисчен сайенс монитор» Джозеф Харш доходит даже до утверждения: «Считается, что Южная Африка действительно порвала отношения с собственной разведывательной службой и американским ЦРУ»), необходимо рассмотреть происхождение БОСС, провал американо-южноафриканского вмешательства в Анголе и изменения в правительстве ЮАР, вызванные «Мюлдергейтским скандалом».

БОСС было официально создано 1 мая 1969 года для расследования «всех вопросов, касающихся безопасности государства», и для того, чтобы сосредоточить в одном месте общее планирование и руководство всеми операциями южноафриканской тайной полиции и разведки. Оно было поставлено под прямой контроль тогдашнего премьер-министра Форстера, назначившего своего старого приятеля и политического союзника генерала Хендрика ван ден Берга главой новой организации, зловещее название и кажущиеся бесконтрольными (со стороны парламента) полномочия которой вселяли страх даже в самых безобидных критиков режима апартеида.

В годы второй мировой войны ван ден Берг и Форстер были интернированы проанглийским правительством Южно-Африканского Союза из-за их симпатий к нацистам. В 1963 году, когда Форстер почувствовал, что режиму белого меньшинства угрожают массовые протесты и кампании саботажа со стороны двух освободительных движений — Африканского национального конгресса (АНК) и Панафриканского конгресса (ПАК), он попросил ван ден Берга возглавить контр-

атаку тайной полиции. Опираясь на новые репрессивные законы, дававшие полиции право задерживать подозреваемых на срок до 180 дней без всякого обвинения и применять на допросах жестокие пытки, тайная полиция ван ден Берга беспощадно подавляла разрозненные вооруженные выступления.

Южноафриканским военным не нравились ни громадная власть, сосредоточенная в руках ван ден Берга, ни выделение БОСС все более крупных сумм за счет армии. Бюджет военной разведки резко сократился с 830 тыс. рэндов в 1968—1969 годах до 39 тыс. рэндов в 1969—1970 годах, в то время как бюджет БОСС, оценивавшийся в 1969—1970 годах в 4063 тыс. рэндов, вырос до 12 536 тыс. рэндов в 1974—1975 годах. При реорганизации системы безопасности ЮАР к БОСС перешли многие функции военной разведки и полицейской осведомительной службы, туда же были переведены и многие сотрудники этих ведомств.

В своей роли директора БОСС и ближайшего советника премьер-министра Форстера ван ден Берг считался вторым по влиянию человеком в правящей, состоящей исключительно из белых, национальной партии. Кроме того, его больше всех боялись. Худой, высокий, суровый, ван ден Берг был зловещей фигурой. Известно, что в период с 1963 года, когда он был назначен главой тайной полиции, до его вынужденного ухода в отставку с поста директора БОСС в 1978 году по крайней мере 48 чернокожих и азиатов погибли в застенках от рук полицейских. Ван ден Берг руководил небольшой армией агентов и осведомителей — белых и чернокожих, внутри страны и за рубежом — и имел в своем распоряжении самую современную разведывательную и вычислительную технику, какую только можно было приобрести на Западе. В 1979 году он заявил комиссии Эразмуса, расследовавшей «Мюлдергейтский скандал»: «Я могу вам сообщить сегодня, не для протокола разумеется, что у меня достаточно людей, чтобы совершать убийства, если я прикажу им убивать... Мне все равно, кто окажется жертвой. Вот каких людей я имею». Комиссия пришла к выводу, что ван ден Берг был «силой, на которую опирается трон», и осудила его за готовность «не останавливаться ни перед чем» при достижении своих целей.

У ван ден Берга, мучителя, была и другая сторона. В отличие от «ястребов» среди южноафриканских военных он выступал за разрядку напряженности с северными соседями Претории, где правили африканцы. Набрасывая политический портрет ван ден Берга, журналист Энтони Сэмп-

сон пишет, что шеф БОСС был «гораздо разносторонней, чем традиционный Великий инквизитор: он был дипломатом-авантюристом, постоянно подталкивавшим премьер-министра на развитие контактов с африканскими государствами и всегда считавшим, что чернокожих можно подкупить. Путешествуя с чужими паспортами и под чужими именами, он тайно появлялся в тех африканских столицах, где его меньше всего можно было ожидать... Гонитель чернокожих внутри страны, он был миротворцем за рубежом... Со временем ЦРУ стало ценить реализм ван ден Берга».

Именно то обстоятельство, что ван ден Берг выступал за разрядку в отношениях между странами Юга Африки, и побудило его в 1972 году объединить силы с честолюбивым министром информации Конни Мюлдером. С одобрения Форстера они замыслили грандиозный план «продать то, что невозможно продать», попытаться завоевать на свою сторону или подкупить африканских, западноевропейских и американских творцов общественного мнения и политиков. Для осуществления этого плана Мюлдер нанял одаренного и напористого помощника, д-ра Эсхела Роди, и предоставил в его распоряжение секретный фонд для подкупа, достигший в конечном счете по крайней мере 73 млн. долларов. Одним из первых объектов кампании стала относительно либеральная южноафриканская пресса на английском языке. После неудачной попытки установить контроль над газетным концерном СААН, которому принадлежала главная оппозиционная газета «Ранд дейли мейл», трио заговорщиков ван ден Берг — Мюлдер — Роди начало финансировать собственный рупор — газету «Ситизн» на английском языке. За этим последовало более 160 секретных проектов: передача 10 млн. долларов консервативному мичиганскому газетному воротиле Джону Макгоффу, чтобы тот попытался купить «Вашингтон стар», а когда эта затея провалилась — «Сакраменто юнион»; финансирование небольшой проюжноафриканской партии в Норвегии; оплата доступа к некоторым средствам информации во Франции и Великобритании; обеспечение дипломатических визитов Форстера в Берег Слоновой Кости и Израиль с целью прорвать политическую изоляцию. Южноафриканские газеты утверждали, что фонды министерства информации использовались также для финансирования избирательных кампаний проюжноафриканских политиков в Соединенных Штатах, включая Джералда Форда на президентских выборах в 1976 году, С. Хайакаву на выборах в сенат в 1976 году и Роджера Джепсена, победившего в

1978 году сенатора от штата Айова Дика Кларка, самого энергичного врага ЮАР в американском конгрессе.

Тайная пропагандистская война, которую вело министерство информации, начала угасать, когда разнесся слух, что Роди и его помощники используют «сундук с деньгами на войну» для улучшения своего личного материального благополучия: отдых с семьей на Сейшельских островах, роскошные особняки, развлечения в ночных клубах, дорогие билеты на спортивные состязания, прибыльные капиталовложения. Когда история с заговором начала выходить наружу под давлением печати и в конце концов правительственной комиссии, ван ден Берг попытался было прикрыть и защитить своего политического союзника Конни Мюлдера, который считался преемником Форстера. Однако, несмотря на все усилия, включая запугивание членов комиссии, назначенной правительством, ван ден Бергу не удалось спасти Мюлдера. В жаркой борьбе за власть внутри национальной партии после отставки Форстера — как говорили, по состоянию здоровья — Мюлдер, запятнавший себя скандалом, при голосовании за кандидатов на пост премьер-министра проиграл 24 голоса министру обороны Питеру Боте.

В международном плане разоблачение «Мюлдергейтского скандала» еще больше очернило облик режима апартеида и вызвало возмущение попытками Претории вмешаться в политический процесс и деятельность средств информации в других странах. Внутри страны последствия скандала проявились в дискредитации и отстранении от власти «интернационалистов» из африканской национальной партии. Форстер, Мюлдер, ван ден Берг и Роди — группа, считавшая, что для ЮАР совершенно необходимо избавиться от статуса парии, а также улучшить и углубить связи с Западом и с консервативными африканскими государствами, — вынуждены были с позором уйти в отставку. Роди скрывается где-то в Западной Европе, объявив, что его адвокаты получили указание предать гласности все известные ему секреты, записанные на пленку, если его убьют южноафриканские наемные убийцы.

При премьер-министре и министре обороны Питере Боте «интернационалистов» заменили военные. В этом было какое-то сходство с военным переворотом. Там, где Форстер полагался на БОСС, Бота обращался к военной разведке. Там, где Роди пытался подкупить редакторов и газеты, Бота старался обойти санкции ООН и приобрести оружие через «сеть военных агентов и закупщиков, которая намного шире сети пропагандистских каперов Мюлдера и Роди...». Там,

где Форстер и ван ден Берг предпочитали до определенной степени сотрудничество с Западом в переговорах о передаче власти признанным международным сообществом «умеренным» режимам черных в Намибии и Зимбабве, Бота больше склоняется к «внутреннему урегулированию» и созданию на Юге Африки военной и экономической конфедерации придерживающихся одинаковых взглядов государств, которые развивались бы самостоятельно.

Полный разрыв с Западом для Боты был бы равносилен самоубийству. Выживание режима апартеида зависит от западных капиталовложений, банковских займов (5,5 млрд. долларов после 1972 года, согласно последнему докладу ООН), новейшей техники, нефти и даже оружия. Однако проводящее жесткую линию правительство Боты может принять решение на ослабление сотрудничества в дипломатической области с Западом, особенно с администрацией Картера. Южноафриканский режим давно уже жалуется, что Картер и его госдепартамент, особенно постоянный представитель США в ООН Эндрю Янг, оказывают давление с целью заставить его реформировать систему апартеида и предоставить независимость Намибии с правительством большинства, в котором доминировало бы левое освободительное движение — Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО). Претория открыто и тайно пытается заручиться поддержкой у консервативных противников Картера в надежде, что африканскую политику его администрации можно будет пустить под откос.

Недоверие Боты к Западу восходит к ангольским событиям. Бота был первым высшим южноафриканским официальным лицом, публично обвинившим в парламенте ЮАР в 1978 году Вашингтон в том, что он сначала поощрял, а затем оставил на произвол судьбы провалившееся вторжение Претории в Анголу в 1975—1976 годах. «США безрассудно покинули нас в беде», — жаловался Бота. Несмотря на путаные опровержения госдепартамента, Бота продолжал настаивать, что американские самолеты доставляли оружие на базы в Анголе, удерживавшиеся южноафриканцами. «Я сам был там, — доказывал Бота. — Я собственными глазами видел, как выгружали оружие».

Интересно отметить, что ван ден Берг выступал против южноафриканской интервенции в Анголе и имел по этому поводу стычку с Ботой. Эта история впервые выплыла на свет в изданной в Претории в 1977 году книге южноафриканского историка ван Ренсбурга «Запутанная паутина». Автор писал, что ван ден Берг умолял Форстера не втор-

гаться в Анголу, однако министр обороны Бота, импульсивный, упрямый и склонный к военным решениям, одержал верх, и Претория вмешалась. В книге говорится, что БОСС возражало против интервенции, потому что было лучше осведомлено о мнении африканских стран и мировой общественности и являлось одним из главных инициаторов форстеровской политики разрядки и диалога с Черной Африкой. Дипломатия и прагматизм ван ден Берга обнаружились также в интервью, данном журналу «Ньюсуик» в конце 1976 года. Резко расходясь с официальной позицией правительства, ван ден Берг заявил, что «марксистская победа в Родезии не поставит под угрозу безопасность Южной Африки», что Претория должна стремиться к урегулированию в Намибии со СВАПО, а не бороться против этого освободительного движения и что Южная Африка должна попытаться нормализовать отношения с левым правительством МПЛА в Анголе. «Ван ден Берг открыто критиковал грубое военное вмешательство Боты в ангольскую войну и не делал секрета из своей неприязни к нему, — писал Энтони Сэмпсон в «Лондон обсервер». — Он даже заявил одному либеральному журналисту: «Есть один вопрос, по которому мы сходимся: П. У. Бота — пустое место». Однако Бота был серьезным противником, за спиной которого стояла все усиливающаяся машина армии и военной разведки». Когда ван ден Берг бросил все силы в поддержку своего кандидата — Конни Мюлдера и тот проиграл Боте, это означало поражение ван ден Берга и оттеснение БОСС на второй план военной разведкой. Вместо государства, проводящего с помощью БОСС вселяющие страх репрессии внутри страны и агрессивную программу проникновения в зарубежные страны, Южная Африка превращалась в милитаризованное общество, в гарнизонное государство, в котором дипломатии уделялось мало внимания. Один из сподвижников Конни Мюлдера жаловался: «У П. У. Боты на все один ответ: «Пошлите танки». Газета «Джоханнесберг санди таймс» в равной мере проявляла беспокойство, отмечая, что «основная слабость Боты заключается в том, что он склонен сначала стрелять, а потом думать».

Избрание Боты премьер-министром отражает решение большинства правящей национальной партии, находящейся у власти непрерывно с 1948 года, занять прочные позиции, как говорят африканеры, в «лагере». «Лагер» — национальный символ африканеров — это круг из фургонов, который выстраивали белые поселенцы при сражении с зулусами и другими коренными обитателями Южной Африки.

Лысеющий Бота, всю жизнь проповедующий превосходство белых (он заслужил прозвище «бэби Бота» за то, что призывал африканеров иметь больше детей, чтобы угнаться за быстро растущим негритянским населением) и милитаризм, обладает вспыльчивым характером и придерживается авторитарного стиля. Подобно ван ден Бергу и БОСС, он одержим ненавистью к Советскому Союзу и коммунизму, но менее искусен в различении оттенков политических мнений в соседних африканских странах. В своих публичных выступлениях он постоянно ссылается на «дьявольскую» поддержку Москвой африканских освободительных движений, которые, как он говорит, сами являются «силами дьявола». В отличие от ван ден Берга Бота, например, неоднократно заявлял, что никогда не потерпит в Намибии правительство, возглавляемое СВАПО.

Если ван ден Берг был ближайшим советником Форстера, то наиболее влиятельным советником Боты считается генерал Магнус Малан, командующий южноафриканскими оборонительными силами. Генерала Малана считают автором проводимой Ботой «тотальной стратегии» обороны против «тотального нападения» противника. Эта военная стратегия делает упор на максимально возможную независимость от Запада.

Серия инцидентов — от объявления Преторией американского представителя на переговорах по Намибии Доналда Макгенри «врагом» ЮАР до выдвинутых против Вашингтона обвинений в воздушном шпионаже — свидетельствует об усилении влияния группировки Боты. Пока администрация Картера сдержанно реагирует на все учащающиеся случаи открытого отклонения Южной Африкой дипломатических инициатив Запада в отношении Юга Африки. Если бы американская администрация хотела проявить жесткость по отношению к Претории, как того требуют в течение многих месяцев африканские страны, США могли бы начать с установления санкций или даже с поддержки нефтяного эмбарго, однако у администрации нет политической воли пойти на это. Наоборот, администрация США сейчас испытывает наибольшее давление со стороны правых в конгрессе, которые поддерживают режимы в ЮАР и Зимбабве-Родезии и выражают недовольство тем, что Вашингтон пытается заставить их пойти на сделку с «марксистскими террористами». Хотя администрация Картера, как представляется, придерживается прежней линии в вопросе об отмене санкций против Родезии, она многозначительно умалчивает о ЮАР в этой связи.

В настоящее время усиление влияния милитаристов Боты и отход на второй план «интернационалистов» ван ден Берга охладили американо-южноафриканские отношения и, вероятно, ограничили сотрудничество между БОСС и ЦРУ. Лишенный паспорта и находящийся в вынужденной отставке на своей ферме в Трансваале, ван ден Берг отрицает, что отношения между ЦРУ и БОСС ухудшились. «Это вздор, — заявил он «Лондон обсервер». — Напротив, только сегодня я завтракал со своим другом, который отдыхает здесь, а он занимает очень высокий пост в ЦРУ». Однако еще до того, как его бесцеремонно подняли с постели среди ночи и отобрали паспорт, ван ден Бергу было отказано в визе на выезд в Соединенные Штаты.

Лакмусовой бумажкой для отношений между США и ЮАР — особенно для связей между ЦРУ и БОСС или военной разведкой — будут масштабы поставок Претории американского оружия, несмотря на установленное ООН в 1977 году эмбарго.

В своих активных поисках оружия (имеется в виду широкое использование для незаконных сделок и взяток секретного фонда, которым располагает государственный поставщик вооружений «Армскор») режим Боты может попытаться получить помощь от таких сочувствующих ему разведывательных ведомств, как ЦРУ и английская МИ-6, которые тесно сотрудничали с БОСС в течение многих лет. Одним из вызывающих тревогу свидетельств того, что дело обстоит именно так, считается случай со «Спейс ресерч корпорейшн». Эта американская военно-промышленная компания, имеющая предприятие на границе между штатом Вермонт и Канадой, была уличена в хорошо документированной специальной телепрограмме Би-би-си в ноябре 1978 года в том, что незаконно продала Южной Африке десятки тысяч 155-мм артиллерийских снарядов на миллионы долларов, тайно переправив их через остров Антигуа в Карибском бассейне и Испанию. В своей книге «В поисках врагов» Стокуэлл утверждает, что ЦРУ обещало во время войны в Анголе в 1975—1976 годах поставить Южной Африке боеприпасы для 155-мм гаубиц. Южная Африка, пишет он, обратилась с этой просьбой через резидентуру ЦРУ в Претории.

Со своей стороны ЦРУ, по-видимому, увеличивает присутствие в Южной Африке и Зимбабве по мере усиления освободительной борьбы. Агенты ЦРУ, по свидетельству Стокуэлла, в настоящее время действуют в Родезии под личиной американских наемников. Недавно Стокуэлл заявил в интервью: «Насколько мне известно, ЦРУ направило аген-

тов в Родезию, чтобы держать руку на пульсе. Ему известны все, кто принимает участие в игре там. Оно имеет людей на местах, среди военных, которые ведут сбор информации. Разумеется, это может производиться и в порядке подготовки к полувоенной операции, подобной ангольской». Основываясь на своем опыте войны в Анголе, Стокуэлл отметил, что резидентура ЦРУ в столице Замбии Лусаке, вероятно, по-прежнему очень активна. «Я сказал бы, она пытается внедриться во все освободительные движения». Один агент ЦРУ в Родезии, сказал далее Стокуэлл, действовал из Йоханненсбурга под маской «авантюриста». В то же время число агентов ЦРУ, глубоко законспирировавшихся в Южной Африке, возросло после фиаско в Анголе.

Точное число агентов ЦРУ в Южной Африке неизвестно, однако в статье, опубликованной недавно в «Джоханнесберг стар», называлась цифра в 12, а возможно, даже в 40 человек. По крайней мере, еще в июне 1979 года руководителем резидентуры ЦРУ в Претории был Джерри Фрэнсис Госсенс. Он принял дела от Доруина Уилсона, служившего ранее в Кении и Замбии и сменившего на посту резидента ЦРУ в Претории Фрэнсиса Джетона в 1975 году. Некоторые из этих агентов ЦРУ, несомненно, попытаются узнать побольше о программе ядерных исследований и разработке ядерного оружия ЮАР, вызывающей беспокойство у администрации Картера. Другие, однако, будут, вероятно, заниматься и дальше традиционным для ЦРУ делом — предотвращением успехов «поддерживаемых Советами и кубинцами» освободительных движений (АНК — в Южной Африке, СВАПО — в Намибии, Патриотического фронта — в Зимбабве).

Барбара Роджерс

ЮЖНАЯ АФРИКА ПОЛУЧАЕТ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ БЛАГОДАРЯ ЗАПАДУ

Барбара Роджерс, в прошлом сотрудник министерства иностранных дел Великобритании, ныне независимая журналистка. Вместе со Зденеком Червенкой опа написала книгу «Ядерная ось: тайное сотрудпичество между Западной Германией и Южной Африкой». Эта статья подготовлена для данной книги в апреле 1979 г.

В течение многих лет тайные эмиссары Южной Африки налаживали связи с ядерно-промышленным комплексом и

его союзниками в правительствах Западной Германии, Израиля и различных западноевропейских стран под благосклонным взглядом американской разведки. Высокопоставленный чиновник госдепартамента говорил мне: «Мы знали все о западногерманских сделках в целях создания в Южной Африке предприятий по обогащению урана. Мы, разумеется, ничего не предпринимали, потому что, помимо прочего, не хотели, чтобы они знали, что у нас есть там свои агенты».

Ни для кого не является секретом, что в Бонне практически никогда не случается ничего, о чем бы не знали в громадном американском посольстве, и это касается как западногерманской промышленности, так и правительства ФРГ. По иронии судьбы, заслон секретности ставится главным образом перед теми в американском посольстве, кто пытается предотвратить распространение ядерного оружия.

В то время как Агентство по контролю над вооружениями и разоружению изо всех сил старалось блокировать экспорт в Южную Африку важнейших компонентов оборудования для обогатительного завода, ЦРУ и его союзники в Пентагоне облегчали его строительство, одобрив продажу двух необходимых для его работы компьютеров фирмы «Фоксборо» и глядя сквозь пальцы на сотрудничество между западногерманскими и израильскими разведками и военными ведомствами. В федеральной резервной системе и министерстве финансов договорились о крупных субсидиях урановой промышленности ЮАР путем предоставления займов Международным валютным фондом и скрытых манипуляций с ценами на золото (добыча золота в Южной Африке связана с добычей урана).

Связь с Западной Германией

Брюссельский договор, юридическая основа членства Западной Германии в НАТО, запрещает ей производство ядерного оружия на своей территории. Однако со времени подписания договора в 1948 году вооруженные силы Западной Германии постоянно оказывали давление в целях получения собственного ядерного оружия. В правительственном бюллетене от 20 августа 1960 года говорилось: «Солдаты бундесвера имеют право на оружие столь же эффективное, как оружие противника. По состоянию дел на сегодняшний день ответственность командиров перед своими солдатами заставляет их требовать ядерного оружия».

Это требование, настоятельно выдвигаемое милитаристами Западной Германии, было недавно подкреплено обсуж-

дением в Пентагоне вопроса о том, что силы НАТО должны быть готовы оставить крупные районы в этой стране в случае наступления армий Варшавского Договора. В действительности же, если Западная Германия будет обладать ядерным оружием, это окажет крайне провокационное воздействие на Варшавский Договор и станет важным фактором усиления напряженности в Европе, однако западногерманские военные руководители постоянно требуют ядерного оружия и ищут способ обойти положения Брюссельского договора в этом отношении.

Одна из главных особенностей подхода Западной Германии к программе использования ядерной энергии в мирных целях состоит в попытке создать полный ядерный топливный цикл — другими словами, наладить все процессы от добычи урана до переработки отработанного топлива в целях извлечения плутония. Западная Германия постепенно расширяет свои ядерные исследования и разработки и построила сеть ядерных реакторов. Развитие ядерно-промышленного комплекса в Западной Германии первоначально сдерживалось возражениями международного сообщества против размещения на ее территории каких бы то ни было ядерных установок, однако в результате осуществления собственной программы под руководством правительства, а также членства в «тройке» (вместе с Великобританией и Нидерландами) Западная Германия превратилась в одного из самых крупных экспортеров ядерной технологии и оборудования в страны «третьего мира», особенно в те, которые известны стремлением создать собственное ядерное оружие.

На протяжении ряда лет ходили слухи о сделке по ядерному оружию между Западной Германией, Южной Африкой, Израилем и — до того, как там произошел государственный переворот, — Португалией, причем американцы якобы знали об этом и тайно поощряли сделку. Теперь появились свидетельства о совершенно секретных сделках между западными немцами и южноафриканцами: непосредственная переписка между двумя правительствами. Авторы книги «Ядерная ось: тайное сотрудничество между Западной Германией и Южной Африкой», которым Африканский национальный конгресс (АНК) Южной Африки предоставил доступ к этим документам, используют их в качестве основы для подробных расследований в Западной Германии, Швеции, Великобритании, Франции, Соединенных Штатах и других странах. Поразительно, что, хотя Южная Африка и Западная Германия отказались признать факты, изложенные в документах, предпочитая прибегать к злонамеренным

личным нападкам на тех, кто публикует эту информацию, ни одно из этих правительств не попыталось поставить под сомнение подлинность документов. Вместо этого они начали крупномасштабные расследования с целью выявить источник утечки информации.

Документы показывают тесные тайные связи между военными, ядерными и промышленными кругами обеих стран, относящиеся к одному крупному проекту — строительству экспериментального обогатительного предприятия в Валиндабе (Южная Африка) с использованием западногерманского метода обогащения урана с помощью реактивного сопла. Были совместно разработаны новые важные модификации, причем теоретические изыскания проводились в западногерманском центре ядерных исследований в Карлсруэ, а практическое применение осуществлялось в Валиндабе.

Дело в том, что завод в Валиндабе не подчиняется контролю со стороны международных органов, наблюдающих за развитием ядерной энергетики, включая ЕВРАТОМ и МАГАТЭ; это единственный в мире обогатительный завод, не контролируемый международными органами, за исключением обогатительных предприятий в странах, входящих в существующий «ядерный клуб». Обогащение урана — главный процесс, и эксперты по нераспространению ядерного оружия надеялись не допустить его налаживание в тех странах, которые еще не обладают ядерным оружием.

Южная Африка как ядерная держава

На заводе в Валиндабе южноафриканцами была достигнута стадия, на которой возможно испытание ядерной бомбы, и в пустыне Калахари был построен испытательный полигон. Советский Союз выступил с беспрецедентным предупреждением общественности в августе 1977 года, когда с его спутников этот полигон был обнаружен. Американские спутники почти наверняка также засекли его, поскольку пролетали над этим районом, однако никаких заявлений со стороны американцев не последовало, пока им не пришлось подтверждать советское сообщение. На Южную Африку был оказан нажим с целью предотвратить испытания, однако произошел конфуз: президент Картер на пресс-конференции процитировал обещание правительства ЮАР не испытывать ядерное оружие, но южноафриканцы стали отрицать, что давали ему такое заверение. Испытательный полигон не был ликвидирован и может быть использован в любое время, хотя испытания ядерного оружия имеют теперь лишь симво-

лическое значение, поскольку заряд можно применить с полной уверенностью и без предварительных испытаний.

Южная Африка не только обладает способностью производить собственное ядерное оружие, но и приближается к такому положению, когда она сможет поставлять расщепляющиеся материалы другим «неядерным» странам, тем самым делая бессмысленными любые попытки ограничить распространение ядерного оружия. Пока она располагает установками небольших размеров, но, если у нее окажется достаточно времени, денег и технической помощи, она сможет начать выпуск расщепляющихся материалов в больших количествах. Поэтому исключительно важно уже сейчас принять меры по предотвращению строительства крупных предприятий.

Межнациональное сотрудничество

К ядерным сделкам с Южной Африкой в целях наращивания ее способности выполнять исследования и разработки в этой области причастны различные страны. Великобритания, например, глубоко втянута в это дело через крупный правительственный контракт на поставки урана из оккупированной ЮАР Намибии, хотя лейбористская партия, когда она не находилась у власти, обещала аннулировать его. Английские ученые сотрудничали со своими американскими коллегами в целях создания в Южной Африке промышленности по добыче и переработке урана, чтобы обеспечить базу для накопления запасов американского ядерного оружия после второй мировой войны. Они также внесли большой вклад на ранних этапах в подготовку персонала для центров ядерных исследований.

Французское правительство сыграло крайне важную роль в предоставлении ЮАР систем, пригодных для доставки ядерного оружия. Южноафриканцы получили возможность приобретать новейшие истребители-бомбардировщики «Мираж», специально сконструированные для доставки французского ядерного оружия. Эти и другие соглашения о продаже оружия были заключены, по-видимому, в связи с крупной сделкой, предусматривавшей передачу Южной Африке первого ядерного реактора и поставки во Францию южноафриканского урана.

Иран при шахе также был глубоко втянут в эти отношения через трехстороннюю сделку: Иран должен был снабжать нефтью Францию и Южную Африку, Южная Африка — поставлять уран двум другим странам, а Франция — продавать ядерное оборудование и технологию двум «почти

ядерным» странам, не задавая слишком много вопросов относительно целей их конечного использования.

Широкое участие в этих делах принимает Израиль; на секретных объектах в Южной Африке работают сотни израильтян, причем некоторые из них — ученые с опытом разработки оружия, занятые в самых секретных ядерных программах ЮАР. Эти две страны в последнее время очень сблизились, главным образом благодаря работе, проведенной тайными агентами генерала ван ден Берга, до недавнего времени возглавлявшего БОСС, и его протеже Эсхела Роди. Израилю есть что предложить Южной Африке в отношении тайных операций в Западной Европе и других районах (значительная часть израильского урана была украдена из Соединенных Штатов и Западной Европы); израильские ученые в состоянии также восполнить пробелы в технической подготовке южноафриканских специалистов, опираясь на собственный опыт работы в области ядерной технологии.

Еще одна трехсторонняя сделка заключена между Южной Африкой, Бразилией и Западной Германией. Усовершенствования в западногерманском методе обогащения урана, разработанном в Валиндабе, по-видимому, будут использованы на обогатительном предприятии, которое западные немцы должны построить в Бразилии. Бразильские инженеры и ученые уже обменивались визитами со своими южноафриканскими коллегами, в частности для обсуждения вопросов, связанных с добычей урана (Намибия и Бразилия были частями одной и той же геологической формации до того, как дрейф континентов разъединил их). Бразилия вполне может стать одним из покупателей расщепляющихся материалов у Южной Африки. Ее собственные мотивы приобретения у Западной Германии оборудования для полного ядерного топливного цикла вызывают серьезные подозрения: в экономическом отношении этот план грозит Бразилии катастрофой, однако ее нынешнее правительство считается одним из первых претендентов на создание собственного ядерного оружия.

Реакции на ядерные амбиции Южной Африки

Договор о нераспространении ядерного оружия, разработанный правительствами Советского Союза и Соединенных Штатов, оказывается явно недостаточным в результате тайных операций, которые проводят Южная Африка и ее союзники в целях получения оборудования и технологических знаний, необходимых для создания ядерного оружия. За-

падная Германия под сильным давлением со стороны Советского Союза подписала договор о нераспространении ядерного оружия, однако это никоим образом не мешает ей продавать техническое оборудование, способствующее такому распространению. Южная Африка пока отказывается подписать договор. Есть намеки, что сейчас она могла бы подписать его, но без дополнительного соглашения об инспекции всех ее объектов, связанных с ядерной энергетикой; это не оказало бы никакого влияния на ее уже существующие возможности по созданию ядерного оружия.

Самой опасной реакцией на все это, пожалуй, является предложение, выдвинутое некоторыми сторонниками нераспространения в Вашингтоне: предоставлять американский «ядерный зонт» любой новой стране, создавшей собственное ядерное оружие. Практически все возможные кандидаты находятся, подобно Южной Африке, где-то на периферии западных союзов. Хотя и предполагается, что подобное решение дало бы этим странам возможность чувствовать себя в большей безопасности и — теоретически — проявлять меньшую склонность к применению ядерного оружия, наиболее важным результатом «гарантий безопасности» такого рода является гарантия, что Южная Африка могла бы вызвать ядерную войну между Востоком и Западом, нанеся первый удар своим относительно маломощным ядерным оружием где-либо в Африке.

Остается по-прежнему неясным, как Соединенные Штаты и их союзники будут относиться к Южной Африке, если она станет ядерной державой. Но что уже совершенно ясно, так это необходимость разоблачения заключаемых сейчас тайных сделок. От своевременного разоблачения их может зависеть наше выживание.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Грязная работа ЦРУ в Африке: Сб. материалов/
Г92 Сост. Э. Рей, У. Шаап, К. Метер и Л. Вулф; Пер. с англ. В. В. Борисова.— М.: Воениздат, 1983.— 349 с.

В пер.: 90 к.

В книге публикуются статьи журналистов, ученых и общественных деятелей США и многих стран Западной Европы, в которых разоблачается подрывная и шпионская деятельность Центрального разведывательного управления в странах Африканского континента.

Используя обширный фактический материал, авторы убедительно показывают, как ЦРУ в сотрудничестве с разведками Англии, Франции, ЮАР, Израиля и других капиталистических стран пытается подорвать национально-освободительные движения, воспрепятствовать независимому развитию молодых африканских государств, подчинить их влиянию гигантских транснациональных монополий.

Книга представляет интерес для широкого круга советских читателей.

Г 0804000000-153 / 068(02)-83 60-83

ББК 63.3(2)7-4
327.215

ГРЯЗНАЯ РАБОТА ЦРУ В АФРИКЕ

Редактор *Л. П. Жеребцов*
Редактор (лнтературный) *Г. В. Казнина*
Художннк *Т. Ф. Елагина*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Техннческнй редактор *Е. В. Дмитриева*
Корректор *И. Г. Новожилова*

ИБ № 1813

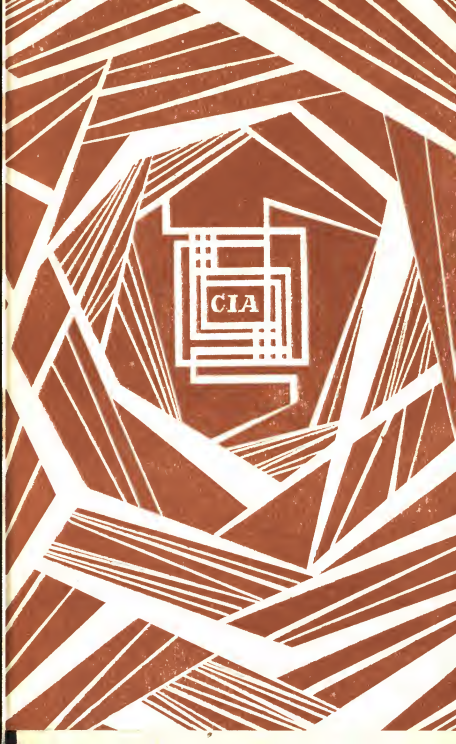
Сдано в набор 17.06.82. Подписано в печать 19.1.83.
Формат 84×108/32. Бумага тнп. № 2. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 11. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 19,02.
Уч.-нзд. л. 21,06. Изд. № 10/8012. Тираж 100 000 экз. Зак. 3-296. Цена 90 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
Набрано в 1-й тнпографин Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцоаа-Степанова, дом 3
Отпечатано с матрнц на кннжной ф-ке нм. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржеаская, 6/8

К ЧИТАТЕЛЯМ

Военное издательство просит присылать отзывы об этой книге по адресу: 103160, Москва, К-160.

CIA

CIA

90 к.